

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САМАРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ АКАДЕМИКА С.П. КОРОЛЕВА»
(САМАРСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ (БЕС)ПОРЯДОК:
ИСТОРИЧЕСКИЕ, ПОЛИТИЧЕСКИЕ, ПРАВОВЫЕ,
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ, ГУМАНИТАРНЫЕ
И СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ

*СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ ВСЕРОССИЙСКОЙ
НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ
(25-26 ноября 2021, Самара)*

Под общей редакцией А.Ю. Нестерова

Одобрено редакционно-издательским советом федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева»

САМАРА
Издательство Самарского университета
2022

ISBN 978-5-7883-1782-3
© Самарский университет, 2022

УДК 327
ББК 66.4
М433

Рецензент д-р ист. наук, доц. С. Г. М а л к и н

Редакционная коллегия:

доктор философских наук А.Ю. Нестеров (общая редакция); кандидат исторических наук А.Б. Окунь;
кандидат экономических наук М.В. Михейкина;
кандидат педагогических наук В.Г. Рощупкин

М433 **Международный (бес)порядок: исторические, политические, правовые, экономические, гуманитарные и социально-культурные аспекты:** сборник материалов всероссийской научной конференции с международным участием (25-26 ноября 2021, Самара) / под общей редакцией А.Ю. Нестерова; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Самарский университет. – Самара: Издательство Самарского университета, 2022. – 1 CD-ROM (2,9 Мб). – Загл. с титул. экрана. – Текст: электронный.

ISBN 978-5-7883-1782-3

В сборник включены материалы пленарных и секционных докладов всероссийской научной конференции с международным участием «Международный (бес)порядок: исторические, политические, правовые, экономические, гуманитарные и социально-культурные аспекты», организованной социально-гуманитарным институтом Самарского университета и проходившей 25-26 ноября 2021 года в Самарском университете.

Тексты докладов публикуются в авторской редакции.

УДК 327
ББК 66.4

Минимальные системные требования:
PC, процессор Pentium, 160 МГц;
Microsoft Windows XP; мышь;
дисковод CD-ROM; Adobe Acrobat Reader.

© Самарский университет, 2022

Текст публикуется в авторской редакции
Техническое редактирование А.В. Ярославцевой

Подписано для тиражирования
15.09.2022. Объем издания 2,9 Мб.
Количество носителей 1 диск.
Тираж 11 дисков.

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САМАРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ АКАДЕМИКА С.П. КОРОЛЕВА»
(САМАРСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ)
443086, САМАРА, МОСКОВСКОЕ ШОССЕ, 34.

Издательство

Самарского университета.
443086, Самара, Московское шоссе, 34.

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО	8
СЕКЦИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ «МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЭПОХУ ТУРБУЛЕНТНОСТИ: ВЫЗОВЫ, ВОЗМОЖНОСТИ, ПЕРСПЕКТИВЫ»	
Шенин С.Ю. США и глобальный «зеленый транзит»: внутренние и внешние аспекты.....	9
Заикина В.М. Попытки реформирования ООН – угроза современному мировому порядку или стремление к его восстановлению?	14
Sarpong R.O. The concept of sovereignty and non-interference: a complex concept that undermines the United States – Russia relations.....	18
Алексян А.С. Американско-китайское соперничество на Балканах: состояние и перспективы.....	26
Ишкулова Р.Р. Политическое противостояние США и Венесуэлы в период с 1998 по 2019 гг.....	30
Новиков А.А. Неядерный аспект американско-иранского противостояния.....	34
Муньос Т.Х. Современная ситуация с правами этнических меньшинств в Иране.....	39
Николаева П.А. Эволюция внешнеполитических приоритетов Великобритании в XXI веке.....	42
Гусак Ю.М. Брексит: британский феномен или крайняя форма проявления общеевропейской тенденции?	45
Цыплина Т.А. Взгляд Франции на концепцию Индо-Тихоокеанского региона.....	50
Таран Е.А. Проблемы и перспективы европейской интеграции с развитием цифровой дипломатии в период пандемии и пост-пандемии Covid-19.....	54
Климов С.Л. COVID-19. Ответственность – панацея от вируса.....	57
Белашенко Д.А., Шоджонов И.Ф. Политизация ЕАЭС: возможные риски и последствия для Евразийской интеграции.....	60
Золотарев Ф.Е. «Зонтичная» парадипломатия региона: опыт Свердловской области.....	63
Балюк О.И. «Китайский след» в захвате Афганистана талибами.....	67
Рогодев И.В. Влияние экономических санкций Запада на экономику России.....	70
СЕКЦИЯ ЮРИСПРУДЕНЦИИ «МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И МИРОВОЙ ПОРЯДОК В 21 ВЕКЕ»	
Петрунина А.А., Розенцвайг А.И. Правовое регулирование результатов интеллектуальной деятельности, создаваемых в космическом пространстве.....	73
Коньгин Р.А. Конвенция о регистрации объектов, запускаемых в космическое пространство: предпосылки и исторический контекст.....	75

Гудков Н.В. Защита прав учредителей коммерческих банков в практике Европейского суда по правам человека.....	79
Кукеев А.К. Проблемы международно-правового сотрудничества в сфере борьбы с киберпреступностью в Республике Казахстан.....	82
Бизяев К.Д. Правовые аспекты формирования комфортной городской среды.....	85
СЕКЦИЯ ЭКОНОМИКИ «АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ИЗМЕНЕНИЯМИ В ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ: МЕЖДУНАРОДНЫЙ И РОССИЙСКИЙ ОПЫТ»	
Скирко М.О. Шеринг-сервисы как новые формы доверия: освоение новых смыслов и пространств в эпоху турбулентности.....	88
Михейкина М.В. Взаимосвязь организационной резильентности и устойчивости в условиях неопределенности.....	93
Марков А.Д. Привлечение инвестиций в экономику: российский и зарубежный опыт.....	98
Ивашенко А.В. Проблемы адаптации организаций малого и среднего бизнеса к пандемическим ограничениям.....	102
СЕКЦИЯ СОЦИОЛОГИИ «МОЛОДЕЖЬ В УСЛОВИЯХ ПОСТФОРДИЗМА: ЖИЗНЕННЫЕ ПРОЕКТЫ, СТРАТЕГИИ, ИДЕНТИЧНОСТИ»	
Бочаров Ю.В. Стратегии трудового поведения российской молодежи нового рабочего класса.....	106
Абелева В.А. Поколение «zero waste» и новые практики: тренд на устойчивую моду.....	111
Губанова Т.С. «Пол» и «гендер» в системах современного школьного образования США и России. Глобальные тенденции и локальные особенности.....	116
Дилигенский А.В. Перекомпоновка города в эпоху постфордизма: от философии к урбанистике.....	120
Затлер М.Е. Этнический подкаст как жизненный проект и стратегия репрезентации идентичности: подкаст «Кишмир Интухес»	124
Лемаев Т.В. Пермский звериный стиль: между порядком и хаосом.....	128
Токмакова П.Д. Формирование гражданской идентичности в СССР (на материалах изобразительного искусства)	131
СЕКЦИЯ ИСТОРИИ «ПОРЯДОК ВНУТРЕННИЙ И ПОРЯДОК МЕЖДУНАРОДНЫЙ: ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЕ КРИЗИСЫ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ КОНФЛИКТЫ В ИСТОРИИ»	
Бажанова А.А. Духовная жизнь китайского общества в период политической раздробленности (III–VI вв.)	135
Осипов К.С. Дворянство Франконии в эпоху Реформации и концепция «справедливой войны». Постановка проблемы.....	139
Русланова А.В. «Оберлинский колледж в США: развитие общественных отношений в середине XIX века»	143

Баранова П.Э. Битва при Вундед-ни и дальнейшая борьба индейцев за свои права.....	147
Зиновьева Ю.А. Женское население Российской империи в борьбе за свои права в начале XX века.....	151
Мурзаков Н.А. Проблемы международной безопасности в эпистолярном наследии русской эмиграции.....	154
Протасова А.В. Школа как площадка для пропаганды атеизма и антирелигиозной пропаганды в 1920-е гг. (на материалах Самарской губернии)	157
Алексеев Е.В. Самопрезентация советскости через призму международных контактов в 1920–1930-е гг.	160
Афанасьева Д.А. Мужской образ в городской мемориальной культуре Северной Ирландии (1969–1998 гг.).....	164
Абрашкин С.Н. Политическая позиция губернаторов Поволжья в правительственном и финансовом кризисе 1998 года в России (на материалах Самарской и Саратовской областей)	167
Баклыков М.С. Конфликтный потенциал территории: опыт анализа ситуации в Южном Судане и прилегающих регионах посредством ГИС.....	171
СЕКЦИЯ ФИЛОЛОГИИ «ДИНАМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЯЗЫКЕ, ИСКУССТВЕ, КОММУНИКАЦИИ: СИСТЕМНЫЕ И АСИСТЕМНЫЕ ФАКТОРЫ»	
Веденёва Ю.В. Заглавия современной англоязычной литературы как отражение динамических процессов в языке и обществе.....	176
Коржукова Е.С. Внутриполитические кризисы и международные конфликты как спутники личных трагедий: по мотивам современной испанской литературы.....	179
Гайнутдинова А.А. Особенности окказиональной метонимии в рекламном тексте.....	184
Селезнева Ю.С. Динамические процессы в системе номинации кинофильмов Великобритании и США.....	188
Веденёва Ю.В., Фадеева А.А. Заглавия современной английской фантастики как отражение динамических процессов в языке и обществе.....	193
Алфалки С.К. Варьирование образа ребёнка в речи как средства характеристики другой реалии.....	195
Самоварнова А.С. Образная репрезентация зрения в русском языке: традиционные и нестандартные метафоры.....	199
Рыжкова О.А. Музейный медиадискурс: текст vs комментарий.....	202
СЕКЦИЯ ПСИХОЛОГИИ «ПСИХОЛОГИЯ МНОГОМЕРНОЙ РЕАЛЬНОСТИ: МИР И ВРЕМЯ КАК ПРОСТРАНСТВО ДЛЯ ТВОРЧЕСТВА И ОСВОЕНИЯ»	
Зорина С.В., Шигаева Н.В. Социальная перцепция группы в зависимости от количества и валентности экспрессивных лиц.....	207
Бадаева А.М. Влияние эмоций на доверие к партнёрам.....	210

Гудзовская А.А., Добрынина Е.И. Влияние прайминга на социальную идентичность.....	213
Горбачева А.В. Проблемы профилактики профессионального выгорания преподавателей и специалистов помогающих профессий.....	215
Вяцкова Э.М. Связь идентичности с креативными способностями.....	220
Плотникова А.Л. Связь психологической суверенности со стилем вождения.....	223
Голикова Ю.С. Связь профессионального стресса и вовлеченности у торговых представителей.....	227
Иванова М.И. Взаимосвязь эмоционального интеллекта и социального статуса у школьников подросткового возраста.....	230
Кулакова М.А. Влияние улыбки Дюшена на психологическое здоровье и межличностные отношения.....	233
Моисеева Е.Н. Феномен интоксикации психологическими знаниями.....	238
Муртазина Д.Р. Классификация образов представления при фантазировании с опорой на текст.....	243
Нищук К.О. Системный семейный тест Геринга.....	247
Рощупкин В.Г. Методы изучения кросс-культурного потенциала студента.....	249

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Соифер Виктор Александрович

*профессор, доктор технических наук, академик Российской академии наук,
президент Самарского национального исследовательского
университета имени академика С.П. Королева*

Конференция, которую проводит Самарский университет, посвящена крайне актуальной теме трансформации мирового порядка, происходящей в последние десятилетия. Безпрецедентные по масштабам и скорости протекания перемены затрагивают все стороны жизни общества, провоцируют кризисы и конфликты, порождают экономические проблемы, социальные фрустрации, качественные изменения в социокультурной сфере. Турбулентные процессы в международных отношениях усугубляются глобальными вызовами, такими как климатические изменения и пандемия COVID-19. Ответ на эти вызовы и угрозы требует глубокого междисциплинарного экспертного анализа происходящих процессов, изучения их различных аспектов и возможных последствий.

Именно с этим связана инициатива Самарского университета провести конференцию, в ходе которой предполагается обсуждение комплекса проблем эволюции современного миропорядка. Особенностью этой конференции является участие в ней наряду с признанными экспертами молодых исследователей (студентов, магистрантов, аспирантов), представляющих вузы различных регионов России и ближнего зарубежья. Самарский университет заинтересован в том, чтобы эта конференция стала ежегодной, а состав ее участников, как с точки зрения географического, так и тематического представительства, расширился, придав ей статус международной. Такого рода форумы, возможность участия в дискуссиях на самые актуальные темы является прекрасной школой для молодых ученых и форматом коммуникации для экспертов.

В связи с этим хочется выразить надежду на то, что эта конференция займет достойное место среди научных мероприятий и внесет свой вклад в развитие социально-гуманитарного знания в нашей стране.

Viktor A. Soifer

*Professor, Doctor of Technical Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences,
President of Samara National Research University*

СЕКЦИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
**«Международные отношения в эпоху турбулентности:
вызовы, возможности, перспективы»**

УДК 327

Шенин С.Ю.

*доктор исторических наук,
профессор кафедры международных отношений
и внешней политики России
Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н.Г. Чернышевского*

**США И ГЛОБАЛЬНЫЙ «ЗЕЛЕНый ТРАНЗИТ»:
ВНУТРЕННИЕ И ВНЕШНИЕ АСПЕКТЫ**

Аннотация. Статья посвящена анализу климатической политики администрации Дж. Байдена. В контексте отношения к проблеме изменения климата администраций Б. Обамы и Д. Трампа автор изучает успехи, препятствия и неудачи на этом пути текущего американского руководства. Особое внимание при этом уделяется противоречиям внутри Демократической партии по вопросу экологической политики между центристами и сторонниками стратегии «зеленого нового курса», а также жесткой оппозиции республиканских фракций. Делается вывод о том, что отсутствие политического консенсуса в Вашингтоне может на долгое время стать серьезным препятствием для ускоренного «зеленого транзита» как в США, так и в мировой экономике.

Ключевые слова: изменение климата, Парижская конференция, администрация Дж. Байдена, Демократическая партия, Республиканская партия, прогрессисты, центристы, консерваторы, неоконсерваторы.

Как известно, президентство демократа Дж. Байдена отмечено самым активным вниманием к проблеме климатических изменений. Эта проблема превратилась в одно из наиболее конфликтных направлений американской внутренней и внешней политики. При этом масштабы этого конфликта начали проявляться в период президентства Б. Обамы, который инициировал «Климатический план действий», включавший в себя поощрение использования альтернативных видов топлива, запрет на разработку ископаемого топлива в национальных парках, строительство трубопровода Keystone XL. Венцом этой политики стало подписание в 2015 г. Парижского климатического соглашения [1].

Тем не менее, процесс «зеленого транзита», который был инициирован Б. Обамой, был неожиданно остановлен Д. Трампом. При этом республиканец утверждал, что не верит в климатические угрозы, он вышел из Парижского соглашения, активно поддерживал индустрию ископаемого топлива, продвигал Keystone XL и т.п. [2].

Сменив Трампа, президент Дж. Байден продолжил климатическую политику Б. Обамы. Он опять остановил трубопровод Keystone XL и начал внутренние реформы, которые включают в себя указы по ужесточению требований к экологической экспертизе крупных

проектов, формированию стандартов на выброс метана, прекращение бурения новых нефтяных и газовых скважин на федеральных землях, сворачивание субсидий на ископаемое топливо и замену их стимулами для активизации производства «чистой энергии», а также продвижение инфраструктурного законопроекта стоимостью один триллион долл.

Тем не менее администрация Байдена сталкивается с серьезным сопротивлением на многих направлениях. Так, около полутора десятков штатов, которые полагаются на доходы от ископаемой энергетики (Техас, Оклахома, Луизиана, Миссисипи и другие), успешно оспорили в судах указы о запрете бурения новых скважин на федеральных землях. Кроме того, не удалось включить подавляющее большинство своих климатических инициатив по сокращению углеродных выбросов в двухпартийный инфраструктурный законопроект, поскольку у демократов на данный момент очень слабое преимущество в обеих палатах Конгресса, особенно в Сенате [3].

Климатическая активность Байдена на международной арене началась с возвращения США в Парижское соглашение. Кроме того, уже в апреле 2021 г. администрация сумела провести климатический саммит, который продемонстрировал ее готовность восстановить статус Америки как лидера борьбы за чистоту окружающей среды. Однако этому лидерству препятствует скрытая оппозиция таких экологически проблемных стран, как Индия, Китай, Индонезия, поскольку в Парижском соглашении отсутствует механизм контроля или принуждения к выполнению обязательств [4].

Кроме того, международным сообществом, прежде всего странами Запада, не выполняются положения «зеленого климатического фонда» для помощи слаборазвитым странам в деле адаптации к изменениям. Хотя в Париже в 2015 г. речь шла о необходимости собрать 100 млрд долл. к 2020 г., однако собрано было не более 10 млрд долл [5].

Наконец, американскому климатическому лидерству препятствуют непоследовательность экологической политики, срывы курса, неспособность демократов добиться ратификации Парижского соглашения в Сенате США. Лидеры многих стран не доверяют Байдену полностью в вопросе климатической политики, и их будет трудно убедить использовать те новые модели развития на базе борьбы с климатическими изменениями, которые предлагаются Америкой.

В первую очередь, такое отношение к «американскому лидерству» сказалось на результатах работы 26-й конференции сторон под эгидой ООН. Например, там шла речь не о прекращении, а только о сокращении использования угля как главного источника CO₂ на планете, не было дано гарантий выделения ежегодно 100 млрд долл. для «зеленого перехода» развивающихся стран, и т.д. [6].

Очень серьезно климатическую политику в США тормозит раскол в самой Демократической партии, где умеренным центристам Байдена противостоит левое прогрессистское крыло, возглавляемое Берни Сандерсом. Теоретической платформой их активности стала программа «Зеленого нового курса» (ЗНК), которая представляет собой «дорожную карту» по предотвращению глобальной климатической катастрофы.

В ней говорится, что цель обеспечения «чистого нуля» в Америке должна быть достигнута уже к 2030 г. путем полного перехода на возобновляемые источники энергии. Одновременно подчеркивается необходимость достижения всеобщей «экологической справедливости» за счет государства, включая полную ликвидацию безработицы, обеспечение всеобщего здравоохранения, бесплатного образования и т.д. В целом, программа «Зеленого но-

вого курса» совмещает в себе радикальные климатические и, фактически, революционные для Америки социальные ориентиры [7].

В то же время, центристская климатическая платформа Байдена выглядит более умеренно. Так, достижение «чистого нуля» выбросов предусматривалось к 2050 г., а не 2030 г. Для этого предполагается частичное использование таких рыночных инструментов, как углеродный налог, торговые льготы и т.п., а не только использование прямых финансовых рычагов правительства. – всеобщее здравоохранение, федеральные гарантии занятости, прощение долгов за образование [8].

Уже к лету 2021 г. сторонники «Зеленого нового курса» стали проявлять недовольство тем, что президент Байден недостаточно активен на «зеленом фронте», что умеренное ядро Демократической партии старается дистанцироваться от ЗНК. При этом в адрес центристов вполне отчетливо звучат обвинения в коррупции, в стремлении найти общий язык с «углеродными корпорациями» [9].

Однако самым серьезным препятствием для администрации является бескомпромиссное сопротивление республиканцев «зеленому переходу». Последние способны остановить любые законодательные инициативы демократов даже в Сенате. Видимо, как считают сами демократы, будет очень сложно преодолеть «климатический тупик» в Конгрессе [10].

Группировка консерваторов в основном предопределяет точку зрения Республиканской партии по рассматриваемой проблеме. Представители данной фракции в целом не возражают против того, что климатические изменения имеют место быть и что они носят антропогенный характер. Однако они подчеркивают, что базовые тенденции развития климатического кризиса в XXI веке демократами фальсифицируются. При этом вероятные сценарии развития событий изображаются более жесткими, чем они могут быть в реальности [11].

Консерваторы подчеркивают, что такого рода фейки изготавливаются учеными системно с целью запугивать население и продвигать экстремистскую климатическую политику Байдена. При этом администрацией открыто ставится главная цель – выдавить ископаемое топливо с рынка через искусственное снижение его конкурентоспособности. Для этого, например, в Конгрессе готовится закон об углеродном налоге на импортные товары [12].

Демократы Байдена обвиняются консерваторами также в том, что они «сознательно ставят перед собой задачу изменить модель экономического развития, которая господствовала по меньшей мере 150 лет, начиная с промышленной революции», что приступили к «систематическому демонтажу капитализма как ключевому условию для поддержания цивилизации и обитаемости планеты» [13].

Главный рецепт, при помощи которого консерваторы собираются решать проблему изменения климата, заключается в необходимости не мешать рыночным силам, устранить барьеры на пути инноваций и более чистых энергетических проектов. Только бизнес может сделать США лидером по сокращению выбросов и приведет к большему процветанию [14].

В отличие от консерваторов, их однопартийцы из фракции неоконсерваторов призывают ещё жестче отнестись к «зеленому транзиту». Они критикуют своих коллег по партии, включая Д. Трампа, за пренебрежительную риторику по климатической проблеме без серьезной научной аргументации, что позволило СМИ навесить на всю Республиканскую партию ярлык пустых «отрицателей», а демократам присвоить высокий титул «партии науки».

Аналитики неоконсервативной ориентации призывают внимательнее посмотреть на научные данные о том, что климатические изменения в огромной степени зависят от природных явлений, таких, как циклические колебания солнечной активности, тридцатилетние

циклы в Тихом океане, восьмидесятилетние циклы в Атлантическом океане и т.д. Планета стала системно нагреваться с середины XIX в. после окончания «Малого ледникового периода». В рамках этого процесса выделяются периоды потепления, которые нельзя объяснить растущей концентрацией парниковых газов [15].

Неоконсерваторы также не согласны с антропогенным характером текущих климатических процессов. По их мнению, значение деятельности человечества скорее всего настолько мало, что борьба с выбросами приведет к ничтожным результатам с точки зрения остановки потепления и при этом к гигантским экономическим потерям. Поэтому климатические изменения нужно оставить в покое, а сфокусировать национальные ресурсы на экономическом развитии и адаптации человечества к грядущим климатическим трансформациям [15].

В заключение можно сказать, что демократы во главе с Байденом перенесли фокус своей внутренней и внешней политики на климатические изменения для того, чтобы ослабить внутренних конкурентов из Республиканской партии через лишение их источников влияния в традиционной сфере невозобновляемой энергетики, а также сохранить глобальное экономическое лидерство. Хотя этот тренд явно может стать долгосрочным, тем не менее на данном этапе перспективы его реализации в США и на международной арене достаточно туманны в силу отсутствия консенсуса по данному вопросу не только между демократами и республиканцами, но и внутри обеих партий.

Список литературы и источников

1. McCarthy J. 7 Ways Obama Helped Protect the Planet From Climate Change. January 18, 2017. Available at: <https://www.globalcitizen.org/en/content/7-of-obamas-biggest-climate-change-victories/> (accessed 15.08.2021).
2. Gross S. What is the Trump administration's track record on the environment? // Brookings Institution. August 4, 2020. Available at: <https://www.brookings.edu/policy2020/votervital/what-is-the-trump-administrations-track-record-on-the-environment/> (accessed 15.08.2021).
3. Eberhart D. President Biden's Climate Plan Is More Revolution Than Transition // Forbes. July 3, 2021. Available at: <https://www.forbes.com/sites/daneberhart/2021/07/03/president-bidens-climate-plan-is-more-revolution-than-transition/?sh=56d770e459ec> (accessed 15.08.2021).
4. Lomborg B. Impact of Current Climate Proposals // Global Policy. Volume 7, Issue 1 (February 2016). P. 109-118.
5. Trump transcript on Paris climate deal exit // Financial Times. June, 2 2017. Available at: <https://ig.ft.com/trump-paris-agreement-speech-annotator/> (accessed 15.08.2021).
6. COP26: China agrees to 'ambitious' climate action plan with US // DW. November 10, 2021. Available at: <https://www.dw.com/en/cop26-china-agrees-to-ambitious-climate-action-plan-with-us/a-59783112> (accessed 15.08.2021).
7. U.S. Senate. A resolution recognizing the duty of the Federal Government to create a Green New Deal. February 7, 2019. Available at: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/senate-resolution/59/text> (accessed 15.08.2021).
8. Weissmann J. Joe Biden Is Campaigning on the Green New Deal, Minus the Crazy // Slate. July 15, 2020. Available at: <https://slate.com/business/2020/07/joe-bidens-climate-plan-is-the-green-new-deal-minus-the-crazy.html> (accessed 15.08.2021).
9. Aronoff K. Democrats' Fear of the Green New Deal Is Tearing the Party Apart // The New Republic. November 20, 2020. Available at:

<https://newrepublic.com/article/160307/democrats-fear-green-new-deal-tearing-party-apart> (accessed 15.08.2021).

10. Gross S. Republicans in Congress are out of step with the American public on climate // Brookings Institution. May 10, 2021. Available at: <https://www.brookings.edu/blog/planetpolicy/2021/05/10/republicans-in-congress-are-out-of-step-with-the-american-public-on-climate/> (accessed 15.08.2021).

11. Loris N. 4 Problems With the New Climate Change Report // Heritage Foundation. November 27, 2018. Available at: <https://www.heritage.org/environment/commentary/4-problems-the-new-climate-change-report> (accessed 15.08.2021).

12. Moore S. Follow the (Climate Change) Money // Heritage Foundation. December 18, 2018. Available at: <https://www.heritage.org/environment/commentary/follow-the-climate-change-money> (accessed 15.08.2021).

13. Loris N. Climate Alarmists Admit They Want to Dismantle Our Free-Enterprise System // Heritage Foundation. October 11, 2018. Available at: <https://www.heritage.org/environment/commentary/climate-alarmists-admit-they-want-dismantle-our-free-enterprise-system> (accessed 15.08.2021).

14. Loris N. On Climate Change, Government-Centric Approach Will Hurt U.S.A. With Unintended Consequences // Heritage Foundation. January 28, 2021. Available at: <https://www.heritage.org/environment/commentary/climate-change-government-centric-approach-will-hurt-usa-unintended> (accessed 15.08.2021).

15. Zycher B. The case for climate change realism // National Affairs. June 21, 2021. Available at: <https://www.nationalaffairs.com/publications/detail/the-case-for-climate-change-realism> (accessed 15.08.2021).

Шенин Сергей Юрьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений и внешней политики России Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского. E-mail: shenins@yahoo.com

Sergey Shenin

*Dr., Professor, The Department of International Relations and Foreign Policy of Russia
Saratov National Research University*

The USA and the global "green transit": internal and external aspects

Abstract. The article analyzes the climate policy of the Joe Biden's administration. In the context of B.Obama and D.Trump administrations' attitude to climate change, the author examines successes, obstacles and failures of the current US leadership in this sphere. Particular attention is paid to the contradictions within the Democratic Party on the issue of ecological policy between the centrists and the supporters of the «green new course» strategy, as well as the tough opposition of the Republican faction. The author concludes that the absence of a political consensus in Washington may become a serious obstacle to the accelerated «green transit» for a long time both in the USA and in the world economy.

Keywords: climate change, the Paris conference, the administration of Joe Biden, the Democratic party, the Republican party, Progressives, Centrists, Conservatives, Neoconservatives.

ПОПЫТКИ РЕФОРМИРОВАНИЯ ООН – УГРОЗА СОВРЕМЕННОМУ МИРОВОМУ ПОРЯДКУ ИЛИ СТРЕМЛЕНИЕ К ЕГО ВОССТАНОВЛЕНИЮ?

Аннотация. В данной статье рассматривается процесс реформирования ООН, обусловленный различными недостатками данной организации в современной системе международных отношений. Автор утверждает, что наибольшие противоречия вызывают вопросы по реформированию Совета Безопасности ООН. Указывается, что еще больший урон по авторитету универсальной организации нанесла политика Д. Трампа. Автор приходит к выводу о том, что вследствие отсутствия всеобъемлющих изменений ООН сегодня сталкивается с «кризисом доверия», что в целом ставит под сомнение ее существование, а значит – и весь принцип современного мироустройства.

Ключевые слова: ООН, реформы, Совет Безопасности ООН, миропорядок, национальные интересы.

Кардинальные перемены конца 20 века в системе международных отношений выявили необходимость пересмотра её основных принципов. Изменилась и роль Организации Объединённых Наций, созданной в 1945 году для мирного разрешения конфликтов и содействия глобальному, многостороннему сотрудничеству. В 2020 году ООН отметила свою 75-ю годовщину, которая приходится на время беспрецедентной нагрузки на структуру международных институтов. В это время потрясений и изменения соотношения сил на мировой арене, в условиях пандемии и перед лицом угрозы изменения климата дискуссии о том, как реформировать и укрепить Организацию Объединённых Наций и её органы, как никогда актуальны. Однако, невольно возникает вопрос о том, как изменится мировой порядок при реализации данных реформ и какое место в нём займёт ООН?

С одной стороны, мировое сообщество осознаёт необходимость определённых реформ универсальной организации для повышения её престижа, более эффективного функционирования в рамках современных реалий. С другой стороны, реформирование ООН – это долгий и сложный процесс законодательных преобразований, который должен быть всеобъемлющим и реализовываться в рамках межправительственного диалога [8, с. 52]. Нельзя не признать, что осуществлению данного процесса препятствует разное видение государств, руководствующихся своими национальными интересами, на реформу ООН.

Самыми существенными недостатками ООН считается её излишняя бюрократизация и параллелизм в функциях многих структур. Но наиболее сложным является вопрос по реформированию Совета Безопасности. Так, с 2003 года Совет Безопасности ООН подвергается критике как орган, больше не имеющий какой-либо силы и не отражающий геополитические реалии, потому что его решения не были соблюдены Соединёнными Штатами во время иракского кризиса. Осуществление реформы по расширению Совета Безопасности за счёт постоянных и непостоянных членов способствовало бы более эффективному решению мировых проблем и налаживанию диалога между государствами [1, с. 59].

Например, Германия и Япония, фактически против агрессии которых и создавалась ООН, теперь имеют весомую роль в мировой политике, поэтому расширение Совета Безопасности в лице этих стран могло бы сделать работу организации более эффективной, учитывая мнение и других сторон, а не только «пятерки» Совбеза ООН, и способствовать более быстрому реагированию на проблемы безопасности. Однако данные инициативы блокируются такими странами как Россия, США и Китай, то есть постоянными членами органа. Предоставление права вето другим игрокам, вероятно, будет препятствовать принятию выгодных для постоянных представителей Совета Безопасности решений и угрожать сохранению посредством ООН их глобальной значимости. Такая ситуация заведомо противоречит концепции ООН о том, что «Организация основана на принципе суверенного равенства всех ее Членов» [5, с. 15].

Универсального решения, которое могло бы получить максимально широкое согласие, на сегодняшний день пока не выработано. Кроме того, для выработки окончательной реформы еще не сложился консенсус в региональных группах относительно стран, которые претендуют на постоянное членство в Совете безопасности. Безусловно, расширение Совета представляется необходимым с точки зрения более адекватного отражения позиции мирового сообщества, но, с другой стороны, может негативно сказаться на эффективности работы Органа. Простое увеличение числа членов Совета Безопасности, особенно постоянных, без каких бы то ни было изменений процедуры принятия решений приведет к большему замедлению всей системы и превращению Совета в дискуссионный клуб [6, с. 6]. За более чем 75 лет существования Организации стало ясно, что ситуация, в которой все члены ООН имеют равные полномочия, не реалистична, так как количество государств, желающих, чтобы их голос был решающим, практически равно всем членам ООН, а вот стран, которые действительно могут взять на себя ответственность и имеют для этого достаточно ресурсов, не так много.

Разное представление государств о реформе ООН значительно осложняет попытки повышения глобального престижа Организации, несмотря на то, что 18.09.2017 года во время мероприятия высокого уровня по реформе ООН более 120 государств-членов подписали политическую декларацию из десяти пунктов, выражающую их приверженность программе реформ Генерального секретаря Антонио Гуттериша [9]. В частности, он сосредоточился на реформах в трех областях: децентрализация Секретариата ООН и обеспечение большей гибкости управления; система развития ООН и гуманитарный сектор; и архитектура мира и безопасности ООН (уменьшение фрагментации усилий и обеспечение более сплоченного, комплексного подхода к выполнению мандатов) [2]. Тем не менее данные предложения являются достаточно размытыми и не способны серьезно реабилитировать авторитет ООН.

Значимый урон по межгосударственному сотрудничеству, особенно в период пандемии коронавируса, нанесла политика Д. Трампа по отношению к ООН. Уже в 2017 году он был намерен сократить финансирование целого ряда учреждений всемирной организации, так как США, по мнению президента, несли несправедливое и непропорционально тяжёлое бремя спонсирования ООН [3]. Вплоть до конца своего президентского срока Д. Трамп не отказывался от идей по реформированию ООН. Доказательством может служить заявление Д. Трампа в мае 2020 года о разрыве отношений с ВОЗ и полной остановке её финансирования ввиду невыполнения ультиматума США о реформировании данного учреждения всемирной организации. «Я не могу позволить, чтобы доллары американских налогоплательщиков продолжали финансировать Организацию, которая в своем нынешнем состоянии столь

явно не служит интересам Америки» [4], – так выразил Трамп свою позицию по отношению к ВОЗ. Иными словами, 45-й президент, исходя из своих взглядов, поднимает вопрос о «невыгодных» для США сделках. Такой шаг был раскритикован многими членами ООН и был оценен как унилатерализм и попытка размежевания международных усилий в то время, когда они особенно важны.

К тому же, при Д. Трампе США вышли из Парижского соглашения по климату 2015 года и таких структур ООН как ЮНЕСКО и СПЧ. Данные факторы не могли не отразиться на авторитете универсальной организации и поставили вопрос ее возможности в деле сохранения мира. Таким образом, несмотря на то, что ООН должна быть беспристрастным игроком на международной арене, всё же отдельные государства могут напрямую влиять на её политику.

Безусловно, нельзя сказать, что концепция ООН потерпела неудачу. Однако современная организационная структура ООН по-прежнему определяется ситуацией, сложившейся в мире после окончания Второй мировой войны. Вместе с тем, в последние десятилетия значительно выросли экономики развивающихся стран, произошли острые политические кризисы в разных регионах мира. Угрозы и вызовы миропорядку и безопасности изменились, также как и распределение сил между членами Организации. Идея о реформировании не только совместима с признанием исторической роли, сыгранной Организацией Объединенных Наций, но и подразумевает подтверждение ее важности и полезности сегодня. Вот почему так много стран выдвигают собственные проекты по реформам и предпринимают попытки создания системы, которая будет эффективнее функционировать в нынешнем политическом контексте [7, с. 3]. Реформированная с учетом современных особенностей мирового развития организация может и должна работать на благо всех её членов. Чем больше государств будет видеть пользу от участия в ООН, пока ещё не имеющей альтернатив, тем стабильнее будет система международных отношений.

Однако проекты реформ, выдвигаемые отдельным государством, призваны удовлетворить лишь его собственные интересы, а не мирового сообщества в целом. Несмотря на преобладающий дисфункциональный баланс сил, процесс реформирования ООН, проводимый в рамках межправительственных переговоров, не добился прогресса в течение десятилетий. Пока предложения по реформированию всемирной организации настолько не содержат конкретных задач и, следовательно, не реализуются, что ООН лишь продолжает терять свою значимость, а в условиях обострения мировой конкуренции за влияние и ресурсы такая ситуация угрожает существующему миропорядку. Концепция ООН сама по себе не позволяет допустить реализацию проекта, который подготовлен одной стороной и направлен на удовлетворение её интересов.

При обсуждении реформ среди членов ООН существует глубокая поляризация, поэтому ключевые решения либо блокируются, либо не принимаются во внимание. Из-за отсутствия всеобъемлющих изменений всемирная организация сегодня сталкивается с «кризисом доверия», что в целом ставит под сомнение ее существование, а значит – и весь принцип современного мироустройства. Недостаточно только признать важность реформ – необходимо и выработать общие пути и методы их осуществления. Катализатором сотрудничества, вероятно, будет расширение списка угроз безопасности и вызовов человечеству и миру, которое диктует необходимость коллективных усилий, в первую очередь, великих держав, в том числе в рамках более эффективного использования механизмов ООН. Особая ответственность, таким образом, должна лечь на постоянных членов Совета Безопасности. Если они осознают

серьезную опасность, с которой сталкивается ООН, и поддержат процесс реформ, требующих выхода за рамки их собственных интересов, для общего блага мира и его архитектуры миростроительства, то ООН будет значительно модернизирована.

Список литературы и источников

1. Злоказова Н. Е. Реформа Совета Безопасности ООН: основные сценарии и проблемы // Вестник ВГНА Минфина. 2008. № 2. С. 58–64.
2. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/72/532/Rev.2 от 7 ноября 2017 года [Электронный ресурс]. URL: <https://undocs.org/pdf?symbol=en/A/72/532/REV.2> (дата обращения: 25.01.2022).
3. Трамп считает, что расходы ООН вышли из-под контроля [Электронный ресурс]. URL: <https://politexpert.net/36063-tramp-schitaet-cto-rashody-oon-vyshli-iz-pod-kontrolya> (дата обращения: 24.01.2022).
4. Ультиматум Трампа [Электронный ресурс]. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/05/20/85459-ultimatum-trampa> (дата обращения: 24.01.2022).
5. Устав Организации Объединенных Наций (Сан-Франциско, 26 июня 1945 г.) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами, Вып. XII. М., 1956, С. 14-47.
6. Щербаков М.Ю., Щербаков Ю.В. Позиции Российской Федерации и Соединенных штатов Америки по вопросу реформирования организации Объединенных Наций: краткий сравнительный анализ // *Universum: общественные науки*. 2016. №12 (30). С. 4-10.
7. Bertrand M. Some Reflections on Reform of the United Nations. Geneva: Joint Inspection Unit, 1985.
8. Schlesinger S. Can the United Nations Reform? // *World Policy Journal*, 1997, Vol. 14, no. 3, pp. 47–52.
9. The UN Secretary-General's Reform Agenda: what is it, why is it important, what does it address, and where is the human rights pillar? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.universal-rights.org/blog/un-secretary-generals-reform-agenda-important-address-human-rights-pillar/> (дата обращения: 25.01.2022).

Varvara M. Zaikina

Saratov National Research University

Attempts to reform the United Nations – a threat to the modern world order or a desire to its restoration?

Abstract. The article outlines reforming process of the UN conditioned by the various deficiencies of the organization in contemporary system of international relations. The author argues that the most controversial issues are aroused by the reforms of the United Nations Security Council. It is stated in the article that Trump's policy caused the greater damage to the authority of the organization. The author concludes that the UN may face a crisis of confidence due to the absence of comprehensive changes that challenges its existence and hence the whole principle of the world order.

Keywords: UN, reforms, UN Security Council, world order, national interests.

**THE CONCEPT OF SOVEREIGNTY AND NON-INTERFERENCE:
A COMPLEX CONCEPT THAT UNDERMINES
THE UNITED STATES - RUSSIA RELATIONS**

Abstract. The principle of sovereignty, that is of supreme authority within a territory, is a pivotal principle of modern international law and political science. In contemporary times its definition, application and respect have been changing across historical and political contexts and has also been heavily contested at any given time and space. This work looks at its various conceptions, a critical explanation of its political and international relations and an analysis of its current regime under international relations; and, on the other, a discussion of its contentious relationship to human rights and democracy and an assessment of some of the specific difficulties it raises for international relations particularly that of the United States and Russia. It concluded that the modern principle of sovereign equality itself needs to be revisited in light of a complex approach to political equality and the heterogeneity of the subjects thereof.

Keywords: sovereignty and non-interference, state, equality, United States, Russia, supreme authority

Introduction

In contemporary times, political scientists and scholars have differed on the interpretation of states behavior. One of such issues in contention is state sovereignty and non-interference, which dates back thousands of years. Scholars of political science and international law have argued that recent sovereignty predates the 1648 Peace of Westphalia. Typically defined as the exclusive entitlement of state authorities to govern a bounded territory and the recognition of this right by other actors. The formation of the United Nations in 1945 to promote peace and cooperation among states; the collapse of the Soviet Union in 1991; and globalization created more sovereign states and in effect eroded state sovereignty. In contemporary times, state actions such as the fervent call for economic nationalism and an embrace of protectionism, political chauvinism, isolationism, reassertion of strict border controls, reversal of previous international commitments, and an expansive range of discriminatory measures against outsiders' nationalism and boycott of international trade has caused many to pause and think. Leaders of countries such as Russia, the United States and Great Britain are becoming more hostile and calling for countries to respect their internal laws and policies.

In Africa, the principle of sovereignty by its mere definition was strongly echoed by the late President of Ghana, John Evans Atta Mills. He used the term, "Dzi Wu Fie Asem" when he was asked about the 2010 election issues in Ivory Coast and Economic Committee of West Africa States (ECOWAS), decision to send troops to Ivory Coast to oust Laurent Gbagbo and install Alassane Dramani Ouattara as president. Most researchers believe that States are reasserting the traditional

state sovereignty [1]. Most recently, the term was used by Donald Trump in his campaign, where he calls for “America First”. In Great Britain it featured immensely in their campaign to withdraw from the European Union. In Europe, leaders of Hungary and Poland have restricted European Union policies on migrants [2]. Governments around the world are becoming more hostile and building stronger barriers against international/external actions.

This work pays more attention to the notion of state sovereignty and non-interference, particularly in relations between the United States and Russia. It argues that the concepts of sovereignty and non-interference in international law and relations continue to downplay relations between the United States and Russia. Thus, it seeks to examine the concepts of sovereignty and non-interference; the problems associated with arriving at the true meaning of sovereignty factoring in the protection of human rights over the protection of state and finally to evaluate the extent of respect for sovereignty and non-interference principles. This would add on to the knowledge of the concept of sovereignty and throw more light on its application.

United States-Russia Relations

Relations between the United States and Russia were formally established in 1809. Although relations broke down due to internal and external happenings, on December 25, 1991, the United States recognized the Russian Federation as the successor to the Soviet Union and established diplomatic relations on December 31, 1991. The essence of establishing diplomatic relations between countries is typically to ensure that affairs between them are conducted peacefully (Berridge,2014) [3]. These affairs may range from the promotion of political, economic, cultural, or scientific relations. The United States and Russia have partnered on many occasions to bring relief and support to many countries facing abject poverty and conflicts. The U.S.-Soviet Alliance of 1941–1945 was a great alliance that secured the defeat of the Nazi Germany. The two countries have been able to use their mutual interest in the reduction of nuclear stockpiles and in February 2021, the two countries extended a crucial nuclear arms control treaty until 2026. Also, their cooperation has foiled many terrorist attacks and the growth of terrorist groups. While these partnerships have led to many successful outcomes, in contemporary times their relations have had a nosedive and continue unabated. Issues such as the accusation of Russia’s interference in the 2016 US presidential elections; the use of military force in Ukraine and the annexation of Crimea; the deployment of nuclear missiles in Europe; the NATO expansion controversy, the Skripals dilemma and the suspension of the Intermediate Range Nuclear Forces Treaty (INF) by both parties has further widens future relations. Realizing the existing challenges in United States-Russia relations, which normally arises from misunderstanding and lack of trust from both sides, this work notes that one area that continues to widen relations between the two countries is the misunderstanding in the application of state sovereignty and non-interference. Oftentimes, Vladimir Putin has been urging the United Nations and other countries, particularly the United States, to acknowledge the principle of state sovereignty and non-interference, which is rooted in international law. According to many scholars in the west, especially those in the United States, Russia’s understanding of sovereignty is one that secures the unaccountability of the elites for numerous violations of human rights in the country and the ability to question all its foreign obligations and treaties. To ascertain their position, they cited the passage of

the “foreign agents” and “undesirable organizations” laws limiting international—and especially Western—Non-governmental Organizations (NGOs) capacity in Russia.

Scholars have described this pent-up concern and criticism of Russia by the United States over its application of sovereignty and non-interference as Russia's retort to US actions in Iraq, Libya, Syria, and, most recently, Afghanistan. Second, the notion that major powers are deliberately using the concept of “humanitarian assistance” to destabilize smaller countries and interfere in their politics, amass wealth and introduce a form of governance alien to their origin. However, there are scholars who hold legitimate reasons for humanitarian and military interventions. To understand this fear and notion behind this, there is the need to examine the concepts of sovereignty and non-interference.

The Concept of Sovereignty and Non-Interference:

Several scholars have questioned and provided detailed accounts of sovereignty and the extent of state power. Notable amongst them is Gabriel Almond who noted the importance of sovereignty theory. So important is the theme of early years, Middle Ages, enlightenment and modernity. In the work of Jean Bodin (1529-1596) [4], his doctrine of absolutism as a solution to the problem of instability and disorder is formulated in the concept of state sovereignty associated with the ideology of an absolutist monarchy." Almond, who went on and believed, claiming to have been challenged by researchers of both the right and left in the late 20th century. Otto Gierke in Germany and Leon Duguit strongly questioned the authority and authority of the Central state. Some authors have noted the definition of sovereignty as the connection between a people and their leader, while others define it as the power of a leader in both domestic and external affairs or international politics. From the late 18th century and during the 19th century, the modern notion of sovereignty started diffusing into domestic practice throughout the globe. It is critical to examine international treaties and regional archives that have recognized the notion of sovereignty and have broadened its meaning to shed more light on this concept.

To begin with, most countries refer to the declaration on principles of international law concerning friendly relations and co-operation among States in accordance with the Charter of the United Nations which was adopted by the General Assembly on 24 October 1970 (resolution 26/25 (XXV)), during a commemorative session to celebrate the twenty-fifth anniversary of the United Nations (A/PV.1883) [5]. This declaration provides that, all states are equal; each state has inherent rights to full sovereignty; each state has the right to freely choose and develop its political, social, economic, and cultural system; each state has an obligation to respect the personalities of other states; each state's territorial integrity and political independence are inviolable; each state is required to fulfill its international obligations in full and in good faith, and to live in peace with others. Under the United Nations Charter, the idea of sovereign equality serves as a foundation for UN member states' collaboration.

Secondly, the final act of the conference on security and cooperation in Europe, which was signed in Helsinki in 1975, stipulates the same obligations and responsibilities as the declaration. It states that participating states will respect each other's sovereign equality and individuality, as well as all of the rights inherent in and encompassed by their sovereignty, including, in particular, every

State's right to juridical equality, territorial integrity, freedom, and political independence. They shall also respect each other's freedom to freely choose and develop their political, social, economic, and cultural systems, as well as their right to decide on their own rules and regulations. All participating States have equal rights and obligations under international law [6]. In light of the above, sovereignty clearly confers jurisdiction over the territory of participating nations, as well as some responsibilities and obligations [7]. The twentieth century has seen a tremendous transition from the classical form of sovereignty into a more sophisticated form that attracted a plethora of new conceptions and paradigms [8]. From advancements in technology to health and transportation, the beginning and the end of the 20th century brought improvements in our way of life and also challenges. Globalization drew the world closer together, making international trade more accessible. It also brought with it nationalism and border control. This continued into the 21st century with the rise of a global economy and Third World consumerism, deepening global concern over terrorism after September 11, 2001, terrorist attacks, rising pockets of conflicts, migration and increased private enterprise. These challenges in effect caused most countries to engage in protectionism practices such as economic nationalism and an embrace of protectionism, isolationism, reassertion of strict border controls etc. [10]. These periods also saw the rise in the call for the protection of rights. Rights as enshrined in the universal declaration of human rights which was drafted by representatives with different legal and cultural backgrounds from all regions of the world. If sovereignty was then the practice of absolute authority over a given territory but within the limits set by international law, which was mostly seen in the 21st century. By virtue of sovereignty, the state has not only rights but also duties under the international law, which limits the potential for abuse of power, both internally and in international relations. In that sense sovereignty has been defined by Reus-Smith to encapsulate the “constitutional” norms of international politics, including shared understandings about the attributes of legitimate statehood and the boundaries of their rightful behavior (Makinda, 1999) [11]. Similarly, states no longer consider the treatment of inhabitants of one state to be solely their affair. International human rights law is based on the premise that every individual's rights are the responsibility of the entire global society.

United States-Russia's Fuss Over Sovereignty

Having realized the definition of sovereignty and its various tenets such as the international promotion of human rights, this article would further attempt to understand the part of the concept of sovereignty negatively affecting United States-Russia relations. On the part of the United States, they understand sovereignty as defined as supreme authority over their territory and the respect for limits set by international law. The United States views Russia as a former super power, using its strength and arsenals to intimidate former soviet states. The United States perceive Russia as an authoritative state with an authoritarian leader who despises democracy and rules with an iron fist. As recounted by the Former Democrat presidential nominee Hillary Clinton, “President Putin is a leader of a white supremacist and xenophobic movement, working to weaken America’s traditional alliances and undermine democracy [12]. Secondly, the United States believes that the human rights situation in Russia continues to deteriorate. Rising levels of torture and cruel degrading treatment, freedom of expression, and especially sexual orientation and gender identity and election protests

continue unabated. These human rights abuses are not in conformity with international human rights law. Finally, oppression of political opponents and unfair treatment. The United States believes that Russia is no doubt aware of the obligations and duties that comes with sovereignty, but it chooses what is best for it. Torture and cruel degrading treatment are on the rise, as is freedom of expression, particularly in the areas of sexual orientation and gender identity [13], and election demonstrations. These violations of human rights are in violation of international human rights legislation. Finally, political opponents are oppressed and treated unfairly. Russia, according to the US, is well aware of the obligations and responsibilities that come with state sovereignty, but it chooses what is best for it. The US has underlined that Russia continues to construe the notion of sovereignty in such a way that it protects governments (states) from interfering in its domestic affairs and gives it the power to conduct these human rights violations and political repression. In essence, Russia uses the concept of sovereignty as a tool of oppression and abuse rather than protection.

On the part of Russia, the United States is a former super power policing the world. They believe that the collapse of the cold war created no single power and thus the United States has no authority and control in the internal affairs of sovereign states especially Russia. Russia believes that the concept of sovereignty is the act of refraining from interference into internal affairs, equality of people and mutual respect. They believe that they have put into place domestic measures and legislation compatible with their treaty obligations and duties and thus any entity or state that accuses Russia of interfering with or curtailing the enjoyment of human rights is one that seeks to interfere in its domestic policy. Russia believes that they have adopted constitutions and other laws which formally protect basic human rights. Secondly, the rising challenges of terrorism, migration and nationalism made maintaining the principle of sovereignty incompatible with international law. States were willing to take their own action on issues relating to terrorism and migration. The United States with no support from the United Nations invaded Iraq and Afghanistan to oust the Taliban, whom they said were harboring Osama Bin Laden and other al-Qaeda figures linked to the 9/11 attacks. Attacks in Libya by the North Atlantic Treaty Organization (NATO), human rights abuses in Guantanamo Bay are counter arguments that Russia provides to issues of human right abuses and thus, the strong call for non-interference in the domestic affairs of a state. Russia believes that the United States is a regime changing machinery and if allowed would cause chaos and instability in its domestic affairs. Thus, the passage of domestic laws such as the foreign agent and undesirable organizations law [14] to protect its sovereignty. Russia also believes that it has the right to protect its citizens as defined in international law. Thus, as noted by Sergey V. Lavrov, “the United States is not respecting Moscow’s good faith of eliminating the legacy of the cold war and have instead chosen reckless eastward NATO expansion” [15]. Finally, the issue of the promotion of human rights, particularly in the areas of sexual orientation and gender identity. Russia still wants universally accepted principles of international law to govern international affairs. Russia believes that with the UN Charter as its primary basis, the West has cemented the rules-based world order notion as opposed to universal principles of international law. Russia as a state believes that the factoring of new rights such as gay rights into international human rights law does not commensurate with consented based legal rules and thus its domestic law banning the propaganda of sexual relations

among minors do not contradict with international practice and thus any obligations under the article 2 of the UN Charter and the 1970 declaration on principles of international law concerning friendly relations and co-operation among States and international law.

Analysis and outcome

From the above, it could be deduced that historical variations of the concept of sovereignty differ in three main respects: the subject of sovereignty (person or function); the nature of sovereignty (absolute or limited); and the source of sovereignty (law-based or not). Clearly the two countries pay respect to the principle of sovereignty and non-interference and claim to abide by the duties and obligations provided in article 2 of the UN Charter, the 1970 declaration and international law. Nevertheless, the nature of sovereignty and the source of sovereignty is under contention. The United States believes it has limited sovereignty in the sense that it opens itself to criticism and upholds human rights regulations as stipulated in international human rights law and therefore domestic laws do not override its international obligations, especially laws on the protection of human rights. That is, it is limited based on self-consent-based legal rules.

Russia on the hand believes that it meets all the obligations provided by the UN Charter and the 1970 declaration. Russia believes in absolute sovereignty which is a more classical form of sovereignty. That is the respect for international law and what it obliges. Any issues and or obligations that fall far from the provisions of international law and the UN Charter is not acceptable and does not constitute part of the concept of sovereignty and non-interference. In the quest to protect their sovereignty, certain domestic laws override any international order or right that does not constitute part of international law and practice. Russia believes that it has in place laws that protect the rights of its people and guarantee them basic economic and social freedoms.

The concept of sovereignty and its application differs in the views of Russia and the United States. Several factors play into the application of sovereignty. Per the definitions above, and the reasons provided for the two countries, it makes it difficult for one to understand in contemporary times, the principle of sovereignty, its application and the extent of its usage. The growing competition of global competitiveness and influence makes the application and understanding of sovereignty more complex and would continue to negatively affect United States- Russia relations.

Conclusion

Sovereignty was designated as the independence and supreme power of the state. Sovereignty is often understood as an absolute concept, which implies that states are completely independent of all other states and are above the rules of international law. However, it is clear that state sovereignty is in the process of evolving from an absolute concept of unlimited freedom and independence to a relative concept where the freedom and independence of states are limited both by the freedom of other states and by international law. At the international level, there has been a significant departure from the classical idea of sovereignty as an absolute and unlimited concept. This evolution is still ongoing. It is imperative to note that as states interdependence and collaboration continue to grow, international law has begun to apply to areas that were previously considered domestic. Issues such as religious freedom and new forms of rights granted to a minority group of people are gradually being factored and states are expected to be bound by objected legal rules to which they

have not consented or cannot derogate even if they want to. Furthermore, the tensions between international human rights and state sovereignty are reminiscent of those between popular sovereignty and human rights in the domestic context. The difference is that one of them is international while the other remains domestic. This actually explains why those tensions ought to be resolved within the domestic context where democracy and human rights are in a mutual relationship. The legitimacy of international law is still open to debate. And so is that of its role in the limitation and constitution of domestic democracy as a result. The concept of sovereignty and its abysmal understanding and application would continue to pose a problem for the international community and especially in relations between the United States and Russia if there is no revision in what constitutes universal rights and rules-based order.

References

1. McFaul M. *From Cold War to hot peace: The inside story of Russia and America*. London: Penguin Books, 2019.
2. Hungary, Poland demand bigger say in EU, reject its migration policy [Электронный ресурс]. URL: <https://reuters.screenocean.com/record/944964> (дата обращения: 26.01.2022).
3. Berridge G.R. Cooper, A. F., heine, J., and Thakur, R. (eds.) (2013) *the Oxford Handbook of Modern Diplomacy // Diplomacy & Statecraft*. 2014. Т. 25. № 2. С. 397–401.
4. Bodin J. *Jean Bodin: On sovereignty // 1992*.
5. Declaration on principles of international law concerning friendly relations and cooperation among states in accordance with the charter of the United Nations. [Электронный ресурс]. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/202170> (дата обращения: 26.01.2022).
6. Singh S. Samantha Besson and John Tasioulas (eds.), *the philosophy of International Law*. Oxford University Press, Oxford, 2010, ISBN 9780199208586, XIV + 611 pp., GBP 88.00 // *Austrian Review of International and European Law Online*. 2013. Т. 15. № 1. С. 527–529.
7. Kallis A. Populism, sovereigntism, and the unlikely re-emergence of the Territorial Nation-State // *Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences*. 2018. Т. 11. № 3. С. 285–302.
8. Samantha B. *Sovereignty // Max Planck Encyclopedia of Public International Law*. 2011.
9. Sovereignty [Электронный ресурс]. URL: <https://opil.ouplaw.com/view/10.1093/law:epil/9780199231690/law-9780199231690-e1472> (дата обращения: 26.01.2022).
10. Kallis A. Populism, sovereigntism, and the unlikely re-emergence of the Territorial Nation-State // *Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences*. 2018. Т. 11. № 3. С. 285–302.
11. Makinda S.M. Book review: Christian reus-smit, *the moral purpose of the state: Culture, social identity and institutional rationality in International Relations* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1999, 199 pp., £21.95 HБК.) // *Millennium: Journal of International Studies*. 1999. Т. 28. № 3. С. 808–810.
12. Hillary Clinton attacks Vladimir Putin as leader of 'white supremacist and xenophobic movement' [Электронный ресурс]. URL: <https://www.independent.co.uk/news/world/americas/us->

politics/hillary-clinton-vladimir-putin-white-supremacist-russia-racist-donald-trump-a8412521.html. (дата обращения: 26.01.2022).

13. Qrius, Qrius. Freedom of sexual orientation: The curious case of Russia [Электронный ресурс]. URL: <https://qrius.com/freedom-sexual-orientation-curious-case-russia/> (дата обращения: 26.01.2022).

14. F18News и др. Russia: 'foreign agents', 'undesirable organizations', and freedom of religion or belief [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eurasiareview.com/01012022-russia-foreign-agents-undesirable-organizations-and-freedom-of-religion-or-belief/>. (дата обращения: 26.01.2022).

15. Russia's Lavrov backs view on primacy of sovereignty in international relations | UN news [Электронный ресурс]. URL: <https://news.un.org/en/story/2017/09/566252-russias-lavrov-backs-view-primacy-sovereignty-international-relations> (дата обращения: 26.01.2022).

Сарпонг Рекс Осей

аспирант, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева

Концепция суверенитета и невмешательства:

сложная концепция, подрывающая отношения США и России

Аннотация. Принцип суверенитета, то есть верховной власти на территории, является центральным принципом современного международного права и политической науки. В наше время его определение, применение и уважение менялись в зависимости от исторического и политического контекста, а также вызывали серьезные споры в любое время и в любом месте. В этой работе рассматриваются его различные концепции, критическое объяснение его политических и международных отношений и анализ его нынешнего режима в международных отношениях; и, с другой стороны, обсуждение его спорного отношения к правам человека и демократии и оценка некоторых специфических трудностей, которые оно создает для международных отношений, особенно для отношений между Соединенными Штатами и Россией. Он пришел к выводу, что сам современный принцип суверенного равенства нуждается в пересмотре в свете комплексного подхода к политическому равенству и однородности его субъектов.

Ключевые слова: суверенитет и невмешательство, государство, равноправие, США, Россия, верховная власть.

АМЕРИКАНО–КИТАЙСКОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО НА БАЛКАНАХ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. В статье рассматривается эволюция присутствия США и Китая на Балканах, характеризуются стратегические цели двух держав в регионе, а также обозначены возможные последствия американо-китайского антагонизма в Юго-Восточной Европе.

Ключевые слова: США, Китай, Балканы, конкуренция, мировая политика, геополитика.

В настоящее время важнейшими игроками на Балканах являются Китай, США и ЕС. Также на регион традиционно оказывают влияние Россия и Турция, в силу географического положения [7]. В данный момент США и КНР оказывают ключевое воздействие на мировую политику. Американо-китайское противостояние проявляется в военной, экономической и технологической сферах во всех частях мира. Ввиду этого, рассмотрение стратегий двух ведущих держав на Балканах является наиболее важной составляющей в контексте развития всего региона. Реальные действия Вашингтона и Пекина покажут, будет ли полуостров в дальнейшем втянут в глобальную борьбу двух держав за мировое влияние.

Китай

Китай начал усиливать свои позиции на Балканском полуострове в 2008 г., когда председатель КНР Ху Цзиньтао подписал в Афинах план инвестиций в морской порт Пирей. В 2009 г. COSCO, китайская государственная судоходная компания, получила право тридцатилетней концессии на управление двумя терминалами морского порта Пирей под Афинами. Фактически, именно Греция стала «окном в Европу» для Китая: близость порта к Суэцкому каналу позволила Китаю осуществлять торговлю напрямую через канал, сэкономив время транспортировки китайских товаров на европейский рынок. Балканы являются стратегически важным регионом для КНР: во-первых, именно на Балканах должны сойтись сухопутная (через Турцию) и морская (через Суэцкий канал и порт Пирей) ветки «Нового Шелкового пути»; во-вторых, для Китая важно укрепить свои экономические позиции в странах, являющихся потенциальными членами ЕС (опять же в рамках инициативы «Один пояс – один путь»).

Помимо инвестиций и кредитов на выгодных условиях, немаловажным фактором, повлиявшим на укрепление позиций Китая на Балканах, стало сближение с Сербией – ключевым актором региона. В 2009 г. страны подписали соглашение о стратегическом партнерстве. Уже в 2012 г. китайско-сербские отношения углубились за счет китайской инициативы «17+1». В 2016 г. китайцы приобрели разоренное сербское предприятие Zelezara Smederevo, что стало первой серьезной инвестицией [2]. Пожалуй, самым крупным успехом Китая стоит считать соглашение о строительстве высокоскоростной железной дороги между Белградом и Будапештом, подписанное в ноябре 2013 г. В настоящее время Китай является третьим по счету торговым партнером Сербии. По результатам 2020 г. сербско-китайский товарооборот составил €3,18 млрд.

Несмотря на неподдельный интерес Китая к Сербии и Греции, Поднебесная заинтересована во всем регионе. Интересы Китая на Балканах связаны с инициативой «Один пояс – один путь» (ОПОП), объединяющей два проекта: «Экономический пояс Шёлкового пути» и «Морской Шёлковый путь XXI века». ОПОП подразумевает создание логистических центров и железных дорог для распространения китайской продукции за счет щедрых китайских инвестиций. Таким образом обеспечивается быстрая и дешевая транспортировка китайских товаров с Востока на Запад. Характерной черной ОПОП является ее инклюзивность и открытость – четкие географические рамки и политические требования отсутствуют (например, Китай не требует от Сербии, как ЕС, признания Косово и введения антиросийских санкций), в инициативе могут принять участие любые государства [6]. Китай выбрал грамотную политику в отношении балканских стран, так как странам Балканского полуострова легче получить ссуды от китайских кредиторов, нежели от ЕС.

Для продвижения китайской инициативы ОПОП был создан новый формат сотрудничества Китая со странами Центральной и Восточной Европы. Формат «17+1» (до присоединения в 2019 г. Греции - «16+1») подразумевает межрегиональное сотрудничество Китая и стран ЦВЕ в области торгово-экономических отношений, инвестиций, транспорта, культуры и т.д. 21 мая 2021 г. Литва вышла из формата «17+1», но это пока никак не сказалось на жизнеспособности данной платформы. В рамках инициативы Китаю удается работать отдельно с каждой страной. У сотрудничества наблюдаются положительные тенденции: товарооборот между КНР и странами ЦВЕ в 2020 г. вырос на 8.4%, в сравнении с 2019 г., и составил 103.45 млрд долларов [4].

В дополнение к этому, Китай повышает свое влияние в регионе за счет культурной дипломатии, одного из главных инструментов «мягкой силы» Китая, например, посредством создания Институтов Конфуция. Еще одним методом наращивания своего присутствия в регионе стали безвозмездные, со стороны Китая, поставки вакцины во время пандемии Covid-19.

США

Американское присутствие на Балканах стало активно проявляться в 1990-е гг. Геополитическими целями НАТО в урегулировании югославского кризиса стали стремление усилить позиции в регионе и отработать оперативные союзнические действия в реальном конфликте. Таким образом, НАТО, осуществив операцию «Союзная сила», предполагавшую бомбардировку Союзной Республики Югославия, отошла от оборонительной стратегии, нарушив международное право и Североатлантический договор 1949 г. [3]. В итоге от суверенного государства СРЮ отделили Косово и построили там Кэмп-Бондстил - вторую по величине американскую военную базу в Европе [5].

В 2000-2016 гг. активная деятельность США на Балканах прекратилась, регион перешел в зону ответственности ЕС. После вхождения Крыма в состав России в 2014 г. и победы Дональда Трампа на президентских выборах в 2016 г. деятельность США на Балканах возобновилась под предлогом «росийской угрозы». В 2017 г. была обнародована новая стратегия США на Балканах: «Balkans Going Forward - A New American Strategy for the Region» [8]. Программа направлена на установление постоянного военного присутствия США в Юго-Восточной Европе и восстановление роли Штатов, как «истинного посредника» в региональных конфликтах.

На данный момент перед США стоят две основные проблемы на Балканах, решение которых поможет усилить влияние страны в регионе: неразрешенный косовский вопрос и усилившееся влияние Китая в регионе. 4 сентября 2020 г. было подписано Вашингтонское

соглашение о нормализации экономических отношений между Сербией и Косово. Фактически, данное соглашение направлено на вытеснение Китая из региона: Белград и Приштина обязались не использовать технологии 5G «от ненадежных поставщиков» и избавиться от уже используемых. «Ненадежные поставщики» в соглашении никак не идентифицированы, но нет никаких сомнений, что подразумевается сотрудничество Сербии с китайским технологическим гигантом Huawei. Важным, с геополитической точки зрения, пунктом соглашения стало обязательство сторон реализовать инфраструктурные проекты: установление прямого воздушного и железнодорожного сообщения между Белградом и Приштиной, строительство шоссе Ниш – Приштина и ряд других проектов, что, в свою очередь, может стать угрозой для китайского Шелкового пути. Вашингтонское соглашение можно считать крупным успехом администрации Дональда Трампа.

Учитывая активную политику Штатов на Балканах, можно предположить, что действия нынешнего президента Джозефа Байдена на европейском направлении будут связаны с попыткой включения в НАТО Боснии и Герцеговины, а также Косово. Босния и Герцеговина, в силу своего уникального политического устройства, является непрочным политическим образованием: федерация Боснии и Герцеговины – за вступление в НАТО, Республика Сербская – против. Сербь с антинатовским настроением составляют меньшинство из жителей БиГ. Но несмотря на это, у Республики Сербской есть возможность заблокировать вступление страны в альянс. Черногорский сценарий с проведением голосования в парламенте в БиГ не сработает, ввиду особенности конституции: подобные вопросы энтитеты решают консенсусом и только на основе плебисцита, но не через парламент. То есть, вступление страны в НАТО возможно только в двух случаях: если сербы забудут о бомбардировке Югославии, унесшей жизни по разным данным нескольких тысяч человек; или если боснийская федерация распадется. Поддержка со стороны Республики Сербской означала бы фактическую амнистию противозаконных действий союзников, соответственно, первый вариант, в обозримом будущем, невозможен. Второй вариант выглядит более реалистичным, учитывая возможный выход Республики Сербской из состава Боснии и Герцеговины. По словам Милорада Додика, сербского члена Президиума БиГ, энтитет "встал на путь выхода из состава БиГ, и этот путь необратим" [1].

Что касается Косово, то, несмотря на частичное мировое признание, республика держит курс на вступление в НАТО. В 2020 г. Приштина приступила к более глубокой интеграции в Адриатическую Хартию, что является прямым путем в альянс. Но действия Косово не будут результативны до тех пор, пока такие страны-участницы НАТО, как Испания, Словакия, Греция и Румыния не признают ее независимость. То есть, в случае с Приштиной, США необходим консенсус с союзниками, имеющими сепаратистские регионы в своих странах или особый взгляд на право наций на самоопределение, а также урегулирование вопроса с Белградом.

Таким образом, стоит констатировать, что соперничество США и Китая, так называемая «холодная война» XXI в., ставит под удар всю международную систему отношений. От взаимодействия двух держав зависит трансформация существующего мироустройства либо в биполярную систему, где главными центрами будут Вашингтон и Пекин, либо в полицентрическую систему. Противостояние стран на Балканах обусловлено высоким транзитным значением региона. Географическое положение полуострова обеспечивает доступ США ко всем «горячим точкам» Ближнего Востока. То есть для Штатов регион интересен, в первую очередь, в военном плане. В случае с Китаем, Балканы – прямой путь в Европу. Более того,

укрепление позиций в регионе позволит Поднебесной конкурировать с США в «торговой войне». Американо-китайский антагонизм на Балканах и увеличивающееся влияние Пекина в регионе, несомненно, несут угрозу статусу США. Штатам для противостояния Китаю следует более реалистично оценивать собственные силы в текущей геополитической ситуации, без попыток навязывания американской модели либеральной демократии. Китайская модель развития доказала свою жизнеспособность и результативность. Успехи КНР на балканском направлении позволяют сделать вывод о дальнейшем продолжении столкновения интересов с США и другими крупными акторами региона.

Список литературы и источников

1. Милорад Додик считает, что Босния и Герцеговина распадется меньше чем через 10 лет. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7772515> (Дата обращения: 27.09.21).
2. Пономарева Е.Г., Крыканов Д.Д. Балканское дыхание Пекина. Стратегия и тактика китайского присутствия в странах Западных Балкан. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/balkanskoe-dyhanie-pekina-strategiya-i-taktika-kitayskogo-prisutstviya-v-stranah-zapadnyh-balkan/viewer> (Дата обращения: 27.09.21).
3. Североатлантический договор 1949 г. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_17120.htm (Дата обращения: 27.09.21).
4. Суворов К. Кризис формата «17+1»: почему саммит Китай-ЦВЕ провалился? URL: <https://silkbridge.info/krizis-formata-17-1-pochemu-sammit-kitaj-cve-provalilsja/> (Дата обращения: 27.09.21).
5. США на Балканах: эволюция присутствия, приоритеты, перспективы. URL: <https://russiancouncil.ru/papers/USA-Balkans-WP53Ru.pdf> (Дата обращения: 27.09.21).
6. Тодоровски Д. Один пояс – один путь и Западные Балканы. URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/dtodorovsky/34811/> (Дата обращения: 27.09.21).
7. Энтина Е.Г. Международный контекст евроинтеграции Западных Балкан. URL: <http://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/doklad/333.pdf> (Дата обращения: 27.09.21).
8. Marusic D., Bedenbaugh S., Wilson D. Balkans Going Forward - A New American Strategy for the Region. URL: http://cd.bos.rs/online-citanka-novi-lideri--nove-mogucnosti-10/uploaded/Balkans_Forward_web_1128.pdf (Дата обращения: 27.09.21).

Alisa S. Aleksanyan

Saratov National Research University

U.S.–Chinese rivalry in the Balkans: state and prospects

Abstract. The article analyzes the evolution of the presence of the United States and China in the Balkans, characterizes the strategic goals of the two powers in the region, and outlines the possible consequences of US-Chinese antagonism in Southeastern Europe.

Keywords: USA, China, Balkans, competition, world politics, geopolitics.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ США И ВЕНЕСУЭЛЫ В ПЕРИОД С 1998 ПО 2019 ГГ.

Аннотация: В статье рассматривается политический кризис в Венесуэле и влияние на него санкционной политики Соединенных Штатов. В результате анализа автор приходит к выводу о том, что политический кризис и ограничительные меры США начались еще во время президентства У. Чавеса, а его смерть и смена лидера в 2013 г. не смогли изменить динамику американо-венесуэльских отношений в виду сильной антиамериканской традиции Боливарианской Республики и преемственности в выстраивании курса в отношениях с Венесуэлой президентских администраций Соединенных Штатов.

Ключевые слова: Венесуэла, кризис, У. Чавес, Н. Мадуро, оппозиция, санкции, США.

На сегодняшний день ситуация в Венесуэле остается напряженной. Острыми проблемами Боливарианской республики по-прежнему являются гиперинфляция, рост голода, смертности, преступности, болезней, и все это усугубляется новой пандемией COVID-19. Социально-экономический и политический кризисы, с которыми столкнулась Венесуэла, перешли в острую фазу во время президентства Николаса Мадуро, однако они были заложены еще в президентство Уго Чавеса. В 1998 г. к власти в Венесуэле в результате президентских выборов приходит яркий политик - Уго Чавес, руководивший страной до 2013 г. Новый президент сформировал свою доктрину «Социализм XXI века». Реализация «социализма XXI в.» началась при отсутствии достаточных оснований для достижения целей доктрины, а также при наличии мощного искусственного фактора — доходов от венесуэльской нефтяной промышленности, которая позволяла проводить масштабные программы в социальной сфере. В период президентства Чавеса наблюдалась положительная динамика в экономике, несмотря на относительную стабильность цен на энергоносители [3, с. 53], однако стратегические возможности эксплуатации топливно-энергетических ресурсов были ограничены, а из-за ориентированности венесуэльской экономики на экспорт сырья Венесуэла стала зависима от колебаний цен на мировых рынках. Снижение цен на нефть, которое началось в 2013 г. и совпало с приходом к власти Н. Мадуро, показало ограниченность венесуэльской экономики, а именно недостаточное развитие других отраслей и производств, что также усугубляло кризис.

Немаловажную роль в эскалации обстановки сыграл фактор усиления экономического и политического давления со стороны США. Стоит сказать, что после прихода к власти в 1998 г. Уго Чавес объявил о Боливарианской Революции, идеи которой сводились к исключению влияния государств не Латинской Америки на латиноамериканские страны [6, с. 101]. За период 14-летнего правления Уго Чавеса Венесуэла стала страной с самой антиамериканской внешней политикой во всем полушарии. Чавес систематически выступал против всех

инициатив, предпринятых Соединенными Штатами. Чависты критиковали идею создания единой американской зоны свободной торговли, с поддержкой которой выступали страны Карибского бассейна [2, с. 185], а также Венесуэла продвигала новые механизмы регионального сотрудничества, которые намеренно исключали США. В свою очередь, Вашингтон неоднократно пытался повлиять на внутривнутриполитические процессы в Венесуэле. Несмотря на то, что Соединенные Штаты всячески отвергали обвинения во вмешательстве во внутренние дела латиноамериканского государства, они, безусловно, были заинтересованы в смене власти в Венесуэле.

Говоря об американо-венесуэльских отношениях в период правления У. Чавеса, можно с уверенностью утверждать, что они развивались в атмосфере конфронтации и враждебности. Вашингтон стремился, в силу наличия в Венесуэле нефтяных месторождений и других факторов, контролировать Каракас, а Чавес, в силу своей активной политики антиамериканизма, не давал Соединенным Штатам и лояльным Вашингтону странам проникнуть в Боливарианскую Республику. Противодействие внешнему давлению и экономическим интересам США – стало основой борьбы для венесуэльского политического лидера, что, конечно же, являлось для Соединенных Штатов раздражающим моментом в отношениях с Венесуэлой.

В 2013 г. скончался Уго Чавес. В Вашингтоне обсуждался вопрос о том, как будут складываться дальнейшие отношения США и Венесуэлы. Обама надеялся на конструктивный диалог с новым президентом Боливарианской Республики. Но могла ли смерть У. Чавеса стать поворотным моментом и изменить вектор американо-венесуэльских отношений?

Нужно сразу сказать, что преемник У. Чавеса Н. Мадуро, избравшийся на пост президента Венесуэлы 14 апреля того же года и занимавший посты министра иностранных дел и вице-президента при Чавесе, продолжил политику, так называемого, «чавизма» (исп. *chavismo*) – политической идеологии левого толка, созданной на основе идей Уго Чавеса [1, с. 500].

Уже в 2014 г. Венесуэла вступила в стадию затяжного кризиса, что быстро лишило Н. Мадуро поддержки большинства венесуэльцев. Пока экономическая ситуация продолжала ухудшаться, США пытались оказать свое влияние на политическую элиту Венесуэлы, вводя против нее экономические санкции. Несмотря на то, что ограничительные меры в отношении Венесуэлы предпринимались еще в период президентства У. Чавеса, с 2014 г. санкционная политика США, продолжающаяся по сей день и сильно бьющая по экономическому положению Венесуэлы, приобрела системный характер.

Последующее сокращение импорта венесуэльской нефти в США нанесло мощный удар по экономике страны. Это вынудило правительство Н. Мадуро искать новые рынки сбыта и продавать энергоресурсы по ценам ниже рыночных. Тяжелым последствием финансовой блокады Венесуэлы стал фактор потери населением доступа к товарам первой необходимости, в особенности к основным видам лекарств, что привело к росту смертности. Острая нехватка продовольствия, медикаментов и оборудования привела к коллапсу венесуэльской системы здравоохранения. В виду нестабильной ситуации, в стране активно начала действовать венесуэльская оппозиция, поддержку которой выражал Б. Обама. Безусловно, экономические санкции стали одним из главных препятствий к налаживанию диалога между прави-

тельством Венесуэлы и лидерами оппозиции, а также главным американским инструментом политического давления на Боливарианскую Республику.

Начиная с августа 2017 г., США стали вводить еще больше санкций в отношении правительства Мадуро. Под санкции также попали венесуэльская государственная нефтяная компания PDVSA (Petróleos de Venezuela Sociedad Anonima) и другие сектора экономики [8]. По причине односторонности венесуэльской экономики, страна была крайне уязвима к воздействию санкций, направленных против нефтяного сектора.

В декабре 2018 г. в Венесуэле вспыхнул политический кризис. Спорное переизбрание президента Мадуро в мае 2018 г. вызвало серьезную оппозицию как на национальном, так и на международном уровнях. На фоне общенациональных протестов после инаугурации Мадуро, 23 января 2019 г. оппозиционно настроенный политик, председатель Национальной Ассамблеи Хуан Гуайдо объявил себя исполняющим обязанности президента Венесуэлы [7, р. 8]. Вашингтон признал самопровозглашенного президента [4, с. 26], вследствие чего Мадуро разорвал дипломатические отношения с Соединенными Штатами. Николас Мадуро дал американским дипломатам 72 часа на то, чтобы покинуть страну, но США заявили, что «бывший президент» больше не имеет полномочий для разрыва отношений с Вашингтоном [10].

В стране сложилась ситуация «двоевластия» [4, с. 24]. С тех пор администрация США координировала свои действия с Венесуэлой через «правительство Гуайдо» в попытке сформировать переходное правительство, которое должно действовать до тех пор, пока не будут организованы выборы, наблюдаемые на международном уровне [9]. Несмотря на официальное признание значительным количеством государств Х. Гуайдо легитимным главой Венесуэлы, Мадуро смог сохранить свою власть при помощи лояльных ему военных. Очевидно, что правительство Соединенных Штатов использовала санкции в качестве политического инструмента для ослабления Н. Мадуро, чтобы он, в конечном итоге, был вынужден уйти в отставку.

При этом пытаясь ослабить венесуэльскую экономику, правительство США ввело санкции против компаний и судов, которые занимались транспортировкой венесуэльской нефти на Кубу. Кроме того, президент Трамп и различные официальные лица США предупредили, что вторичные санкции могут быть введены в отношении зарубежных энергетических компаний, которые ведут бизнес с PDVSA. Эти примеры демонстрируют, что геополитика имеет важное значение и является фактором, определяющим политику санкций Соединенных Штатов в отношении Венесуэлы.

Новые санкции 2019 г., направленные на лишение правительства Мадуро нефтяных доходов, явились самыми значительными санкциями на сегодняшний день. Стоит сказать о том, что в 2019 г. бывший докладчик ООН Альфред де Заяс утверждал, что санкции США против Венесуэлы являются незаконными, поскольку они представляют собой экономическую войну и «могут быть приравнены к "преступлениям против человечности" по международному праву» [5, с. 203].

Мы видим, что смерть Чавеса и смена лидера в 2013 г. не смогла изменить динамику американо-венесуэльских отношений. Во-первых, У. Чавесом была оставлена сильная антиамериканская традиция; во-вторых, его преемник Н. Мадуро пошел по пути следования идеологии чавизма, тем самым исключая возможность диалога Каракаса и Вашингтона. Но

можно с уверенностью говорить и о преимуществах в выстраивании курса в отношениях с Венесуэлой и между сменявшимися друг друга за исследуемый период президентскими администрациями США. Действия США часто становились триггером к обострению двусторонних отношений. Вводя многочисленные санкции, Вашингтон усугублял и без того тяжелое экономическое положение Венесуэлы. Плюс ко всему, неоднократные попытки вмешаться во внутреннюю политику латиноамериканского государства, оказались провальными и США не смогли достичь желаемого результата. Разумеется, целью действий Соединенных Штатов являются энергетические ресурсы Венесуэлы - нефть, которая позволила бы американцам регулировать ценообразование на нефтяном рынке и использовать это в своих геополитических целях. При этом жесткий режим санкций, введенный американцами, дал президенту Венесуэлы возможность возложить вину за экономические проблемы страны на США.

Список литературы и источников

1. Алексеева Т. А., Гореславский С. С. Политика Венесуэлы по повышению обороноспособности: ВТС, нефтяной фактор и геополитические дивиденды // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politika-venesuely-po-povysheniyu-oboronosposobnosti-vts-neftyanoy-faktor-i-geopoliticheskie-dividendy> (Дата обращения: 15.04.2021).
2. Воротникова Т. А., Кодзоев М. А.-М., Разумовский Д. В., Розенталь Д. М. Кризис левых режимов в Латинской Америке: внутренние императивы и внешняя проекция // PolitBook. 2017. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/krizis-levyh-rezhimov-v-latinskoj-amerike-vnutrennie-imperativy-i-vneshnyaya-proektsiya> (Дата обращения: 08.09.2021).
3. Зверева В. С. Политический кризис в Венесуэле: проблемы и перспективы // Русская политология. 2019. №4 (13). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskiy-krizis-v-venesuele-problemy-i-perspektivy> (Дата обращения: 07.09.2021).
4. Розенталь Д. М. Анатомия политического кризиса в Венесуэле // ПУТИ К МИРУ И БЕЗОПАСНОСТИ. 2019. №1 (56). URL: https://www.imemo.ru/files/File/magazines/puty_miru/2019/01/02-Rozental.pdf (Дата обращения: 20.09.2021).
5. Сидоров А. С. Анализ причин венесуэльского кризиса: предпосылки и последствия // Казанский вестник молодых ученых. 2019. Т. 3. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-prichin-venesuelskogo-krizisa-predposylki-i-posledstviya> (Дата обращения: 23.09.2021).
6. Строганова Е. Д. Социально-политические преобразования Уго Чавеса в Венесуэле // Берегиня.777.Сова. 2011. №3 (10). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-politicheskie-preobrazovaniya-ugo-chavesa-v-venesuele> (Дата обращения: 08.09.2021).
7. Congressional Research Service. Venezuela: Background and U.S. Relations. April 28, 2021. URL: <https://fas.org/sgp/crs/row/R44841.pdf> (Дата обращения: 14.09.2021).
8. Executive Order 13808. Imposing Additional Sanctions With Respect to the Situation in Venezuela. August 24, 2017. URL: <https://home.treasury.gov/system/files/126/13808.pdf> (Дата обращения: 11.09.2021).

9. Pompeo M. R. Supporting the Venezuelan people / U.S. Embassy in Venezuela. January 9, 2020. URL: <https://ve.usembassy.gov/supporting-the-venezuelan-people/> (Дата обращения: 23.09.2021).

10. Venezuela crisis: Maduro cuts ties with US after it recognises opposition leader // BBC News. 24.01.2019. URL: <https://www.bbc.com/news/world-latin-america-46982692> (Дата обращения: 13.05.2021).

Rimma R. Ishkulova

Samara National Research University

The political confrontation between the United States and Venezuela in the period from 1998 to 2019

Abstract. The article considers political crisis in Venezuela and the influence of sanctions policy of the USA on it. The author concludes that political crisis and restrictive measures of the USA have begun during the presidency of Hugo Chavez. His death and the country's leadership replacement in 2013 could not change the US-Venezuela relations due to strong anti-American traditions in Venezuela and continuity in relations with Venezuela across presidential administrations of the USA.

Keywords: Venezuela, crisis, H. Chavez, N. Maduro, opposition, sanctions, the USA.

УДК 327.56

Новиков А.А.

*Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева*

НЕЯДЕРНЫЙ АСПЕКТ АМЕРИКАНО-ИРАНСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению неядерного аспекта политического противостояния США и Ираном. В качестве основных неядерных компонентов американо-иранских отношений выделяются вопросы, связанные с иранской ракетной программой и поддержкой Ираном различных группировок по всему Ближнему Востоку. В результате анализа, было выявлено, что неспособность сторон достичь снижения напряженности в двусторонних отношениях вызвана стремлением США связать указанные проблемы с решением иранской ядерной проблемы, что неприемлемо для Ирана.

Ключевые слова: Иран, США, Ближний Восток, Сирия, Йемен, иранская ракетная программа, СВПД.

Противостояние между Соединенными Штатами Америки и Исламской Республикой Иран длится уже более 40 лет, то утихая, то вновь усиливаясь. Важнейшим камнем преткновения в двусторонних отношениях уже долгое время является вопрос Иранской ядерной про-

граммы и приверженности сторон Совместному всеобъемлющему плану действий (СВПД). Однако помимо этого вопроса, существует ряд других важных проблем, осложняющих отношения между странами. Среди них поддержка Ираном террористических, по мнению США, организаций по всему Ближнему Востоку (в Ливане, Йемене, Сирии, Ираке и ряде других стран), а также Иранская ракетная программа, напрямую направленная против Израиля – ключевого союзника США в регионе. Эти проблемы, наряду с Иранской ядерной программой, являются основными вопросами, определяющими содержание американо-иранского ядерного противостояния. Именно их рассмотрению посвящен доклад.

Постоянная напряженность в отношениях с соседями по региону и наличие собственной ядерной программы обусловило создание и развитие Иранской ракетной программы, которая в частности включает в себя создание и развитие баллистических ракет. По оценкам американского «Центра стратегических и международных исследований», на данный момент Иран обладает самым большим и разнообразным ракетным арсеналом на Ближнем Востоке, насчитывающим тысячи баллистических и крылатых ракет, некоторые из которых способны поразить Израиль и страны Юго-Восточной Европы. За последнее десятилетие Иран вложил значительные средства в развитие своего ракетного потенциала. Ракетные силы Ирана стали реальной угрозой вооруженным силам США и их союзников в регионе. Хотя на данный момент Иран не обладает ракетой, способной нанести удар по самим США, развитие программы в целях увеличения дальности полета продолжается [6].

Несмотря на то, что СВПД, заключенный в 2015 году, сдерживал ядерные амбиции Ирана, ракетная программа, как и другие вопросы в нем не затрагивались. Резолюция 2231 Совета Безопасности, которая одобрила ядерную сделку, лишь призвала Иран «не осуществлять любую деятельность, связанную с разработкой и созданием баллистических ракет, спроектированных таким образом, чтобы они были способны доставлять ядерное оружие» [2]. Эта лазейка позволила Ирану сосредоточиться на испытаниях и разработке ракет средней и большей дальности. На данный момент наибольший радиус, в пределах которого иранские ракеты могут поразить цель составляет 2000 километров [3, р. 2].

США крайне болезненно реагируют на развитие Ираном ракетной программы. Но несмотря на это, к концу президентства Барака Обамы, с наступлением «оттепели», связанной с заключением СВПД, риторика Соединенных Штатов несколько смягчилась и по отношению к ракетным испытаниям Ирана, а контрмеры принимались с большой задержкой. Однако, с победой Дональда Трампа на президентских выборах риторика Вашингтона резко ужесточилась. Первое испытание новой иранской ракеты произошло в течение 10 дней после инаугурации Трампа: Иран испытал новую баллистическую ракету с дальностью полета 3000-4000 км, способную нести ядерную боеголовку. Ответ был США был быстрым и жестким – советник президента по национальной безопасности Майкл Флинн заявил, что Соединенные Штаты «больше не будут закрывать глаза на провокации Ирана». После этого были введены санкции в отношении 25 юридических и физических лиц, «причастных к иранской программе создания баллистических ракет и террористической деятельности» [4, р. 25-26].

Более жесткий подход новой Администрации по отношению к Ирану, помимо выхода США из СВПД, выразился и в том, Вашингтон стал требовать включения в повестку дня любых потенциальных переговоров между двумя странами «региональной деятельности» Ирана

и его ракетной программы. Такой подход Трампа не нашел поддержки ни у Тегерана, ни у европейских союзников по НАТО [5, p. 160-167].

Ожидалось, что с возвращением демократов в Белый Дом, у США и Ирана появится шанс быстро договориться и вернуться к ядерной сделке, однако Администрация Джозефа Байдена заняла позицию более близкую к позиции предшественника, продолжая настаивать на том, чтобы «региональная деятельность» Тегерана и ракетная программа также были включены в соглашение. Связывание пункта о ракетной программе с ядерной сделкой существенно осложняет переговоры и не приводит к прогрессу ни по одной из проблем.

Ряд экспертов считает, что лидеры Ирана в свою очередь считают ракетную программу важной частью оборонной стратегии страны, направленной на обеспечение сдерживания. С иранской точки зрения, пока десятилетия международных эмбарго на поставки оружия не позволяли Тегерану модернизировать свой военный потенциал, особенно в области противовоздушной обороны, другие государства региона значительно усовершенствовали свои вооруженные силы с помощью западных стран. В этих условиях иранская ракетная программа рассматривается как важный элемент сдерживания. Для иранцев было бы неприемлемо вести переговоры по ракетам, не обращая внимания на обширный военный потенциал своих соперников. В то время как сами соперники Ирана, например, Израиль, обсуждать свои ракетные программы не готовы [1].

Второй важной частью неядерного аспекта американо-иранского противостояния является именно пресловутая «региональная активность» Ирана. По всему Ближнему Востоку раскиданы организации, тесно связанные с Ираном и находящиеся в прямой или косвенной конфронтации с самими США или их союзниками в регионе. Ключевыми иранскими «прокси» являются «Хезболла» в Ливане, «ХАМАС» в Палестине, движение хуситов в Йемене, ряд мелких группировок в Сирии.

В первые месяцы после заключения СВПД, как уже отмечалось ранее, в отношениях между США и Ираном наступила небольшая разрядка, которая длилась не долго. В течение следующих полутора лет Иран, по оценкам американских экспертов, увеличил свое военное присутствие в Сирии, нарастил поставки вооружений «Хезболле» через территорию Сирии в нарушение резолюции СБ ООН 1701. Иран активно вмешался в гражданскую войну в Йемене, вооружал и тренировал шиитских повстанцев в Бахрейне и на регулярной основе инициировал столкновения с американскими судами в Персидском заливе. Администрация Обамы, по словам критиков, предпочитала закрывать глаза на провокационные действия Тегерана, акцентируя внимание на значимости СПВД и соответствии Ирана условиям договора, чем, по их мнению, лишь поощряли «деструктивное поведение» [4, p. 23-24].

Администрация Трампа, в свою очередь, стала реагировать жестче. 19 Апреля 2017 было опубликовано заявление Госсекретаря Рекса Тиллерсона, в котором он заявил, что администрация провела пересмотр политики по отношению к Ирану. Тиллерсон обратил внимание на «вызывающие беспокойство продолжающиеся» провокации Ирана и подчеркнул, что, будучи «главным спонсором терроризма в регионе», Иран вмешивается в региональные конфликты, подрывая интересы США в Сирии, Йемене, Ираке и Ливане и поддерживая атаки против Израиля [9]. Тон заявления был конфликтным и из него ясно следовало, что иранская «ядерная угроза» неотделима от ракетной программы и «региональной деятельности» Ирана.

Однако ужесточение риторики США по отношению к Тегерану не нашло понимания у европейских союзников США, стремившихся продолжать неконфликтные отношения с Исламской Республикой. Оставшись без поддержки других членов «шестерки» и международных организаций, таких как ООН и МАГАТЭ, по вопросам политики по отношению к Ирану, США достаточно быстро развернули так называемую кампанию «максимального давления», идеологами которой стали советник президента по национальной безопасности Джон Болтон и госсекретарь Майк Помпео. Последний в ходе речи в неправительственном фонде «Наследие» выдвинул Ирану 12 требований, представлявших собой фактически ультиматум, значительную часть которого занимали требования по прекращению поддержки иранских «прокси» на Ближнем Востоке [8].

Нынешний американский президент Джозеф Байден по отношению к иранским «прокси» скорее продолжает линию Администрации Трампа. Байдену потребовалось чуть больше месяца президентства прежде чем отдать приказ о своей первой кампании по бомбардировкам. (Трампу потребовалось четыре месяца, чтобы сделать то же самое). Целью были объекты на востоке Сирии, используемые, по мнению Вашингтона, поддерживаемыми Ираном боевиками в отместку за ракетные обстрелы американских войск в Ираке в начале этого месяца [7]. Резкий шаг новой Администрации шел вразрез с заявлениями Байдена в духе «Diplomacy is back!». Помимо того, на встрече со своим израильским коллегой Джозеф Байден заявил, что США полны решимости противостоять «пагубной деятельности Ирана и поддержке террористических прокси» [10].

Таким образом, ключевой проблемой для Вашингтона сейчас является то, что просить Иран отказаться не только от своих ядерных и ракетных программ, но и от поддержки своих доверенных лиц и другой региональной деятельности, значит просить его полностью отказаться от своей стратегии национальной безопасности и революционной идеологии («экспорта Исламской революции» - принципа закрепленного в конституции Ирана), и трудно представить, что существуют какие-либо стимулы, которые убедили бы нынешнее руководство в Тегеране сделать это.

Если при Обаме США предпочитали «закрывать глаза» и акцентировать внимание на позитивных аспектах отношений, то воинственная риторика Вашингтона при Трампе резко все усложнила и теперь Соединенные Штаты не могут без потерь (начиная от финансовых, заканчивая репутационными) вернуться к состоянию отношений с Ираном, которое было после заключения СВПД. Следовательно, ослабления американо-иранского противостояния в краткосрочной перспективе ожидать не приходится.

Список литературы и источников

1. Нотте Х., Азизи Х. Воспользуется ли Иран идеями России в отношении региональной безопасности на Ближнем Востоке? // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 08.04.2021. URL: https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/vospolzuetnya-li-iran-ideyami-rossii/?sphrase_id=509379 (Дата обращения: 26.09.2021).

2. Резолюция 2231 (2015), принятая Советом Безопасности на его 7488-м заседании 20 июля 2015 года: S/RES/2231 (2015). URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/2231\(2015\)](https://undocs.org/ru/S/RES/2231(2015)) (Дата обращения: 25.08.2021).
3. Al-Aloosy M. Biden, Iran: Do Democrats mean Detente with Iran? // Arab Center for Research & Policy Studies. 2020.
4. Emily B. Landau. In the Aftermath of the JCPOA: Restoring Balance in the US-Iran Deterrent Relationship // Iran in a Changing Strategic Environment. 2018.
5. Mike Pompeo speech: What are the 12 demands given to Iran? // Al Jazeera. May 21, 2018. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2018/5/21/mike-pompeo-speech-what-are-the-12-demands-given-to-iran> (Дата обращения: 26.09.2021).
6. Missiles of Iran // Center for Strategic and International Studies. August 10, 2021 URL: <https://missilethreat.csis.org/country/iran/> (Дата обращения: 25.08.2021).
7. Parsi, T. Biden said 'Diplomacy is back!' Then he started dropping bombs // The Guardian. February 26, 2021. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2021/feb/26/biden-iran-deal-diplomacy-syria> (Дата обращения: 30.09.2021).
8. Sariolghalam M. Iran and the West - Neither Direct Confrontation Nor Normalization // Horizons: Journal of International Relations and Sustainable Development. No. 16, Spring 2020.
9. Tillerson on Iran Continuing Sponsoring Terrorism and on JCPOA // U.S. Virtual Embassy Iran. April 16, 2017. URL: https://ir.usembassy.gov/tillerson_on_jcpoa_andiransponsoringterrorism (Дата обращения: 30.09.2021).
10. Westall, S. Biden Vows to Counter Iran Proxies, Oil Below \$73: Iran Snapshot // Bloomberg. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-06-29/biden-vows-to-counter-iran-proxies-oil-below-73-iran-snapshot> (Дата обращения: 30.09.2021).

Albert A. Novikov

Samara National Research University

The non-nuclear aspect of the U.S. - Iran confrontation

Abstract. The article is dedicated to the non-nuclear aspects of political confrontation of the USA and Iran. The author outlines the issues concerning Iran's missile program and support for various factions throughout the Middle East as the main non-nuclear aspects of the US-Iran relations. The analysis revealed that the failure of the parties to achieve a reduction in bilateral tensions is caused by the United States efforts to link these issues to the resolution of the Iranian nuclear issue that is unacceptable for Iran.

Keywords: Iran, the USA, the Middle East, Syria, Yemen, Iran's missile program, JCPOA.

СОВРЕМЕННАЯ СИТУАЦИЯ С ПРАВАМИ ЭТНИЧЕСКИХ МЕНЬШИНСТВ В ИРАНЕ

Аннотация. Иран - многонациональное государство, но положение этнических меньшинств в Иране вызывает беспокойство. Иранское правительство придает большее значение персидскому большинству, в то же время не поощряя различные виды неперсидских этнических проявлений, таких как политические движения, использование местного языка или их религии. Государство, таким образом, совершает нарушение прав человека в соответствии с мнением комитета Организации Объединенных Наций по ликвидации расовой дискриминации.

Ключевые слова: Иран, этническое меньшинство, нарушения прав человека, государственная политика, государственное преследование.

Иран является многонациональным государством: несмотря на то, что персы составляют большинство населения страны, азербайджанское и курдское меньшинства составляют значительную часть населения. Хотя иранские власти не приводят официальные данные о численности этих национальных меньшинств, она, несомненно, составляет внушительную цифру – так, численность азербайджанцев в Иране колеблется от 15% до 30% населения страны [5, р. 24]. По оценкам различных институтов ООН правительство Ирана нарушает права этнических меньшинств [4, с. 2]. Типичными примерами нарушения прав этнических меньшинств в Иране являются:

1. Отсутствие возможности этнической самоидентификации населения при проведении переписей.

Нежелание достоверно отразить этнический состав государства выражает глубокую дискриминацию по отношению к различным неперсидским этническим группам, населяющим Иран, поскольку они могут быть отнесены к ошибочным категориям, т.е. считаться «гражданами второго сорта» [4, с. 3]. Для предотвращения этого Комитет по ликвидации расовой дискриминации ООН рекомендует включить вопрос об этнической принадлежности в переписные листы и опубликовать результаты переписи.

2. Трансляция официальными СМИ стереотипов и предрассудков относительно национальных меньшинств.

Определение расовой дискриминации в Конституции Ирана не совпадает с определением, содержащимся в Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации (ст. 1). Это создает двусмысленную ситуацию, в которой может осуществляться неравноправная политика в отношении этнических меньшинств. Азербайджанская община страдает из-за стереотипов и предрассудков, порожденных СМИ, и даже от государственных

чиновников, которые очерняют ее и способствуют постоянному отрицательному воздействию на общество посредством заявлений, разжигающих национальную ненависть [4, с. 4]. В данном случае, ограничение прав обладает социальным и культурным характером, на основе этнического происхождения, согласно статьям 4 и 7. На самом деле враждебное отношение персидского большинства к азербайджанскому меньшинству может спровоцировать серьезный межэтнический конфликт, поэтому Комитет по ликвидации расовой дискриминации ООН рекомендует включать все национальные общины через терпимость и взаимопонимание, согласно статьи 2 Конвенции.

3. Отсутствие полноценных возможностей для получения представителями национальных меньшинств образования на родном языке.

Члены азербайджанской и курдской общин не имеют достаточных возможностей для получения образования на родном языке [3, с. 24]. Курдский язык преподается только группами гражданского общества, а не в официальных школах, в которых государство обязано разрешить его преподавание, согласно статьи 2 Конвенции.

4. Дискриминации в социально-экономической сфере.

Самые высокие показатели безработицы и бедности отмечаются в провинциях, где этнические и религиозные меньшинства составляют большинство населения, иными словами, у них меньше возможностей саморазвития и улучшения качества жизни из-за их статуса [2, с. 26]. Эти действия нарушают статью 5 Конвенции, требующей обеспечения прав на равное участие в культурной жизни, на образование, на жилище, свободу убеждений, на свободное выражение, и др.

5. Преследование представителей национальных меньшинств по политическим мотивам.

Генеральная ассамблея ООН сообщала о большом числе политических заключенных и узников совести из азербайджанских и курдских общин. В приграничных районах провинций Курдистан, Илам, Западный Азербайджан и Керманшах (на границе с Турцией и Азербайджаном) курдские курьеры продолжают сталкиваться с применением чрезмерной силы со стороны пограничных властей. Вызывает озабоченность тот факт, что дела о насилии в отношении курдов часто либо отклоняются судами, либо закрываются без вынесения обвинительного приговора [2, с. 23]. Действия правительства направлены против курдского меньшинства и нарушают статью 5 Конвенции о равноправии каждого человека перед законом.

Кроме того, курдская община подвергается преследованиям, насильственным исчезновениям и внесудебным казням, в случае молодых политических активистов, которые были арестованы по причине их политической деятельности за отстаивание прав курдского народа, поскольку создание курдских политических партий запрещено. Запрет привел к формированию подпольных политических движений, имеющих вооруженные крылья, действующих из-за рубежа против иранских властей, что привело к дальнейшим произвольным арестам этой общины, т.е. повторяющемуся порочному кругу. Курдские политические заключенные, обвиняемые в преступлениях против национальной безопасности [1, с. 23], составляют почти половину от общего числа политических заключенных. Только в 2018 были арестованы 828 курдских граждан, многие из которых были приговорены к длительным срокам тюремного

заклучения по обвинениям в преступлениях, связанных с гражданской активностью и членством в курдских политических партиях, 115 из них были арестованы по обвинению в членстве в курдских политических партиях [6].

6. Проблема самоидентификации вероисповедания.

Иран признает четыре официальные религии: ислам, христианство, иудаизм и зороастризм, хотя на практике три последние религии подвергаются различным гонениям со стороны государства. По оценке Генеральной ассамблеи ООН, это вредит людям, чьи убеждения не совпадают с официальными и подвергаются дискриминации со стороны государственных органов, особенно обращенным в христианство мусульманам [4, с. 5]. Это не только дискриминации со стороны властей, но и преследование из-за запрета отступничества в исламе, что ставит под угрозу даже их жизни. Курды, исповедующие коренные религии, и атеисты, вынужденные выбирать лишь из вышеуказанных четырех категорий религиозной принадлежности для доступа к соответствующим государственным и банковским услугам.

Таким образом, этнические меньшинства Ирана проживают преимущественно в бедных регионах, не имеют доступа к обучению родному языку, и существуют в условиях ограничения в свободе слова, религии и ассоциации, также являются мишенью правительства для ареста, предания суду по сомнительным обвинениям и казни, не имея возможности обжаловать приговор, что нарушает статью 6 Конвенции.

Комитет и Генассамблея свидетельствуют о том, что права этнических меньшинств в Иране, особенно азербайджанцев и курдов, систематически нарушаются государством, которое не предоставляет или делает это неравномерно адекватными средствами для полной интеграции этих общин в состав республики, которую они составляют. Маргинализация политической, экономической и социальной жизни национальных меньшинств, может привести к восстаниям, которые могут спровоцировать формирование вооруженных группировок, угрожающих территориальной целостности государства. Для предотвращения такого сценария требуется разработать политику и выделить ресурсы для экономического, социального, культурного и политического развития районов проживания курдов и азербайджанцев, а также обеспечить доступность обучения на родном языке.

Список литературы и источников

1. Доклад Специального докладчика по вопросу о положении в области прав человека в Исламской Республике Иран Джаваида Рехмана Генеральной Ассамблее ООН, 2019.
2. Доклад Специального докладчика по вопросу о положении в области прав человека в Исламской Республике Иран Джаваида Рехмана Генеральной Ассамблее ООН, 2020.
3. Доклад Специального докладчика по вопросу о положении в области прав человека в Исламской Республике Иран Джаваида Рехмана Генеральной Ассамблее ООН, 2021.
4. Рассмотрение докладов, представленных государствами-участниками в соответствии со статьей 9 Конвенции: заключительные замечания Комитета по ликвидации расовой дискриминации: Исламская Республика Иран, 2010 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.refworld.org.ru/docid/4d2c588f2.html> (дата обращения: 01.11.2021).

5. Iran a country study / ed. by G. Curtis and E. Hooglund, 5th ed. Washington DC, 2008.

6. Open Doors' World Watch List 2021. Iran [Электронный ресурс]. URL: <https://www.opendoorsuk.org/persecution/world-watch-list/iran/> (дата обращения: 01.11.2021).

Tomas J. Munoz

Ural federal university

The current situation of ethnic minority rights in Iran

Abstract. Iran is a multinational state, but the position of ethnic minorities in Iran is of concern. The Iranian Government attaches greater importance to the Persian majority, discouraging various types of non-Persian ethnic manifestations like political movements, use of local languages and religion. The Government thereby commits a violation of human rights according to the opinion of the United Nations Committee on the Elimination of Racial Discrimination.

Keywords: Iran, ethnic minority, human rights violations, state policy, state persecution.

УДК 327

Николаева П.А.

*Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева*

ЭВОЛЮЦИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ПРИОРИТЕТОВ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В XXI ВЕКЕ

Аннотация. В статье показан процесс развития внешнеполитической концепции Великобритании с начала XXI века по настоящее время. Данная концепция проанализирована через такие ключевые факторы, как британо-американские отношения, отношения с ЕС, выход Великобритании из Европейского союза, а также смена правящей политической партии.

Ключевые слова: Великобритания, внешняя политика, Брекзит, Европейский союз, лейбористы.

Великобритания – одно из самых развитых мировых государств, постоянный член Совета Безопасности ООН, обладающий ведущим голосом в таких организациях, как «Большая семерка», «Большая двадцатка» и Содружество Наций. Несмотря на утрату лидерских позиций, вызванную распадом Британской колониальной Империи, а затем и распадом биполярной системы, Великобритания по-прежнему оказывает значительное влияние на мировую политику.

В XXI век Великобритания вступила под руководством партии лейбористов. Внешнеполитическая доктрина премьер-министра Тони Блэра основывалась на том, что Британия должна находиться в «сердце Европы», а иная позиция означала бы отрицание своей исторической роли в мире. Впоследствии в выступлениях Блэра доктрина также была соединена с концепцией «третьего пути» [1]. Исходя из концепции, Соединенное Королевство должно было стать

своеобразным «мостом» между Европой и Соединенными Штатами [2]. В начале своего премьерства Блэр всегда пытался подчеркнуть, что Великобритания не хочет выбирать между европейской и атлантистской концепциями политики – они могут взаимодополнять друг друга, а не конкурировать. Тем не менее, несмотря на декларируемые цели, США и Британия сохранили «особые отношения» между государствами. В Обзоре стратегической обороны Великобритании (1998) [3, с. 19] подчеркивается тесное сотрудничество с Соединенными Штатами, а Соединенное Королевство было названо главным партнером Америки.

В «Белой книге» по вопросам обороны от 2003 г. говорилось о том, что наиболее важной целью британской политики в области безопасности и обороны остается безопасность и стабильность в Европе, а также укрепление трансатлантических отношений. Терракты 11 сентября в Америке оказали большое влияние на британскую внешнюю политику. Тони Блэр был одним из первых европейских лидеров, предложивших Вашингтону свою поддержку. «Война против терроризма» и иракская война подтвердили лояльность британского премьер-министра Соединенным Штатам, но все-таки позиция правительства Блэра по европейскому вопросу была более позитивной, чем подходы его предшественников.

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать вывод, что главным направлением внешней политики Т. Блэра являлись США. Великобритания признавала лидерство Америки в НАТО, выступала за стратегическую политику США и была сильным «атлантистским» голосом в Европейском союзе. Причем это нередко становилось поводом для критики. В частности, ближневосточная политика Блэра критиковалась из-за следования курсу Вашингтона. А Британия по-прежнему оставалась одним из самых евроскептических государств – членом ЕС.

В настоящее время внешнеполитическая концепция Великобритании подверглась некоторым изменениям. Одним из основных факторов изменения является смена правящей политической партии – от «новых» лейбористов к консерваторам, что приводит и к смене подходов по некоторым вопросам, как, например, «особые отношения» с США. Несмотря на то, что на протяжении всего анализируемого периода Соединенные Штаты оставались ведущим стратегическим партнером Британии, за годы пребывания консервативной партии у власти политические разногласия заметно усилились – Великобритания начала проводить более самостоятельную политику. Большое влияние на смену внешнеполитических ориентиров оказал также Брекзит.

16 марта 2021 года правительство Великобритании опубликовало Комплексный обзор вопросов безопасности, обороны и внешней политики страны, что представляет собой наиболее полную презентацию внешней политики за последние несколько десятилетий [3, с. 14]. В документе излагается оптимистическое видение «Глобальной Британии», которая, благодаря своим ресурсам и тесным партнерским связям, будет успешно ориентироваться в современных реалиях. Хотя Брекзит стал важной мотивацией пересмотра политики, будущие отношения Великобритании и ЕС рассматриваются несколько поверхностно. В нескольких предложениях, посвященных этой теме, правительство в основном отмечает «новую свободу» Великобритании придерживаться политики, соответствующей интересам страны. Однако в документе признается важная роль, которую играет ЕС в обеспечении мира и процветания в Европе, и, что интересно, предусматривается поиск новых способов работы с ЕС по общим вызовам. Тем не менее, какими могут быть эти новые пути, остается невысказанным.

В обзоре подчеркивается, что Великобритания считает тесное партнерство с Соединенными Штатами своей главной внешнеполитической задачей. Китай описывается, с одной стороны, как важный партнер по вопросам торговли и решения глобальных проблем, но в то же время и как «самая большая государственная угроза экономической безопасности Великобритании», авторитарное государство с ценностями, далекими от британских. Большое значение в обзоре придается укреплению отношений в Индо-Тихоокеанском регионе, который все больше превращается в «геополитический центр мира». Особое место занимает Япония как «один из ближайших стратегических партнеров». Великобритания также будет стараться укрепить связи с Южной Кореей и другими региональными державами, такими как Индонезией, Вьетнамом, Сингапуром.

Таким образом, несмотря на то что Великобритания по-прежнему сотрудничает со своими традиционными партнерами, представляется очевидным смена внешнеполитического ориентира на Индо-Тихоокеанский регион.

Список литературы и источников

1. Громыко А. А. Внешняя политика Великобритании: от империи к “осевой державе”, 2005. [Электронный ресурс]. URL: <https://m.polit.ru/article/2005/05/17/britain/> (дата обращения: 14.05.2021).
2. Britain is 'bridge' across Atlantic. [Электронный ресурс]. URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/politics/1189015.stm (дата обращения: 29.05.2021).
3. The Integrated Review of Security, Defence, Development and Foreign Policy, 2021. [Электронный ресурс]. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/975077/Global_Britain_in_a_Competitive_Age_the_Integrated_Review_of_Security__Defence__Development_and_Foreign_Policy.pdf (дата обращения: 19.05.2021).
4. The Strategic Defence Review White Paper, 1998. [Электронный ресурс]. URL: <https://commonslibrary.parliament.uk/research-briefings/gr98-91/> (дата обращения: 29.05.2021).

Polina A. Nikolaeva

Samara National Research University

Evolution of the UK's foreign policy priorities in the 21st century

Abstract. The article demonstrates the UK foreign policy development process from the early 21st century till present. The concept is analyzed through such key factors as the British and American relations, relations with the European Union, withdrawal of the UK from the EU and the change of the ruling political party.

Keywords: Great Britain, foreign policy, Brexit, European Union, Labour Party.

БРЕКСИТ: БРИТАНСКИЙ ФЕНОМЕН ИЛИ КРАЙНЯЯ ФОРМА ПРОЯВЛЕНИЯ ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОЙ ТЕНДЕНЦИИ?

Аннотация. В данной статье рассматривается выход Великобритании из Европейского Союза с точки зрения влияния на проект евроинтеграции. На примерах конкретных стран показано, что случай Великобритании является исключительным. Выводы сделаны на основе анализа взаимоотношений Великобритании и Евросоюза с начала реализации проекта евроинтеграции. Особое внимание в статье уделяется последствиям Брексита для Евросоюза.

Ключевые слова: Брексит, Евросоюз, евроинтеграция, последствия Брексита, выход из ЕС, членство в ЕС.

С июня 2016 г., когда состоялся референдум, Лондон с трудом прокладывал себе путь из евроинтеграции, а громкие новостные заголовки вызывали дебаты не только в Британском парламенте, но и в международном научном сообществе.

Сторонники Брексита делились оптимистичными лозунгами: «вернуть контроль», «по-настоящему глобальная Британия», «довести Брексит до конца» [10, с. 1]. Великобритания ушла по-английски. Насколько же это «по-английски» характеризуется исключительностью в самом Евросоюзе?

До сих пор основной линией развития Европейского Союза считалось постоянное расширение интеграции. 1 июля 2013 г. Союз достиг максимального числа - 28 стран-членов, включая Хорватию. Однако в течение последних нескольких лет сам ЕС и различные страны начали предпринимать такие шаги, которые показали, что процесс расширения может столкнуться с проблемами. Необходимо рассмотреть некоторые из них.

Турция подала заявку на членство в тогдашнем Европейском экономическом сообществе (ЕЭС) еще в 1987 г., а была принята в качестве страны-кандидата только 12 лет спустя, в 1999 г. Преимущества членства Турции для ЕС были признаны в различных аспектах: Турция является стратегически важным членом НАТО, и в то время проходила трудный путь к демократии и развитию. Турция также является мусульманской страной, и ее членство могло бы принести пользу ЕС в его отношениях с мусульманским миром. В то же время именно этот факт вызвал обеспокоенность ЕС в связи с его политическим подтекстом и возможным источником внутренних напряжений. Учитывая контраст интересов внутри ЕС, сам ЕС взял на себя роль замедлителя и фактически сорвал процесс присоединения.

Дания представила оригинальную ситуацию, представляющую некоторый интерес для Брексита и непростого положения Шотландии. Дания официально подала заявку на вступление в Европейское экономическое сообщество 10 августа 1961 г., на следующий день после подачи заявки британцами. Поскольку Франция наложила вето на членство Великобритании,

и, принимая во внимание строгие экономические связи между Данией и Великобританией, Дания отложила свое членство до 1 января 1973 г., когда, как мы знаем, наконец, присоединились Великобритания и Ирландия. Однако Гренландия, часть Датского королевства, вскоре воспользовалась правом на автономию, которое Дания предоставила Гренландии в 1979 г., и на референдуме, проведенном в 1982 г., проголосовала за выход из Сообщества. Гренландия вышла из ЕЭК, но не вышла из Дании в 1985 г. Проведя параллель с Брекситом, важно также отметить, что парламент и правительство Шотландии объявляли, что они могут провести новый референдум для выхода из Великобритании и, возможно, присоединения к ЕС в случае, если Брексит состоится [9, с. 178].

Как мы видим, Брексит - не первая проблема членства в ЕС, но, безусловно, самая важная и тревожная с точки зрения значимости страны, ее потенциальных последствий и сложной критической ситуации, в которой находится ЕС.

Более того, позиция европейских политиков по поводу расширения также не всегда была неизменной. В 2014 г., осознавая проблемы и опасности, нависающие вокруг и внутри ЕС, новый президент Европейской комиссии Жан-Клод Юнкер объявил в своих политических директивах, что расширение должно быть остановлено на пять лет. «Я полностью осознаю, что это был исторический успех, который принес мир и стабильность на наш континент. Однако сейчас ЕС необходимо сделать перерыв в расширении, чтобы мы могли закрепить то, что было достигнуто среди 28 стран» [6, с. 13]. И снова в своем заявлении на пленарном заседании Европарламента накануне голосования в Страсбурге в октябре 22 ноября 2014 года президент Юнкер подчеркнул: «Мы не должны позволять тем, кто ждет у двери, думать, что она может открыться в ближайшие пять лет» [6, с. 28]. Однако Брексит произошел не в соответствии с видением и целями Комиссии или Совета, а против них и по инициативе могущественной страны-члена.

Брексит - это первый случай сокращения ЕС по инициативе важной страны-члена. Великобритания - это государство, чье видение интеграции часто расходилось с видением стран-основателей, и страна, которая получила особенно благоприятное обращение. «Новое урегулирование для Соединенного Королевства в рамках Европейского Союза» [3] - это последний особый режим, который Великобритания получила, чтобы оставаться в ЕС. После референдума 23 июня это Соглашение было достигнуто на Европейском Совете 18-19 февраля 2016 г. И все же ее выход - тяжелый удар для ЕС. Может ли это начать процесс «противодействия расширению»?

Брексит - это первый случай, когда страна-член ЕС провела референдум о членстве, на котором большинство избирателей поддержали выход из Союза. Британия традиционно имела непростые отношения с ЕС. Три вопроса были основополагающими для ее членства и участия в ЕС: 1) размер единого рынка и торговли, где сосредоточена большая часть экономических и финансовых интересов; 2) намерение управлять финансовым объединением континента; 3) помешать объединению внешней и военной политики Союза и занять независимую позицию, возможно, в каком-то ключе противоречащую британским интересам.

«Брексит будет иметь серьезные последствия не только для Великобритании, но и для всего Европейского Союза. ... Во многих отношениях на карту поставлено будущее демократии и суверенитета, безопасности и процветания в Европе. ... Референдум о Брексите станет переломным моментом в послевоенной истории» [5, с. 7].

Великобритания последовательно выступала против углубления проекта ЕС, блокировала или ослабляла любой серьезный интеграционный процесс в критически важных областях (бюджет ЕС, фискальная унификация, единая валюта и роль ЕЦБ, усиление роли Европейской комиссии), тем самым максимизировав свои преимущества членства – открытые финансы, фискальная свобода, ассигнования из бюджета ЕС.

С политической и социальной точки зрения более важным будет увидеть, способствует ли Брексит дальнейшему отчуждению граждан других стран-членов и увеличению опасности дальнейшей череды выходов из ЕС, или же он создает более сильную поддержку ЕС.

Однако худшие ожидания не оправдались, и первые косвенные социальные и политические свидетельства после Брексита позволяют предположить, что ЕС приобрел более серьезную поддержку.

С экономической точки зрения, важно сказать, что окончательные выводы по этому вопросу можно будет сделать, когда торговые отношения наконец приобретут более стабильный характер. Важно также понимать, что на экономические отношения между Великобританией, ЕС и третьими странами сильно повлиял международный экономический кризис как 2008 г., так и 2020 г.

Учитывая большую неопределенность в оценке экономических последствий Брексита, следует обратиться к проблеме регулирования выхода из Европейского Союза. Фактически, одна из основных трудностей, связанных с выходом любой страны-участницы, заключается в том, что этот процесс, в конце концов, оставляется для переговоров между заинтересованными партнерами: ЕС и его постоянными членами с одной стороны, и выходящей страной – с другой. Все это регулируется довольно общей 50 статьей Лиссабонского договора [4]. Статья довольно либеральна, поскольку предусматривает, что любая страна-член может выйти из Союза только по собственному решению: «может принять решение о выходе из Союза в соответствии со своими конституционными требованиями». Единственная обязанность – уведомить Европейский Совет о своем намерении. Это, очевидно, полностью оставляет инициативу в руках выходящего государства-члена и косвенно усиливает его позицию на переговорах.

Оценки влияния Брексита на ЕС менялись с течением времени. Сразу после референдума в Великобритании было широко распространено мнение, что Брексит обнажил хрупкость европейского проекта. Это неудивительно, поскольку референдум 2016 г. и последующее решение правительства Великобритании ввести в действие статью 50 TEU пришлось на время, когда европейский политический ландшафт уже был окрашен продолжающимся миграционным кризисом, проблемами внутренней и внешней безопасности, возникшими в результате террористических угроз и роста евроскептицизма. Как утверждали Брак и Коста, «евроскептицизм стал неотъемлемой частью политического ландшафта большинства госу-

дарств-членов», и учреждениям ЕС пришлось смягчить свой проевропейский дискурс [1, с. 110]. Более того, снижение общественной поддержки Европейского Союза было особенно заметно в трех крупных государствах-членах, включая Великобританию, Германию и Францию [7, с. 192].

Нет сомнений в том, что ЕС должен был действовать незамедлительно по результатам референдума и подтверждать свой авторитет среди стран-членов. Первым шагом было вновь заявить о важности и ценности проекта ЕС. В сентябре 2016 г. лидеры ЕС встретились в Европейском совете в Братиславе, чтобы обсудить непосредственные последствия Брексита [2]. Ощущение безотлагательности было очевидно из формулировок Братиславской декларации. Важно было убедить государства-члены, что, хотя это решение Британии вызывает сожаление, оно не должно повлиять на будущее ЕС [2]. Необходимость изменения политического климата в ЕС была также признана в Братиславской декларации [2] и последующих политических документах, указывающих на то, что популистские партии используют этот политический климат в своих интересах. Именно эти вызовы получили дальнейшее отражение в Белой книге Комиссии о будущем Европы, которая открыла дискуссию о возможных путях будущей европейской интеграции [8].

Безусловно, случай Великобритании исключителен – первый на практике ЕС выход страны-члена. Большое внимание также уделяется самому факту проведения референдума. К тому же, можно наблюдать совершенно уникальное положение Великобритании в евроинтеграции практически с момента вступления, ее отчетливое влияние на политический курс и устройство данной организации. Трудно также оспорить особое отношение Евросоюза к Великобритании, опираясь на исторические факты о многочисленных уступках, сделанных ЕС в пользу данного государства-члена. Это все, в каком-то смысле, делает Британию уникальным членом Европейского Союза.

Брексит - это шок, который был необходим для того, чтобы начать откладывать мелкие, близорукие национальные вопросы в сторону, ставить критерии конвергенции в долгосрочную перспективу и концентрироваться на институциональных и структурных проблемах интеграции, будь то общие или национальные. По крайней мере, это надежда всех тех, кто считает, что ЕС является фундаментальной ценностью для жизни населения Европы в настоящем и будущем.

Список литературы и источников

1. Brack N., Costa O. Beyond the pro/anti-Europe divide: diverging views on Europe within EU institutions // Journal of European Integration. 2012. Vol. 34. №2. URL:https://www.academia.edu/2160399/Beyond_the_Pro_Anti_Europe_Divide_Diverging_View_s_of_Europe_within_EU_Institutions (дата обращения: 14.09.2021).
2. Bratislava Declaration. 9 September, 2016 // European Council. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/policies/eu-future-reflection/bratislava-declaration-and-roadmap/> (дата обращения: 24.09.2021).

3. European Council: A New Settlement for the United Kingdom within the European Union. Official Journal of the European Union. 2016. (2016/C 69 I/01). URL: [http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52016XG0223\(01\)&from=EN](http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52016XG0223(01)&from=EN) (дата обращения: 4.10.2021).
4. European Union.Lisbon Treaty.Article 50.2007. URL: <https://www.investopedia.com/terms/a/article-50.asp> (дата обращения: 4.10.2021).
5. Gow, D., Meyer, H. Brexit. The Politics of a Bad Idea. 2016. URL: <https://www.socialeurope.eu/wp-content/uploads/2016/05/Brexit-The-Politics-of-a-Bad-Idea.pdf>(дата обращения: 1.10.2021).
6. Juncker, J-C.A New Start for Europe: My Agenda for Jobs, Growth, Fairness and Democratic Change. Political Guidelines for the next European Commission, Opening Statement in the European Parliament Plenary Session, Strasbourg, July 15, 2014. URL: <https://www.parlementairemonitor.nl/9353000/d/political%20guidelines%20-%20juncker%20commission.pdf> (дата обращения: 1.10.2021).
7. Medrano J.D. The limits of European Integration // Journal of European Integration. 2012. Vol. 34. №2. URL: https://www.researchgate.net/publication/233179656_The_Limits_of_European_Integration (дата обращения: 24.09.2021).
8. White Paper on the future of Europe // European Commission. 2017. URL: https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/white_paper_on_the_future_of_europe_en.pdf (дата обращения: 24.09.2021).
9. Кавешников Н.Ю., Матвеевский Ю.А. Европейский Союз: история, институты, политика. М., 2017.
10. Салимова Р. М. ПОСТБРЕКСИТ-ПАРАДОКС // Вестник ЧелГУ. 2020. №7 (441). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/postbreksit-paradoks> (дата обращения: 04.10.2021).

Gusak Y.M.

Samara National Research University

Brexit: a British phenomenon or extreme form of manifestation of a pan-European trend?

Abstract. The article examines the UK withdrawal from the European Union in terms of impact on the Eurointegration project. By the examples of the certain countries, the author shows that the British case is an exceptional one. The conclusions are drawn from the analysis of the relationships between the United Kingdom and the European Union from the start of the Eurointegration project. The article focuses on the impact of Brexit for the European Union.

Keywords: Brexit, the European Union, eurointegration, consequences of Brexit, exit from the EU, EU membership.

ВЗГЛЯД ФРАНЦИИ НА КОНЦЕПЦИЮ ИНДО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

Аннотация. Концепция Индо-Пацифики постепенно вытесняет понятие «Азиатско-Тихоокеанский регион». В условиях изменения мировой иерархии Франция стремится найти свое место, предпринимая попытки занять лидирующее положение и продвигая собственный взгляд на формирующуюся систему отношений в регионе. В статье анализируется общая позиция, занимаемая французским руководством, которое выдвигает в качестве приоритета многосторонний подход к решению региональных проблем на пространстве ИТР.

Ключевые слова: Франция, Китай, США, Индо-Тихоокеанский регион, глобальное соперничество.

Современную систему международных отношений можно охарактеризовать как довольно противоречивую, ведь на фоне глобализирующегося мира отчетливо прослеживаются тенденции к все большей регионализации. В этом смысле вполне обоснованным является тезис американского дипломата и бывшего сотрудника Госдепартамента США Р. Хааса о существовании нескольких мировых порядков, а не об одном общем [2, с. 234]. «Порядок» в данном контексте нельзя назвать синонимом «упорядоченности», но его следует понимать, как факт существования механизмов, способных поддерживать мир и процветание. Имеются ли подобные механизмы в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР)? В условиях непрекращающихся территориальных споров и дипломатической нестабильности необходимость создания региональной архитектуры безопасности назревает уже давно.

Индо-Тихоокеанский регион (ИТР) как геостратегическая и геоэкономическая концепция на сегодняшний день, по крайней мере, частично заменяет понятие «АТР». Приближение «века Азии» подтолкнуло глобальных акторов к смещению вектора их внешнеполитической деятельности на восток. При этом стремление сохранить свое влияние диктует необходимость выстраивания новой структуры, подобные попытки уже можно наблюдать в течение последних десяти лет.

Активное продвижение собственного видения концепции ИТР некоторыми участниками международных отношений можно смело назвать беспорядочностью функционирования глобальной системы. Игра, которая началась на сформированном геополитическом пространстве, не имеет общих правил и, конечно же, предполагает свои цели для каждого из ее участников. В целом среди экспертов устоялось мнение, что пространство двух океанов объединяется для того, чтобы не только подчеркнуть его экономическую и политическую значимость в качестве единого целого, но также подать сигнал Китаю о необходимости более осторожных действий на мировой арене. Особенно отчетливо этот сигнал прозвучал со стороны США в 2017 г., когда ими был разработан стратегический документ с неприкрытой антикитайской риторикой [9]. Учитывая тот факт, что Франция называется в числе ключевых союзников Соединенных Штатов в Индо-Тихоокеанском регионе (что стало вызывать явные сомнения с конца сентября 2021 г. в связи с игнорированием интересов Франции при создании трехстороннего оборонного альянса AUKUS), возникает справедливый вопрос, полно-

стью ли Париж разделяет позицию Вашингтона, вводя в свой политический дискурс понятие «Индо-Пацифика».

Стоит сразу обозначить, что интерес к Азии у французского руководства появился не в одночасье. Предвидя экономический подъем региона, Франция в 1990-х гг. стала готовить стратегический поворот экономической политики в его сторону. В целом, ситуация была оценена верно, но проводимая политика принесла неоднозначные результаты, поскольку Французская Республика на тот момент не обладала ни финансовыми, ни демографическими ресурсами для значительного увеличения своей роли в АТР. К тому же, региональные амбиции Парижа были встречены с недоверием, в частности, правительством Австралии и Новой Зеландии, которые считали его не более чем аутсайдером в этом регионе, предпринимающим попытки действовать на расстоянии более двадцати тысяч километров от основной территории с опорой на свои заморские владения.

Ситуация изменилась после обострения отношений между США и Китаем, и теперь, напротив, Франция стала считаться одним из наиболее привлекательных партнеров по диалогу для разных игроков. Практически сразу после прихода Э. Макрона в Елисейский дворец им был обозначен курс на формирование оси «Париж-Дели-Канберра», что дало импульс к оформлению и активной реализации обновленной региональной политики. Начиная с января 2018 г., французское руководство стало громко заявлять о своем праве считаться индо-тихоокеанской державой, когда во время своих первых визитов в Китай, Индию и Австралию Э. Макрон сформулировал содержание новой концепции Индо-Тихоокеанского региона.

Концепция ИТР на данный момент не остается лишь на уровне заявлений французского руководства и имеет официальное закрепление в нескольких документах. Так, первым из них стала Белая книга под названием «Французская стратегия в Азии и Океании до 2030 г. – Переход к инклюзивной азиатской Индо-Пацифике» [3], представленная французским МИДом в августе 2018 г., которая содержит 7 ориентиров для проведения политики, направленной на обеспечение безопасности, независимости, на поддержание солидарности и усиление влияния Франции в регионе. В том же 2018 г. Министерство обороны обновило концепцию по безопасности в АТР 2016 г., имеющую теперь название «Франция и безопасность в Индо-Пацифике» [5]. В 2019 г. была опубликована «Стратегия обороны в Индо-Тихоокеанском регионе» [6], в которой подробно описывается роль Франции, ее приоритеты, а также главные вызовы и угрозы, существующие в обозначенном пространстве, а это, в первую очередь, корейская ядерная программа, сохраняющаяся напряженность в Южно-Китайском море и американо-китайское соперничество. Совсем недавно, в июле 2021 г. Стратегия Франции была обновлена и дополнена [7]. К слову, в это же время Э. Макрон совершил свой первый визит в Полинезию, входящую в состав государства, но фактически являющуюся автономией [8]. По мнению политологов, таким образом была предпринята попытка укрепить связи между метрополией и бывшей французской колонией в Тихом океане, и можно с уверенностью заявить, что внимания заморским территориям будет уделяться все больше.

Франция, будучи обеспокоенной китайско-американским стратегическим соперничеством и поведением некоторых региональных игроков, предпочитающих двусторонние договоренности, считает, что существующий расклад способствует разрушению международного порядка, особенно в условиях отсутствия единой архитектуры безопасности, в то время как глобальные вызовы требуют от государств большего сотрудничества. Так, Париж выступает за многосторонний, «основанный на правилах», порядок, выстраивая сеть стратегических партнерств с Индией, Австралией, Японией и странами АСЕАН. Надо сказать, что многие

планы в этом направлении уже удалось реализовать, однако политика, проводимая Соединенными Штатами после прихода на пост президента Джозефа Байдена, и, в частности, создание трехстороннего оборонного альянса AUKUS, оставили свой след не только на отношениях Парижа и Канберры, но и на имидже Елисейского дворца, что поставило под вопрос принципы дальнейшего развития союзов в регионе.

Если говорить о том, почему же Франция стала уделять больше внимания ИТР в стратегическом плане, то стоит обратиться к анализу экономических отношений со странами региона, которые за последние годы значительно улучшились. Подтверждением этому можно считать тот факт, что в 2018 г. прямые иностранные инвестиции Франции в регион достигли 320 млрд евро, а это на 75% больше, чем в 2008 г. [4]. При этом вторым по величине неевропейским направлением французских прямых иностранных инвестиций является Китай, против которого, по мнению экспертов (но не по мнению разработчиков), направлены французские стратегические документы. Что касается отраслей экономики, связанных с деятельностью в рамках инициативы «Один пояс – один путь», считающейся одним из проявлений расширения китайского влияния, то еще в 2015 г. в строительные и транспортные объекты Францией было вложено 26.4 млрд и 7.4 млрд евро соответственно [1]. Ее вовлечение в китайскую инициативу началось с местного уровня, символом чего стало прибытие первого поезда из Уханя во французский Лион в 2016 г. В том же году по результатам француско-китайского диалога на высшем уровне по финансам и экономике был создан общий фонд и комитет для координации сотрудничества и проектов. После того, как была разработана концепция Индо-Тихоокеанского региона, Париж вовсе не был намерен отказываться от сотрудничества с Китаем. Напротив, визит Си Цзиньпина во Францию в марте 2019 г. стал важным событием в процессе развития отношений, поскольку был заключен ряд крупных сделок [1].

В условиях нового глобального соперничества возник вопрос о роли, уготованной Франции в новой мировой иерархии. Именно поэтому Э. Макрон, озабоченный поиском места Франции и ЕС в формирующемся миропорядке, активно предпринимает попытки встраивания в дела региона, что становится одним из новых геополитических приоритетов государства. Французская дипломатия фактически пытается быть главным «организатором» европейско-китайского диалога, и сегодня руководство страны продолжает стремиться к «величию» не только самой Франции, но и всей Европы. К слову, стоит отметить, что в Елисейском дворце давно стараются приумножить собственный авторитет, используя для этой цели Европейский союз, поэтому стремление к лидерству как в рамках ЕС, так и в глобальных масштабах – исторически обоснованные амбиции действующего президента.

В целом, можно сказать, что Франция старается вести довольно осторожную политику в формирующемся Индо-Тихоокеанском регионе, поскольку ее позиция все же остается довольно неустойчивой. С одной стороны, ей приходится поддерживать своего главного атлантического союзника, открыто противостоящего Китаю. При этом встать на сторону Пекина не представляется возможным также из-за обязательств в отношении международного права и свободы судоходства, которые им нарушаются. С другой стороны, в ухудшении отношений с новой «мастерской мира» Франция также не заинтересована. Она продолжает балансировать между двумя сторонами, стараясь не провоцировать Пекин, как увеличением своего военного присутствия, так и расширением стратегического сотрудничества с региональными игроками. Во многом по этой причине Франция отказывается от полного присоединения к QUAD, сохраняя свое участие лишь в формате QUAD plus. Выбирая «третий путь», которого также придерживаются ЕС, страны АСЕАН и большинство региональных государств, она

стремится добиться лидерства и упрочить собственные позиции. Уверенно заявляя о том, что «Франция – Индо-Тихоокеанская держава», Париж вновь вспоминает о своей бывшей колониальной империи, значимость осколков которой увеличилась с появлением новой концепции.

Список литературы и источников

1. Потапов Д.А. Сотрудничество Европейского союза и Китая в сфере прямых иностранных инвестиций в контексте инициативы КНР “Пояс и путь” // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН: сетевой журнал. 2020. № 4. С. 76-93. URL: <https://lnnk.in/bOdD> (дата обращения: 08.09.21).
2. Хаас Р. Мировой беспорядок. – М.: Изд. АСТ, 2019. – 320 с.
3. Stratégie française en Asie-Océanie à l’horizon 2030 - Vers un espace asiatique indo-pacifique inclusive. URL: <https://lnnk.in/dydW> (дата обращения: 08.09.21).
4. Koyuncu M. France’s Quests in the Indo-Pacific Region. URL: <https://lnnk.in/eHb6> (дата обращения: 08.09.21).
5. La France et la sécurité en Indopacifique 2018. URL: <https://lnnk.in/gTcB> (дата обращения: 08.09.21).
6. La stratégie de défense française en Indopacifique 2019. URL: <https://lnnk.in/ibbs> (дата обращения: 08.09.21).
7. La stratégie de la France dans l'Indopacifique 2021. URL: <https://lnnk.in/h2bF> (дата обращения: 08.09.21).
8. Première visite officiel d'Emmanuel Macron en Polynésie Française. URL: <https://lnnk.in/iabD> (дата обращения: 08.09.21).
9. Rej A. The US Strategic Framework for the Indo-Pacific: 3 Curiosities. URL: <https://lnnk.in/bUdx> (дата обращения: 08.09.21).

Tatiana A. Tsyplina

Saratov National Research University

France's view of the Indo-Pacific conception

Abstract. The Indo-Pacific concept is gradually replacing the term of the Asia-Pacific region. As the world hierarchy changes, France is striving to find its place, attempting to take a leadership position and promoting its own view of the emerging relations system in the region. The article analyzes the general position taken by the French government, which puts as a priority a multi-lateral approach to regional problem solving on the Indo-Pacific space.

Keywords: France, China, USA, Indo-Pacific, global competition.

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ С РАЗВИТИЕМ ЦИФРОВОЙ ДИПЛОМАТИИ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ И ПОСТ-ПАНДЕМИИ COVID-19

Аннотация. Цифровизация со временем проникла во все сферы общественной жизни. Новая декада была ознаменована тотальной трансформацией миропорядка. Сеть интернет и разноформатные медиа, показали свою исключительную необходимость. Их использование сыграло важную роль в трансформации переговорного процесса и публичной дипломатии. Несмотря на существование некоторых видов цифровой дипломатии в обиходе до пандемии Covid-19, ранее они использовались только в качестве дополнения к основным методикам дипломатии, требовалось их развитие и временный переход на использование только подобного подхода. Государственные и международные институты нуждались в адаптации к новым вызовам и задачам, а также трансформации под форсированные масштабы использования информационных технологий. Цифровизация в международных отношениях уже успела показать свои положительные результаты. Распространение информации с новой скоростью, «из первых рук», а именно из посольств и региональных представительств МИДа позволило глубже распространить «мягкую силу» европейских государств. В данной работе рассматриваются меры, принятые правительствами европейских государств, с целью развития цифровой дипломатии, проанализирована эффективность онлайн-формата, возможности, вызовы и перспективы цифровизации в сфере международных отношений.

Ключевые слова: цифровая дипломатия, цифровизация, Евросоюз, мягкая сила, информатизация.

Со времени появления в обиходе современного человека информационных технологий, они успели проникнуть в каждую часть общественной жизни. Цифровизация затронула огромное множество сфер действующего миропорядка. Подобные изменения не обошли стороной и сферу международных отношений. Довольно быстро завоевав интерес народа, цифровая дипломатия стала неотъемлемой частью осуществления межгосударственных связей и привлечения внимания к этому процессу.

Столкнувшись с пандемией коронавируса, человечество было вынуждено искать новые способы существования, одним из которых стал тотальный перевод необходимых сфер жизни в сеть интернет. Это коснулось не только бытовых вещей, как новые должности на удаленной работе, доставки продуктов питания и других строк потребления, но также и политических инструментов, которые позволили распространять большее количество информации с большей скоростью, что подчеркивает **актуальность данной работы**. В связи с инновационным использованием интернета, как площадки для реализации современной европейской интеграции, необходимо выяснить эффективность цифровой интеграции как метода ведения международной дипломатии, что является **проблемой исследования**. Использовались следующие **методы исследования**: анализ, классификация, обобщение, описание, сравнение.

Цифровая дипломатия, еще у своих истоков позволяла влиять на имидж государства в медиа и интернет-пространстве. И в момент карантинных мер, действующих по всему миру, официальные социальные сети дипломатических представительств, записи проходящих видеоконференций, телефонных звонков и переписка позволили бороться с дезинформацией в СМИ [4]. Мировая общественность столкнулась с ситуацией, когда даже дипломатам пришлось работать из дома. Несомненно, в подобном формате работы были выявлены свои плюсы: виртуальная дипломатия во время пандемии осуществила так называемую «революцию» в международных отношениях. В отсутствие необходимости в путешествиях, внезапно стало доступным гораздо большее количество времени, которое можно было потратить на брифинги, проведение встреч удаленно.

В Европе картина в цифровой дипломатии сложилась неоднозначная. Увеличилось количество встреч министров иностранных дел и глав государств. Однако, по признанию самих дипломатов, подобный формат работы может лишь дополнить существующие диалоги, но не позволяет создать почву для проведения переговоров и применить все существующее мастерство. По сути, виртуальная дипломатия здесь составила лишь обмен информацией и аргументами, но не выступила полноценной площадкой для осуществления межгосударственных переговоров [2].

2020 год был ознаменован новыми успехами цифровой дипломатии. Созданный Всемирной Организацией Здравоохранения аккаунт в TikTok на данный момент насчитывает 3 миллиона подписчиков, что позволило распространять информацию о Covid-19 «из первых рук» довольно быстро [3]. В ряде социальных сетей был запущен хэштег #StayHome, в одном только инстаграме, упомянутый в более чем 55 тысячах постов. Жители европейских стран снимали видео, в которых выходили на балконы, чтобы чествовать героев пандемии, медиков, волонтеров и других рабочих, а также призывали оставаться дома в столь непростое для мира время [1]. После того, как в 2017 году первого человека взяли на должность технического посла и посланника, что теперь является официальной ролью в Министерстве иностранных дел Дании, в 2020 году во Французской Республике появилась должность «посла по цифровым вопросам» которая на данный момент занята Дэвидом Мартиноном [5].

Перевод работы в онлайн режим вынудил дипломатов в наибольшем количестве выполнять консульскую работу, объем которой в разы увеличился в связи с закрытием границ. Появилась острая необходимость популяризации контактной информации посольств для широкоформатной помощи гражданам. МИДом Российской Федерации была проделана огромная работа в этом направлении. Был создан портал sos.midhelp.ru, который выступил инструментом, позволившим сделать информацию о предлагаемой помощи консульств более доступной. Так как он пришел на замену, существовавшему ранее мобильному приложению «Зарубежный помощник», его распространение и стабильная работа позволили получить доступ к возможности связаться с Департаментом ситуационно-кризисного центра даже для тех граждан, которые не пользуются смартфонами [4].

Время карантинных мер по всему миру подходит к концу. Продержится ли цифровая дипломатия как основной метод выполнения дипломатической работы? Скорее нет, так как по заявлению работников сферы международных отношений, ничто не может заменить человеческого общения и реальных встреч, которые позволяют подготовить и осуществить маневры для достижения консенсуса в переговорах. Но, существование комбинированных систем дипломатии в будущем в одинаково развитом формате представляется как никогда возможным, так как опыт пандемии Covid-19 помог выявить очевидные преимущества виртуальной дипломатии как дополнительного метода осуществления международной политики. Интернет в

настоящее время позволяет применять большое количество политических инструментов, от «мягкой силы» и распространения контактов для оказания помощи посольств, нуждающимся в ней, до популяризации конкретных представительств и консульств в различных соцсетях.

Список литературы и источников

1. Instagram // Поиск публикаций по хэштегу #StayHome [Электронный ресурс]. URL: <https://www.instagram.com/explore/tags/stayhome/> (Дата обращения: 15.09.2021).
2. Международный комитет Красного Креста // Перейти Рубикон: виртуальная дипломатия в меняющемся мире [Электронный ресурс]. URL: <https://www.google.com/amp/s/www.icrc.org/ru/document/pereyti-rubikon-virtualnaya-diplomatiya-v-menyayushchemsya-mire%3famp> (Дата обращения: 15.09.2021).
3. Официальный TikTok-аккаунт Всемирной Организации Здравоохранения [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tiktok.com/@who> (Дата обращения: 15.09.2021).
4. РСМД // Как COVID-19 повлиял на практику цифровой дипломатии России [Электронный ресурс]. URL: <https://www.google.com/amp/s/russiancouncil.ru/amp/analytics-and-comments/columns/digitaldiplomacy/kak-covid-19-povliyal-na-praktiku-tsifrovoy-diplomatii-rossii/> (Дата обращения: 15.09.2021).
5. РСМД // "Облачная дипломатия" - панацея в эпоху пандемии? [Электронный ресурс]. URL: https://russiancouncil-ru.cdn.ampproject.org/v/s/russiancouncil.ru/amp/analytics-and-comments/columns/digitaldiplomacy/oblachnaya-diplomatiya-panatseya-v-epokhu-pandemii/?amp_js_v=a6&_gsa=1&usqp=mq331AQKKAFAQrABIIACAaw%3D%3D#aoh=16317041766134&referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com&_tf=From%20%251%24s&share=https%3A%2F%2Frussiancouncil.ru%2Fanalytics-and-comments%2Fcolumns%2Fdigitaldiplomacy%2Foblachnaya-diplomatiya-panatseya-v-epokhu-pandemii%2F (Дата обращения: 15.09.2021).

Ekaterina A.Taran

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Problems and prospects of European integration with the development of digital diplomacy during the Covid-19 pandemic and post-pandemic

Abstract. Over time, digitization has invaded all spheres of public life. The new decade was marked by a total transformation of the world order. Internet and hybrid media demonstrated their extraordinary need. Their application played important role in transformation of negotiation process and public diplomacy. In spite that some types of digital diplomacy were used before the Covid-19 pandemic but as additional to the basic diplomatic methods. National and international institutions needed to adapt to new challenges and tasks, to adjust to accelerated use of information technologies. The digitization of international relations has already produced positive results. Dissemination of information of first-hand at a new speed, from embassies and regional offices of the Ministries of Foreign Affairs enabled of the European States to spread their soft power. The article studies the measures and actions taken by European governments to foster digital diplomacy. The author analyzes effectiveness of online format, opportunities, challenges and prospects of digitalization of international relations.

Keywords: digital diplomacy, digitalization, the European Union, soft power, informatization.

COVID-19. ОТВЕТСТВЕННОСТЬ – ПАНАЦЕЯ ОТ ВИРУСА

Аннотация. Актуальность темы исследования обусловлена распространением корона-вирусной инфекции, изменяющей жизнедеятельность человека и общества в целом. Данная работа посвящена изучению социальной ответственности не только государственных институтов разных уровней, но также каждого человека. Важным для исследования является положение о том, что социальная ответственность и самосознание сегодня являются ключевыми факторами, которые будут определять нашу победу над коронавирусом.

Ключевые слова: общество, ответственность, COVID-19, государство, патернализм.

«Вы всегда в ответе за то, чему не пытались помешать»

Жан-Поль Сартр

Опыт исторического развития свидетельствует о периодическом образовании кризисных явлений в различных аспектах жизни человеческого общества. Возникновение глобальных проблем ставит перед человеком комплекс довольно сложных задач, от решения которых, в первую очередь, зависит возможность дальнейшего его существования.

Развитие человеческой цивилизации наглядно свидетельствует о том, что все крупнейшие трансформации, когда-либо происходившие, были успешны в той мере, в какой в них сознательно и ответственно участвовали наиболее значимые силы общества. Именно поэтому, особенно в период коренных качественных изменений жизни социума в значительной степени актуализируются практические и теоретические аспекты проблемы социальной ответственности личности.

Важную роль в формировании человеческих отношений, во взаимодействии различных культур и характеров играет культура ответственности, обусловленная общей культурой личности. Человек ответственный обязательно подвергает контролю своего сознания свои мысли, поступки и дела.

Являясь, пожалуй, достаточно важной для каждого человека социальная ответственность имеет целью регулировать решения и действия личности, на основе самооценки требований этики, чувства долга и его обязательств по отношению к другим людям, интересам коллектива, общества и государства.

В условиях нестабильной политической и социальной ситуации, распространения корона-вирусной инфекции COVID-19 актуальными становятся проблемы взаимоотношений государства и граждан. Совсем не важно, рукотворна ли природа коронавируса, и не принципиально даже, если она рукотворна, осознанно ли он выпущен условным «мировым правительством», или нет. Эпидемия началась – это факт.

В данном случае, стоит обратить внимание, прежде всего, на социальную значимость ответственности, на то, что многогранные связи общества и личности характеризуются как

обязанности личности не только перед обществом и ближайшим социальным окружением, но и, наконец, перед самим собой.

Человек на протяжении всей своей жизни в большей или меньшей степени реализует себя в обществе, поэтому ответственность нельзя рассматривать в отрыве от деятельности индивида в социуме: «Каждый, будучи настроенным на длительное и плодотворное взаимодействие с обществом и всеми его членами, не позволит сиюминутной выгоде поставить под сомнение свою способность к ответственному поведению...» [1].

Вместе с тем, часто в жизни человека возникают случаи, когда он готов переложить свою ответственность и контроль над ситуацией на других. К примеру, народ может облекать государственные органы огромной властью над страной, поскольку людям приятно думать, что кто-то может оказать им поддержку, решить за них многие проблемы. И то же государство действительно пытается заботиться о благосостоянии людей, об установлении порядка. Распространенные патерналистские настроения ведут к формированию, так называемого патерналистского общества, в котором — набор индивидов, перекладывают полную и бесповоротную ответственность за все происходящее вокруг них на власть.

Однако, в тоже время большинству людей, «мягко говоря не по душе», когда власти обеспечивают потребности граждан, а граждане в обмен на это позволяют властям диктовать модели своего поведения. Классическое определение, данное Стэнфордской энциклопедией философии гласит, что патернализм — «это вмешательство государства или индивида в действия других лиц против их воли, оправдываемое или мотивированное тем, что такое вмешательство принесет данным лицам пользу или защитит от вреда» [3].

Следовательно, усиление государственного влияния в большинстве сфер жизнеустройства общества, как правило, репродуцирует патерналистский характер власти.

Необходимо подчеркнуть, что патернализм как система отношений власти и граждан в архаическом контексте — это продолжение семейной модели, основанной на полном всемогуществе отца по отношению к остальным членам семьи (патернализм), но вместе с тем на отношениях любви и взаимоподдержки.

Вспышка коронавирусного заболевания COVID-19 — крайний, исключительный случай — это характеристика такой ситуации, которая не описана и принципиально, вопреки мнению многих людей, не может быть описана по своему фактическому составу в рамках «нормальной ситуации». Безусловно, в этой сложной ситуации, в которой человек, ввиду склонности нарушать правила, импульсивности, недалёковидности может оказаться в опасности.

Поскольку человек является существом социальным, все его выборы так или иначе влияют на других, поэтому должны быть ограничены во имя общественного блага, для избавления от возможного вреда.

Когда люди сами решают действовать таким способом, который может причинить вред их благополучию, возникает проблема, имеют ли право общество, государство принимать на себя роль родителя, вмешивающегося в дела отдельного человека.

Существует предположение, что, если вторжение в жизнь человека позволяет уменьшить возможный для него же самого вред и увеличить пользу, то такое вмешательство становится оправданным. Можно признать, что свобода является ценностью, но она не является единственной ценностью. В некоторых случаях другие ценности — такие, как здоровье — мо-

гут быть гораздо важнее, чем свобода, и эти ценности становятся достижимыми только тогда, когда свобода личности ограничивается.

Для человеческого общества важны две укоренившиеся привычки: дисциплинированность и послушание. Это разные свойства, которые характерны для определенных стран, и после эпидемии будет меняться выраженность этих свойств в обществах. Ведь важно быть не только послушным, боясь штрафа, но и оставаться в любой ситуации дисциплинированным человеком.

Принятые многими странами меры по сдерживанию распространения заболевания, включая социальное дистанцирование и самоизоляцию, не всегда могут соблюдаться гражданами. Если предпринятые государством шаги не будут поддержаны общественностью в массовом порядке, то это бесполезно. Поэтому каждый человек должен беречь себя, своих близких, чувствовать ответственность и соблюдать дисциплину [2].

Таким образом, вирус — это вызов гражданскому обществу, которое показало свою зрелость. Он меняет людей. Он меняет общество. Но самое главное — это роль внутреннего переосмысления бытия во время чрезвычайного положения. Люди встретились сами с собой в четырех стенах, люди начинают понимать, сколько бесполезного они делали все эти годы, и что по-настоящему важно. Именно в такие моменты проявляются героизм врачей, отвага соцработников, человеческая солидарность.

Список литературы и источников

1. Сафонов К.Б. Феномен ответственности в современном обществе: философский анализ. Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология, 2012, № 4 // https://elibrary.ru/download/elibrary_18999901_33452737.pdf
2. COVID-19 и нацбезопасность: какие месседжи адресовал обществу Президент? [Электронный ресурс]. URL: <https://1news.az/news/vopros-nacional-noy-bezopasnosti-kakie-messedzhi-adresoval-obschestvu-prezident>
3. Stanford Libraries. [Электронный ресурс]. URL: <https://library.stanford.edu>

Sergey L. Klimov

*Azerbaijan University of Languages,
Laboratory for Russian Studies*

COVID-19. Responsibility is a panacea for the virus

Abstract. Relevance of the research topic is determined by the spread of coronavirus infection, which affects the life of individuals and societies. The article is dedicated to study of social responsibility of public institutions of various levels as well as of every individual. The author concludes that social responsibility and self-consciousness are the key factors that determines our victory over COVID-19.

Key words: society, responsibility, COVID-19, state, paternalism.

ПОЛИТИЗАЦИЯ ЕАЭС: ВОЗМОЖНЫЕ РИСКИ И ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ¹

Аннотация. В статье рассматриваются перспективы развития ЕАЭС в контексте глобальных и региональных трансформаций. Авторы выделяют возможные сценарии эволюции структурных и функциональных параметров организации в условиях перманентного внешнего воздействия.

Ключевые слова: интеграционные процессы, угрозы, вызовы, глобальные и региональные трансформации, кризисные явления.

В условиях глобализации и перманентного поступательного движения к размытию границ, как культурных, так и государственных, вопрос интеграции, ее видов, форм и направлений становится все более актуальным. Одним из динамично и в то же время противоречиво развивающихся интеграционных объединений современности выступает Евразийский экономический союз (ЕАЭС). Организация, официально начавшая свою деятельность в 2015 году, сегодня является наиболее стабильным и экономически успешным образованием на постсоветском пространстве.

Одной из особенностей ЕАЭС, в первую очередь, является отсутствие политических аспектов в его деятельности. Евразийская интеграция, прошедшая несколько этапов развития и трансформации, базируется на трех ключевых идеях: экономическом сближении и объединении суверенных государств (прежде всего, республик бывшего СССР, однако в 2021 г. в состав ЕАЭС выразил намерение войти Иран), исторических и культурных особенностях развития государств-участников и общности интересов (экономических, геополитических и др.) евразийских стран. Тема политической интеграции и потенциальной диверсификации сфер деятельности ЕАЭС пока с настороженностью воспринимается членами Союза, что во многом обусловлено опасениями со стороны бывших союзных республик утратить полностью или частично свои недавно обретенные суверенитет и независимость.

В то же время нельзя отрицать тот факт, что современный мир претерпевает значительные изменения, мировая политика находится в стадии турбулентности и нестабильности, действующая система международных отношений становится все более конфронтационной и сложно управляемой. Многочисленные политические и военно-политические кризисы существенно влияют на баланс сил в мировом и региональном масштабах. В подобных условиях, учитывая значимость Евразии для ведущих держав и международных процессов, будущее перспективного экономического союза находится под большим вопросом.

ЕАЭС сегодня считается одним из наиболее эффективных и стабильных интеграционных объединений на территории бывшего Советского Союза. Но, в то же время, существует ряд кризисных тенденций, оказывающих пагубное влияние на развитие организации. Со

¹ Исследование подготовлено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта No 20-011-00666.

времени образования постсоветского пространства регион ощутил на себе значительные трансформационные перемены, в первую очередь затронувшие внутривосточные аспекты взаимодействия стран бывшего СССР [1, с. 80-81]. На начальных этапах становления суверенитета независимых республик, вектор их политического и экономического тяготения был направлен на Российскую Федерацию, как ведущего политического и экономического фактора, с которым их связывала многолетняя история совместного существования в рамках различных государственных образований.

Проект евразийской интеграции, ставший, по сути, защитной реакцией на усиление европейского влияния в зоне политических и экономических интересов Российской Федерации, стал новым этапом сближения между странами постсоветского пространства. Однако в процессе укрепления политического и экономического потенциала бывших советских республик, а также усиления присутствия в регионе Европейского союза и других внешних акторов, перед новыми независимыми государствами сначала возникла «дилемма интеграции», когда республики бывшего СССР (в силу наличия взаимоисключающих вариантов) вынуждены были выбирать лишь один из путей интеграции [2, с. 544-546].

Серьезное усложнение структуры постсоветского пространства, а также рост популярности европейского интеграционного проекта среди ряда государств (Грузия, Молдова, Украина) привели к угрозе раскола региона. Кроме того, на смену «дилемме интеграции» пришла новая модель выбора интеграционного пути - «дилемма интеграций», в рамках которой окончательное решение зависело не только от ориентации элит и части населения, но и от того, как отреагируют на потенциальный выбор ведущие страны региона.

«Дилемма интеграций» несла в себе серьезный деструктивный компонент. Наиболее ярким примером ее негативных последствий стал Украинский кризис 2013-2014 гг., усугубивший и без того шаткие отношения между государствами постсоветского пространства и фактически закрепивший раскол региона по линии геополитических и интеграционных предпочтений [3, с. 314-315]. При этом события в Украине, с одной стороны, стали весьма существенным вызовом для евразийской интеграции. С другой, именно в условиях неурегулированности Украинского кризиса и мирового резонанса от событий в Киеве, Крыму и Донбассе, были подписаны ключевые документы о создании ЕАЭС, принципах его функционирования и составе участников.

Украинский кризис, действительно, не стал причиной краха или существенного снижения темпов реализации евразийского проекта, но в будущем тормозом для евразийской интеграции могут явиться его последствия (стоит отметить, что исход кризиса остается весьма неясным): присоединение Крыма, образование двух новых непризнанных государств на постсоветском пространстве (Донецкая и Луганская Народные Республики), вооруженный конфликт в Донбассе в значительной степени повлияли на позиции участников ЕАЭС относительно будущего организации. В подобных условиях некоторые государства-члены Союза вполне могут пересмотреть свой статус в организации, а также свой интеграционный выбор. Прежде всего, это касается Казахстана, Беларуси и в меньшей степени Армении.

Также среди государств-членов ЕАЭС остаются актуальными опасения относительно возможности «имперского реванша» России по отношению к государствам Союза и странам Центральной Азии, в первую очередь. Особенно активно в данном вопросе выступают Беларусь и Казахстан. Пример Крыма вызывает определенные сомнения относительно будущего

государств-членов организации ввиду опасений, что ЕАЭС может быть использован как инструмент непосредственного продвижения политической воли Российской Федерации в регионе и вовлечения союзников в сферу своего непосредственного политического влияния, что вызывает соответствующую реакцию со стороны государств-членов ЕАЭС, а именно смену информационной повестки по отношению к Российской Федерации, критику эффективности интеграции на базе ЕАЭС, актуализации новой внутривосточной риторики, направленной на популяризацию иных интеграционных и цивилизационных путей развития и т.д.

Подводя итоги можно отметить следующие промежуточные выводы:

1. Евразийская интеграция и ЕАЭС являются успешными (для постсоветского пространства) проектами, которые в кризисные периоды 1990-х и 2013-2014 гг. консолидировали часть республик бывшего СССР и дали возможность преступить к трансформации региона на основе новых идей, принципов и ценностей.

2. ЕАЭС в данный момент находится перед выбором дальнейшего пути развития, каждый из которых имеет как существенные выгоды, так и значимые недостатки. С одной стороны, продолжение исключительно экономической деятельности с расширением и углублением нынешнего уровня сотрудничества позволит сохранить стабильность организации, но может существенно ослабить ее в будущем при возникновении прямых рисков для ЕАЭС. С другой, при наличии существенных вызовов и угроз для Евразии, общего кризиса современной системы миропорядка и системы международных отношений расширение сфер сотрудничества государств-участников ЕАЭС с охватом политического и внешнеполитического направлений могут способствовать большей устойчивости и продуктивности Союза, но также обострят противоречия между членами организации. Кроме того, расширение состава Союза за счет Ирана автоматически принесет определенную степень политизации в организацию, учитывая имидж Исламской Республики в рамках современных международных отношений.

3. Кризис постсоветского пространства и события 2013-2014 гг. в Украине стали серьезным испытанием для евразийской интеграции и ЕАЭС. Однако, вопреки многим ожиданиям и прогнозам, сыграли одновременно и роль стимула (поскольку государства-участники не хотели повторения «майдана» на своей территории), и роль тормоза (поскольку действия Москвы в рамках Украинского кризиса не получили однозначной поддержки у партнеров по евразийскому проекту).

4. Расширение сфер взаимодействия государств-участников ЕАЭС представляется необходимым и неизбежным процессом, успех которого будет зависеть от множества факторов и последовательности действий, прежде всего, Российской Федерации. Данная трансформация Союза не может проходить быстро и при давлении со стороны Москвы, а должно носить компромиссный характер.

5. Потенциальное расширение сфер взаимодействия государств-участников ЕАЭС не должно на практике привести к политизации в негативном смысле данного понятия, т.е. к снижению темпов экономического сотрудничества и переориентации ресурсов на политические аспекты деятельности. В случае, если расширение сфер интеграции будет иметь место в будущем, данный процесс должен быть последовательным и гармонично сочетать в себе позитивное продвижение в разных направлениях сотрудничества государств-участников, конечной целью которого должно стать создание успешной универсальной организации, обеспечивающей развитие стран-членов и привлекательной для региональных и внерегиональных акторов.

Список литературы и источников

1. Баскакова И.А. Проблемы и перспективы Евразийского экономического союза. Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2016. № 4(6). С. 75-85.
2. Белашенко Д.А., Толкачев В.В., Шоджонов И.Ф. Евразийский экономический союз: перспективы и проблемы интеграции на постсоветском пространстве. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2020. Т. 20. № 3. С. 543-559.
3. Шевченко Б.И. ЕАЭС: противоречия интеграционного взаимодействия. Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2017. № 4-2(10). С. 313-319.

Dmitriy A. Belashchenko, Imomidin F. Shodzhonov

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Politization of the EAEU: possible risks and consequences for European integration

Abstract. The article discusses the prospects for the development of the EAEU in the context of global and regional transformations. The authors identify possible scenarios for the evolution of the structural and functional parameters of the organization in conditions of permanent external influence.

Keywords: integration processes, threats, challenges, global and regional transformations, crisis phenomena.

УДК 327+ 341.213

Золотарев Ф.Е.

Санкт-Петербургский государственный университет

«ЗОНТИЧНАЯ» ПАРАДИПЛОМАТИЯ РЕГИОНА: ОПЫТ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ²

Аннотация. В статье рассматривается парадипломатия Свердловской области на современном этапе. Анализируются формы и виды сотрудничества субъекта Российской Федерации с муниципальными образованиями в международной сфере. Автор приходит к выводу, что парадипломатия внутригосударственного региона опирается на международные контакты городов области и способствует развитию международных межмуниципальных связей.

Ключевые слова: Свердловская область, парадипломатия, регион, город, городская дипломатия.

Современные международные отношения отличаются высоким разнообразием акторов и агентов, которые участвуют в глобальных процессах. Наряду с национальными государствами собственные интересы реализуют некоммерческие организации, общественные дви-

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Свердловской области в рамках научного проекта № 20-414-660001 р_а.

жения, транснациональные компании, регионы и города. Для объяснения международной деятельности субнациональных акторов, например, городов и регионов, ученые прибегают к концепции парадипломатии (с англ. *paradiplomacy*). В рамках нее региональные и муниципальные власти определяются в качестве значимых игроков, что позволяет им участвовать в международных процессах параллельно государствам.

Парадипломатия как отдельная теоретическая рамка используется в работах зарубежных и отечественных ученых, посвященных изучению международного измерения политической, экономической, торговой, культурной, общественной деятельности регионов. В частности, И. Духачек одним из первых предпринял попытку концептуализировать модели участия североамериканских штатов в качестве самостоятельных акторов в 1970-1980 гг. В отношении регионов автор выделил три модели парадипломатии: трансграничную региональную, трансрегиональную дипломатию и глобальную парадипломатию [9]. Дальнейшее развитие темы продолжили учеными из стран Америки и Европы: работы П. Солдатоса, Б. Хокинга дополнили картину относительно форм и моделей участия регионов, в то время как М. Китинг, Х. Й. Михельманн и Н. Корнаго показали важность субнационального уровня для процессов евроинтеграции [1], [8], [9], [10]. В последнее время признание получают труды исследователей, фокус которых направлен на изучение моделей парадипломатии у незападных стран [11], [12].

Отечественные исследования представлены работами, анализирующие международное участие субъектов Российской Федерации: республик, городов федерального значения, областей и краев [4], [5], [7]. Акцент делался прежде всего на изучение приграничных регионов и национальных республик, которые в силу географических и этноконфессиональных особенностей были больше остальных подвержены международному сотрудничеству с территориями других государств. Тем не менее, растет интерес к анализу международных связей внутригосударственных регионов, их ресурсов и инструментов обеспечения внешнеэкономической деятельности. Одним из таких регионов является Свердловская область, международная субъектность которой стала закладываться в 1990 г. [3], [4], [5].

На сегодняшний день Свердловская область представляет собой промышленный регион с высокой долей производственных предприятий, интегрированных в глобальную экономику. В парадипломатической деятельности области можно выделить несколько измерений: экономическую, торговую, культурную и политическую. Создание и использование отдельных институтов регионом позволяет проводить многостороннее сотрудничество с другими регионами и государствами. Свердловской областью поддерживается сотрудничество с 26 зарубежными регионами и странами, что оформлено в рамках соглашений и программах сотрудничества [6]. Свердловская область поддерживает связи с консульствами иностранных государств в регионе, бизнес-миссиями зарубежных государств. Задействование агентства по привлечению инвестиций, использование институтов бизнес-миссий под эгидой Министерства экономического развития России говорит о превалирующей роли экономической и гуманитарной парадипломатии [3]. В регионе проходят ежегодные международные профильные форумы, ярмарки и конференции для представителей бизнеса, общественности, культуры: промышленная выставка «ИННОПРОМ», форум высотного строительства «100+» и др.

Свердловская область активно использует дополнительный ресурс для ведения парадипломатической деятельности. Им выступают муниципалитеты, которые имеют, устанавливают или поддерживаются контакты с зарубежными городами по линии партнерских и побратимских связей. Ввиду скромных финансовых ресурсов у городов в Свердловской обла-

сти для поддержания каналов сотрудничества муниципальные власти кооперируются с региональными институтами. Это проявляется в организации совместных выездных визитов, участием в составе делегации области в международных ярмарках и форумах. Иными словами, парадипломатия Свердловской области способна включать в себя парадипломатию городов, что на практике имеет прагматичный интерес для локального и регионального уровня, способствует интернационализации и городов, и субъекта федерации.

Так, внешние связи Свердловской области укрепляются благодаря поддерживаемым контактам Екатеринбурга (26 зарубежных городов); Нижнего Тагила (6 зарубежных городов); Полевского (3 зарубежных города); Новоуральска, Невьянска, Тавды, Первоуральска, Качканара, Красноуфимска (по 2 зарубежных города); Талицы, Заречного, Ревды (по 1 зарубежному городу). Характер этих отношений закреплен в договорах, которые имеют форму меморандумов, протоколов о намерении, соглашений о партнерстве или побратимских связях. Огромный вклад в развитие межмуниципальных отношений предпринимает Министерство международных и внешнеэкономических связей Свердловской области, Правительство Свердловской области: мероприятия на территории области зачастую становятся площадками для встреч мэров и глав администраций российских и зарубежных городов, обсуждением аспектов сотрудничества и намерений по заключению договоренностей. В ответ субъект федерации получает дополнительный механизм реализации собственных интересов в экономической и гуманитарной сфере.

В частности, пример Екатеринбурга наглядно иллюстрирует, что тесное сотрудничество городских и региональных властей отвечает интересам обеих сторон. Продвижение города в качестве площадки для проведения ШОС, БРИК, Саммита Россия-ЕС, Глобального саммита по производству и индустриализации и других событий в период с 2008 по 2020 гг. способствовал росту осведомленности о городе в мире, что отразилось в росте интереса иностранных инвесторов и числа консульских представительств в городе. Тем не менее, включение парадипломатии города в парадипломатию региона может привести к негативным последствиям для городской власти. Возможен риск десубъективации, перенимания целей и задач региона, что также накладывает ограничения и обязательства на город в области внешних связей [2].

Таким образом, парадипломатия Свердловской области дополняется парадипломатией муниципальных образований на территории субъекта федерации. Происходит формирование «зонтичной» модели парадипломатии области, которая включает в себя международные контакты между муниципалитетами. Сотрудничество между местным и региональным уровнем власти решает задачи обоих уровней, однако это сопряжено большими рисками для городов, которые ограничиваются в вопросах международного сотрудничества, становясь объектами и инструментами в целях достижения интересов региональной власти.

Список литературы и источников

1. Благодатских В. Г., Керимов А. А. Парадипломатия как категория политической науки: теоретико-методологические подходы и научные школы // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2018. №1(17). С. 158-166.

2. Золотарев Ф. Е. Город Екатеринбург как глобальный актор в современных международных отношениях // Вестник Пермского университета. Серия Политология. 2021. Т. 15. №2. С. 71-81.
3. Михайленко Е. Б., Вербицкая Т. В. Становление и развитие парадипломатической деятельности Свердловской Области (с 1991 г. по настоящее время) // Вестник Пермского университета. Серия Политология. 2018. №1. С. 141-157.
4. Михайленко Е. Б., Вербицкая Т. В. Роль институтов парадипломатии в регионализации Свердловской Области // Дискурс-Пи. 2018. Т.18. №1(30). С. 57-64.
5. Наронская А. Г. Роль региональной элиты в развитии международной деятельности субъекта федерации (опыт Свердловской Области) // Ars Administrandi. Искусство управления. 2018. Т.11. №3. С. 384-400.
6. Соглашения // Министерство международных и внешнеэкономических связей Свердловской области. URL: <https://mvs.midural.ru/soglasheniya> (дата обращения: 20.09.2021).
7. Худoley X. К. и Ланко Д. А. Санкт-Петербург в Балтийском регионе // Балтийский регион. 2009. №1. С. 64-76.
8. Hocking B. Bridging Boundaries: Creating Linkages. Non-Central Governments and Multilayered Policy Environments // Welt Trends. 1995. №11. P. 36-51.
9. Kuznetsov A. S. Theory and Practice of Paradiplomacy. Subnational governments in international affairs. - New York : Routledge, 2015. 174 p.
10. Michelman H. J., Soldatos P. Federalism and International Relations. The Role of Subnational Units. Oxford: Clarendon Press, 1990. 322 p.
11. Pietrasiak M., Bywalec G., Kaminski T., Mierzejewski D., Slowikowski M. Paradiplomacy in Asia. Case studies of China, India and Russia. - Lodz : Lodz University Press, 2018. 229 p.
12. Tavarez R. Paradiplomacy: City and States as Global Players. - Oxford : Oxford University Press, 2016. 272 p.

Fedor E. Zolotarev

Saint Petersburg State University

Umbrella paradiplomacy of a region: a case of Sverdlovsk oblast

Abstract. The article deals with the modern paradiplomacy of Sverdlovsk oblast. The forms and types of cooperation between the federated subject of the Russian Federation and located in the region municipalities in the international sphere are analyzed. The author concludes that the paradiplomacy of the hinterland region relies on international contacts of cities and contributes to the development of international relations among cities.

Keywords. Sverdlovsk oblast, paradiplomacy, region, city, city diplomacy.

«КИТАЙСКИЙ СЛЕД» В ЗАХВАТЕ АФГАНИСТАНА ТАЛИБАМИ

Аннотация. В августе этого 2021 года мир стал свидетелем шокирующих событий на Ближнем Востоке – возвращения Талибана (запрещенная в РФ организация) к власти в Афганистане. Это произошло спустя 20 лет после того, как США и союзники свергли их власть в стране. Китай – пожалуй, одна из немногих стран, которая обладает достаточными ресурсами для заполнения образовавшегося после ухода США вакуума в Афганистане. В связи с этим особую актуальность приобретает вопрос о месте и роли Китая в процессе смены власти в Кабуле.

Ключевые слова: Китай, Афганистан, Талибан, США, терроризм.

Стремительный приход к власти в Афганистане Талибана (запрещенная в РФ организация) в течение считанных недель не находит внятного объяснения как у простых обывателей, так и у экспертов в области международных отношений, инсайдеров и лиц, принимающих политические решения. Например, министр иностранных дел РФ С.В. Лавров в преддверии захвата Афганистана талибами публично заявил, что необходимо полагаться на данные ЦРУ, гласившие, что правительство бывшего президента Афганистана Ашрафа Гани сумеет устоять и для того, чтобы его сместить понадобится очень длительное время [7]. Советник С.В. Лаврова по афганской проблеме, российский дипломат З.М. Кабулов также призывал довериться данным ЦРУ и заявлял, что талибы не смогут захватить Афганистан в ближайшее время [6]. Однако уже через несколько дней эти заявления пришлось опровергнуть. В связи с этим молниеносный захват Афганистана движением Талибан остается дискуссионным вопросом.

В свою очередь, Китай отреагировал спокойно и осторожно, как будто Пекин всегда был готов к такой смене обстановки. Во время очередной пресс-конференции официальный представитель министерства иностранных дел КНР Хуа Чуньин отметила, что Китай уважает суверенитет Афганистана и волю всех группировок в стране и надеется, что Талибан сможет проявить солидарность по отношению ко всем этнополитическим силам Афганистана, который образовался в результате ухода США, всегда были ожидаемыми [5].

Китай – пожалуй, единственная страна, которая обладает достаточными ресурсами для занятия соответствующего места в Афганистане после ухода США. В связи с этим особую актуальность приобретает вопрос о месте и роли Китая в процессе смены власти в Кабуле.

Данная статья призвана ответить на этот вопрос на основе изучения доступных источников (в первую очередь, заявления официальных лиц двух стран) и анализа существующих точек зрения.

После падения Кабула в августе текущего года в западных СМИ стали появляться статьи с громкими заголовками не только о поддержке сил Талибана Китаем, но и о связях КНР с этой террористической организацией [4]. В основном, источник информации о том, что талибы представляют из себя ни что иное как марионеточную силу Китая, являются США и их союзники. За тридцать лет Соединенные Штаты Америки прошли путь от безусловного доминирования в мировой политике до грандиозного фиаско и необходимости отстаивать свои позиции в новой холодной войне с динамично развивающимся соперником – Китаем. Бывшие официальные лица США сделали ряд заявлений о том, что после взятия Афганистана, Китай займет авиабазу Баграм. Эту информацию опровергли как представители Китая, так и официальный Кабул. На данный момент, можно констатировать, что присутствие китайского контингента ни на одной из авиабаз Афганистана не обнаружено.

Версия о причастности КНР к успешному захвату Афганистана талибами выгодна тем, кто хочет скрыть реальные причины такой быстрой победы Талибана над афганской армией.

Так, первым населенным пунктом, который захватил Талибан, является находящийся в тысяче километрах от афгано-китайской границы город Герат. В то время как район Бадахшан, напрямую граничащий с Китаем, был захвачен последним.

Поскольку Талибан получил официальное признание в качестве политической партии после подписания с Соединенными Штатами в феврале 2020 года Соглашения о восстановлении мира в Афганистане, также известного как Дохинское соглашение [1, с. 3], Китай решает активизировать свое взаимодействие с Талибаном. В четвертом трехстороннем диалоге между Китаем, Пакистаном и Афганистаном, состоявшемся 3 июня 2020 года, министр иностранных дел Китая Ван И официально приветствовал возвращение Талибана к «мейнстриму» в политике [3].

Интересно отметить, что Китай пригласил талибов на переговоры в Пекин. С талибами ведут переговоры китайские послы. Учитывая особенности восточной (китайской) дипломатической риторики, становится очевидным тот факт, что Китай рассматривает Талибан как равного партнера, а не марионетку. Китай для Талибана – это страна, которая пытается выстроить с правящей в Афганистане террористической организацией диалог, с целью реализации своих экономических проектов, в том числе таких как создание транспортного коридора, связывающего Китай с Ираном [2].

В связи с этим можно сделать вывод о том, что реальных фактов, доказывающих, что Китай оказал непосредственную помощь Талибану в захвате Афганистана нет. Китайских советников в масштабе, достаточном для взятия Кабула, в Афганистане не присутствовало. Представляется более вероятным, что успешному захвату Афганистана талибами могли способствовать стратегические просчеты американской политики в регионе, неадекватность оценок реальной ситуации в стране и недееспособность правительства А. Гани и афганской армии.

Список литературы и источников

1. Agreement for Bringing Peace to Afghanistan between the Islamic Emirate of Afghanistan which is not recognized by the United States as a state and is known as the Taliban and the United States of America, 29 February 2020 // The United States Government [official website]. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/02/Agreement-For-Bringing-Peace-to-Afghanistan-02.29.20.pdf> accessed: (25.09.2021).
2. China Embraces High-Stakes Taliban Relationship as U.S. Exits, 17 August 2021 // Bloomberg. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-08-16/china-enters-high-stakes-relationship-with-post-u-s-afghanistan> accessed: (25.09.2021).
3. China, Afghanistan, Pakistan reach 8-point consensus on promoting Afghanistan's peace process, 4 June 2021 // CGTN. URL: <https://news.cgtn.com/news/2021-06-04/China-Afghanistan-Pakistan-vow-to-work-for-peace-in-Afghanistan--10OhCm8xh9m/index.html> accessed: (25.09.2021).
4. For China, the return of the Taliban poses more risk than it does opportunity, 16 August 2021 // CNN. URL: <https://edition.cnn.com/2021/08/16/china/china-afghanistan-taliban-mic-intl-hnk/index.html> accessed: (25.09.2021).
5. Foreign Ministry Spokesperson Hua Chunying's Regular Press Conference on August 16, 2021 // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China [official website]. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/xwfw_665399/s2510_665401/2511_665403/t1899785.shtml accessed: (25.09.2021).
6. Кабулов З.М. «Захват Кабула был для нас неожиданным. Мы переоценили вооруженные силы Афганистана» / беседовали Майерс М., Соломин А. // Эхо Москвы. 16 августа 2021. – Режим доступа: <https://echo.msk.ru/programs/razvorot-morning/2887954-echo/> (дата обращения: 29.09.2021).
7. Лавров рассказал о прогнозах падения Кабула [Электронный ресурс] // РИА новости. - Режим доступа: <https://ria.ru/20210812/lavrov-1745485740.html> (дата обращения: 29.09.2021).

Olesya I. Balyuk

Samara National Research University

“Chinese mark” in the capture of Afghanistan by the Taliban

Abstract. On August 2021, the world shockingly witnessed the Taliban (banned in Russia) returning to power in Afghanistan after 20 years. China is probably one of the few countries that has sufficient resources to fill the vacuum left by the US withdrawal. In this regard, the issue of the place and role of China in the process of power change in Kabul is of particular relevance.

Keywords: China, Afghanistan, the Taliban, US, terrorism.

ВЛИЯНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ САНКЦИЙ ЗАПАДА НА ЭКОНОМИКУ РОССИИ

Аннотация. Экономические санкции в современных международных отношениях играют важную роль. Государства вводят различные ограничительные меры из-за разногласий или же совершения каких-либо экономических или политических действий. Россия с 2014 года находится под давлением крупных экономик мира таких как: США, Канады, Великобритании, ФРГ и многих других. Нельзя так же забывать о том, что санкции с каждым годом только усиливались. Мы стали свидетелями того, что санкции вводились против тех компаний, которые приносили российской экономике наибольший доход. Вплоть до сегодняшнего дня мы видим падение рубля и повышение курса доллара и евро, что наносит серьезный ущерб экономике России.

Ключевые слова: санкции, сильнейшие экономики, крупные компании, доллар.

На сегодняшний день мы живем в мире, когда все экономики в той или иной степени связаны друг с другом. Государства заключают различные торговые соглашения между собой и тем самым увеличивают рост экономики. Однако в случае разногласий по тем или иным вопросам они могут начать применять экономические санкции. Как говорил франко-швейцарский политик Бенджамин Констан: «Война и торговля - два разных пути к одной и той же цели, которая состоит в обладании желаемым» [1, с. 480]. По своему внутреннему содержанию экономические санкции представляют собой «преднамеренный, инициированный государством разрыв или угрозу разрыва нормальных торгово-финансовых отношений». Основная цель санкций состоит в том, чтобы страна – объект санкций поменяла свое поведение, а не в том, чтобы наказать или каким-либо образом причинить ей вред. Введение различного рода санкций в политических целях можно классифицировать по степени их мощности, как этапы во все возрастающем политическом давлении на государство, либо в совокупности с теми политическими задачами, которые применяемые санкции стараются решить.

Стоит отметить, что экономические санкции в XXI в. превратились в распространенный инструмент международной политики: если в 1990-е годы в мире одновременно действовали несколько санкционных режимов ООН, как например в Северной Корее, то в 2018 году их число увеличилось. После событий 2014 года, когда к России был присоединен Крым, и началась война на юго-востоке Украины, западные державы во главе с США ввели санкции против нашей страны.

С того момента Россия живет в условиях санкционного противостояния с крупнейшими экономиками мира – Европейским Союзом, Канадой, Соединенными Штатами Америки, а также рядом других государств, значительно превосходящим Российскую Федерацию по уровню развития и размеру экономической мощи. По данным Всемирного банка, ВВП на душу населения (долл. 2017 г.) в ЕС и в США превышал российский показатель в 3,1 и 5,5 раза соответственно. В тех же измерениях ВВП ЕС был больше российского примерно в

11 раз, а США – в 12,5 раза. Если на первом этапе речь шла об индивидуальных санкциях, направленных против отдельных лиц и компаний, не относящихся к системно значимым, то в дальнейшем (с июля 2014 г.) были введены секторальные санкции, ограничившие возможности зарубежного финансирования для ведущих госбанков и компаний нефтегазового сектора, а также затруднившие доступ последних к передовым технологиям добычи.

В настоящее время, в связи с разрастающимся международным конфликтом вокруг Украины, западные страны, в первую очередь Соединенные Штаты Америки, все шире применяют против России различные элементы экономической дипломатии и хотят увеличить объём применяемых санкций.

Присоединение Крыма к Российской Федерации было расценено США и ЕС как нарушение территориальной целостности и независимости Украины, в связи с чем в отношении России были применены международно-правовые санкции экономического характера, тяжесть которых с течением времени увеличивалась. Изначально США и ЕС ограничивались лишь санкциями, связанными с приостановлением международного сотрудничества в различных сферах, но «ввиду тяжести ситуации» санкции были расширены введением сначала персональных, а затем и секторальных санкций, после чего Россия предприняла ответные меры.

Последующее расширение санкций в апреле – мае 2014 года произошло в связи с обострением ситуации на востоке Украины. Организаторы санкций обвинили Россию в действиях, направленных на подрыв территориальной целостности Украины, в частности, в поставке оружия пророссийским повстанцам.

Более того, после катастрофы Boeing 777 санкционный список был расширен [3]. Таким образом, в ответ на третий пакет санкций Россия 6 августа 2015 года ввела продовольственное эмбарго, содержанием которого явился запрет ввоза мясной и молочной продукции, рыбы, фруктов, овощей и орехов из таких стран как ЕС, США, Австралии, Канады и Норвегии.

В 2016 году, когда в США проходили выборы президента и победу одержал Д. Трамп, американская сторона обвинила руководство России в хакерских атаках, которые помогли ему одержать победу на выборах. 29 декабря 2016 года власти США выслали из страны 35 российских дипломатов, наложили арест на два дипломатических объекта в штатах Нью-Йорк и Мэриленд. В санкционный список вошли пять российских организаций, в их числе Федеральная служба безопасности, Главное управление Генштаба Вооруженных сил России и шесть человек. В последующие годы США и ЕС неоднократно принимали решение о продлении и введении новых санкций из-за помощи сирийскому президенту Асаду, Россию также обвиняли в бомбардировках мирных жителей.

После того, как Дж. Байден стал президентом США, он заявил о том, что Российская Федерация заплатит за кибератаки, новые вмешательства в выборы 2020 года. Также существует риск введения санкций против российского «Аэрофлота» в связи с обострением миграционной ситуации на польско-белорусской границе [4].

В связи с тем, что Россия подверглась давлению с стороны западных держав, у нее начали складываться более тесные отношения с странами Африки, Азии и Латинской Америки. Доля Китая во внешнеторговом обороте России в 2020 году составила 18,3101% против 16,6405% в 2019 году. По доле в российском товарообороте в 2020 году Китай занял

1 место (в 2019 году – также 1 место) [5]. Россия и ЮАР развивают сотрудничество в неэнергетических приложениях ядерных технологий. В июле 2018 года Компания "Русатом Хэлскэа" (входит в Росатом) и Корпорация по атомной энергии ЮАР (NECSA) подписали соглашение о сотрудничестве в ядерной медицине, в частности в диагностике и лечении рака в Африке и на других континентах.

Таким образом можно сделать вывод, что от введения санкций российская экономика значительно пострадала, одновременно с этим они способствовали существенной структурной перестройке внешнеэкономических отношений России.

Список источников и литературы

1. Блэквилл Р.Д., Харрис М. Война иными средствами, М., 2017. С. 480.
2. Тимофеев И.Н., Морозов В.А., Тимофеева Ю.С. Политика санкций: цели, стратегии, инструменты: хрестоматия Издание 2-е, переработанное и дополненное. М., 2020 С. 452.
3. BBC//Британская газета//Химическая реакция. Какими потерями грозят России санкции США из-за отравления Навального? URL: <https://www.bbc.com/russian/features-56517274#:~:text=%D0%A1%D0%B0%D0%BD%D0%BA%D1%86%D0%B8%D0%B8%2C%20%D0%B2%D1%81%D1%> (Дата обращения: 12.12.2021).
4. Ведомости// Российская газета// Реальны ли санкции против «Аэрофлота» за доставку мигрантов URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2021/11/12/895609-realni-li-sanktsii-protiv-aeroflota> (Дата обращения: 12.12.2021).
5. Внешняя Торговля России//Торговля между Россией и Индией в 2019 г. URL: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2020-02/torgovlya-mezhdu-rossiey-i-indiey-v-2019-g/> (Дата обращения: 12.12.2021).

Igor V. Rogodev

Samara National Research University

The impact of Western economic sanctions on the Russian economy

Economic sanctions today play an important role. States introduce various restrictive measures due to disagreements or the commission of any economic or political actions. Since 2014, Russia has been under pressure from major world economies such as the United States, Canada and many others. We have witnessed that sanctions were imposed against those companies that brought the greatest income to the Russian economy. Until today, we see the fall of the rouble and the rise of the dollar and the euro, which greatly harms economy of Russia.

Keywords: sanctions, strongest economies, large companies, dollar.

СЕКЦИЯ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

«Международное право и мировой порядок в 21 веке»

УДК 341.1/8

Петрунина А.А., Розенцвайг А.И.

*Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева*

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, СОЗДАВАЕМЫХ В КОСМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению вопроса о регулировании использования результатов интеллектуальной деятельности, которые создаются в космическом пространстве. Анализируются положения существующих нормативно-правовых актов, делается акцент на международных соглашениях, заключаемых в целях развития сотрудничества в космической деятельности. Делается вывод о необходимости совершенствования правового регулирования в указанной сфере.

Ключевые слова: результат интеллектуальной деятельности, космическое пространство, международное право, авторские и смежные права, интеллектуальная собственность.

Направления проводимых исследований в космическом пространстве обширны. Принимая во внимание, что наука и исследования неразрывно связаны с появлением результатов интеллектуальной деятельности, а также с учетом расширением частного сектора в космосе, можно говорить об актуальности рассматриваемого вопроса.

Стоит также отметить, что существующие нормы, как на национальном, так и на международном уровнях не обеспечивают полноценную охрану результатов интеллектуальной деятельности, а фундаментальные акты в сфере космического права, как правило, не содержат положений, касающихся права интеллектуальной собственности. Вместе с тем, ряд источников все же закрепляет принципы права интеллектуальной собственности.

Так, пункт Н. «Авторские и смежные права» Принципов использования государствами искусственных спутников Земли для международного непосредственного телевизионного вещания (далее - Принципы) закрепляет обязанность государств сотрудничать в рамках двусторонних и многосторонних соглашений в деле защиты авторских и смежных прав путем заключения соответствующих соглашений между заинтересованными государствами или компетентными юридическими лицами, действующими под их юрисдикцией [1].

Так, в 2019 году проводились переговоры о заключении двустороннего договора между Российской Федерацией и Республикой Ангола, предусматривающего необходимость своевременного информирования друг друга обо всех результатах интеллектуальной деятельности, подлежащих правовой охране в качестве объектов интеллектуальной собственности, и взаимодействия в целях осуществления регистрации и выполнения других формальных процедур по обеспечению такой охраны [3]. В 2020 году был одобрен аналогичный проект Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Боливарианской

Республики Венесуэла о сотрудничестве в исследовании и использовании космического пространства в мирных целях. Вышеуказанные акты не вступили в силу.

На наш взгляд, это проблема не подхода, а сферы его реализации. Подобные соглашения успешно заключаются и действуют, например, Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством королевства Эсватини о взаимной охране результатов интеллектуальной деятельности и защите интеллектуальной собственности в ходе двустороннего военно-технического сотрудничества.

Идея взаимодействия договорным путем развивается и в Соглашении относительно сотрудничества по международной космической станции гражданского назначения (далее - Соглашение) закрепляет экстерриториальный принцип создания результатов интеллектуальной собственности: любая деятельность, осуществляемая внутри или на орбитальном элементе космической станции, рассматривается как деятельность, осуществляемая только на территории государства - партнера, зарегистрировавшего этот элемент, при этом Государство - партнер не применяет свои законы о секретности изобретений по отношению к изобретению, сделанному внутри или на любом орбитальном элементе космической станции лицом, не являющимся его гражданином или не проживающим в нем, таким образом, чтобы это могло воспрепятствовать подаче заявки на патент [2].

Анализ приведенных актов позволяет говорить о ряде проблем, возникающих в связи с их реализацией. Во-первых, положения Принципов сосредоточены на объектах авторского и смежных прав, что логично, исходя из целей принятия данного документа. При этом сфера применения данных норм существенно ограничена. Во-вторых, Принципы носят универсальный характер, а соглашения о защите авторских и смежных прав, заключаемые между заинтересованными государствами или компетентными юридическими лицами, действующими под их юрисдикцией, не должны противоречить им, что указывает на необходимость принятия документа, который будет являться универсальным регулятором отношений, возникающих в связи с созданием объектов интеллектуальной собственности.

Таким образом, развитие коммерциализации космического пространства указывает на назревшую необходимость дополнительного регулирования интеллектуальной собственности. Решением этой проблемы может стать разработка Конвенции о правах на результаты интеллектуальной деятельности, возникающие в космическом пространстве. Одним из центральным пунктом данного документа должно стать урегулирование вопроса о принимаемых государствами мерах для обеспечения их охраны.

Список литературы и источников

1. Принципы использования государствами искусственных спутников Земли для международного непосредственного телевизионного вещания: док. ООН A/RES/37/92, 10 дек. 1982 г. [Электронный ресурс]. СПС «Гарант».

2. Соглашение между Правительством Канады, Правительствами государств - членов Европейского космического агентства, Правительством Японии, Правительством Российской Федерации и Правительством Соединенных Штатов Америки относительно сотрудничества по международной космической станции гражданского назначения. [Электронный ресурс]. СПС «Консультант Плюс».

3. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Ангола о сотрудничестве в области исследования и использования космического пространства в мирных целях. [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-11/55629 (дата обращения 30.09.2021).

Alena A. Petrunina, Anna I. Rozentsvaig
Samara National Research University

Legal regulation of the results of intellectual activities established in outer space

Abstract. The article deals with the regulation of the use of intellectual activities generated in outer space. It analyses the provisions of existing legislation and focuses on international agreements concluded to promote cooperation in space activities. The authors concluded that there is a need to improve the legal regulation in this area.

Keywords: results of intellectual activities, outer space, international law, copyright and related rights, intellectual property.

УДК 341.1/8

Коньгин Р.А.
Российский университет дружбы народов

КОНВЕНЦИЯ О РЕГИСТРАЦИИ ОБЪЕКТОВ, ЗАПУСКАЕМЫХ В КОСМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: ПРЕДПОСЫЛКИ И ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Аннотация: В данной работе рассматриваются достижения режима регистрации объектов, запущенных в космическое пространство. Также, анализируются конкретные требования Конвенции о регистрации через призму её исторического развития. Наконец, в документе обоснована рекомендация о необходимости совершенствования режима регистрации космических объектов, по мониторингу выполнения требований и обязательств в рамках Конвенции о регистрации и, следовательно, как достичь максимальной прозрачности космической деятельности.

Ключевые слова: международное право, международное космическое право, конвенция о регистрации, механизм регистрации объектов, запускаемых в космическое пространство, управление космическим движением.

Согласно Индексу объектов, запущенных в космическое пространство, который ведет UNOOSA, на конец апреля 2021 года в космосе находилось 7 389 отдельных спутников, что на 27,97% больше, чем в 2020 году [9]. В 2020 году было запущено 1 283 спутника, что является самым большим количеством запусков спутников за год по сравнению со всеми предыдущими. Однако в 2021 году, по данным на конец апреля, будет запущено почти 850 спутников, что составляет 66,25% от 2020 года.

Давление на международных механизм регистрации объектов, запускаемых в космическое пространство возрастает с каждым днем. Спустя практически 50 лет после вступления Конвенции о регистрации объектов, запускаемых в космическое пространство (далее – Конвенция о регистрации) [1] в силу необходимо оценить эффективность механизма как важного для управления космическим движением инструмента, особенно с точки зрения его актуальности в условиях развивающейся космической деятельности.

Конвенция о регистрации, стала четвертым документом, посвященным исключительно космосу, который был разработан Комитетом ООН по использованию космического пространства в мирных целях (далее – COPUOS).

Дискуссия о необходимости предоставлять информацию о запущенных объектах началась еще во время Международного геофизического года. [8, р. 2]. В его рамках ученые пришли к выводу о необходимости набора руководящих принципов, которые гарантировали обмен информацией о таких запусках. В 1962 году был создан Комитет по космическим исследованиям (далее – COSPAR). COSPAR выпустил собственный свод правил для запуска научных миссий, тем самым проложив путь к сотрудничеству и обмену информацией для всех типов запусков [4].

В контексте ООН вопрос о необходимости регистрации космических объектов был поднят на специальном заседании COPUOS в 1959 году [10], что в итоге повлияло на принятие резолюции 1721 (XVI) В Генеральной Ассамблее ООН от 1961 года. [11] Эта резолюция призвала государства предоставлять информацию о запусках на добровольной основе и поручила Генеральному секретарю ООН вести публичный реестр всей полученной информации. Однако в ней отсутствовали однородные требования к содержанию, которое должно быть представлено, и государствам оставалось на усмотрение вид и объем информации, передаваемой в ООН.

В течение нескольких лет после принятия Резолюции 1721 В (XVI) государства добровольно направляли в ООН информацию о регистрации. Эти акты о регистрации образуют государственную практику, которая является не только добровольным, но и *opinion juris*. Таким образом, юридическое обязательство по регистрации космических объектов, предусмотренное Резолюцией 1721 В (XVI), стало обычным международным правом. Однако потребовалось еще десятилетие обсуждений для окончательного согласования объема передаваемой информации и другие обязательства для принятия Конвенции о регистрации.

Первой страной, представившей проект предложения относительно механизма регистрации, была Франция в 1968 году [12]. Французское предложение состояло из пяти основных статей и преамбулы, и оставляло на усмотрение государств определение национальных требований к национальному регистру. На международном уровне Франция предложила минимум, который должен был быть предварительно согласован. Эти минимальные требования обязывали государства предоставить следующую информацию: название организации, осуществляющей запуск; закон, применимый в случае закупки международной межправительственной организации (далее – МПО) или совместного запуска; создание национального регистра, который будет открыт для общественности. Кроме того, было предложено установить определенные спецификации по маркировке космических объектов. Предложенный рабочий документ послужил основой для последующих проектов и обсуждений [4]. Это было

связано с тем, что он был достаточно подробным и провидчески рассматривал юридический вопрос, который будет очень актуален в будущем.

В 1969 году Юридическим подкомитетом COPUOS была принята резолюция, в которой Научно-техническому подкомитету предложено изучить техническую сторону регистрации и сравнить практику регистрации других специализированных учреждений ООН, таких как Международный союз и Международная организация гражданской авиации [13]. Два года спустя, в 1971 году, ЮПК решил включить вопрос о регистрации в повестку дня своей сессии 1972 года. На этой сессии Канада выдвинула проект конвенции о регистрации объектов, запускаемых в космическое пространство. После многочисленных консультаций рабочая группа и ЮПК согласовали единый окончательный проект текста с преамбулой и 12 статьями, который был принят 28 мая 1974 года ЮПК. Полгода спустя, 12 ноября 1974 года была официально принята Конвенция о регистрации. Она довольно быстро вступила в силу 15 сентября 1976 года.

Конвенция о регистрации является важной вехой в истории космического права. Она принесла с собой новшества и способствовала укреплению связей между всеми космическими договорами. Это укрепление связи между всеми существующими космическими договорами оказало общее влияние на укрепление и смягчение краеугольного камня всей космической деятельности – мирных целей. Своими добросовестными усилиями государства признали ценность и важность регистрации запускаемых космических объектов.

Однако Конвенция о регистрации проходит испытания в свете появления новых участников космической деятельности. Она не дает достаточного ответа на вопрос, как справиться с новыми вызовами, а отсутствие какой-либо системы проверки и контроля предоставляемой информации открывает двери для злоупотреблений. В многочисленных научных трудах предлагаются поправки к Конвенции о регистрации. Новый виток развития космической деятельности и изменение отношения к ней требуют пересмотра основных положений Конвенции. Конвенция о регистрации, конкретизирующая Статью VIII Договора по космосу, явно отстаёт от стремительного развития коммерциализации космоса, что было совершенно немыслимо 30 лет назад.

Большинство участников Конвенции о регистрации добросовестно пытаются предоставить соответствующую информацию. Тем не менее, неоднозначность в требованиях, плохая обратная связь и отсутствие контроля в системе привели к значительным недостаткам, которые позволяют скрывать злоупотребления.

Список источников и литературы

1. Конвенция о регистрации объектов, запускаемых в космическое пространство, 12 ноября 1974// Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. – 1974. – Режим доступа: <https://vk.cc/9vUXXR> – Дата доступа: 20.09.2021.
2. Колосов Ю.М., Сташевский С.Г. Борьба за мирный космос: Правовые вопросы / 2-е изд., стер. М.: Статут, 2014. С. 85.
3. Bohlmann, U. Article VII. In S. Hobe, B. Schmidt-Tedd, & K.-U. Schrogl (Eds.), Cologne commentary on space law (Vol. II). Cologne, Germany: Carl Heymanns Verlag. 2013. P. 310-314.

4. Galloway, E. Convention on registration of objects launched into outer space: Analysis and background data, STFF report. 94th Congress, 1st session. Washington DC, US Government Printing Office, 2005.
5. Jakhu, R., Jasani, B., & McDowell, J. C. (2017). Critical issues related to registration of space objects and transparency of space activities. *Acta Astronautica*, 143, 406-420.
6. Lyall, F., & Larsen, P. B. *Space law: A treatise* (2nd ed.). New York, NY: Routledge. 2018.
7. Matte, N. M. The convention on registration of objects launched into outer space in annals of air and space law (Vol. I). In *Annals of Air and Space Law*. Toronto, ON: McGill. 1976.
8. Schmidt-Tedd, B., & Gerhard, M. How to adapt the present regime for registration of space objects to new developments in space applications? 56th International Astronautical Congress of the International Astronautical Federation, the International Academy of Astronautics, and the International Institute of Space Law. Fukoka, Japan, 2005. P. 2.
9. Online Index of Objects Launched into Outer Space [Электронный ресурс] // UNOOSA. – Режим доступа: <https://vk.cc/c39mPG> – Дата доступа: 20.09.2021.
10. Report of the Ad Hoc Committee on the Peaceful Uses of Outer Space, UN Doc. A/4141 July 14, 1959 [Электронный ресурс] / United Nations. – 1959. – Режим доступа: <https://vk.cc/c38xaP> – Дата доступа: 20.09.2021.
11. International Co-operation in the Peaceful Uses of Outer Space: Resolution adopted by the General Assembly on 20 December 1961 RES 1721 (XVI) [Электронный ресурс] / United Nations. – 1961. – Режим доступа: <https://vk.cc/9vUZh3> – Дата доступа: 20.09.2021.
12. France: Proposal 18 June 1968, UN Doc. A/AC.105/C.2/L.45 [Электронный ресурс] / United Nations. – 1968. – Режим доступа: <https://vk.cc/c38CbL> – Дата доступа: 20.09.2021.
13. Report of the Legal Subcommittee on the Work of Its Eight Session, UN Doc. A/AC.105/58. June 9–July 4, 1969 [Электронный ресурс] / United Nations. – 1969. – Режим доступа: <https://vk.cc/c38D8p> – Дата доступа: 20.09.2021.

Ruslan A. Konygin

Peoples' Friendship University of Russia

The Convention on Registration of Objects Launched into Outer Space: prerequisites and historical context

Abstract. The article examines the achievements of the registration regime for objects launched into outer space. It also analyzes the specific requirements of the Registration Convention through the prism of its historical development. Finally, the paper provides a rationale for the recommendation on the need to improve the registration regime for space objects, on monitoring compliance with the requirements and obligations under the Registration Convention and, therefore, on how to achieve maximum transparency in space activities.

Keywords: public international law, international space law, the Registration Convention, registration mechanism for objects launched into outer space, space traffic management.

ЗАЩИТА ПРАВ УЧРЕДИТЕЛЕЙ КОММЕРЧЕСКИХ БАНКОВ В ПРАКТИКЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

Аннотация: в работе проанализирован механизм международной защиты прав учредителей банков при исчерпании ресурсов национальной судебной системы при рассмотрении дел о банкротстве кредитных организаций. Рассмотрены тезисы, сформулированные ЕСПЧ, противоречащие российскому банковскому законодательству.

Ключевые слова: ЕСПЧ, банк, отзыв банковской лицензии, банкротство банка, защита прав в ЕСПЧ.

Банки и банковские системы являются основным механизмом для функционирования экономики. В современных условиях формирования глобальной экономики можно говорить о возрастании роли международно-правового регулирования банковской деятельности. Большое значение для данных процессов имеет нормотворческая деятельность международных организаций, а также практика Европейского суда по правам человека (далее – «ЕСПЧ»). Однако в связи с изменением внешнеполитической обстановки в марте 2022 года Россия начала процедуру выхода из Совета Европы, что может привести к невозможности российских граждан обращаться в ЕСПЧ. Тем не менее, находящиеся в производстве дела по уже поданным жалобам должны быть рассмотрены.

Предметом разбирательства в ЕСПЧ является рассмотрение жалобы по поводу нарушения органами государства прав граждан. Подача жалобы в ЕСПЧ может быть осуществлена в случае исчерпания национальных механизмов защиты нарушенных прав.

В последнее время в Российской Федерации мегарегулятором экономики – Банком России – осуществляется политика укрупнения банковской системы в отношении коммерческих банков. С 2013 года количество коммерческих банков сократилось с 894 до 334, а основным механизмом Центрального банка РФ стал отзыв лицензии на осуществление банковской деятельности. В соответствии с Федеральным законом «О банках и банковской деятельности» [2] отзыв лицензии является крайней мерой воздействия регулятора на банк, не соблюдающий законодательство и подрывающий экономическую стабильность государства.

Отзыв лицензии является отправной точкой для инициирования процедуры банкротства кредитной организации, которая осуществляется арбитражным судом. При инициировании дела о банкротстве Банк России выступает в роли органа банковского регулирования и надзора, а не рядового участника дела о банкротстве. Банк России участвует в ликвидационной части процедуры банкротства банка как конкурсный кредитор и как орган банковского регулирования и надзора.

Отзыв лицензии у кредитной организации является необходимым этапом, предшествующим инициированию процедуры банкротства банка. Однако на практике возникает вопрос о судьбе данной процедуры, если приказ Банка России об отзыве лицензии оспорен. Согласно ст. 189.67 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» оспаривание в

судебном порядке приказа Банка России об отзыве у кредитной организации лицензии на осуществление банковских операций не препятствует принятию арбитражным судом заявления о признании кредитной организации банкротом и не является основанием для приостановления производства по делу о признании ее банкротом [3].

Решение арбитражного суда о признании недействительным приказа Банка России об отзыве у кредитной организации лицензии на осуществление банковских операций, вступившее в законную силу после принятия арбитражным судом заявления о признании кредитной организации банкротом, не препятствует рассмотрению дела о ее банкротстве по существу. Таким образом, даже признание арбитражным судом приказа об отзыве лицензии незаконным не является основанием для восстановления действия лицензии, что неоднократно было подтверждено российской судебной практикой [5, с. 65].

Так, в 2018 году Банк России отозвал лицензию на осуществление банковской деятельности у АО КБ «Тагилбанк». Российскими арбитражными судами не рассматривалось требование о признании приказа Банка России незаконным, однако в ходе конкурсного производства конкурсными кредиторами банка не были приняты отчет о финансовой деятельности конкурсного управляющего и финансовой состоятельности банка. С момента запуска процедуры банкротства кредиторы банка не раз жаловались на неэффективные траты и сокрытие информации о расходах конкурсного управляющего, главы представительства Агентства по страхованию вкладов (АСВ) в Уральском федеральном округе.

Кредиторы, в частности, сочли необоснованным привлечение 24 помощников, а также планы потратить 21 млн руб. на услуги по экспертизе документов и размещению архива. На сегодняшний день, по данным издания «Коммерсантъ», расходы АСВ приблизились к 100 млн руб., 40% из которых – это оплата юридических услуг [4].

Ссылаясь на ст. 1 протокола № 1 и ст. 13 Европейской конвенции о защите прав человека и основным свободам [1], комитет конкурсных кредиторов банка подал жалобу в ЕСПЧ.

В соответствии со ст. 1 Протокола № 1 каждое физическое или юридическое лицо имеет право на уважение своей собственности. Никто не может быть лишен своего имущества иначе как в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права. Предыдущие положения не умаляют права государства обеспечивать выполнение таких законов, какие ему представляются необходимыми для осуществления контроля за использованием собственности в соответствии с общими интересами или для обеспечения уплаты налогов или других сборов или штрафов. Лицензия на осуществление коммерческой деятельности рассматривается как имущество; её отзыв рассматривается как вмешательство в право на уважение собственности, гарантированное статьей 1 Протокола № 1. К тому же, ЕСПЧ подчеркнул, что любое вмешательство в беспрепятственное пользование «имуществом» должно сопровождаться процессуальными гарантиями, предоставляющими соответствующему физическому или юридическому лицу обоснованную возможность представить свое дело в ответственные органы власти с целью эффективного оспаривания мер, приводящих к вмешательству в права, которые гарантированы указанным положением. При оценке выполнения такого условия следует комплексно рассматривать применимые судебные и административные процедуры.

Таким образом, позиция Европейского суда формулирует тезис, противоречащий российскому банковскому законодательству и судебной практике. Невозможность фактической отмены приказа Банка России об отзыве лицензии на осуществление банковской деятельно-

сти не позволяет учредителям полноценно защитить свои права, в чем также может быть усмотрено нарушение Конвенции.

Стабильность банков и интересов их вкладчиков и кредиторов заслуживает усиленной защиты. Внутригосударственные органы власти пользуются широкой свободой усмотрения при выборе способа решения таких вопросов. Учитывая широкие пределы усмотрения ЕСПЧ, решение по жалобе конкурсных кредиторов АО КБ «Тагилбанк» против Банка России и Агентства по страхованию вкладов могло бы иметь поворотное значение для российского банковского права, а учредители банков, у которых отозвана лицензия получили дополнительный механизм защиты своих нарушенных прав.

Список источников и литературы

1. Конвенция о защите прав человека и основных свобод ЕТС № 005 (Рим, 4 ноября 1950 г.) (с изм. и доп. от 21 сентября 1970 г., 20 декабря 1971 г., 1 января 1990 г., 6 ноября 1990 г., 11 мая 1994 г.).

2. О банках и банковской деятельности [Текст]: Федеральный закон от 02 декабря 1990 № 395-1 (в последней редакции) // Собрание законодательства РФ. – 1990. – № 6. – Ст. 492.

3. О несостоятельности (банкротстве) [Текст]: Федеральный закон от 26 октября 2002 № 127-ФЗ (в последней редакции) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 43. – Ст. 4190.

4. Обобщение правовых позиций Европейского Суда по правам человека по вопросу защиты права лица на беспрепятственное пользование принадлежащим ему имуществом [Электронный ресурс]: – URL: https://www.vsrfr.ru/documents/international_practice/28835/ (дата обращения: 14.10.2021).

5. Лаутус Е.Б. Институт несостоятельности (банкротства) банков как антикризисный инструмент регулирования рынка банковских услуг // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2020. – Том 10. – № 7А. – С. 63-68.

Nikolay V. Gudkov

Samara National Research University

Protecting the rights of founders of commercial banks in the practice of the European Court of Human Rights

Abstract. The paper analyzes the mechanism of international protection of the rights of bank founders when the resources of the national judicial system are exhausted when considering bankruptcy cases of credit institutions. The theses formulated by the ECHR that contradict Russian banking legislation are considered.

Keywords: ECHR, bank, revocation of banking license, bank bankruptcy, protection of rights in the ECHR.

**ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО СОТРУДНИЧЕСТВА
В СФЕРЕ БОРЬБЫ С КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬЮ
В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН**

Аннотация. В данной статье рассматриваются проблемы теории и практики международного права – международно-правового сотрудничества в сфере борьбы с киберпреступностью. Автором рассмотрены международно-правовое регулирование кибервойн, пути совершенствования материальных и процессуальных норм института международно-правового сотрудничества в сфере борьбы с киберпреступностью, а также осуществлен анализ правовых и институциональных основ противодействия киберпреступности в Республике Казахстан.

Ключевые слова: киберпреступление, киберпреступность, кибератака, кибервойна, ИКТ, интернет вещей, трансграничный доступ к информации, мультистейкхолдеризм.

Проведение исследования института международно-правового сотрудничества в противодействия киберпреступности в динамике его развития позволяет выделить основные направления совершенствования очерченной сферы.

Киберпреступления следует отличать от кибератак и кибервойны.

Кибератака - это нарушение прав и законных интересов участников киберпространства с помощью ИКТ, осуществляемых физическими и юридическими лицами с участием (содействие, финансирование и т.д.) государств. При условии, если кибератака заключается в осуществлении действий, предусмотренных уголовным и международным правом, такие действия могут быть квалифицированы как киберпреступления, национальные и международные соответственно.

Кибервойна - это значительные, масштабные, целенаправленные и систематические кибератаки с применением кибероружия, осуществляемые вооруженными силами или специальными подразделениями государства против суверенитета, территориальной целостности, независимости другого государства и международного мира и стабильности. Кибератаки, не соответствующие этим признакам, но осуществляются государствами против прав и интересов других государств или международного сообщества, могут признаваться недружественными актами.

В современной доктрине и практике международного права вопросы квалификации кибервойны остается дискуссионным. Существуют подходы по обоснованию применения международного гуманитарного и уголовного права. Наиболее оправданным, на наш взгляд, является квалификация кибервойны как нарушение Устава ООН и применения силы, а в отдельных случаях - преступления агрессии.

Материально-правовые нормы института международного сотрудничества в борьбе с киберпреступностью определяют специальные принципы такого сотрудничества, кримина-

лизации отдельных видов противоправных деяний, а также институциональные механизмы и наращивания потенциала (capacity building).

Система международного противодействия киберпреступности основана на принципах технической нейтральности, мультистейкхолдеризму (государственно-частного партнерства), а также эквивалентности прав человека онлайн и офлайн. В будущем кибернетическая преступность будет связана с использованием инновационных технологий. Как было установлено на примере Интернета вещей, новейшие технологии по общему правилу входят в сферу действия действующих международных соглашений о киберпреступности, но специального регулирования по ним не предусмотрено.

Институт международно-правового сотрудничества в сфере борьбы с киберпреступностью - это совокупность материальных и процессуальных норм и принципов, регулирующих сотрудничество между государствами, направленное на противодействие киберпреступности. Названный институт находится на стадии формирования и осуществляется на наднациональном уровне в рамках механизмов международной правовой помощи и сотрудничества по уголовным делам. Для исследуемого института присуща фрагментарность и неоднородность, а потому он нуждается в гармонизации. С этой целью необходима разработка и принятие универсального международного договора в рамках ООН. Поэтому считаем целесообразным инициировать подготовку универсальной Конвенции о борьбе против киберпреступности. Целесообразность принятия универсальной конвенции о киберпреступности обосновывается следующими факторами: 1) положения Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности не регулируют весь комплекс правоотношений в сфере противодействия киберпреступности; 2) регулирование международного сотрудничества в сфере борьбы с кибернетической преступностью на основе действующих региональных актов приводит к дальнейшей фрагментации и расслоения института; 3) расширение сферы действия действующих международных соглашений, прежде всего Конвенции Совета Европы о киберпреступности, приводит к одновременному их применению, а поскольку положения таких международных договоров отличаются, необходимо дополнительное согласование и гармонизация; 4) Конвенция Совета Европы о киберпреступности не может стать универсальным договором в определенной сфере через политические и правовые разногласия. Кроме этого, в универсальном договоре о киберпреступности должно быть учтено криминализации кибернетических деяний, наносящих вред объектам критической инфраструктуры. Учитывая особенно высокую общественную опасность таких преступлений, мера ответственности за их совершение по сравнению с другими киберпреступностью должна быть повышенной.

Развитие международного противодействия киберпреступности, связанным с нелегальным контентом, развивается за счет привлечения частных посредников, осуществляют контроль и могут влиять на содержание распространяемой информации (Например, социальных сетей и поисковых ресурсов).

Институциональные механизмы международно-правового сотрудничества государств в сфере борьбы с киберпреступностью созданы бессистемно при отсутствии достаточных конвенционных механизмов. Как следствие, их деятельность является несогласованной и фрагментарной, а полномочия часто дублируются. Для повышения эффективности исследуемого

института необходимо создание централизованного органа на основании универсальной конвенции и в рамках ООН с учетом существующих институтов.

Неотъемлемой частью института международно-правового сотрудничества государств в борьбе с киберпреступностью является уголовно-процессуальные нормы. Посредством сотрудничества с уголовно процессуальных вопросов в сфере борьбы с киберпреступностью устанавливаются общие подходы к определению юрисдикции в киберпространстве, признание и использование чувствительных электронных доказательств, выполнения процессуальных действий, в том числе трансграничного доступа к информации, а также определяются каналы связи между государствами.

Проблема распределения суверенных юрисдикций государств в киберпространстве решается за счет применения критериев местонахождение информационной инфраструктуры, локализации преступного действия и последствий, которые она вызвала, а также гражданства преступника и потерпевшей стороны.

Сфера уголовно-процессуального сотрудничества государств и дальше расширяться. Во-первых, традиционные методы и способы уголовного процесса не соответствуют требованиям работы с электронными доказательствами; во-вторых, расследование других видов преступлений также требует использования электронных доказательств; в-третьих, концепцию трансграничного доступа к информации все больше начинает восприниматься.

Среди негативных тенденций следует отметить формирование двух противоположных систем: государств, осуществляющих сотрудничество по процессуальным вопросам расследований киберпреступлений, а также государств, которые находятся вне таких механизмов; сложность в достижении консенсуса по вопросу трансграничного доступа к информации, а также параллельное создание каналов, предусмотренных для оперативного реагирования на киберпреступления и передачи данных по ним.

Решение этих проблем возможно за счет создания Конвенции ООН о борьбе против киберпреступности, с включением общего положения о трансграничных доступ к информации и возможностью внесения оговорок к нему. Кроме этого, универсальная сеть 24/7 должна существовать в рамках централизованного органа ООН.

Развитие отечественного законодательства в сфере борьбы с киберпреступностью происходил постепенно с учетом международно-правовых документов, а также в тесной взаимосвязи с формированием национальной системы кибербезопасности РК.

Криминализация киберпреступлений осуществляется в Казахстане на основании Уголовного кодекса РК, требует внесения изменений и дополнений. Так, в первую очередь, нужно дополнить уголовное законодательство понятием киберпреступности, а кроме этого считаем целесообразным принятие поправки к ст. 203.1 УК РК по в становления дополнительной отягчающего обстоятельства «совершение преступления с помощью ИКТ». В уголовно-процессуальном законодательстве следует учесть особенности оценки судом электронных доказательств, как таковых, что чаще всего фигурируют в уголовных производствах по расследованию киберпреступлений, а также разработать отдельные криминалистические методики расследования киберпреступлений, с учетом последних тенденций типичных способов совершения данного вида преступлений.

Список литературы и источников

1. Кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V ЗРК «Уголовный кодекс Республики Казахстан» //ИПС «Әділет» // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226> (дата обращения 01.09.2021).

Askar K. Kukeev

Mukhtar Auevov South Kazakhstan University

Issues of international legal cooperation in the sphere of combating cybercrimes in the Republic of Kazakhstan.

Abstract. This article discusses the problems of theory and practice of international law – international legal cooperation in the field of combating cybercrimes. The author considers the international legal regulation of cyber warfare, ways to improve the material and procedural norms of the Institute of international legal cooperation in the field of combating cybercrimes, and also analyzes the legal and institutional foundations of countering cybercrimes in the Republic of Kazakhstan.

Keywords: cybercrime, cyberattack, cyberwar, ICT, emergent technologies, internet of things, cross-border access to information, multistakeholderism.

УДК 342.25

Бизязев К.Д.

*Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева*

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ КОМФОРТНОЙ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ

Аннотация. В статье обозначены основные направления развития и реализации составляющей национального проекта «Жилье и городская среда» - федерального проекта «Формирование комфортной городской среды». Также автор предлагает задуматься над обозначенными трудностями, с которыми на практике сталкиваются институты гражданского общества и государства.

Ключевые слова: комфортная городская среда, благоустройство, инфраструктура, городские пространства, национальные проекты.

Современный горожанин воспринимает всю территорию города как единое пространство и ожидает от него безопасности, комфорта, функциональности и эстетики. Рационально выстроенная городская среда позволяет снизить социальную напряженность, на освещенных людных улицах ниже уровень преступности, при наличии безопасных и современных спортивных площадок увеличивается доля населения, регулярно занимающегося спортом, снижа-

ется уровень заболеваемости. В комфортных, современных и безопасных районах городов формируются творческие и интеллектуальные кластеры, создаются новые точки притяжения талантливых людей, растет востребованность недвижимости, за счет повышения спроса на бытовые услуги создаются новые рабочие места.

На протяжении многих лет существует и усиливается общественный запрос на комфортное жилье, которое воспринимается не только как отдельная квартира в многоквартирном доме. А как полноценное городское пространство, включающее жилой комплекс, внутридворовую территорию и иные общественные пространства с инфраструктурой, обеспечивающие удобство жизни в городе.

Вместе с тем продолжается непрерывное формирование требований к организации современного городского пространства, в том числе, предполагающих вовлечение в этот процесс самих граждан, а также приняты программы их достижения. Ранее существовали программы благоустройства, носящие точечный, несистемный характер, не имеющие критериев оценки эффективности и даже минимальных параметров необходимых работ. Мероприятия в части повышения показателей доступности среды для маломобильных групп, как правило, были направлены на обеспечение доступности лишь отдельных объектов.

В настоящее время сформирован и поддержан курс (тренд) на создание комфортной городской среды с определенными ключевыми параметрами, отраженными в государственных программах.

Наиболее активными направлениями в создании комфортной городской среды являются:

- благоустройство дворовых территорий;
- благоустройство общественных пространств.

В процессе формирования комфортной городской среды проявился ряд проблемных моментов.

1. Благоустройство дворовых территорий происходит в случае разработки жителями территориальных планов, которые далее проходили конкурсный отбор, лишь после этого проходило рейтинговое голосование. По результатам голосования благоустраивались только дворы, чьи проекты набрали наибольшее количество голосов. Стоит отметить, что процесс от первого общего собрания собственников многоквартирного дома (МКД) до голосования довольно длителен и сложен. В условиях низкой гражданской сознательности подобные многостепенные процедуры разительно снижают эффективность государственных программ и уменьшают довольно низкую вовлеченность жителей в процесс благоустройства.

Для решения обозначенной проблемы предлагается упростить процедуру, предшествующую благоустройству дворовых территорий.

2. Ввиду передачи муниципалитетами земель под МКД и прилегающей территории в общую собственность МКД, дворовая территория оказывается поделенной между несколькими домами. В случае благоустройства территории предполагается последующее обслуживание благоустроенного пространства, которое закрепляется за собственниками помещений в МКД. В случаях «множества собственников» благоустроенная территория либо не обслуживается, либо обслуживается управляющей организацией одного из домов с последующими судебными разбирательствами к управляющим организациям смежных домов.

Во избежание описанных ситуаций, предлагается остановка передачи прилегающей территории в общую собственность многоквартирных домов, которая требует нормативной регламентации.

3. Создание комфортной городской среды предполагает повышение безопасности общественных пространств, где наряду с уличным освещением предполагается установка уличных камер видеонаблюдения. При этом остается открытым вопрос статуса изображения физического лица для последующего обучения систем распознавания лиц. Так как на данный момент статус изображения физического лица нормативно не закреплён. Закрепление статуса изображения физического лица в качестве персональных данных позволит защитить персональные данные каждого.

4. Комфортная городская среда предполагает эстетичность общественных пространств. Однако подобное направление (тенденция) оформления обошло стороной хозяйствующие субъекты, что является из ряда вон выходящим. В связи с чем, назрела необходимость разработки единого нормативного подхода к оформлению вывесок, позволяющего вписать организации в общий архитектурный ансамбль города.

5. Экологичность – одна из основных комплексных составляющих комфортной городской среды. На данный момент внедрение системы раздельного сбора отходов является основной правовой и правоприменительной проблематикой. Так как отсутствует нормативное регулирование отношений между региональным оператором обращения с твердыми коммунальными отходами с юридическими и физическими лицами относительно установления тарифов и порядка вывоза разделенных отходов.

Обозначена малая часть сложностей, возникающих при реализации государственной программы.

Формирование комфортной городской среды – это длительный и разносторонний процесс, заложенный еще в 2018 году, как составляющая часть национального проекта «Жилье и городская среда». Считаю, лишь консолидированными действиями институтов гражданского общества и государства возможно создание комфортной городской среды для каждого.

Kirill D. Bizyaev

Samara National Research University

Legal aspects of the formation of a comfortable urban environment

Abstract. The article outlines the main directions of development and implementation of the component of the national project "Housing and Urban Environment" - the federal project "Shaping a Comfortable Urban Environment". The author also proposes to reflect on the identified difficulties faced in practice by the institutions of civil society and the state.

Keywords: comfortable urban environment, improvement, infrastructure, urban spaces, national Projects.

СЕКЦИЯ ЭКОНОМИКИ

«Актуальные проблемы управления изменениями в экономических системах: международный и российский опыт»

УДК 316.772

Скирко М.О.

*доцент кафедры социальных систем и права,
Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева*

ШЕРИНГ-СЕРВИСЫ КАК НОВЫЕ ФОРМЫ ДОВЕРИЯ: ОСВОЕНИЕ НОВЫХ СМЫСЛОВ И ПРОСТРАНСТВ В ЭПОХУ ТУРБУЛЕНТНОСТИ

Аннотация. В кризисные эпохи меняются системы ценностей, социокультурные установки, а также принципы социальной коммуникации, в частности уровень доверия по отношению к «чужому». В условиях глобального изменения климата, технического прогресса и повсеместной цифровизации потребитель вынужден пересмотреть свои ежедневные поведенческие практики и ориентиры. Идеология осознанного потребления предлагает потребителю варианты шеринговых практик, нацеленных на разумное использование, новые типы коммуникаций и новый вид социально-экономических отношений. Данная статья рассматривает взаимосвязь категории доверия к "чужому" и распространения шеринг-сервисов с учетом влияния пандемии коронавируса и использования цифровых инструментов для повседневного общения.

Ключевые слова: шеринг, шеринговые практики, доверие, потребительские ориентиры, осознанное потребление, цифровизация, пандемия коронавируса.

Кризисные эпохи всегда приносят новые идеи и трансформации как на глобальном, так и на локальном уровнях. Меняются системы ценностей, социальные и культурные установки, идеологии и принципы социальной коммуникации. Уровень доверия в обществе как отношение к «чужому» также трансформируется.

Сегодня мы переживаем эпоху, в которой проблема глобального изменения климата влияет локально на многие процессы жизнедеятельности человека, а также на ежедневные поведенческие практики. Изменяются потребительские ориентиры, возникают новые формы социально-экономического общения, развивается идеология осознанного потребления; установки из постсоветского пространства устаревают. Рынок в свою очередь также отвечает запросам нового типа потребителей.

Данная статья раскрывает особенности распространения шеринг-сервисов в условиях турбулентности. Отдельный акцент ставится на типах шеринговых практик и перспективах их распространения под воздействием цифровизации, пандемии коронавируса и влияния категории доверия на потребителей.

Шеринг-экономика как альтернатива перепотреблению.

Модель экономики совместного потребления, или шеринг-экономика (от англ. to share – делиться), основывается на общем или вторичном использовании товаров или услуг и напрямую связывает экономических агентов, избегая вовлечения посредников [1]. Для шеринга подходит как совместное использование товаров, так и аренда различных сервисов или услуг. Потребителей такая модель может привлекать за счет оптимизации потребительских расходов и улучшения качества жизни: товар или услугу можно приобретать по более низкой стоимости, обмениваться или пользоваться временно без приобретения. С экономической точки зрения шеринг-экономика позволяет более оптимально использовать ресурсы, обеспечивает занятость населения, вовлекая различные социальные группы, и снижает общую нагрузку на окружающую среду.

Шеринг-экономика понимается как единая модель производства, обмена и потребления в отличие от концепции перепотребления, при которой потребителей мотивировали покупать больше и чаще, что приводило к накоплению не всегда нужных товаров. Активное использование накопленных пассивов (уже купленных товаров) позволяет через механизмы совместного владения, аренды или лизинга продвигать новую экономическую модель и формировать новые социально-экономические отношения между потребителями. Более того, развитие на мировом уровне дискуссии об экологической повестке и глобальном изменении климата способствовало повышению степени осознанности и ответственности потребителя к окружающей среде и используемым ресурсам [2]. Темы осознанного потребления, рационального использования уже имеющихся ресурсов, негативных последствий перепотребления привлекают все больше внимания самых разных групп населения. Многие компании в свою очередь стали уделять больше внимания проблеме ответственного производства и снижения негативного влияния на окружающую среду, что позволило маркетологам продвигать идею экологических товаров и экологичного потребления.

Потребительские интересы смещаются с категорий статусности и факта обладания конкретным товаром в сторону комфорта, удобства и возможностей выбора. Вместе с изменением потребительских интересов развиваются новые социальные и экономические отношения, основанные на принципах солидарности, добрососедства, доверия [3]. К тому же, распространение шеринговых сервисов способствует улучшению качества городской среды и городского общественного транспорта, развитию туризма и аренды туристической и коммерческой недвижимости.

Цифровизация внесла свой весомый вклад в развитие шеринг-сервисов [4]. С помощью цифровых технологий сегодня можно использовать и продвигать шеринг одежды и книг, медиафайлов, аренды транспортных средств или жилья. При этом цифровые платформы для шеринга используются как обычными пользователями, так и бизнесом. Медиасервисы предлагают библиотеки фильмов и музыки за подписку (Netflix, IVI, Кинопоиск); сервисы аренды или проката позволяют экономить на жилье в поездке и транспортных расходах как в путешествии, так и дома (Airbnb, Couchsurfing, Uber, Blablacar). Также с помощью цифровых платформ и мобильных приложений сегодня можно найти редко используемые вещи по определенному случаю (Avito, Юла), исполнителей для мелких домашних работ (YouDo).

Сервисы рекомендаций и оценок на различных цифровых платформах и в мобильных приложениях тоже могут рассматриваться как варианты шеринга информации или экспертизы: здесь также главную роль играет фактор доверия незнакомым людям в определении рейтинга и выставлении оценки товару или услуге. Новые формы обратной связи, система рейтингов и система безопасной оплаты являются дополнительными драйверами для развития новой экономической модели и новых социальных отношений между потребителями, наряду с развитием социальных медиа и информационных технологий [5].

Пандемия коронавируса внесла свои изменения в развитие шеринговых практик: в связи с карантинными мерами многие сервисы были вынуждены приостановить работу из-за снижения спроса и разрыва производственных цепочек [6]. В то же время из-за своей гибкости и адаптивности к изменениям шеринговые сервисы в условиях определенной экономической нестабильности во время карантинных ограничений стали многообещающей возможностью получить прибыль с инновационных идей и предложений. Согласно некоторым исследованиям в период строгих карантинных ограничений именно шеринговые сервисы лидировали на рынке товаров и услуг, позволяя потребителям соблюдать требования безопасности и обеспечивать себя всем необходимым в условиях снижения доходов.

В России шеринг-экономика активно развивается, охватывая самые разные сферы товаров и услуг, от продажи вещей до биржи услуг фрилансеров и услуг каршеринга [7]. Рост интереса к шеринговым сервисам подкрепляется активным использованием зарубежного опыта, внедрением локальных решений и новыми идеями для шеринговых практик [8].

Новые формы доверия и типы шеринг-сервисов.

Психолого-социологическая категория доверия может быть рассмотрена как новая экономическая ценность в условиях цифровизации, информатизации и трансформации традиционных рынков и рыночных моделей [9]. Доступ к информации с помощью сети Интернет, открытость бизнеса для повышения уровня доверия со стороны потребителей и равенство участников экономического процесса (как предпринимателей, так и потребителей) создают условия для развития новых форм экономических отношений, где категория доверия становится основой для принятия потребительского решения.

В экономике совместного потребления категория доверия является маркером прозрачности: экономические агенты должны доверять друг другу, иначе модель перестанет функционировать, спрос снизится [10]. Соответственно, развитие уровня доверия может стать ключевым фактором успеха любого шеринг-сервиса.

Сегодня шеринговые практики можно разделить на несколько типов в зависимости от способов получения товара или услуги и системы взаимодействия между экономическими агентами.

● *Шеринг-платформы.* Такие сервисы совместного использования позволяют делить платеж между несколькими покупателями. Так, например, сайт совместных закупок позволяет приобретать товары непосредственно у поставщика или производителя по оптовой цене. Сервис совместных поездок предлагает разделить счет за топливо для автомобиля и проехать дистанцию вместе с незнакомыми попутчиками. Онлайн-платформы для поиска и подбора строительных инструментов позволяют не покупать инструменты для ремонта, а брать их в аренду. Также популярны сервисы по поиску жилья для путешествий. Категория доверия не-

знакомым людям в данном варианте играет значительную роль, особенно если предполагается прямая коммуникация, например, при совместных поездках или аренде жилья.

• *Обменные платформы.* Развитие идей об экоустойчивой моде, отказ от перепотребления стимулировали спрос, например, на одежду second-hand (от англ. “из вторых рук”). Появляются разнообразные мероприятия, на которых можно обмениваться одеждой, обувью, аксессуарами, книгами без взимания платы (swap-вечеринки), соответственно получать вещи от “чужих”. Равноценность обмена также может основываться на категории доверия и работе с предубеждениями относительно вторичного использования и приобретения старого, уже использованного вместо нового.

• *Платформы «отдам даром».* Возможность бесплатно получить необходимую вещь на специальных ресурсах, от детской одежды до предметов мебели. При этом спрос на бывшее в употреблении все реже отражает низкий достаток, а скорее, выражает стремление к осознанному потреблению и следование экологичному тренду.

С точки зрения экоустойчивости и экологичных практик такие сервисы позволяют на глобальном уровне снизить нагрузку на потребительский рынок производства и сократить потребление, экологично избавиться от ненужного, а на локальном уровне позволяют индивидам развить другое понимание понятия “чужое/бывшее в употреблении”.

С точки зрения трансформации уровня доверия можно отметить, что люди постепенно начинают больше доверять “чужим”. Опасения, как и недоверие к незнакомцам, несомненно остаются, но параллельно растет уровень доверия к “чужому” как новый способ коммуникации в социальной группе. Идеи экосознательных потребителей переходят от идей меньшинства к модному глобальному тренду. К тому же, развиваются навыки социального общения (на фоне популяризации идеи об индивидуализме). “Чужой” воспринимается как участник сообщества по интересам.

Выводы

Экономика индивидуального потребления и владения постепенно уступает место экономике совместного пользования, где потребители самых разных социальных слоев и уровня дохода выбирают новые ценности. Освоение новых практик, основанных на принципе доверия и коммуникации с незнакомцами, формирует новые категории ценности товаров и услуг; перепотребление уходит на второй план, отдавая пальму первенства инновационным экономическим подходам к использованию имеющихся ресурсов. Доверие как социальный механизм коммуникации находит новые области влияния, привлекая новые смыслы для совместного использования или аренды товаров и услуг, а также осваивая новые пространства, такие как цифровые платформы и мобильные приложения.

Список источников и литературы

1. Полухина А.Н., Арнабердиев А.Р. Шеринг-экономика // Инновационное развитие экономики. – 2019. – № 1(49). – С. 118-122.
2. Фуженкова А.В. Шеринг как неизбежная тенденция современной экономики // Актуальные вопросы современной науки и образования: сборник статей II Международной научно-практической конференции, Петрозаводск, 18 декабря 2019 года. – Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука», 2019. – С. 185-188.

3. Земскова Е.С. Шеринг как отражение ценностных ориентиров потребителя в цифровой экономике // Экономика и экологический менеджмент. – 2019. – №3.
4. Авдокушин Е.Ф., Кузнецова Е.Г. Шеринг как результат цифровизации сферы услуг. Поиск новой модели экономического развития // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». – 2021. – №1.
5. Ульянова Н., Аржанова Я. Мистер и миссис Шеринг // Бизнес-журнал. – 2015. – №1 (226).
6. Шушунова Т.Н. Тенденции развития экономики совместного использования в период экономического кризиса COVID-19 // Эффективное управление экономикой: проблемы и перспективы. – 2021. – С. 422-426.
7. Серёгина В.В., Середина М.Н. Современные тенденции развития экономики совместного потребления (шеринг-экономики) в России // Концепт. – 2019. – №11.
8. Габриелян О.Р. Особенности развития шеринг-экономики в России // Социально-экономическое управление: теория и практика. – 2018. – №. 4. – С. 36-37.
9. Швед В.В. Доверие – психологическая категория или экономическая ценность? // Проблемы экономики. – 2018. – №1 (35).
10. Можайкина, О.А. Шеринг-экономика: преимущества и недостатки реализации // Поколение будущего: взгляд молодых ученых-2020 : Сборник научных статей 9-й Международной молодежной научной конференции: в 5-и томах, Курск, 12–13 ноября 2020 года / Юго-Западный государственный университет. – Курск: Юго-Западный государственный университет, 2020. – С. 188-190.
11. Киреева Н.С., Завьялов Д.В., Завьялова Н.Б., Сагинова О.В. Трансформация шеринговой экономики в условиях пандемии COVID-19 // Экономика, предпринимательство и право. – 2021. – Т. 11. – № 2.

Maria O. Skivko

*Associate professor, Department of Social Systems and Law,
Samara National Research University*

Abstract. In times of crisis, value systems, socio-cultural attitudes, as well as the principles of social communication, in particular, the level of trust in relation to the "stranger", change. In the context of global climate change, technological progress and widespread digitalization, consumers are forced to reconsider their daily behavioral practices and standards. The conscious consumption ideology offers the consumer options for sharing practices aimed at the reasonable use, new types of communications and a new type of socio-economic relations. This article examines the relationship between the category of trust in a "stranger" and the distribution of sharing services, taking into account the impact of the COVID-19 pandemic and the use of digital tools for everyday communication.

Keywords: sharing, sharing practices, trust, consumer standards, conscious consumption, digitalization, COVID-19 pandemic.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ РЕЗИЛЬЕНТНОСТИ И УСТОЙЧИВОСТИ В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Аннотация. В статье рассматривается генезис понятия резильентности, подчеркивается его актуальное значение для организационного развития в условиях неопределенности и внезапных потрясений. Дается описание взаимосвязи резильентности и устойчивости. В контексте концепции устойчивого развития предлагается рассматривать резильентность в трех измерениях деятельности организации: экономическом, социальном и экологическом.

Ключевые слова: резильентность, адаптация, устойчивость, устойчивое развитие, концепция тройного критерия, неопределенность, экономический кризис.

Современный мир вышел на новый этап развития, для лучшего осмысления которого футуролог Жаме Кассио предлагает использовать концепцию BANI-реальности (акроним: brittle – хрупкий, anxious – тревожный, nonlinear – нелинейный, incomprehensible – непостижимый). В отличие от устаревшего на его взгляд фреймворка VUCA, новый мир более хаотичен, он «интенсивно, почти насильственно отвергает всякую структуру» [10].

Пандемия COVID-19, политические и экономические санкции, военные конфликты продемонстрировали, что современный мир действительно хрупок, нелинеен и трудно постижим из-за высокого уровня неопределенности. Устойчивый рост уровня неопределенности на мировых рынках наблюдается с 2000-х годов, но резкий скачок произошел в результате пандемии COVID-19 [4].

Рис. 1. Уровень глобальной неопределенности
(по данным Global Economic Policy Uncertainty Index 2020)

В условиях неопределенности особенно актуальными для экономических систем и субъектов становятся задачи наращивания резильентности к внезапным изменениям и потря-

сениям как экономической, так и неэкономической природы. После мирового кризиса 2008 года понятие резильентности вошло в стратегические документы международных организаций (Всемирный банк, ЕС, ООН, ОЭСР) [2, 6, 15], стало широко обсуждаться научным и экспертным сообществом [12, 17, 18, 19].

Современную интерпретацию резильентности (от лат. “resilio” – отскакивать) предложил К. Холлинг в 1973 году для описания способности природных систем существовать в изменяющейся среде. Он определял резильентность как «качественный потенциал системы, способный поглощать риски и учитывать будущие события, какую бы неожиданную форму они не приняли» [9]. В научном дискурсе наряду с термином резильентности употребляются такие синонимы, как жизнестойкость (Меденцев М.В., Чернявский И., Шеффи Й.), жизнеспособность (Вертукова Ю.В., Маслобоев А.В., Матузов Д.Ю.), восстанавливаемость (Эпштейн Д.Б.).

Феномен резильентности в течение последних двух десятилетий привлекает нарастающее внимание исследователей, представляющих разные научные сферы, в том числе и общественные науки (экономика, менеджмент, социология, психология, педагогика). Поэтому теоретически он концептуализирован достаточно разнородно, что проявляется в многообразии подходов, интерпретаций и теорий. Приведем только некоторые из них.

Наиболее общепринятая интерпретация определяет резильентность как способность системы вернуться после разрушительного воздействия в свое нормальное состояние. По мнению ряда исследователей, это может достигаться посредством двух форм резильентности: статической и динамической. Статическая резильентность – способность системы сохранять эффективность в непредвиденных условиях, т.е. резистентность. Динамическая резильентность – способность системы ускорять восстановление из неисправного состояния, т.е. восстанавливаемость. Система, не обладающая ни статической, ни динамической резильентностью, считается хрупкой, т.е. способной функционировать только в определенных, стабильных условиях [16].

Резильентность также трактуется как способность к предвидению, подготовке, реагированию и адаптации к поступательным изменениям или непредвиденным сбоям, необходимая для выживания и дальнейшего развития. Более всеобъемлющее понятие на наш взгляд, дают Stachowiak, A и Pawłyszyn, I., определяя резильентность как характеристику организации, способствующую ее выживанию и устойчивому развитию, которая основывается с одной стороны, на невосприимчивости организации к воздействию порождающих кризис факторов, с другой стороны, на способности противостоять влиянию данных факторов (способность к реагированию) и их возникновению, независимо от локализации (внешние, внутренние факторы), т.е. способность организации поддерживать свою целостность (выживание) и действовать корректно (удовлетворительно) в течение их воздействия, а также состояние организации, обусловленное общими управленческими процессами, направленными на восстановление целостности ее внутренней среды (т.е. обеспечение прочности и устойчивого развития) после действия факторов, вызывающих кризис [14].

Fiksel выделяет четыре основные характеристики организации, которые способствуют повышению ее резильентности:

- разнообразие – наличие множества форм и типов поведения;
- эффективность – функционирование при умеренном потреблении ресурсов;
- адаптивность – гибкость для изменения в ответ на новые нагрузки;

- целостность – наличие объединяющих связей между системными переменными и элементами [7].

Рассмотрев разнообразные интерпретации понятия «резильентность», их можно разделить на две группы: первая группа фокусируется на способности организации поглощать, абсорбировать шоки и возвращаться в исходное состояние. В данном случае настоящая адаптация к меняющимся условиям (развитие через изменение) отсутствует. Подобный возврат системы обеспечивает такую же ее функциональность, что и до изменения. Адаптация, на которой сосредоточена вторая группа интерпретаций, включает способность организации постепенно модифицироваться перед лицом изменений, т.е. учиться и развиваться. Следует отметить, что важное значение имеет, являются ли исходные или новые условия более благоприятными. В первом случае исходные условия благоприятнее, чем новые, поэтому перед организацией стоит задача вернуться в исходное положение. Во втором случае новые условия предпочтительнее исходных. Следуя данной логике, можно добавить, что ни поглощение изменений, ни постоянная адаптация не могут быть адекватным ответом на изменяющиеся условия. Ведь организации, желающие преуспеть, а не только выжить, стремятся активно создавать условия для изменений, готовиться к ним и использовать их для трансформации, обновления и долгосрочного роста, т.е. для устойчивого развития [11].

Таким образом, устойчивое развитие и экономический рост невозможны без способности экономических систем и субъектов реагировать на риски и неопределенность. Пандемия COVID-19 продемонстрировала, насколько резильентность тесно связана с экологической, социально-экономической устойчивостью. Однако сущность и формы взаимосвязи резильентности и устойчивости пока слабо изучены.

Устойчивость и устойчивое развитие также являются актуальными вопросами повестки дня на мировом, национальном и региональном уровнях. Общее определение устойчивости предложено в 1987 году в докладе Международной комиссии по вопросам окружающей среды и развития. В данном документе устойчивость определяется как развитие, при котором «удовлетворение потребностей настоящего поколения не подрывает способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности, способствуя равновесию между экономическим ростом, сохранением природы и социальным благополучием» [13]. Устойчивое развитие основано на соблюдении баланса сегодня без причинения ущерба для ресурсов будущего. Таким образом, требуется реализация стратегии развития, учитывающей как обозримые краткосрочные эффекты развития (устойчивость), так и долгосрочные эффекты (устойчивое развитие) [20].

На уровне экономических субъектов устойчивость и устойчивое развитие достигается посредством следования концепции тройного критерия (TBL - triple bottom line), поиска и соблюдения баланса между экономическими, социальными и экологическими результатами деятельности. В соответствии с данным принципом компании должны создавать не только экономические ценности, которые выражаются в их выживании, росте и долгосрочной эффективности, но также экологические (использование возобновляемых источников энергии, сокращение объема отходов и выбросов и т.д.) и социальные ценности (вклад компании в социальное благополучие населения). Часто создаваемые экономические ценности рассматриваются как следствие экономической резильентности. Акбердина В.В. определяет экономическую резильентность как «способность экономики полностью восстанавливаться после воздействия шоков различной природы за счет внутренних адаптивных свойств» [1].

И резильентность, и устойчивость имеют одну общую цель – достижение устойчивого развития. Как отмечалось выше, резильентность помогает организации справляться со сложными и непредсказуемыми изменениями внешней среды, при этом сохраняя способность к дальнейшему развитию. То есть управление организациями в нестабильной внешней среде должно быть направлено на наращивании резильентности, которая в свою очередь является неотъемлемым компонентом устойчивости. Fiksel J. утверждает, что наращивание уровня резильентности организации приводит к повышению ее устойчивости [8].

Исходя из общепринятого определения резильентности как способности системы вернуться в свое исходное состояние или адаптации, без четкого понимания того, являются ли прежние или новые условия более благоприятными или «устойчивыми», можно сделать вывод, что система может быть резильентной, но неустойчивой. Ряд исследователей, основываясь на идее интеграции концепции резильентности и устойчивости, предлагают рассматривать резильентность, так же, как и устойчивость, в трех измерениях: экономическом, социальном и экологическом. Достигнутая в одном из трех измерений резильентность, не гарантирует ее достижения в других. Комплексный подход к пониманию резильентности будет способствовать лучшему пониманию ее вклада в устойчивое развитие организации в каждом из трех измерений (т.е. «резильентность чего») [11].

Таким образом, интерпретация резильентности как способности адаптироваться и абсорбировать шоки внешней среды продемонстрировала свою несостоятельность. Во-первых, она не учитывает возможность шоковых ситуаций, превышающих способности организации к адаптации; во-вторых, игнорирует проактивный подход к непредсказуемым изменениям, когда они рассматриваются организацией как шанс для рывка вперед. В процессе принятия решений современные компании должны адекватно учитывать не только, в какой области ее деятельности наращивание резильентности является приоритетным, но и каким образом это соотносится с ее стратегией устойчивого развития.

Комплексная адаптация концепций резильентности и устойчивости позволит организациям отвечать на непредсказуемые риски, не только не прекращая своего функционирования, но и используя их как драйвер организационного совершенствования и роста.

Список источников и литературы

1. Акбердина, В. В. Факторы резильентности в российской экономике: сравнительный анализ за период 2000-2020 гг. / В. В. Акбердина // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2021. – Т. 17. – № 8(401). – С. 1412-1432.
2. Смородинская, Н.В. Резильентность как стратегический императив в эпоху неопределенности / Н. В. Смородинская, В. Е. Малыгин // Экономические стратегии. – 2021. – Т. 23. – № 6 (180). – С. 58-62.
3. Смородинская, Н.В. Резильентность экономических систем в эпоху глобализации и внезапных шоков / Н. В. Смородинская, Д. Д. Катухов // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2021. – № 5. – С. 93-115.
4. Смородинская Н.В., Катухов Д.Д. (2020) Глобальные стоимостные цепочки: как поднять резильентность перед внезапными шоками? // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – Т. 13. – № 6. – С. 30-50.
5. Bhamra, R.; Dani, S.; Burnard, K. Resilience: The Concept, a Literature Review and Future Directions. International Journal of Production Research. – 2011. – 49. – P. 5375–5393.

6. European Commission, The Recovery and Resilience Facility https://ec.europa.eu/info/business-economy-euro/recovery-coronavirus/recovery-and-resilience-facility_en
7. Fiksel, J., 2003. Designing resilient, sustainable systems. *Environmental Science and Technology*. – 37 (23). – P. 5330–5339.
8. Fiksel, J. Sustainability and resilience: Toward a systems approach. *Sustain. Sci. Pr. Policy*. – 2006. – 2. – P. 14–21.
9. Holling C. Resiliency and Stability of Ecological Systems. *Annual Review of Ecological Systems*. – 1973. – Vol. 4. – P. 1-24.
10. Jamais Cascio, Facing the Age of Chaos [Электронный ресурс] URL: <https://medium.com/@cascio/facing-the-age-of-chaos-b00687b1f51d>
11. Miceli, A.; Hagen, B.; Riccardi, M.P.; Sotti, F.; Settembre-Blundo, D. Thriving, Not Just Surviving in Changing Times: How Sustainability, Agility and Digitalization Intertwine with Organizational Resilience. *Sustainability*/ – 2021. – 13. – P. 2052.
12. Organization for Economic Co-operation and Development, New Approaches to Economic Challenges <https://www.oecd.org/naec/resilience/>
13. Our Common Future: Report of the World Commission on Environment and Development, 1987 <https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/5987our-common-future.pdf>
14. Stachowiak, A; Pawłyszyn, I. From Fragility through Agility to Resilience: The Role of Sustainable Improvement in Increasing Organizational Maturity. *Sustainability*. – 2021. – 13. – P. 4991.
15. Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development https://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/70/1&Lang=E
16. Wied M., Koch-Orvad N., Welo T., Oehmen J. Managing exploratory projects: A repertoire of approaches and their shared underpinnings. *International Journal of Project Management*. – 38 (2020). – P. 75-84.
17. World Economic Forum, The Resiliency Compass: Navigating Global Value Chain Disruption in an Age of Uncertainty, 2021. https://www3.weforum.org/docs/WEF_Navigating_Global_Value_Chains_Disruptions_2021.pdf
18. World Economic Forum, 2022 Charting the Course for Global Value Chain Resilience https://www3.weforum.org/docs/WEF_Charting_the_Course_for_Global_Value_Chain_Resilience_2022.pdf
19. World Economic Forum <https://www.weforum.org/agenda/archive/risk-and-resilience>
20. Wu, L.; Subramanian, N.; Abdulrahman, M.D.; Liu, C.; Pawar, K.S. Short-term versus long-term benefits: Balanced sustainability framework and research propositions. *Sustain. Prod. Consum.* – 2017. – 11. – P. 18-30.

Maria V. Mikheikina

Ph.D., Samara National Research University

The relationship between organizational resilience and sustainability in conditions of uncertainty

Abstract. The article considers the genesis of the notion of resilience, highlights its relevance for organizational development in conditions of uncertainty and unexpected disruptions. The relationship of resilience and sustainability is described. In the context of sustainable development concept, it is proposed to consider resilience like sustainability in three domains: economic, social and environmental.

Keywords: resilience, adaptation, sustainability, sustainable development, triple bottom line, uncertainty, economic crisis.

УДК 338.001.36

Марков А.Д.

*Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева*

ПРИВЛЕЧЕНИЕ ИНВЕСТИЦИЙ В ЭКОНОМИКУ: РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Аннотация. В статье рассмотрен российский и зарубежный опыт привлечения инвестиций. В качестве зарубежного опыта был рассмотрен опыт США, Китая, Объединённых Арабских Эмиратов. Было выяснено, что Россия имеет схожую инвестиционную политику с другими странами. Так на территории России реализуются ОЭЗ. В качестве рекомендаций было предложено ввести ускоренную амортизацию, увеличить количество налоговых льгот и создать единый российский интернет-портал для инвесторов.

Ключевые слова: инвестиции, зарубежный опыт, привлечение инвестиций, инвестиционная политика, ОЭЗ, меры поддержки инвесторов.

Сегодня в условиях глобализации экономик важную роль играют инвестиции. Большинство экономических словарей определяет инвестиции как вложение капитала с целью получения прибыли. Объем инвестиций определяет, будет ли страна развиваться и наращивать экспорт или же будет зависимой от других стран и увеличивать зависимость от импорта.

Россия, согласно данным ЮНКТАД, занимает первое место по объему привлекаемых иностранных инвестиций среди стран с переходной экономикой. При этом Россия в 2019 году занимала 21 место в мире по объёму прямых иностранных инвестиций. В 2019 году России удалось привлечь порядка 32 млрд. долларов прямых иностранных инвестиций, что на 140% больше, чем в 2018 году, однако это почти на 40% меньше, чем в 2013 году. В 2020 году ситуация резко ухудшилась, и объем иностранных инвестиций составил 9,7 млрд. долларов [6].

Объем инвестиций в основной капитал в России в 2019 году составил 19,3 трлн. рублей или 286 млрд. долларов, что составляет всего 17% от ВВП [3]. Это ниже общепринятой нормы. Нормой для развивающихся стран и соответственно для их регионов является инвестирование около 24% от ВВП. В последние отчетные 2018 и 2019 годы объем инвестиций в основной капитал от ВВП был около 17%, что является отклонением даже от нормы по меркам развитых стран.

Для того чтобы увеличить объем инвестиций в России, государство проводит инвестиционную политику, которая направлена не только на привлечение иностранных инвестиций, но и на привлечение инвестиций со стороны отечественных компаний. Многие меры поддержки инвесторов в России схожи с применяемыми мерами в других странах.

Рассмотрим российский опыт привлечения инвестиций в экономику. В 2005 году был принят федеральный закон "Об особых экономических зонах в Российской Федерации". За

15 лет функционирования данного закона в России было создано 33 ОЭЗ [2]. Данные зоны позволили:

- привлечь инвесторов из 41 страны;
- создать порядка 38 000 новых рабочих мест.

Для каждой ОЭЗ на региональном уровне устанавливаются определенные льготы и меры поддержки со стороны государства. ОЭЗ могут иметь следующие преимущества для инвесторов:

- полное или частичное освобождение от уплаты налогов: на прибыль, на имущество, транспортного, земельного и других видов налогов на срок 5 лет и более лет;
- льготное финансирование от кредитных организаций и государственных фондов;
- информационная и правовая поддержка со стороны государства;
- иные льготы и меры поддержки.

В 2015 году был принят федеральный закон «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» [5]. ТОСЭР имеют схожие преимущества для инвесторов по сравнению с ОЭЗ. Отличительной особенностью ТОСЭР является то, что она создается на базе города, а ОЭЗ на отдельной территории части города. В отличие от ОЭЗ в ТОСЭР нет таможенных льгот. Это показывает ориентацию ТОСЭР на отечественных резидентов, а ОЭЗ на нерезидентов, т.е. на иностранные компании, которые экспортируют свою продукцию за рубеж.

Зарубежный опыт привлечения инвестиций может стать для России примером, поэтому рассмотрим опыт нескольких стран по привлечению инвестиций. Лидерами по объему прямых иностранных инвестиций являются США и Китай. Мировой объем иностранных инвестиций в 2020 году составил 1 трлн. долларов [6]. На США и Китай пришлось 305 млрд. долларов. Столь большой объем инвестиций в США объясняется высокой экономической привлекательностью США. Несмотря на отсутствие четкого федерального законодательства в США различные штаты смогли создать определенные преимущества для инвесторов, такие как: дотации, гранты, налоговые скидки и льготы, инвестиционные кредиты. Высокая экономическая привлекательность США определяется следующими факторами:

- одна из самых низких налоговых нагрузок (около 35% от ВВП);
- развитая инфраструктура;
- высокий уровень научно-технической деятельности;
- самое большое количество высококвалифицированных специалистов и ученых;
- высокая экономическая стабильность.

Еще одним инвестиционным преимуществом США является развитое государственно-частное партнерство. Университеты, различные уровни власти и кредитные и иные организации объединяют свои усилия в научно-технической деятельности, что способствует созданию инноваций.

Китай занимает второе место после США по количеству прямых иностранных инвестиций. Разница в объемах иностранных инвестиций между этими странами минимальна. Со второй половины XX века Китай активно привлекает иностранные инвестиции. Для этого в стране были приняты следующие меры [1]:

- создание свободных экономических зон. Китай первая страна мира, которая создала тип экономических зон. СЭЗ Китая обладают налоговыми льготами и низкими барьерами ведения бизнеса;

- проведение экономической политики, поощрявшей иностранных инвесторов. Больше всего Китай привлекал инвестиции в высокотехнологичные проекты. Также приоритетом для правительства Китая являлись экспортноориентированные отрасли;

- выделение субсидий для предприятий, которые экспортировали китайские товары за рубеж. Данная мера позволила повысить качество экспортируемых товаров за счет обновления и модернизации оборудования предприятий.

Одной из мер поддержки иностранных инвестиций является создание совместных предприятий, где собственниками предприятия являются иностранная компания и китайская компания. Для таких предприятий предоставляются следующие льготы: освобождение от уплаты налога на прибыль, возможность беспошлинно экспортировать товары, свободный вывоз прибыли за рубеж.

Помимо мер поддержки Китай привлекает иностранных инвесторов благодаря следующим факторам [4]:

- дешевая рабочая сила;
- политическая стабильность;
- высокий спрос на внутреннем рынке.

Другие страны принимают схожие меры поддержки для инвесторов, а также обладают своими преимуществами для привлечения иностранных инвестиций. Япония обладает большим научно-техническим потенциалом, особенно в сфере техники. Японские власти в течение последних лет проводят различные реформы, направленные на либерализацию иностранных инвестиций, упрощение административных барьеров, упрощение иммиграции для высококвалифицированных иностранцев. Интересным для изучения является опыт ОАЭ. В данной стране практически отсутствуют налоги. Налог на прибыль или налог с доходов здесь платят только нефтяные компании и банки. При этом компании и физические лица платят определенные сборы, за использование некоторых дорог, за аренду квартир, за коммунальные услуги, за лицензию ведения бизнеса и другие. С 2018 года в ОАЭ ввели НДС в размере 5%. Сегодня ОАЭ является одной из самых привлекательных стран для введения бизнеса благодаря своей низкой налоговой нагрузке. Объем прямых иностранных инвестиций в 2020 году в ОАЭ составил 20 млрд. долларов, что больше, чем в 2019 году на 11% и больше, чем в России в 2 раза.

Изучив зарубежный опыт привлечения инвестиций, а также инвестиционные преимущества зарубежных стран и сопоставив его с Российским опытом, можно сделать следующие выводы:

- 1) За 15 лет в России были созданы ОЭЗ, которые смогли привлечь иностранных инвесторов. Был предоставлен широкий спектр льгот для резидентов данных зон. ОЭЗ зарекомендовали себя во многих странах, особенно в Китае, и смогли сделать его 2-ой страной в мире по количеству прямых иностранных инвестиций.

- 2) Объем инвестиций в России является недостаточным для устойчивого развития экономики, поскольку составляет всего 17% от ВВП в 2018 и 2019 году. В Китае данный показатель доходит до 40% в определенные годы.

- 3) Россия, как и ряд зарубежных стран, имеет следующие преимущества для инвесторов: дешевая рабочая сила; дешевые энергоресурсы, такие как электроэнергия, газ и иное топливо; большое количество ОЭЗ и ТОСЭР для размещения иностранных инвесторов, которые обладают разными экономическими выгодами.

В качестве мер совершенствования по привлечению инвестиций в российскую экономику можно предложить следующие:

1) Для повышения инвестиций в основной капитал ввести возможность ускоренной амортизации для всех видов предприятий на всей территории страны. Данная мера позволит увеличить долю инвестиций в основной капитал от ВВП, обновить основные средства отечественным предприятиям и уменьшить объем налога на прибыль. Также можно предоставить налоговые каникулы для новых высокотехнологичных предприятий на срок от 1 года до 5 лет.

2) Увеличить количество налоговых льгот для резидентов ОЭЗ и ТОСЭР и ввести нулевую ставку по налогу на прибыль на срок 10 лет для всех резидентов данных зон. В качестве налоговой льготы можно предложить уменьшение НДС для резидентов данных зон до 10%.

3) Создать единый российский Интернет-портал для инвесторов, который содержал бы всю необходимую информацию для иностранных инвесторов на нескольких языках, а также позволял бы упростить взаимодействие бизнеса и государства путем уменьшения различных бюрократических процедур и посещения различных инстанций.

Список литературы и источников

1. Ахмедова Л.А., Булатова У.Б. Зарубежный опыт привлечения иностранных инвестиций и возможности его использования // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. 2016. №2.

2. Особые экономические зоны. [Электронный ресурс]. URL:https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitie/instrumenty_razvitiya_territoriy/osoby_e_ekonomicheskie_zony (дата обращения: 27.09.2021).

3. Российский статистический ежегодник 2020. [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/KrPEshqr/year_2020.pdf (дата обращения: 27.09.2021).

4. Страна возможностей: почему западные инвесторы доверяют китайским товарищам. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2021/07/23/13794968.shtml?updated> (дата обращения: 27.09.2021).

5. Территория опережающего развития. [Электронный ресурс]. URL:https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitie/instrumenty_razvitiya_territoriy/tor/ (дата обращения: 27.09.2021).

6. WORLD INVESTMENT REPORT. [Электронный ресурс]. URL: [https://unctad.org/publications-search?f\[0\]=product%3A3](https://unctad.org/publications-search?f[0]=product%3A3) (дата обращения: 27.09.2021).

Aleksandr D. Markov

Samara National Research University

Attracting investments in the economy: Russian and foreign experience

Abstract. The article considers Russian and foreign experience in attracting investments. The experience of the USA, China, the United Arab Emirates was considered as foreign experience. It was found that Russia has a similar investment policy with other countries. This is how SEZs are implemented in Russia. The author recommends to introduce accelerated depreciation, increase the number of tax benefits and create the Russian Internet portal for investors.

Keywords: investments, foreign experience, attraction of investments, investment policy, SEZ, investor support measures.

УДК 331.5; 334.021

Иващенко А.В.

*Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н.Г. Чернышевского*

ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ ОРГАНИЗАЦИЙ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА К ПАНДЕМИЧЕСКИМ ОГРАНИЧЕНИЯМ

Аннотация. Ни для кого не секрет, что развивать бизнес в России сложно. Однако в 2020 г. многочисленные институциональные, экономические и социальные барьеры были усугублены «COVID-кризисом», который показал, что российское государство способно мобильно реагировать на нужды МСП. Для дальнейшего развития потенциала МСП в российской экономике необходима стратегическая комплексная политика, направленная на улучшение предпринимательского климата.

Ключевые слова: малый и средний бизнес, пандемия коронавируса, проблемы развития, поддержка бизнеса, кризис.

Ограничения, вызванные борьбой с распространением COVID-19, оказали негативное влияние на экономику России. С макроэкономической точки зрения, текущий кризис (пока что) менее негативно сказался на российской экономике по сравнению с кризисом 2009 г. («Great Recession»). Исключение составляет резкий рост государственного долга Российской Федерации: на фоне реализации мер поддержки экономики, а также падения выручки от экспорта топливно-энергетических ресурсов дефицит бюджета РФ составил 4,1 трлн рублей. При этом объем денежных средств, выделенных на поддержку российской экономике в кризис 2020 г., меньше, чем аналогичные ассигнования 2009 г. (относительно ВВП). То есть, кризис 2020 г. обходится пока что «дешевле» российской экономике, чем кризис 2009 г [3,4].

Однако на микроуровне влияние «COVID-кризиса» не так однозначно. Рост реальных доходов населения в России в 2020 г. был мизерным даже по сравнению с 2009 г. Положительной тенденцией могло бы стать снижение неравенства в 2020 г., чего не было в 2009 г., но с учетом того, что значительного сокращения бедности не произошло, снижение неравенства косвенно свидетельствует о падании уровня жизни населения с доходами, выше прожиточного минимума [5]. Также стоит отметить, что падание ожидаемой продолжительности жизни при рождении в 2020 г. было более заметным, чем в 2009 г.

Для оценки влияния текущего «COVID-кризиса» на развитие малого и среднего предпринимательства / бизнеса (МСП/МСБ) в России кратко проанализируем структуру российской экономики. Вклад сектора МСП в 2014 – 2020 гг. в российский ВВП не превышал 20%, что значительно ниже, чем в развитых странах. Причем, доля МСП в ВВП России в 2020 г. понизилась на 1% по сравнению с 2019 г., составив 19,8%. Вместе с тем, в ряде региональных экономик субъектов Российской Федерации МСБ играет существенную роль:

скажем, доля МСБ в ВРП Ивановской области в 2019 г. была равна 42% [2,6]. Это является следствием ориентированности российского МСП на внутренний рынок: в 2019 г. доля российского малого и среднего предпринимательства в несырьевом экспорте составила 8,6%.

Вызывает определенное беспокойство снижение числа предприятий МСП, а также падение оборота в расчете на 1 работника. К сожалению, данные по инвестициям в МСП за 2020 г. пока что недоступны, однако поскольку наблюдается общий рост инвестиций по всей экономике, то, можно предположить, что их падение относительно МСП не существенно [7, 8].

Во многих случаях ограничительные меры привели к убыткам, вызванным потерей клиентов, заморозкой инвестиций и производственных цепочек, переходу на дистанционный режим и даже закрытию многих предприятий. Согласно опросам, доходы сократились у 45,5% бизнесменов и лишь у 18,2% – выросли за время пандемии «COVID-19», у оставшихся 36,4% доходы остались без изменений. При этом основными трендами стали автоматизация бизнес-процессов, диверсификация и цифровизация: использование online услуг росло устойчивыми темпами [1, с. 27]. Уже сейчас ясно, что предприятия, которые могут внедрить модель удаленной работы, выйдут из кризиса с минимальными потерями.

Помимо влияния «COVID-кризиса», развитие МСП в России опосредуется многими другими негативными факторами: неустойчивым законодательством и постоянно меняющейся налоговой политикой, институциональной средой, порождающей уход бизнеса в теневой сектор и формирующей коррупцию, нестабильной экономической конъюнктурой, в особенности, волатильностью курса российского рубля, неразвитостью системы льготного кредитования. Так, согласно статистике Европейского центрального банка (ЕЦБ), в еврозоне для кредитов нефинансовым организациям на суммы в пределах 0,25-1 млн евро на срок от 3 месяцев до 1 года средневзвешенная процентная ставка в 2018 г. составила 1,62% годовых, а для сумм свыше 1 млн евро – 1,35%. Для кредитов на срок от 1 года до 3 лет данные ставки оказались равны 1,66% годовых и 1,45% годовых соответственно. Для российских МСП реальная ставка по кредитам сроком свыше 1 года на начало 2018 г. составляла не менее 7%.

Как уже было сказано, важнейшей проблемой МСБ в России является высокий уровень налогообложения. Ситуация улучшилась с введением упрощенной системы налогообложения, упрощенной системы уплаты единого налога на вмененный доход.

В рамках данного исследования теоретический и практический интерес представляет сопоставление мер поддержки МСП, принятых в Европейском союзе (ЕС) и России. В ЕС были приняты следующие меры поддержки: 1) прямые гранты, выборочные налоговые льготы и авансовые платежи – до 800 тыс. евро компаниям предоставляется на срочные нужды по ликвидности; 2) государственные гарантии по кредитам, взятым компаниями у банков (ссуды часто необходимы предприятиям для покрытия текущих потребностей в оборотном капитале и инвестициях); 3) субсидированные государственные займы с выгодными процентными ставками; 4) меры предосторожности для банков, которые направляют государственную помощь в реальную экономику (такая помощь рассматривается как прямая помощь клиентам банков, а не самим кредитным организациям); 5) государственное краткосрочное страхование экспортных кредитов.

В Российской Федерации можно выделить такие меры, как 1) **субсидирование предпринимателей** – выплаты предпринимателям из наиболее пострадавших отраслей экономики безвозмездную финансовую помощь из расчета 12130 рублей на одного сотрудника; 2) **беспроцентный кредит** на зарплату: кредитование предприятий из пострадавших отраслей на выплату зарплат сотрудникам будут осуществлять банки при поддержке ЦБР, при этом гарантия по кредиту обеспечивается поручительством ВЭБ (до 75%), первые 6 месяцев ставка по кредитам – 0%, следующие 6 месяцев ставка определяется как ключевая ставка ЦБР, уменьшенная на 2 п.п. (в настоящее время – 4,75%); 3) МСП, приостановившие работу из-за противоэпидемических мер, смогут получить **гранты** от государства. Размер компенсации за каждые две недели простоя будет равен $\frac{1}{2}$ минимального размера оплаты труда в расчёте на одного сотрудника. На случай продления ограничений предусмотрена возможность увеличения грантов до 1 МРОТ; 4) **субсидии** бизнесу на трудоустройство безработных: работодатель сможет получить господдержку при трудоустройстве граждан, которые были зарегистрированы в центрах занятости. Субсидия будет равна 3 МРОТ, увеличенным на районный коэффициент, сумму страховых взносов и количество трудоустроенных граждан. Первый платёж организация получит через месяц после трудоустройства безработного, второй – через 3 месяца, третий – через 6 месяцев [9].

Для того, чтобы перечисленные меры поддержки были максимально эффективны, государству необходимо доверие владельцев предприятий к правительству, чего в настоящее время не наблюдается. Так, из более, чем 1500 опрошенных в 2020 г. представителей российского МСБ, 73% предпринимателей ответили, что им требуется государственная поддержка в период ограничений, ввергающих экономику в кризис. Тем не менее, 61% предпринимателей не доверяют государственным мерам поддержки и не подают документы для ее получения, так как считают, что меры поддержки рассчитаны на отдельные компании, и только 8% придерживаются мнения, что данные меры поддерживают экономику в целом.

Возможно, что для установления доверительных отношений между МСБ и органами власти в России требуется стратегическая политика, включающая в себя изменение налогового режима – снижение налогов и неналоговых платежей (штрафов), ограничение вмешательства банков бизнес, а именно: блокировки счета, списывания средств. Кроме того, все принимаемые законы, касающиеся МСБ, необходимо согласовывать с предприятиями.

Список литературы и источников

1. Алтуфеева Н.В. Цифровизация бизнеса. Проблемы малого бизнеса в условиях пандемии и меры поддержки. экономика, организация и управление организациями, отраслями, комплексами. 2021. №2.
2. Меры Правительства РФ по борьбе с коронавирусной инфекцией и поддержки экономики. Правительство России. URL: http://government.ru/support_measures/ (дата обращения: 29.09.21).
3. Официальный сайт Всемирного банка. [Электронный ресурс]. URL: <https://data.worldbank.org/> (дата обращения: 19.05.2021).
4. РБК. [Электронный ресурс]. URL: https://www.rbc.ru/finances/07/07/2021/60e426e49a79470ed69068da?utm_source=vk&utm_medium=social&utm_campaign=preview (дата обращения: 29.09.21).

5. РБК. [Электронный ресурс]. URL: https://www.rbc.ru/economics/04/05/2021/608ab3679a79476197153417?utm_source=vk&utm_medium=social (дата обращения: 30.09.21).
6. РБК. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/economics/28/06/2021/60d8cf9a9a7947507c663183> (дата обращения: 29.09.21).
7. Улько С.А. Современное положение малого и среднего предпринимательства в России и в Китае. Электронный научный журнал «Вектор экономики», 2019, №6.
8. Федеральная служба государственной статистики. Росстат. URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 20.05.2021).
9. . Федресурс. [Электронный ресурс]. URL: <https://fedresurs.ru/news/390d0bea-3b00-4512-87a9-5d23fcabfb59?attempt=2> (дата обращения: 28.09.21).

Angelina V.Ivaschenko
Saratov National Research University

Problems of adaptation of small and medium-sized businesses to pandemic restrictions

Abstract. It is no secret that to develop business in Russia is difficult. COVID-19 pandemic contributed to multiple institutional, economic and social barriers. The pandemic showed that the Russian government is able to respond to the needs of small and medium businesses. Further development of SME's potential in the Russian economy requires complex strategic policy aimed at the improvement of business climate.

Keywords: small and medium businesses, coronavirus pandemic, development problems, business support, crisis.

СЕКЦИЯ СОЦИОЛОГИИ
**«Молодежь в условиях постфордизма:
жизненные проекты, стратегии, идентичности»**

УДК 316.342.2

Бочаров В.Ю.

*кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и культурологии,
Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева*

**СТРАТЕГИИ ТРУДОВОГО ПОВЕДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ
НОВОГО РАБОЧЕГО КЛАССА**

Аннотация. В статье рассматриваются стратегии трудового поведения российской рабочей молодежи, выделенные на основе факторного и последующего кластерного анализа результатов массового социологического опроса, осуществленного в рамках социологического проекта «Жизненные стратегии молодежи нового рабочего класса в современной России» в 2018 г. Данные фокус-групповых и глубинных биографических интервью проведенных в 2021 г. с молодыми рабочими свидетельствуют об устойчивости этих стратегий в условиях новых пандемических вызовов.

Ключевые слова: молодежь нового рабочего класса, баланс работы и личной жизни, стратегия трудового поведения, факторный и кластерный анализ.

С конца XX века в мировом масштабе наблюдаются процессы трансформации отношений занятости и прекаризации труда, связанные с ухудшением положения наемного персонала: внедрение нестандартных графиков работы, снижение оплаты труда, уменьшение количества социальных пособий и гарантий занятости, сокращение возможностей для карьерного роста и трудовой мобильности, переход к краткосрочным трудовым контрактам, ослабление профсоюзного движения и т. п. В целом новые «нестандартные» формы трудовых отношений характеризуются слабой или полностью отсутствующей защитой социально-трудовых прав рабочего класса, который попадает в ситуацию социально-экономической уязвимости и зависимости от работодателя, в том числе в темпоральном плане. Неслучайно рекомендации Глобальной комиссии по вопросам будущего сферы труда Международной организации труда (2019 г.) и обращенные к мировому сообществу, содержали призыв укрепить суверенный контроль над временем путем разработки режимов рабочего времени, расширяющих возможности выбора работников в отношении графиков и часов работы. Приоритетной задачей выступает обеспечение возможности балансировать трудовую и личную жизнь с учетом потребностей компаний в большей гибкости, а также путем установления гарантированного минимума рабочего времени.

Анализ современного исследовательского поля («new working class studies») позволил определить критерии отделения нового рабочего класса (далее – НРК) от других классов и стратификационных групп: отношение к собственности, участие в управлении предприятием, характер и содержание труда. НРК не является гомогенным образованием, его внутрен-

няя дифференциация связана с влиянием таких факторов, как форма найма, сфера занятости, уровень доходов, степень рутинизации труда, стиль жизни и культурный капитал. При этом традиционный промышленный рабочий класс представляет собой лишь одну из подгрупп НРК наряду с работниками сферы сервисных услуг. Сегодня мы должны говорить о существовании НРК, к которому следует относить работников, занятых как в сферах промышленного производства, так и сфере сервисных услуг. Труд таких работников рутинизирован, разделен на стандартизированные сегменты, поддается алгоритмизации и количественному нормированию результатов; они не участвуют в управлении и не имеют прав собственности в организации, в которой трудятся [4].

В условиях постиндустриального капитализма серьезной проблемой для наемных работников, занятых на позициях НРК, становится дефицит свободного времени и конфликт между работой и личной жизнью. Поэтому важным контекстом современных исследований новых форм занятости становится концепция поиска оптимального баланса (конфликта) рабочего и свободного времени, который ведется преимущественно в гендерном и классовом измерениях. Гендерная проблематика таких исследований связана, прежде всего, с проблемами адаптации общества к новой роли женщин и ослаблению традиционных гендерных стереотипов. В свою очередь классовый анализ позволяет обнаружить, что представители среднего класса имеют заметно больший по сравнению с рабочим классом доступ к гибким условиям режима рабочего времени. Тогда как для представителей рабочего класса график работы чаще определяется работодателем, причем может меняться практически ежедневно.

Основными направлениями современного научного анализа проблем баланса рабочего и свободного времени являются: анализ конфликта между работой и личной жизнью («work-life conflict») (1); анализ конфликта между работой и семьей («work-family conflict») (2); анализ влияния режима работы на социальное самочувствие работников («subjective well-being») (3). Все эти подходы являются взаимосвязанными, однако «work-life conflict» является наиболее широким и используется нами в нашем исследовании. При этом в качестве основания выделения типов рабочей молодежи нами используется темпоральный аспект их жизненных стратегий, а именно баланс рабочего времени и личной жизни. Два компонента составляющие основание сторон баланса (конфликта) между работой и личной жизнью: 1) удовлетворенность работой, которая определяет социальное самочувствие работника (среди показателей удовлетворенности работой особо выделяется роль удовлетворенности графиком работы, т.е. временем, которое он проводит в распоряжении работодателя); 2) достаточность (дефицит) свободного времени, которое остается в распоряжении работника [2].

В качестве объекта нашего эмпирического исследования выступала молодежь НРК (15-29 лет), проживающая на территории Уральского Федерального округа РФ. Используя возможности интерсекциональной методологии молодежь НРК рассматривается нами с учетом трёх стратификационных признаков: социальный класс (новый рабочий класс), гендер и возраст.

Первый этап эмпирического исследования был проведен в 2018 году. Анкетный опрос (N = 1534) проходил в трех городах (Екатеринбурге, Тюмени, Кургане) и типичной сельской местности этих областей с апреля по июль 2018 г. Обработка результатов исследования проведена с помощью статистического пакета IBM SPSS Statistics Version 20. Проведенный с помощью пакета программы SPSS факторный анализ (метод вращения Варимакс с нормали-

зацией Кайзера) позволил выделить две группы факторов, влияющих на восприятие баланса работы и личной жизни среди МНРК: факторы удовлетворенности работой и факторы достаточности/дефицита свободного времени. На основе полученных факторов был осуществлен кластерный анализ (методом К-Means было отобрано 1342 наблюдения) [6].

По результатам кластерного анализа были выделены три социальных типа российской молодежи НРК: «зарабатывающие» (35,6%), «выживающие» (40,2%), «адаптированные» (24,2%). Каждому из этих типов свойственна собственная стратегия трудового поведения [5].

«Зарабатывающие». Для рабочей молодежи этого типа характерна успешная реализация профессиональных навыков. Условия работы с благоприятным графиком, но уровень комфорта и общения на рабочем месте низкий, есть определенный дефицит времени на саморазвитие и увлечения. Таких работников можно назвать индивидуалистами, ориентированными на материальный успех, не обращающих внимания на коллег и на дефицит свободного времени. Они ощущают конфликт между работой и личной жизнью, но, из-за сознательной ориентации на материальные блага и карьеру, переживают его не очень остро. Как мужчины, так и женщины этого кластера чаще всего имеют стандартный 8-ми часовой рабочий день (именно такой стандартный график является для них наиболее желательным). Основная их трудовая стратегия – зарабатывать денег. Как правило, «зарабатывающие» планируют долго или всю жизнь посвятить карьере в профессии, которой сейчас заняты.

«Выживающие». В рамках этого социального типа представлена рабочая молодежь, наиболее остро ощущающая конфликт между работой и личной жизнью из-за неблагоприятных условий работы и дефицита свободного времени. Здесь превалирует доля женщин. Представители этого кластера чаще работают более 8 часов в день, среди них больше всего доля тех, кто считает, что работа негативно влияет на их здоровье. Основная их трудовая стратегия – выживание в неблагоприятных условиях рабочей среды и дефицита свободного времени. Работа для них не личный приоритет, а вынужденный инструмент для выживания. «Выживающие» вынуждены часто работать в режиме сверхнормативной занятости (больше 8 часов в день), имея при этом нестандартный (сменный) график работы.

«Адаптированные». Здесь представлена рабочая молодежь, которая ориентирована преимущественно на факторы свободного времени и в меньшей степени на факторы рабочей среды. Среди этого кластера мужчин – 62%, в то время как женщин только 38%. Они не ощущают острого конфликта между работой и личной жизнью и способны адаптироваться к различным видам трудовой деятельности, так как в их системе ценностей работа не обладает первостепенным значением. В ущерб заработку «адаптированные» готовы проводить рабочее время в комфортной обстановке за общением с коллегами, стараясь сохранять приемлемый баланс между работой и свободным временем. По сравнению с другими типами, респонденты этого кластера чаще работают менее 8 часов в день. Основная их трудовая стратегия – прагматическая, состоящая в стремлении минимизировать свои трудовые затраты, встраиваясь в социальные институты занятости, адаптируясь к их требованиям, с минимально возможными потерями для собственного свободного времени. Ни работа, ни семья не являются для «адаптированных» важнейшими ценностями. Они делают акцент на личном развитии (в их собственном понимании) и беззаботном времяпрепровождении. Чаще всего «адаптированные» ориентированы на нестандартный режим работы (менее 8-ми часов в день), отдавая предпочтение свободному графику.

Сбор качественных данных осуществлялся нами поэтапно. На первом этапе с февраля по август 2018 г. было проведено 31 биографическое интервью с представителями молодежи НРК г. Тюмени. Второй этап качественного исследования был осуществлен в Самаре в 2021 г. Нами были проведены 4 фокус-группы (по 8 информантов в каждой из них) в которых принимала участие рабочая молодежь (19-35 лет), занятая на рабочих должностях в промышленности и строительстве (2 группы), а также в сфере клиентского сервиса (2 группы). Помимо этого нами было проведено 20 глубинных биографических интервью с молодыми работниками (18-27 лет, занятых на рабочих должностях: бариста, барменов, официантов, кассиров-администраторов и т.п.) 3-х организаций сферы общественного питания г. Самары относящихся к региональной сети кофеен (1), международной сети кафе и ресторанов общественного питания (2) и сетевому ресторанному холдингу (3).

Отметим, что проведенные с рабочей молодежью интервью полностью подтверждают данные полученные количественными методами относительно наличия конфликта между работой и личной жизнью молодежи НРК, а также позволяют говорить об устойчивости выделенных стратегий трудового поведения рабочей молодежи в период пандемии 2020-2021 гг. [3].

Основные выводы:

1. Кардинально ситуация в социально-трудовой сфере мало изменилась, а скорее даже учитывая пандемический фон – ухудшилась. По-прежнему модальной стратегией рабочей молодежи в 2021 г. (как и по данным нашего массового опроса 2018 г.) оказываются те, кто работает наиболее интенсивно при максимально возможной нагрузке рабочего времени, но не имеют возможности удовлетворить в полной мере свои потребности и оказываются в условиях стратегии выживания. При этом молодые рабочие не рассчитывают на защиту со стороны профсоюзных организаций и мало надеются на помощь каких-либо государственных структур [1]. Не будет лишним сказать, что, прежде всего, это молодые женщины нового рабочего класса, а также работники организаций сферы клиентского сервиса.

2. Результаты массового анкетного опроса молодежи НРК свидетельствуют, что и мужчины и женщины в основном позитивно относятся к режиму работы не превышающему 8 часов в день. Так, среди работников, имеющих сокращенный рабочий день (менее 8 часов) и тех, кто стандартно занят (8 часов) доли респондентов, удовлетворенных графиком своей работы, превышают среднее по массиву значение (63,8%). В тоже время среди занятых более 8 часов день доли удовлетворенных графиком своей работы существенно ниже в обеих гендерных группах: 55,3% среди мужчин и 41,7% – среди женщин. Таким образом, при увеличении нагрузки рабочего времени среди рабочей молодежи сокращается удовлетворенность состоянием баланса между работой и личной жизнью. Особенно негативно конфликт между работой и личной жизнью переживают женщины, которые в силу сохранившихся гендерных стереотипов, а также слабости российских государственных институтов защиты и поддержки семьи продолжают нести основное бремя нагрузки по неоплачиваемой домашней работе и уходу за детьми. Среди женщин по сравнению с мужчинами более распространено мнение о негативном влиянии работы на их здоровье и в зависимости от увеличения длительности рабочего дня такое мнение у женщин только усиливается. Одновременно именно женщины ощущают дефицит свободного времени для всех видов социальных потребностей гораздо сильнее, чем мужчины.

3. Данные качественного исследования оказались не только релевантны данным массового опроса (с помощью которых и были выделены социальные типы молодых рабочих), но и позволили услышать «живые голоса» информантов – юношей и девушек нового рабочего класса. Их повседневные практики занятости часто связаны с переработками, отсутствием выходных дней и ежегодного отпуска, работой в ночную смену без компенсации, что приводит их в состоянии постоянной усталости и депрессии, ощущению себя «зомби» и мечтам о том, чтобы хотя бы просто выспаться. Однако, реальных действий, кроме как увольнения с нынешнего места работа (сама по себе смена места работы не страшит молодежь) молодежь НРК предпринимать пока не готова. Ее классовая солидарность только еще начинает складываться, выражаясь пока лишь в поддержке друг друга в виртуальных дискуссиях в социальных интернет-сетях на темы, связанные с некомфортным и не устраивающим молодежь режимом труда и отдыха. Российских работодателей существующая ситуация с наличием конфликта между работой и личной у молодых работников (и особенно работниц) мало волнует: они элементарно далеко не всегда готовы предоставить дополнительный выходной день на учебу или по семейным обстоятельствам или скорректировать рабочий график для молодой женщины с маленькими детьми. А официальные российские профсоюзы фактически устранились от решения острых проблем в социально-трудовой сфере, иногда решая мелкие социально-бытовые вопросы персонала, но по большому счету не способствуют смягчению ситуации конфликта между работой и личной жизнью у российской молодежи НРК.

4. Молодежь НРК находится в условиях, когда в своей массе из-за отсутствия материальных ресурсов единственным вариантом для обеспечения своего дохода является работа по найму в условиях, которые определяются работодателем. Нельзя сказать, что попадая в институциональные рамки рабочих графиков, они чувствуют себя счастливыми. Действительно, мало кто мечтал в детстве о том режиме работы, который они имеют на сегодняшний день. Речь идет именно о не устраивающем молодых людей балансе «времени для работы» и «времени для жизни».

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 17-78-20062 «Жизненные стратегии молодежи нового рабочего класса в современной России».

Используемая литература и источники

1. Бочаров В.Ю. Готовность рабочей молодежи сферы общественного питания к вступлению в профсоюз и коллективному протесту // Социально-трудовые конфликты в России и в мире: VI Международная научно-практическая конференция, 1 октября 2021 года. Санкт-Петербург: СПбГУП, 2021. С. 162-171.

2. Бочаров В.Ю. Концепция баланса работы и личной жизни как основание для типологии стратегий трудового поведения рабочей молодежи // Социально-трудовые исследования. 2020. №39(2). С. 113-129. DOI: 10.34022/2658-3712-2020-39-2-113-129.

3. Бочаров В.Ю. Стратегии трудового поведения и солидарность российской рабочей молодежи // Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований. Т.1. Пермь: Изд-во ПНИПУ, 2021. С. 49-56.

4. Бочаров В.Ю., Гаврилюк Т.В. Молодежь нового рабочего класса как объект государственной социальной политики и инвестирования // The Journal of Social Policy Studies. 2021. Vol. 19. №1. С. 69-84. DOI: 10.17323/727-0634-2021-19-1-69-84.

5. Жизненные стратегии молодежи нового рабочего класса: коллективная монография. Под ред. Т.В. Гаврилюк. М.: Флинта, 2020. 408 с.

6. Молодежь нового рабочего класса современной России: коллективная монография. Под ред. Т.В. Гаврилюк. М.: Флинта, 2019. 392 с.

Vladislav Yu. Bocharov

*Ph.D., associate professor, the Department of Sociology and Culture Studies,
Samara National Research University*

Labor behavior strategies of Russian new working-class youth

Abstract. The article considers labor behavior strategies of Russian new working-class youth. The labor behavior strategies are allocated on the basis of factor and subsequent cluster analysis of mass sociological research conducted under the sociological project “Life strategies of new working-class youth in contemporary Russia” in 2018.

Keywords: new working-class youth, work and personal-life time balance, labor behavior strategy, factor and cluster analysis. The data of focus group and in-depth biographical interviews of young workers conducted in 2021 demonstrates the sustainability of the strategies in the face of new pandemic challenges.

УДК 316.4

Абелева В.А.

*Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева*

ПОКОЛЕНИЕ «ZERO WASTE» И НОВЫЕ ПРАКТИКИ: ТРЕНД НА УСТОЙЧИВУЮ МОДУ

Аннотация. В статье затрагивается тема кризиса современного общества потребления и глобального экологического кризиса в контексте индустрии моды и практик ее потребителей. Особое внимание уделено новым поколениям, составляющему образ современного осознанного потребителя: поколение игрек (миллениалы) и поколению зет (зумеры), а также практикам сопротивления растущему гиперпотреблению и быстрой моде. Выделяются и описываются характерные особенности тренда на устойчивую моду, объединяющую в себе как потребительские практики в сфере моды, так и модели развития модных брендов.

Ключевые слова: устойчивая мода, этичная мода, экологичная мода, медленная мода, быстрая мода, миллениалы, зуммеры.

С развитием массового производства и массовой культуры потребление приобрело решающую значимость не только в экономической, но и социальной и культурной сфере. Фордизм (конвейерное производство) привел к удешевлению производства, а значит и стоимости товара, увеличил его доступность для более широкого круга покупателей. Но рост «количества» составил обратную пропорцию «качеству»: рынок переполнился товарами плохих потребительских характеристик с малым сроком «жизни», однообразных, гомогенных, и, главное, дегуманизированных по своей сущности. Конвейерное производство породило «конвейерное потребление»: вещь покупается, служит небольшое отведенное ей время эксплуатации, быстро стареет, интеллектуально или функционально, отправляется на свалку, и ей на замену приобретает такая же «скоропортящаяся» вещь». Быстрое производство, быстрая смена вещей, быстрое потребление – так зародилась «культура фаст-фуд» [3].

По аналогии с фаст-фудом, общество потребления в последние два десятилетия произвело и активно развивало так называемый «фаст-фешн» (быструю моду). Сегодня мы живем в мире, где никого не удивляет ежемесячное обновление ассортимента в многочисленных сетевых магазинах одежды и обуви, что не могло не сказаться на качестве производимого миром моды продукта. Быстрая мода предполагает быструю смену трендов, быструю смену вещей и, соответственно, быструю и постоянную прибыль ретейлеров. Жизнь вещи в XXI веке невероятно сократилась, ценность – тоже. Можно сказать, что современная нам эпоха – эпоха одноразовых вещей, «одноразовой культуры», формирующей наше отношение к миру, ко времени, к вещи.

Неуловимость потребления становится еще сильнее с появлением виртуальной экономики, безналичного расчета и онлайн-покупок. Современная культура противоречива в своих проявлениях: так, тенденция к виртуализации вещи открывает новые возможности для потребления (посредством Интернета можно совершать покупки и даже «прогулки» по музеям и галереям), что экономит ресурсы и время, с другой стороны, такая оптимизация и рационализация приводит к перенасыщению человека огромным количеством вещей, век которых очень недолог, количество которых множится.

За всеми этими процессами и трансформациями форм потребления следует дегуманизирующая тенденция: «смерть» потребителя как личности, автора «текста» собственной индивидуальности. В связи с этим рождается проблема ревитализации «автора»: созидательного выражения неповторимости, самости через творчество, с одной стороны, и конструирование, и игру идентичностями посредством вещи – с другой.

Вместе с тем, сегодня стала очевидной и злободневной для широких масс проблема экологического кризиса. В октябре 2018 года Международная комиссия по изменению климата сообщила, что для предотвращения последствий глобального потепления осталось всего 12 лет. «Речь идет о выживании, – заявляет директор организации по устойчивости в моде Fashion Revolution Сара Дитти. – Если модные бренды не начнут работать над уменьшением негативного воздействия на окружающую среду, менять способы использования природных ресурсов и встраивать устойчивость в свои бизнес-модели, они не добьются успеха» [1]. Сегодня общественное сознание все больше поворачивается в сторону важности сохранения экологической стабильности и сохранения ресурсов. Одна из главных претензий общества как потребителя обрушилась на индустрию моды, производящей более 20% всех мировых

отходов. Очевидно, что мы более не можем рассуждать о моде как о чем-то несерьезном, в отрыве от экологического кризиса и проблемы гиперпотребления.

Усталость от чрезмерного потребления, поток одноразовых вещей, «однодневок», ограниченность творческого освоения вещи, осознание глобальных экологических проблем и проблем, связанных с трудовой этикой работников индустрии моды, рождает новые практики ее «присвоения», связанные с креативным потреблением. Наиболее остро кризис культуры гиперпотребления ощутило молодое поколение. Общество постоянно продуцирует «феномены-ответы» на «вызовы» культуры, и, зачастую, инновации на этом поле принадлежат молодежи. Молодое поколение, родившееся и выросшее уже после распада Советского Союза, как правило, уже не успело застать культуру дефицита. Зато для миллениалов и зумеров характерны активное использование цифровых технологий и социальных сетей, быстрое потребление, в первую очередь, информации, а не вещи, а также развитие личности в условиях глобализированного мира. Постоянное нахождение в информационном потоке, нагруженным серьезной мировой повесткой экологического кризиса и кризиса эксплуатации труда в странах третьего мира, заставляет молодёжь, в первую очередь, миллениалов как первое поколение цифровых аборигенов, уже достигших взрослого возраста, переосмысливать ценности, выстроенные предыдущими поколениями и создавать новые. «Игрек (миллениалы) – первое поколение, у которого нет героев, но есть кумиры. Предполагаем, что у них не будет героев. Они станут ими для других поколений, несмотря на то, что не всегда хотят быть героями» – заявляет координатор проекта «Теория поколений в России-Regenerations» Евгения Шамис [4].

В первую очередь, это касается культуры потребления и, в частности, сферы моды. Так, для молодого поколения актуальными становятся формы уже «пост-потребления», связанные с новой этикой и эстетикой потребления и переработки вещи. Под «пост-потреблением» понимается новая практика «присвоения» вещи, основанная на философии «умного» использования, идеи уникальной ценности и длительной «жизни» конкретной вещи и экологическом сознании. Для него также характерны установка на оптимальное соотношение цены-качества товара с высокой значимостью его качества: этичное потребление, низкая вовлеченность в брендовую коммуникацию при высокой информированности о брендах, понимание ценности вещи с историей, ориентация на альтернативные крупным шопинг-моллам места приобретения вещи. Так актуальными практиками становятся своп-вечеринки, кастомизация и апсайклинг вещей, сдача вещи в переработку и на благотворительность, аренда вещей, фактчекинг брендов на прозрачность и этичность производства а также составы тканей производимых изделий, минимализм, а популярными местами приобретения одежды становятся маленькие магазины локальных брендов, секонд-хенды, барахолки, блошиные рынки, сайты вторичного рынка и, с приходом моды на винтаж и ретроспективную эстетику последних лет, «бабушкины сундуки». «Большая часть моего гардероба из секонд-хенда. И как-то сложилось, что вещи ношу достаточно долго. Часто расхламляюсь, отдаю вещи на благотворительность (в хорошем состоянии конечно). В планах перейти на «0 отходов», постепенно иду к этому. Конечно если вещь мне нравится, то никакие катышки или дырочка не мешают мне её привести в порядок и носить дальше» - комментарий пользователя под ником Nastya Knyaz. «Последние два года стараюсь полностью одеваться в секундах и винтажных

магазинах. Но самое крутое, это то что я теперь отдаю обувь на реставрацию!!! Я капитан вторичность !!» - с гордостью заявляет пользователь под ником Bestiya [2].

Подобная стратегия как потребления, так и бизнеса получила названия «устойчивой моды». Термин «устойчивая мода» является дословным переводом англоязычного «sustainable fashion», однако его содержательное наполнение более широкое.

Существует разные представления о том, что включает в себя устойчивая мода, является ли она синонимом другим популярным направлениям, однако мы придерживаемся позиции, в которой устойчивая мода как новая этика производства и потребления одежды и аксессуаров включает в себя следующие направления: экологичную моду, этическую моду и медленную моду.

Экологичная мода предполагает использование натуральных органических материалов для производства тканей (хлопок, лён), но не промышленного производства, т.е. не использующего вредные для окружающей среды химикаты для обработки, крашения материала, а также обработки плантаций. Экологичная мода также активно развивает технологии переработки вторсырья и производства тканей из возобновляемых культур, таких как: банан, кокосовый орех, конопля, соя, бамбук, водоросли.

Этичная мода использует принципы экологичной моды, но развивает их и идёт дальше. Установки этичной моды предполагают выбор в пользу небольших масштабов производства взамен массового с целью повышения качества производимой продукции. Наряду с ограничением объемов в фокусе внимания оказывается также вопрос эксплуатации дешёвого труда рабочих стран третьего мира. Этичная мода предлагает использование достойно оплачиваемого труда квалифицированных профессионалов индустрии. Наконец, одним из важнейших задач, которые ставит перед собой этичная мода, является прекращение насилия над животными, участвующими в производственном цикле.

Медленная мода (slow fashion) в противовес фаст-фешн предлагает максимально длительное использование вещей, производство и выбор одежды которая была бы вне трендов. Естественно, чтобы такая продукция могла длительное время быть в эксплуатации, производство предполагает высокое качество изделия, что совпадает с идеалами как этичной, так и экологичной моды.

И хотя вышеупомянутые три направления и имеют разные названия и раскрывают разные аспекты сложившейся к началу XXI в. в индустрии моды проблем, они все, в конечном итоге, опираются на принципы прозрачности, гуманности и сознательности.

Именно эти установки становятся основополагающими в определении потребительской стратегии современного человека и определяют новые практики выбора, эксплуатации и утилизации вещи. Сегодня мы возвращаемся к «хорошо забытому старому», и починка и ремонт одежды уже не воспринимаются атрибутом нищеты, а наоборот, говорят об осознанности и продвинутости: «Недавно психанула и заштопала все протертые носки – почти утерянный народный промысел», - комментирует пользователь под ником Irina Fetisova [2]. А передавание вещи из поколения в поколения не ассоциируется с отставанием от моды или устаревшей семейной традицией, сегодня это тренд, помогающий утвердить не только индивидуальный стиль автора, но и восстановить sentimentalную связь с вещью, которая все больше терялась, чем сильнее развивалась фордизм и общество потребления [3]: «Это ужасно! Мама

в молодости была модницей, много нарядов сохранилось, а от бабули много самопошива, но многое выкинули или сожгли родственники, как «старье». Теперь, каждый свой приезд у них ищу сокровища в шкафах первым делом. И до сих нахожу. Недавно на чердаке нашелся кожаный, небесно-голубой плащ, практически в идеальном состоянии. Много чего продаю, так как не подходит, по размерам, например. Но не ценят, мало покупают, и лежит, жаль...» - делится своей историей пользователь под ником Анна Пионова [2].

Устойчивая мода и стремление к минимизации отходов и урона, наносимого экологии, возникает как реакция на гиперпотребление: постоянная циркуляция и смена вещей-однодневок, потеря ими ценностного значения и проблема утилизации, характерные для культуры потребления, на Западе, в первую очередь, в Европе, начинают осознаваться как негативные тенденции, а усталость от них порождает различные формы локального решения. Так, модернизация вещей и практик, с ними связанных, становится основой для модернизации культуры.

Список литературы и источников

1. Final call to save the world from “climate catastrophe”. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bbc.com/news/science-environment-45775309> (дата обращения: 02.09.2021).
2. Почему мир отказывается от моды, новые формы моды как бизнеса / D94. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=x8lutstftII> (дата обращения: 18.09.2021).
3. Ритцер Д. Макдональдизация общества 5/ пер. с англ. А. Лазарева. – М.: Праксис, 2011. – 592 с.
4. Соколова Н. Поколение Игрек // Профиль. – 20 сентября 2010. – № 34 (685).

Vera A. Abeleva

Samara National Research University

“Zero waste”-generation and new practices: sustainable fashion trend

Abstract. The article highlights the crisis of modern consumer society and global ecological crisis in the context of fashion industry and consumer practices. The author focuses on new generations forming the image of a modern conscious consumer: generation Y (millennials) and generation Z (zoomers), as well as the resistance actions to growing hyper-consumption and fast fashion. The main characteristics of the trend in sustainable fashion that unites consumer practices in fashion and development models of fashion brands are determined and described.

Key words: zero waste, sustainable fashion, slow fashion, fast fashion, generation Z, generation Y, upcycle, recycle, DIY, consumer society.

«ПОЛ» И «ГЕНДЕР» В СИСТЕМАХ СОВРЕМЕННОГО ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ США И РОССИИ. ГЛОБАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ЛОКАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Аннотация. Данная статья посвящена проблеме гендера в системах образования США и России. Исследование выполнено в рамках гендерной методологии. На основе сравнительного анализа автор делает вывод о сходствах и различиях функционирования двух образовательных систем. В статье уделяется внимание проблеме гендерного неравенства в глобальном и локальном масштабах.

Ключевые слова: гендер в образовании, гендерная педагогика, феминистская педагогика, гендерное неравенство, скрытый учебный план.

За прошедшие 20-30 лет в американской социологии и педагогике появилось достаточное количество исследований, благодаря чему можно делать вывод о колоссальной популярности проблемы гендерной социализации школьников. Как замечает И. Готтесман: «В конце 1980-х - начале 1990-х годов феминистские голоса стали более оформленными в критической педагогической науке» [9, р.95]. С 2000-х г.г. американские педагоги и исследователи обращают свое внимание на повседневность учительского труда, используя «феминистскую оптику», затрагивая проблемы необходимости психологической поддержки девочек, гендерно-чувствительной педагогики, методов преподавания отдельных дисциплин, школы, как государственного института, гендерной социализации детей раннего и старшего возраста и др. Среди важных на наш взгляд, стоит отметить работы таких исследователей, как А. Коффи, С. Деламон [6], Э.В. Хоус [10], Р.Т. Гудман [8], Э. Ренолд [15], Э.У. Моррис [13].

Факт того, что гендерная проблематика начала проявляться в американской педагогической литературе раньше и гораздо активнее, чем в педагогике российской/постсоветской, может быть обусловлен серьезными политическими и идеологическими сдвигами, произошедшими в России с 1990-х г.г. В том числе значимым оказывается и т.н. «консервативный поворот» в российском общественно-политическом дискурсе 2010-х гг.

В контексте сравнения с материалами российской учебной литературы и общего идеологического вектора образования в целом, особенный интерес представляет проблематика не только феминистской, но и квир-педагогике в США. Данное направление возникло и стало популярным в начале 1990-х годов, было напрямую связано с критическими и постструктуралистскими феминистскими теориями.

По причине децентрализации в устройстве системы образования США, сложно говорить о масштабах внедрения консервативных или прогрессивных установок, в том числе и использования методов феминистской и квир-педагогике. К тому же, США, как и РФ, будучи большим федеративным государством, отличается культурным многообразием (что может прослеживаться и в законодательстве, затрагивающем либеральные проблемы, к примеру, легализация смертной казни или ограничение права женщин на искусственное прерывание беременности в ряде штатов). Особенный интерес в данном контексте представляет

исследование *The New York Times* [16], в котором сравнивались по нескольким параметрам учебники Калифорнии и Техаса. В статье говорится, что в техасских учебниках упоминания о проблемах ЛГБТК, как правило, ограничиваются освещением событий последних десятилетий, таких как восстание в Стоунуолле, кризис СПИДа и дебаты о правах на брак. Но для последних изданий Калифорнии издатели написали большой текст в ответ на Закон о справедливом образовании, закон, подписанный губернатором в 2011 году, требующий, чтобы школы учили вкладу лесбиянок, геев, бисексуалов, трансгендеров и инвалидов. Повсеместно в калифорнийских книгах встречаются отрывки на такие темы, как однополые семьи в условиях рабства и ранняя операция по смене пола в 1950-х годах – текст, который не появляется в техасских версиях.

Тем не менее, информационное образовательное пространство в Штатах содержит в себе определенный сегмент, включающий вопросы квир-педагогике. в качестве наглядных примеров возможно упомянуть несколько учебных изданий, представляющих собой пособия по вопросам гендерной социализации и сексуальному просвещению. Так, в справочнике для преподавателей «*Adolescent Sexual Health Education. An Activity Sourcebook*» содержатся не только полезные методические разработки, помогающие вести среди подростков пропаганду безопасного сексуального поведения, но и материал, который, вероятно, по замыслу авторов, поможет школьникам психологически принять свою или чужую нетрадиционную сексуальную ориентацию [4, р. 33]. Примером может быть и информация для педагогов, опубликованная на сайте американской национальной правозащитной организации «*Gay, Lesbian and Straight Education Network*» [7].

Как показывают исследования мнений американских избирателей, освещение проблемы сексуальной ориентации на уроках сексуального просвещения в школе является проблемным. «Менее половины (48,1%) республиканцев и 83,8% демократов поддержали включение информации о сексуальной ориентации в половое воспитание в средней школе. Для старшей школы 63,1% республиканцев и 91,3% демократов поддержали включение информации о сексуальной ориентации в половое воспитание» [11].

Проводя параллель с ситуацией, сложившейся в системе российского школьного образования, невозможно не заметить запрет обсуждения вопросов нетрадиционной сексуальной ориентации с несовершеннолетними в контексте школьной программы. Формулировка закона, запрещающего пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних с одной стороны, возможность обсуждения данной проблематики во время образовательного процесса не исключает (например, с целью гуманистической), но фактически, делает невозможным любые высказывание педагогов в поддержку ЛГБТ-сообщества и квир-персон (по причине неопределенности понятия «пропаганды» в законе).

Популярность квир-педагогике в США не исчерпывает актуальности проблем девочек и женщин в системе школьного образования. Анализ некоторой школьной учебной литературы показывает, что в широком смысле в *public schools* темы равенства мужчин и женщин, необходимости борьбы с гендерными стереотипами находят более полное отражение (по сравнению с материалами российских учебников), пусть и классические проблемы недопредставленности женских образов в учебниках и т.п. еще нельзя назвать полностью решенными. В том числе не теряет актуальности в научном и общественном дискурсе проблема необходимости обоснования равного статуса женщин и мужчин. На традиционный контраргумент феминисткам всех времен об ущемлении прав мужчин за счет эмансипации женщин,

американские исследователи в области образования отвечают однозначно: «успехи девочек в образовании не достигаются за счет мальчиков» [5].

О сохранившейся проблеме гендерного неравенства и стереотипов в образовании пишут С. Померанц и Р. Рэби, отмечая общественное заблуждение предшествующего десятилетия о достижении гендерного равенства и финала феминистской борьбы: «Во многих отношениях девочки стали новой историей успеха в образовании. Легко понять эту ситуацию таким образом, что феминизм сделал свое дело, «девочки в порядке», и, вероятно, сейчас пора сосредоточиться на мальчиках. Однако такая риторика оставляет мало места для признания стресса, страданий и борьбы, приукрашивает устойчивые формы сексизма, которые продолжают формировать повседневную жизнь девочек, не дает никакого представления о будущих перспективах девочек» [14, р. 11].

Е.Р. Ярская-Смирнова исследуя такое явление как «скрытый учебный план» в российской и американской педагогике, замечает, что «Первое поколение исследований скрытого учебного плана делает акцент на трех основных смыслах данного понятия, предлагая рассматривать его в качестве 1) результата внеакадемического обучения, 2) организации, 3) процесса» [3]. О том, как может быть реализован «скрытый учебный план» пишет Э. Мейер. Большинство традиционных внеклассных занятий имеют подтексты, которые тонко и открыто учат тому, что одни формы мужественности и женственности ценятся выше других. «Самым ярким примером являются спортивные команды по легкой атлетике. Спортсменов-мужчин хвалят за их скорость, силу, агрессивность и способность побеждать, а спортсменок - за их грацию, ловкость, физическую красоту» [12, р. 7-8]. Гендерные стереотипы сохраняются и во многих других отношениях образовательного процесса в США.

Тем не менее, одним из основных различий положения женщин/девочек в системах образования России и США является то, что за прошедшие 30-40 лет в Штатах обозначенная проблема не только отражалась в трудах многих других исследователей, но и находила свое решение в специальных гендерных социальных программах. США являются одним из мировых лидеров, реализующих мероприятия по привлечению женщин в STEM-профессии, чему способствовал проект Правительства США, с грантовым фондом 4,35 млрд долл. для школ и учителей, развивающих STEM-дисциплины. [1, с. 69-70].

Несмотря на очевидное отсутствие российских государственных программ по достижению гендерного равенства в сфере образования, консерватизм государственной политики просвещения, непопулярность практического применения методологии гендерной педагогики, стоит отметить, что на уровне научно-теоретическом, гендерная проблематика в России всё же является не менее популярной, чем в США. Так, к примеру, О.М. Здравомыслова отмечает активность российских исследователей в области изучения девичества [2] и обращение к североамериканскому опыту исследований в области междисциплинарного направления «Girlhood Studies». Данное направление напрямую связано с тематикой гендера и образования.

Таким образом, при сравнении двух систем школьного образования, в России и в Соединенных Штатах Америки, необходимо отметить, что по большому счету, компоненты проблемы гендерного неравенства не будут в значительной степени отличаться. Это обусловлено, прежде всего, тем, что исследуемая проблема имеет глобальный характер, а консерватизм (как и эгалитаризм) не может являться чертой исключительно российской или американской. Тем не менее, США являются государством, имеющим свою уникальную ис-

торию феминистской борьбы, а также борьбы меньшинств за свои права и свободы. Это в значительной степени определяет актуальную повестку относительно системы школьного образования и его роли в гендерной социализации молодежи. В свою очередь, непопулярность проблемы гендерного неравенства и стереотипов в официальном российском политическом дискурсе негативным образом сказывается на развитии и применении методов гендерной педагогики и, соответственно, в большей степени усугубляет ситуацию гендерного неравенства в российском обществе.

Список литературы и источников

1. Задворнова Ю.С. Анализ зарубежного опыта по вовлечению женщин в STEM-профессии (на примере США) // *Женщина в российском обществе*. 2018. №3 (88). С. 69-70.
2. Здравомыслова О.М. Исследования девичества: о новом направлении социального знания и общественной дискуссии в России // *ЖИСП*. 2013. №1.
3. Ярская-Смирнова Е. Р. Скрытый учебный план как традиция социологических исследований // *Меняющаяся молодежь в меняющемся мире: невидимая повседневность* / под ред. Е. Омельченко, Н. Гончаровой. Ульяновск: Изд-во Ульян. гос. ун-та, 2006. С. 95-97.
4. Card J. Benner T. *Adolescent Sexual Health Education. An Activity Sourcebook*. New York: Springer Publishing Company, 2008. P. 33.
5. Corbett, C., Hill C., Rose A. *Where the Girls Are: The Facts about Gender Equity in Education. Executive Summary*. American Association of University Women Educational Foundation. 2008. URL: https://www.researchgate.net/publication/234624783_Where_the_Girls_Are_The_Facts_about_Gender_Equity_in_Education_Executive_Summary (дата обращения: 07.05.2021).
6. Coffey A., Delamont S. *Feminism and the classroom teacher: research, praxis, and pedagogy*. Simultaneously published in the USA and Canada. London, New York: RoutledgeFalmer. 2000.
7. GLSEN.ORG. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.glsen.org/educator-resources> (дата обращения 07.05.2021).
8. Goodman R. T. *World, Class, Women Global Literature, Education, and Feminism*. London, New York: RoutledgeFalmer. 2005.
9. Gottesman I. *The Critical Turn in Education From Marxist Critique to Poststructuralist Feminism to Critical Theories of Race/ The Critical Turn in Education: from Marxist critique to poststructuralist feminism to critical theories of race*. New York: Routledge, 2016. P. 95.
10. Howes E. V. *Connecting girls and science: constructivism, feminism, and science education reform*. New York. Published by Teachers College Press. 2002.
11. Kantor L, Levitz N., Holstrom A. Support for sex education and teenage pregnancy prevention programmes in the USA: results from a national survey of likely voters // *Sex Education*, 20:3, 2020 P. 239-251.
12. Meyer E.J. *Gender and Sexual Diversity in Schools*. London, New York: Springer Science+Business Media, 2010. P.7-8.
13. Morris E. W., *Learning the hard way: masculinity, place, and the gender gap in education*. New Brunswick, New Jersey, and London: Rutgers University Press. 2012.
14. Pomerantz S., Raby R. *Smart girls: success, school, and the myth of post-feminism*. Oakland, California: University of California Press, 2017. P. 11.
15. Renold E. *Girls, Boys and Junior Sexualities*. London, New York: RoutledgeFalmer. 2005.

16. «THE NEW YORK TIMES». TWO STATES. EIGHT TEXTBOOKS. TWO AMERICAN STORIES. American history textbooks can differ across the country, in ways that are shaded by partisan politics. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nytimes.com/interactive/2020/01/12/us/texas-vs-california-history-textbooks.html?auth=link-dismiss-google1tap> (дата обращения 07.05.2021).

Tatiana S. Gubanova

Samara National Research University

“Sex” and “gender” in the systems of modern school education in the USA and Russia.

Global trends and local specifics

Abstract. This article is devoted to the problem of gender in the education systems of the USA and Russia. Gender methodology is a basis of this study. The author applies comparative analysis and finds similarities and differences between the two educational systems. The article focuses on the problem of gender inequality in a global and local scale.

Keywords: gender in education, Russian gender pedagogy, feminist pedagogy, gender inequality, hidden curriculum.

УДК 304.3

Дилигенский А.В.

*Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева*

ПЕРЕКОМПОНОВКА ГОРОДА В ЭПОХУ ПОСТФОРДИЗМА: ОТ ФИЛОСОФИИ К УРБАНИСТИКЕ

Аннотация. В статье критически рассматривается распространенное мнение о том, что современный город перешел в новое состояние – постиндустриальный город. Город, в котором промышленность была вытеснена новыми сферами занятости. Анализируются изменения в организации производственных процессов, а именно принятие и последующий отход от фордизма, где пристальное внимание уделяется их пространственному аспекту. Указываются параллельно происходящие с городом трансформации. Особое внимание уделяется различиям между модернистским и постмодернистским городом и анализу нынешнего состояния городов.

Ключевые слова: постфордизм, пространственный аспект организация производства, новое урбанистическое состояние, модернистский город, постмодернистский город, метамодерн.

Разносторонний интерес и обращение к городской проблематике в последнее десятилетие вполне понятен: города переживают новую активную трансформацию, а именно переход от индустриального города в постиндустриальный. Производственные предприятия больше не являются основным конструирующим город ядром, на смену им пришел новый вид труда, занятости и экономики – услуги. Услуги разных уровней и направленности, высокоинтеллектуальные и высоко маржинальные, такие как финансы, недвижимость, юридическая под-

держака, образование, быстроразвивающийся сектор информационных технологий, и более традиционные, такие как обслуживание и логистика.

Эти процессы вызвали интерес исследователей на рубеже XXI – XX веков. Так, Ч. Лэндри в своей книге «Креативный город» вводит термины «креативность» и «креативные индустрии» – отрасли, завязанные на интеллектуальном творчестве, таланте и ремесленных навыках, вытеснившие индустриальное производство [4]. Именно вокруг этих идей выстроилась целая идеология города нового типа, формирующегося как за счет экономики услуг, так и использующего культурный и креативный потенциал жителей для социального и экономического развития – «креативного города». И сейчас мы можем наблюдать различные попытки реализации этой идеологии. К примеру, это находит поддержку на уровне федерального правительства, где на базе АСИ была создана всероссийская программа по «преобразованию промышленных территорий в креативные кластеры» [8].

Спустя пару десятилетий с момента появления идей креативного города и растущего количества программ по их реализации актуален вопрос о нынешнем статусе креативных индустрий. Находимся ли мы в реалиях нового типа города, насколько правдив этот переход от индустриального города в постиндустриальный? И почему, если на эти процессы указывали как на новый эволюционный этап в развитии трудовой сферы, вытесняющий предыдущий индустриальный, то сейчас это требует серьезной институциональной поддержки со стороны государства?

Да, далеко не все крупные промышленные предприятия, созданные в XX веке, сейчас работают на полную мощность и сохраняют свое урбанистическое значение. Многие крупные заводы, будучи градообразующими предприятиями, экономическими и социальными центрами, больше не существуют как часть городского ландшафта, оставив после себя громоздкие объекты или, наоборот, пустыри и почву, необходимую к рекультивации.

В индустриальную эпоху XX в. промышленные объекты строились по принципам, введенным Генри Фордом, – организация поточного производства вокруг сборочного конвейера. Упорядочивание процесса поэтапной сборки продукции вокруг одной конвейерной линии привело к стандартизированному массовому производству и завершило эпоху ручного труда и штучных изделий. Переход на массовое производство, согласно фордистским принципам начала XX века, и нынешний отказ от этих принципов являются также *пространственными* изменениями в организации труда.

Деиндустриализация, происходящая в последние десятилетия, уход от фордистских принципов, закрытие старых индустриальных зон параллельно сопровождаются масштабным созданием новых индустриальных комплексов. Это происходит как на глобальном уровне, например, вывод заводов в страны третьего мира, так и в масштабах регионов: дробление заводских комплексов на более мелкие и территориальное перераспределение их внутри города и за его пределами, – создает новый тип агломерационной связи. Экономика во многом остается по-прежнему *индустриальной*, но отошедшей от *фордистского* способа организации промышленности. Новый вид промышленных комплексов основывается не на производстве «полного цикла», а на включенности в производственные цепочки, объединяющие различные этапы создания продукции, где больше нет никакой необходимости в концентрации этих этапов в едином пространстве. Появление и разрастание сферы услуг является во многом новым видом сцепки такого фрагментированного производственного процесса взамен ушедшей в прошлое сосредоточенности вокруг сборочного конвейера.

Пространственную структуру города при фордизме можно сравнить с контейнерами, где каждый вкладывается в последующий: конвейер упакован в завод, завод или несколько заводов помещены в город, несколько городов расположены внутри промышленного региона. В Постфордизме все элементы распокавались, перемешались и рассыпались в пространстве, образовав вместо вертикальной иерархии горизонтальные связи каждого элемента с каждым. Город больше не является емкостью, содержащей или обрамляющей эти отношения, они вышли далеко за его пределы. Последствиями такой реиндустриализации для города был отказ от принципов функционального зонирования, разграничения между центром, рабочими и жилыми зонами; городом и пригородом. Произошло стирание городских границ и становление агломераций, тесных и запутанных связей между городом и регионом, или между несколькими городами. Одним из исследователей, занимающихся изучением нового типа агломерации, является Эдвард Сойя. Основным социальным процессом, сопутствующим становлению нового типа города-региона, неплотного и многоцентричного, является следующее: «парадоксальное превращение центра в периферию привело к появлению самых гетерогенных в культурном отношении городов в истории и в то же время способствовало усилению социальной поляризации и возрастанию неравенства в богатстве и власти, основанного на классовой, расовой, этнической и национальной принадлежности» [5].

Дэвид Харви определяет такую трансформацию, как переход от города модернистскому к постмодернистскому. Для исследователя это означает отказ от сквозной логики его построения: «Разрыв с модернистской идеей, согласно которой планирование и развитие территорий следует фокусировать на крупномасштабных, имеющих столичный размах, технологически рациональных и эффективных городских планах, опирающихся на архитектуру, совершенно лишенную каких-либо излишеств. Постмодернизм же, напротив, развивает концепцию городской застройки как неизбежно фрагментированного явления, «палимпсеста» прошлых форм, наложенных друг на друга, и «коллажа» сиюминутных функционалов, многие из которых могут носить эфемерный характер» [7]. Модернистский город – это единый город, полностью спланированный для эффективного достижения определенных социальных целей. Город – тотальный социальный проект, полностью определивший и зонирование территории, и мельчайшие архитектурные особенности, но главное, детально прописавший образ жизни горожан. В этих качествах модернистский город стремится стать утопическим городом. Постмодернистский город – это дробный город, где отсутствует единая логика, а автономные части направлены на реализацию своих индивидуальных целей.

Рассмотрев детальнее состояние перехода из индустриального города в постиндустриальный и указав на неполноту такой формулировки в силу параллельной реиндустриализации, а именно изменения логики производства, но не ухода от него самого, мы по-новому сформулировали противопоставление двух типов города: модернистский город – постмодернистский город. Но насколько переход из модернистского города в постмодернистский, очевиден: возможно, сейчас города находятся лишь в процессе этой трансформации? Умерли ли глобальные нарративы, сквозные логики и тотальность, является ли город сейчас максимально фрагментированным?

Интересное видение, сформулированное в идеях постпостмодерна, перехода от постмодерна к новому состоянию, нам предлагает современная философия. Одна из самых ярких концепций – «Метамодерн» Робина Ван ден Аккера и Тимотеуса Вермюлена, – во многом строится поверх работ Фредерика Джеймисона и Юргена Хабермаса. Для Хабермаса ключевой особенностью модерна является по определению присущая ему возможность обновления

[6]. Он сомневается в существующем переходе к состоянию «пост», так как переход в новые состояния и есть логика развития культуры модерна. У Джеймисона в эпохе модерна экономика, политика, искусства и производство, несмотря на связанность, остаются разными сферами. В эпоху постмодерна экономика, политика и социальная сфера перемешивается друг с другом [2]. Метамодернизм для авторов находится одновременно в трех позициях. «Исторически он идет *«после»* постмодернизма, но это самостоятельная культурная логика, которая стоит *«наряду»* с модернизмом и постмодернизмом. Но сама структура метамодекрна одновременно включает в себя элементы модерна и постмодерна, то есть он стоит *«между»* ними. Метамодекрн – это «маятник», не процесс перехода из одного состояния в следующие, а колебания между модерном и постмодерном» [1].

Всем трем концепциям присуща идея, что современное культурное состояние – это не единый нарратив, а одномоментное нахождение в общем пространстве различных культурных форм. То есть становление нового уникального культурного состояния, не как появление новой единой целостной структуры, а как смесь различных вариаций, форм, частей различных структур.

Рем Колхас, архитектор и теоретик архитектуры, в своих работах придерживается похожего взгляда на современный город, или «город-генерик», который «планируется, но не в традиционном смысле, когда какая-то бюрократическая инстанция полностью контролирует развитие, но так, как если бы различные стереотипы, клише, семена и споры падали в землю в случайном порядке <...>, который подчас приносит удивительные плоды» [3]. Для Колхаса, таким образом, современный город – это не результат реализации единой логики, а смесь нескольких различных тем, планов и непреднамеренных результатов. Город потерял свою целостность и связанность, что делает невозможным какую-либо единую общую интерпретацию.

Как мы увидели, города находятся в новом состоянии. Но это состояние обусловлено не простой утратой своей индустриальной части и последующим появлением новой трудовой сферы – сферы услуг. Поэтому будет ошибкой упрощенно воспринимать эту трансформацию в духе того, что город, лишившись своего ядра – промышленности, просто заменил его новым – услугами. Появившиеся услуги не вытеснили, или пришли вместо, промышленности, а присутствуют совместно с производством, во многом дополняя его, в частности, связывая его компоненты. Аналогично, в логике «И» а не «ИЛИ» мы можем говорить об одномоментном сосуществовании планирования и единой логики, присущих модернизму, с дробностью и эфемерностью, свойственных постмодернизму. Именно это качество, не переход от одного к другому, а их сопричастие и наслоение, определяет современное городское состояние.

Список литературы и источников

1. Ван ден Аккер Р. Метамодекрнизм. Историчность, Аффект и Глубина после постмодернизма. М.: РИПОЛ классик, 2020.
2. Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма. М.: Изд-во Института Гайдара, 2019.
3. Колхас Р. Мусорное пространство. М.: ООО «Арт Гид», 2015.
4. Лэндри Ч. Креативный город. М.: Издательский дом «Классика-XXI», 2006.
5. Сойя Э. Как писать о городе с точки зрения пространства. ЛОГОС, 2008, (66), #3.

6. Хабермас Ю. Модерн – незавершенный проект // Политические работы. М.: Праксис, 2005.

7. Харви Д. Состояние постмодерна. Исследование истоков культурных изменений. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021.

8. Rurban creative lab. [Электронный ресурс]. URL: <https://rurban.space/lab> (дата обращения 18.01.2022).

Anton V. Diligenskii

Samara National Research University

Recomposition the city in the age of post-fordism: from philosophy to urbanism

Abstract. The article critically examines the widespread opinion that the current city entered a new state, the post-industrial city. A city in which industry has been displaced by new spheres of employment. The changes in the organization of industrial processes, specifically the acceptance and subsequent rejection of Fordism, are analyzed, where special attention is paid to the spatial aspect. Parallel transformations of a city are pointed out. The author focuses on the differences between the modernist and postmodernist city and the analysis of the current state of cities.

Keywords: post-Fordism, space aspect of industrial organization, new urban state, modernist city, postmodernist city, metamodern.

УДК 316.77

Затлер М.Е.

*Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева*

ЭТНИЧЕСКИЙ ПОДКАСТ КАК ЖИЗНЕННЫЙ ПРОЕКТ И СТРАТЕГИЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ИДЕНТИЧНОСТИ: ПОДКАСТ «КИШМИР ИНТУХЕС»

Аннотация: В статье анализируется процесс реализации сетевой и этнической идентичностей через подкастинг. С этой точки зрения подкастинг в новых медиа рассматривается и как форма репрезентации идентичности, и как коммуникативная площадка. Основу исследования составил анализ реализации авторского проекта «Кишмир Интухес – еврейский подкаст». Делается вывод о влиянии постфордизма и цифровой эпохи на способы и методы коммуникации в интернет-пространстве.

Ключевые слова: сетевая идентичность, этническая идентичность, человек цифровой эпохи, подкаст как коммуникативная площадка, подкастинг в новых медиа.

Во второй половине XX века представители разных гуманитарных наук ставили проблему поиска идентичности. Такой интерес исследователей отразил общественный запрос и стал маркером общественных изменений не только в культуре, но и в политике. Кризис самоидентификации стал, во многом, следствием постфордистской экономики, которая, по мнению социологов Дэвида Харви и Фредрика Джеймисона, «создает ощущение неуверен-

ности в себе и даже психического расстройства» [6, с. 33]. В постфордистскую эпоху система массового потребления давала людям иллюзию неприкосновенности частной жизни, сосредоточенности на самом себе и изолированности от внешнего мира в окружении своей семьи и имущества. Это сформировало потребность в обществе как к поиску идентичности, так и к узнаванию другого.

С началом цифровой эпохи социальные сети начали плотную интеграцию в человеческую повседневность, что привело к формированию феномена сетевой идентичности – поиска своего «Я» в онлайн-пространстве. Реальное бытие личности занимает платформы в Интернете, получает виртуальные представительства, новые ресурсы и возможности. Человек в свою очередь все четче проявляется в виртуальном поле взаимодействия и общения, дополняя свою реальную активность виртуальными атрибутами и инструментами [7, с. 76].

Для Ф. Джеймсона человек цифровой эпохи – это «постмодернистский шизофреник, для которого опыт представляется в виде потока несвязанных символов в вечном настоящем» [5, с. 32]. В эпоху новых медиа и нерешенный вопрос об идентичности современного человека приобретает сетевой характер. Т. Фленина определяет сетевую идентичность как «совокупность гипертекстовых компонентов сетевого облика индивида, формируемого им в рамках онлайн-среды с целью самопрезентации и отражающего реальные аспекты его личности [8, с.76]».

В мире дигитальных медиа и интернет-коммуникации человек может самостоятельно выстроить свою идентичность, в том числе и через аудио-формат. Так, подкастинг – активно развивающаяся медиа-платформа, которая позволяет публиковать собственный аудио-контент. Согласно INC Russia за 2020 год аудитория подкастов выросла в 6 раз [1], а по информации Телеграм-канала «Первый Подкастовый | Подкасты» каждый день в русскоязычном сегменте в среднем появляется 12 новых проектов [4]. Несмотря на отсутствие новизны в технологии создания контента, производителями и потребителями подкастов становятся преимущественно молодые люди – ведущие, журналисты и блогеры. В отличие от большинства социальных сетей, которые делают акцент на визуальное выражение своего «Я», подкастинг позволяет сохранить долю анонимности; стриминговые подкастинговые платформы дают возможность публиковать и продвигать контент без финансовых вложений, а порог входа в индустрию крайне низок – производство контента не требует специализированной техники и высшего образования. Все эти факторы являются привлекательным именно для молодой аудитории, поэтому интернет-пользователи в возрасте до 30 лет все чаще выбирают подкаст для формирования идентичности в глобальном социокультурном пространстве.

Таким образом, этнический подкаст может выражать не только стратегию репрезентации идентичности, как для автора проекта, так и для его героев, но и стать жизненным проектом, который позволяет реализовываться в разных аспектах.

Авторский проект «Кишмир Интухес – еврейский подкаст» – это разговор с преимущественно молодыми людьми, который выстраивается в формате нарративного сторителлинга. В каждом эпизоде подкаста гости, идентифицирующие себя как представители еврейской национальности, рассказывают, как религия и генезис повлияли на их жизнь; а также пытаются дать собственный ответ на вопрос «что для вас значит – быть евреем». Актуальность самоопределения национальной идентичности обусловлена процессом глобализации. С од-

ной стороны, мы наблюдаем процесс унификации культуры, а с другой – стремление к сохранению этнической и религиозной самобытности.

Американский философ Фрэнсис Фукуяма в книге «Идентичность: Стремление к признанию и политика неприятия» актуализирует вопрос сохранения этнической идентичности в век токенизма, глобализации и культурной апроприации: «Наконец, есть вопрос индивидуального поиска идентичности. Люди часто сопротивляются поглощению более мощными культурами, особенно если не родились в них. Они хотят, чтобы их личности признавались и ценились, а не подавлялись. Они хотят ощущать связь с предками, помнить свои корни. Даже не будучи частью определенной культуры, люди хотят сохранить оказавшиеся под угрозой исчезновения языки коренных народов мира и обычаи, которые напоминают о прежнем образе жизни» [9, с. 39].

Подкаст в современном мире – это своеобразная форма проповеди, площадка для донесения новых смыслов. Гости подкаста «Кишмир Интухес – еврейский подкаст» транслируют свое понимание этнической идентичности, которое не всегда совпадает с религиозными и национальными канонами. Михаил Затлер, 14 лет, гость эпизода «Про еврейскую школу»: «Мне нравится быть евреем, мне нравится еврейская община в Самаре, и это круто». Юлия Иткина, 21 год, эпизод «Про израильскую армию»: «Быть еврейкой, в первую очередь, – это гордиться и принимать себя таким, какой ты есть, ты уже никак не можешь этого изменить». Вера Абелева, 28 лет, эпизод «Как стать «своим» в Израиле»: «Для меня быть еврейкой, в первую очередь, – чувствовать связь с бабушкой, который уже не со мной. Во вторую очередь, – это сопричастность к истории, к какой-то определенной мудрости, которая не доступна другим».

На основе ответов, которые дают гости подкаста, можно сделать вывод, что каждый человек трактует понятие веры и роль своего происхождения по-своему, а значит, выстраивает свою уникальную этническую и религиозную идентичность. Несмотря на то, что средний возраст гостей в подкасте чуть больше 20 лет, вышеупомянутые молодые люди – самостоятельные личности, которые аргументированно высказывают свою позицию.

Тем не менее, самоопределение героев подкаста зачастую вызывает вопросы у аудитории: «Дорогая авторка! Выражение, которым вы себя назвали, отвратительно некрасивое! Никогда нормальные евреи так не выражались, только очень местечковые и полуграмотные. Возможно, ваши корни из таких, но впечатление, что именно евреев вы посылаете, поскольку вряд ли кто-то ещё слушает ваш подкаст», – Светлана Берковская поделилась своим мнением о названии подкаста. Наличие обратной связи – отличный пример, который подтверждает слова А. Костиной о том, что средства массовой коммуникации формируют унифицированные символические пространства, которые, обеспечивая своему потребителю состояния вовлеченности и присутствия, обладают не меньшей степенью убедительности, чем повседневная реальность [3].

Цифровая эпоха подарила людям свободу и помогла взглянуть на мир с другой стороны, что, по мнению М. Бендла, превратило идентичность «в постоянный проект по конструированию, изменению и развитию самое себя» [2]. В свою очередь, изменения потребителя эпохи постфордизма вызвали интерес к коммуникативным формам, раскрывающим идентичность и дающим возможность понять другого. В настоящее время различные способы и методы коммуникации в интернет-пространстве помогают самостоятельно выбрать и вы-

страивать самоидентификацию, а подкастинг, как форма репрезентации идентичности, – это востребованная для реализации площадка в быстроразвивающемся технологичном мире. Подкаст как коммуникативная площадка не только понятна и интересна молодым людям, но и вдохновляет на создание авторских проектов, где можно реализовать свои культурные, профессиональные и коммерческие интересы.

Список литературы и источников

1. Андрей Гевак, Илья Карпухин. О развитии «Яндекс.Музыки» и будущем подкастов в России [Электронный ресурс]. URL: <https://incussia.ru/specials/my-znaem/> (дата обращения: 10.01.2022).
2. Бендл М.Ф. Кризис «Идентичности» в эпоху высокого модерна. Bendle M. F. The crisis of 'identity' in high modernity – Brit. J. of Sociology. L. , 2002, vol. 53, no. 1.
3. Костина А.В. Кризисное состояние идентичности в современном мире: причины и предпосылки – Знание. Понимание. Умение, 2009.
4. Первый Подкастовый | Подкасты [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/karaulpodcast/1661> (дата обращения: 10.01.2022).
5. Постфордизм: концепции, институты, практики: коллективная монография / Мартынов В.С., Ильченко М.С., Гартман Д., Сассен С. и др. М.: Политическая энциклопедия, 2015. – 279 с. – [Электронный ресурс]: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24645625>, С. 32.
6. Постфордизм: концепции, институты, практики: коллективная монография / Мартынов В.С., Ильченко М.С., Гартман Д., Сассен С., и др. М.: Политическая энциклопедия, 2015. – 279 с. – [Электронный ресурс]: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24645625>, С. 33.
7. Рябикина З.И. Возможные изменения субъектной позиции личности в связи с нарастающей виртуализацией ее бытия – Человек. Сообщество. Управление, 2013, no. 2, p. 76-90.
8. Фленина Т.А. Сетевая идентичность в самосознании российской молодежи. – Известия РГПУ им. А. И. Герцена: журнал, 2015, no. 178, p. 76-79.
9. Фукуяма Ф. Идентичность: стремление к признанию и политика неприятия. М.: Альпина Паблицер, 2019.

Maria E. Zatler

Samara National Research University

Ethnic podcast as a lifestyle project and identity representation strategy:

«Kishmir Intuhes» podcast

Abstract. The article analyzes process of implementing networked and ethnic identities through podcasting. Podcasting is considered as a form of an identity representation and a communicative platform.

Key words: digital identity, ethnic identity, being human in digital age, podcast as a communication platform, podcasts and new media.

ПЕРМСКИЙ ЗВЕРИНЫЙ СТИЛЬ: МЕЖДУ ПОРЯДКОМ И ХАОСОМ

Аннотация. В статье рассматривается информационно-культурное пространство Перми, отождествляемое с пермским звериным стилем, стилизованные образы которого узнаваемы и запечатлены в городском и культурном ландшафте. Анализируются свойства звериного стиля, как культурное наследие может раскрыть потенциал современного общества, способствовать гармоничному существованию в мире. Рассматривается исследование звериного стиля с гендерной антропологии не только как системы образов, но и каким образом можно транслировать ценности в обществе двадцать первого века.

Ключевые слова: Пермский звериный стиль, культура, гендер, антропология, человекосеть, феминность.

Пермь-исторически сложившееся, древнее, мифологизированное название камской земли, образ легендарного места. Но, несмотря на богатое смыслом, именно начало города, в общероссийском информационно-культурном пространстве Пермь устойчиво идентифицируется с медиабрендом “Реальные пацаны”. С таким подходом выражают своё несогласие и представители Пермских творческих сообществ, и пермяки, и гости города. Получается, что в Перми, накануне своего 300-летия нет чёткой стратегии культурного брендинга. Для решения этой ситуации необходим выбор культурного основания для разработки и реализации названной стратегии в Перми. Причём, этот выбор должен основываться на культурных явлениях, “пластах”, действительно связывающих историю и современность пермской земли. Таким основанием логично признать пермский звериный стиль, стилизованные образы которого узнаваемы и запечатлены в городском и культурном ландшафте. В настоящее время, на мой взгляд, выявление культурологическими средствами скрытых возможностей пермского звериного стиля и творческое использование его потенциала, представляется стратегически важным для городской среды Перми.

Пермский звериный стиль обладает очень важным свойством-гибкостью в современных интерпретациях его образов. Жители города, его гости, через собственное творческое действие с образами пермского звериного стиля могут создавать новые культурные продукты и вносить заметный вклад в развитие креативности городских пространств. Необходимо выделить то, что пермский звериный стиль, ставший объектом научных исследований со второй половины 18 века и на современном этапе способен обогащать духовный мир людей, формировать их художественный вкус. Ведь это древнее искусство способно познакомить нас с эмоционально-чувственным мироощущением наших предков, что особенно важно сейчас, когда с погружением в виртуальный мир, посредством компьютерных технологий, у людей атрофируются такие важные чувства и эмоции, которые были базовыми для наших предков –сопереживание, сочувствие, сострадание. А ведь именно эти чувства служили основой для гармонического восприятия, мирозерцания, порядка. О пермском зверином стиле написано немало. Но сегодня важным представляются не только описание находок и попытки датировок изделий.

Очень актуальной представляется реконструкция семантики изображений, которая позволяет современному человеку если уж не понять, то приблизиться к цивилизации с особой культурой, оставившей нам своё видение мира, воплощённое в металле. Распространение изображений диковинных животных, объединённых с человеком, можно объяснить стремлением предков чувствовать себя частью окружающего мира.

Думаю, что нельзя не согласиться с тем, что это очень важно и сегодня в нашем, таком беспокойном мире, где зачастую так реально оказаться в полном хаосе. В пермском зверином стиле отражено мировоззрение его создателей, он конструировал действительность, отражал ценности и процессы, происходящие в обществе, воплощал в себе мифологические темы и представление о мире. Но сейчас эта связь потеряна. И то, как и какие именно смыслы возникают интересно с антропологической точки зрения, как взаимодействие публики и искусства, баланс между порядком и хаосом. В качестве своего видения, иногда основываясь на хаотическом выборе элементов, помещая пермский звериный стиль в контекст производящего его общества действует в Пермском крае, этнофутуристическое движение представленное общественной региональной организацией “Камва”. Организацию возглавляет Наталья Шостина. Много лет их деятельность данной организации связана с проектами, популяризирующими пермский звериный стиль, а художники, участвуя в фестивалях и выставках, творчески переосмысливают не только сюжеты и образы пермского звериного стиля, но и пластические формы, делая их более доступными для восприятия сегодняшнему зрителю. У нас есть уникальная возможность раскрыть свой потенциал на основе культурных ресурсов, воплощённых в пермском зверином стиле. Культурная политика современности, на мой взгляд, должна строиться на основе представлений о культуре как области высоких смыслов, которая должна служить не только просвещению граждан, но и их гармонизации. Ведь именно наука может раскрыть не только проблематику пермского звериного стиля как историко-культурного наследия Пермской земли, но и рассмотрение этого уникального явления как сложного и многомерного свидетельства о культурном и художественном наследии народов. Вывести пермский звериный стиль за рамки исторического изучения и исследовать его культурологический потенциал предлагает В.В. Абашев. Он включил пермский звериный стиль в систему “пермского текста” и определил “возможности его изучения в рамках культурно-исторического подхода” [1, с. 5].

Также сложилось исследовательское направление, определившее предмет своего изучения пермский звериный стиль как неотъемлемый элемент культурного ландшафта Перми, поселений Пермского края и соседних регионов, что отражено в интересных работах и публикациях О.В. Игнатъевой, П.Ф. Лимерова и Б.А. Эренбурга. Именно в этих работах исследуется “тема перспектив репрезентации пермского звериного стиля, смысловых основ их архаической символики” [2, с. 26]. В прошлом у прапредков пермских народов существовали сложные представления о всеобщей родственной связи человека с природой. Человек одухотворял природу, сливаясь с ней. Человек, по их представлениям, мог быть зверем, птицей, земноводным и даже насекомым или деревом, также, как и те могли быть человеком. Важным моментом для исследования образов пермского звериного стиля, хрупкого баланса между порядком и хаосом, могут послужить воззрения с позиций гендерной антропологии. Гендерная антропология есть структурное объединение разнонаправленных по исследовательскому вектору и разноуровневых дисциплин, объединённых единым предметным полем человек в существующем мире природы и культуры. Гендерная антропология изучает место и роль женщин и мужчин в мире культуры, что ведёт к легитимизации пока как в научном

дискурсе, так и в социальном пространстве. Гендерные роли, как набор ожидаемых образцов поведения для мужчины и женщины распределяются в разных обществах не одинаково, а в зависимости от их экономического развития и общественного устройства. В регулируемом ритуалами обществе мужчины и женщины строго различались по своей одежде, украшениям, специфическим видам деятельности для мужчин и женщин. Именно взгляд с позиций гендерной антропологии позволяет сегодня при исследовании изображений Пермского Звериного стиля увидеть те моменты, что не попадали в поле зрения исследования ранее. Многообразие сюжетов и образов Пермского звериного стиля отражает систему представлений наших далёких предков об устройстве мира и месте человека в нём.

Самым загадочным персонажем Пермского звериного стиля является “человеколось на ящере”. Человеколось, сложное существо, имеющее черты маскулинности, он стремится в верхний мир-небесный свод, которые олицетворяют небесные лосихи, что отражает место и роль мужчин и женщин в мире наших далёких предков. В этих сюжетах древние мастера отражали мировоззрение своего народа, присутствие мужского и женского начала в разнообразном пантеоне богов и духов, их роли. Культ богинь в Пермском зверином стиле имеет более древнее происхождение, чем культ человеколось-так отмечают исследователи. Древнейшие богини на ящере найдены на гляденовском костыше, за несколько веков до эпохи расцвета Пермского звериного стиля, что позволяет предположить, что именно женщины в тот период считались носителями священных функций. Образы пермского звериного стиля являются кодом, в котором зашифрованы мировоззренческие взгляды наших предков. Эти взгляды не были статичными, они менялись со временем, становились более чёткими и детализированными, и сегодня именно внимательное исследование деталей дают нам возможность воспроизвести бытовой уклад и функции мужчин и женщин в тот период. Очень интересным представляется взгляд на образы богинь пермского звериного стиля через призму гендерной антропологии. Все образы богинь пермского звериного стиля-это сложные композиции космогонического характера, которые демонстрируют веру создателей пермского звериного стиля в существовании трёх миров и культ богинь-матерей.

Художественно-изобразительные образы пермского звериного стиля отразили взгляды первобытных людей на Вселенную, на её сложное, многоступенчатое строение с доминирующим вертикальным вектором, в котором, можно предположить, что самым торжественным, справедливым и прекрасным был Верхний мир-мир будущих изобразительных образов народного искусства, где гармоничны мужские и женское начало. Я предполагаю, что изображения пермского звериного стиля были не только выражением самоидентичности наших предков, они хотели донести до нас, потомков, которые правильно сумеют “прочитать”, что на них написано, то, что они вкладывали. И это то Знание, которое очень важно сегодняшним людям.

В сложных образах пермского звериного стиля нашло отображение мировоззрения древнего человека, конкретная форма представлений о его родственной связи с природой. Сегодня, благодаря научным исследованиям можно приблизиться к разгадке тайн, которые хранят образы пермского звериного стиля и помогут нам, современным людям определить истинные приоритеты в общении с природой в 21 веке, людям, развившимся технократически, но растерявшим понимание, смысл и суть гармонии, и того, насколько хрупка грань между порядком и хаосом.

Список литературы и источников

1. Абашев В. “Пермь как текст”. Пермь, 2000. 400 с.
2. Пермский звериный стиль как явление региональной культуры/ Вестник научной ассоциации студентов и аспирантов исторического факультета Пермского государственного педагогического университета. Выпуск 2, Серия STUDIA HISTORICA JUVENUM. Пермь: ПГПУ, 2003. С. 23-28.

Timofey V. Lemaev
Perm State University

Perm Animal Style: between order and chaos

Abstract. The article examines the information and cultural space of Perm, identified with the Perm animal style, stylized images of which are recognizable and represented in the urban and cultural landscape. The properties of the animal style are analyzed and how cultural heritage can unlock the potential of modern society, contribute to a harmonious existence in the world. The study of animal style from gender anthropology is considered not only as a system of images, but also how values can be translated in the society of the twenty-first century.

Keywords: Permian animal style, culture, gender, anthropology, moose man, femininity.

УДК 94(47)

Токмакова П.Д.
*Самарский государственный
социально-педагогический университет*

ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СССР (НА МАТЕРИАЛАХ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА)³

Аннотация. В статье рассматривается формирование гражданской идентичности в советский период российской истории с помощью изобразительного искусства. Через идеологические установки, почти сразу после Октябрьской революции, советская власть выпускает ряд декретов, которые формируют основные направления в изобразительном искусстве, включающие в себя новую государственную коммунистическую идеологию. С помощью монументальных объектов, плакатов и живописи советское правительство формировало в сознании своих граждан образ советского человека.

Ключевые слова: гражданская идентичность, СССР, плакат, искусство, советская идеология.

Вместе с крушением Российской Империи в 1917 году зарождалось новое государство. Спустя пять лет после Октябрьской революции была подписана декларация об образовании СССР. С конца 1922 года начинается официальная история новой Советской России.

³ Работа подготовлена в рамках проекта № 073-00065-21-01 от 14.07.2021 г. государственного задания Министерства просвещения РФ.

Перед советской властью стояла тяжелая задача, которая заключалась в создании совершенно нового государства, с новой идеологией, политическим устройством и гражданским самосознанием. Сложность также заключалась в исторически сложившемся многообразии наций в бывшей Российской Империи, которое также сохранилось и в новом Советском государстве.

М. Кастельс писал, что «Советский Союз был сконструирован вокруг принципа двойной идентичности: этнических/национальных идентичностей (включая русскую) и советской идентичности в качестве основания новой культуры нового общества» [7, с. 467]. С учетом большого многообразия наций и этносов на территории Советского Союза, проблема закрепления национального и этнического единства стояла наиболее остро. В. Тишков соглашался, что в советский период шел интенсивный процесс формирования национальной идентичности и определял ее, как «общеразделяемое представление граждан о своей стране, ее народе и как чувство принадлежности к ним» [10, с. 67]. То есть мы можем говорить о национальной идентичности, как о гражданской, относительно исследования советского периода.

В апреле 1918 года был принят и подписан Владимиром Лениным Декрет «О памятниках республики», где Совнарком постановляет об уничтожении памятников «царей и их слуг», а также «мобилизовать художественные силы и организовать широкий конкурс по выработке проектов памятников, долженствующих ознаменовать великие дни Российской социалистической революции» [5, с. 96]. Не исключая высокой художественной ценности, осуществление декрета о памятниках республики имело огромное практическое значение «для патриотического воспитания народа на прогрессивных революционных идеях» [6, с. 333]. Именно этот декрет послужил началом к революционному преобразованию искусства в полностью подчиненное государству орудие. Например, выдающийся памятник монументального искусства, символ всей советской эпохи и ее идеалов – «Рабочий и колхозница» Веры Мухиной (1937) – воплощение всей сути направления советской пропагандистской политики в области искусства. Именно «Рабочий и колхозница» знаменуют собой великие дни Российской социалистической революции и все идеалы строительства коммунизма.

Наиболее ярким визуальным примером советской пропаганды, как формирования новой гражданской идентичности, является советский плакат. До революции плакат использовался в рекламных целях в начале XX столетия, но с приходом новой власти он стал мощным агитационным инструментом, который не терял своей актуальности на протяжении всей советской истории. «О том, что властью придавалось огромное значение выпуску плакатов, говорят следующие факты: доставка политических плакатов по важности была равна доставке срочных военных грузов. Также на каждом плакате была суровая надпись: «Всякий срывающий этот плакат или заклеивающий его афишей совершает контрреволюционное дело» [1, с. 112]. Возвращение советской идентичности в народе через плакат хорошо иллюстрирует плакат времен гражданской войны с лозунгом: «Долг каждого честного гражданина прийти на помощь раненному и больному красноармейцу» [9, с. 18]. В период гражданской войны еще очень трудно было говорить о государстве, где укрепились коммунисты. Шли ожесточенные бои между красной и белой армиями, едва ли на большей части территории бывшей Российской Империи крепко установилась власть большевиков. В различных областях страны власть переходила от белых к красным и наоборот. Страна разрывалась на части и поня-

тие «гражданина» не имело значения. Но плакат уже указывает о долге честного гражданина, о его обязанности перед государством.

Интересный образ государства предстает в тот же период на плакате с лозунгом «Советская Россия осажденный лагерь. Все на оборону!» [9, с. 34]. На плакате представлены в иллюстративном виде задачи каждой части населения, например: «Молодежь обучается военному делу!» или «Крестьянин везет хлеб». Здесь очевиден призыв к объединению во имя защиты «крепости», которую «осадили» враги. И здесь же мы уже встречаем не просто Россию, а именно *Советскую* Россию, чтобы подчеркнуть советскую власть в стране и никакую другую. Психология «осажденной крепости» – один из действенных способов объединить разрозненное государство против общего врага, пусть даже не материального.

По мнению Воробьева И. С. в искусстве 20-х годов начало формироваться новое направление, которое было принято, как официальная позиция власти – социалистический реализм. «Эстетические конструкции <...> официальной власти опирались на идеи создания государственного искусства и огосударствления искусства» [3, с. 47]. 18 июня 1925 года вышло Постановление политбюро ЦК РКП (б) "О политике партии в области художественной литературы», где была четко сформулирована цель партийного искусства «...в период пролетарской диктатуры перед партией пролетариата стоит вопрос о том, как ужиться с крестьянством и медленно переработать его; <...> вопрос о том, как поставить на службу революции техническую и всякую иную интеллигенцию и идеологически отвоевать ее у буржуазии» [4, с. 54].

В 1930-е годы соцреализм стал официальным направлением в искусстве советской власти. «Творческая самооценка и оценка «художественной значимости» произведений искусства формировалась в контексте соответствий основным принципам марксистско-ленинской эстетики: партийности, массовости и народности» [8, с. 7]. Одним из ярчайших представителей таких художников является Александр Дейнека, множество картин которого посвящены теме социализма с выраженной симпатией к советскому направлению в искусстве. Например, его картины «Оборона Петрограда» 1928, «Штаб Белых. На допросе» 1933, посвященные Гражданской войне. Его творчество возвеличивает марксистско-ленинские идеалы и всячески дискредитирует альтернативные, несоциалистические принципы.

Таким образом, для создания абсолютно нового государства, Советская власть активно прибегала к широким возможностям изобразительного искусства, потому что понимала ее ценность в установлении советской и гражданской идентичности населения. Подобная работа помогла укрепить в массовом сознании новые идеалы и принадлежность к новому государству. Инструменты и методы воздействия, разработанные для воспитания советской идентичности уникальны своей универсальностью. Была выработана официальное направление партии в искусстве и пропаганде, которое воплотилось в удивительном направлении соцреализма. До сих пор, вспоминая советское прошлое, невозможно не отметить *советскую эстетику*, пропитывающую каждый фильм, фотографию, плакат или книгу. Воспитание гражданской идентичности проводилось настолько успешно, что уже с раннего детства человек попадал в специально созданную среду, обеспечивающую возвращение коммунистических идеалов советского гражданина. Отголоски этой политики мы встречаем до сих пор.

Список литературы и источников

1. Аквазба, Е. О., Дроздецкий, П. А., Медведев, П. С. Плакат как инструмент массового воздействия на сознание народа в Советской России // Лучшая научная статья 2017. 2017. С. 111-113.
2. Бушуева, Т. С. Общественные настроения в Красной армии. 1920-е – 1934 г.: монография / Т. С. Бушуева. – Москва: МПГУ, 2020. 444 с.
3. Воробьев И.С. Соцреализм как «третья эстетика» в художественной культуре СССР 1920-х годов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 12 (26). Ч. III. С. 45-48.
4. Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917–1953 гг. М.: Международный фонд «Демократия», 1999.
5. Декреты Советской власти. М., 1959. Т. 2.
6. История русского и советского искусства. М.: Высш. шк., 1989.
7. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000.
8. Лиманская, Л. Ю. Типическое и архетипическое в соцреализме и соц-арте // Арт-культ, №1 (21). 2016. С. 6-15.
9. Полонский В.П. Русский революционный плакат. М., 1925.
10. Тишков В.А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. М.: Наука, 2013.

Polina D. Tokmakova

Samara State University of Social Sciences and Education

Formation of civic identity in the USSR (based on the materials of fine art)

Abstract. The article outlines the formation of civic identity in the Soviet period of Russian history by means of art. Through ideological attitudes, almost immediately after the October Revolution, the Soviet government issues several decrees that formed the main directions in the visual arts, including the new state communist ideology. With the help of monumental objects, posters and paintings, the Soviet government formed the image of a Soviet man in the minds of its citizens.

Key words: civic identity, USSR, poster, art, soviet ideology.

СЕКЦИЯ ИСТОРИИ

«Порядок внутренний и порядок международный: внутриполитические кризисы и международные конфликты в истории»

УДК 94(510).02

Бажанова А.А.

*Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н.Г. Чернышевского*

ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ КИТАЙСКОГО ОБЩЕСТВА В ПЕРИОД ПОЛИТИЧЕСКОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ (III—VI ВВ.)

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению основных черт духовной жизни китайского общества в один из «переломных» периодов его истории. С помощью сравнительного анализа выявляется общее и новое в культурной жизни Китая периода династии Хань и последовавшей за этим эпохи политической раздробленности.

Ключевые слова: Китай, политическая раздробленность, духовная жизнь, конфуцианство, даосизм, буддизм.

«Переломные моменты» в истории любого государства представляют очень ценный материал для исследователей. Актуальность изучения данных периодов особенно возрастает в настоящее время, в эпоху глобальных изменений и нарастающего международного напряжения. Целью данной работы является краткий анализ изменений в духовной жизни и трансформации религиозных представлений китайского общества на фоне сложившейся кризисной ситуации в государстве.

Вызванное гибелью династии Хань переустройство государственной жизни отразилось на этическо-моральном облике народа. Бывшие абсолютными и признанными конфуцианские ценности теперь поддавались сомнению и переосмыслению.

Обесценивание жизни человека, упадок в стране и глубокий духовный кризис, которые наблюдали современники периода политической раздробленности в III—IV вв., вступали в конфликт с традиционным пониманием ценности жизни в конфуцианской мысли [5, с. 148].

Теперь конфуцианский гарант стабильности и порядка – сильный император и строгая иерархия общества – не совпадали с мрачной действительностью. Человеку требовался новый «бог», новая религия, которая смогла бы объяснить происходящее в настоящем и дать надежду на будущее. Этим «опиумом для народа» стал буддизм. Учение Будды проникло на Дальний Восток на рубеже новой эры из Индии [5, с. 158]. Изначально учение Будды распространялось довольно медленно из-за трудностей перевода буддистских текстов на китайский язык и необходимости создания эквивалентов для основополагающих

категорий буддистского учения на китайском языке. В отличие от конфуцианского учения, буддизм воспринимал жизнь как страдание, тягость и зло [1, с. 307].

Период политической раздробленности, ознаменованный разрушительными внутренними войнами, разорением государства, варварскими вторжениями и многочисленными стихийными бедствиями, подготовил почву для того, чтобы буддистское учение нашло широкий отклик в народных массах. Четыре главные истины, изреченные основателем вероучения Буддой, гласили о том, что жизнь неотделима от страданий. Для простых людей буддизм был своеобразным пристанищем, где можно было укрыться от смуты и неурядиц окружающей их действительности. Показательным явлением общественной жизни III-VI вв. было то, что окрестные крестьяне предпочитали отдавать свои земли буддистским монастырям в обмен на их защиту [1, с. 311]. Стоит отметить, что зачастую крестьяне руководствовались не идеей спасения души, а желанием получить вполне реальную помощь: в монастырях совершались погребальные церемонии, поминовения усопших, сулившие им жизнь в раю. Для крестьян, оставшихся без земли после пришествия кочевников, буддистские монастыри становились единственным путем к спасению от голодной смерти.

Не менее важной причиной усиления буддистского учения в китайском обществе было и то, что в условиях кризиса института государственной власти каждый отдельный человек мог найти свое «личное спасение».

Однако, приобщение к буддизму происходило не только в крестьянской среде. Многие аристократы и другие представители образованной прослойки китайского общества этого времени также обращались к буддизму [5, с. 160]. Например, Цзиньский император Сяо-Уди в 381 г. официально объявил себя последователем буддистского учения, повелел построить в своем дворце буддистский храм и пригласить туда монахов [1, с. 312]. Приобщение к китайскому буддизму для них было тем легче, что он предусматривал наряду с общиной (*сангхой*) монахов существование буддистов-мирян, в чью обязанность входила поддержка монахов и пожертвования монастырям. Известный советский и российский востоковед Л. С. Васильев пишет о том, что большинство известных проповедников буддизма этого времени в Китае были именно представителями буддистов-мирян, а не монахов [1, с. 312].

Несмотря на то, что буддизм в корне отличался от традиционной китайской философии, его распространение сопровождалось значительной трансформацией и «акклиматизацией», приспособлением к местным условиям [6, с. 134]. Сам перевод буддистской мысли на китайский язык был осуществлен путем, получившим название «*гэ и*», что в переводе означает «толкование по аналогии». Своеобразными аналогиями выступали категории исконно китайского даосского философского учения. Даосизм оказался наиболее подходящим аналогом буддизма в Китае из-за, во-первых, своего религиозного характера и наличия идеи о спасении души (чего не было, например, в конфуцианстве), а, во-вторых, из-за некоторых параллелей идеологических категорий. Знаменитейшие буддийские авторы V в. продолжали использовать для выражения буддийских концепций такие даосские понятия, как *ю* (наличие, существующее), *у* (отсутствие, несуществующее), *ю вэй* (деяние) и *у вэй*

(недеяние) [7, с. 265]. Взаимовлияние буддизма и философского даосизма привело к формированию т.н. «китайского буддизма».

«Трудности перевода», оказавшие первоначальное влияние на трансформацию многих буддистских понятий, не всегда были обстоятельствами случайными. Зачастую перевод намеренно подстраивал качественную информацию сутры под более близкую китайской мысли аналогию. К примеру, оригинал индийской сутры гласил: «Муж поддерживает жену»; в переводе же на китайский язык сутра звучала уже по-другому, с заметно измененным смысловым оттенком: «Муж контролирует жену» [1, с. 313].

Образованная элита этого времени широко дискутировала на философско-религиозные темы. Такие беседы получили название «чистых бесед». К привычным ранее конфуцианским рассуждениям прибавились новые, навеянные распространяющимся спиритуализмом китайского буддизма. Обсуждению подлежали все животрепещущие вопросы времени: о бессмертии, о нирване, об отношении государства и человека, о природе.

Одним из основополагающих источников этого времени по истории развития философско-религиозной мысли является книга под названием «Соу шэнь цзи» («Записки о поисках духов») авторства Гань Бао (286-336 гг.), государственного чиновника династии Цзинь и приверженца конфуцианской этики, знатока классических текстов [4, с. 573]. Сборник содержит в себе фантастические рассказы о причудливых духах, мифических императорах, демонах, вещих снах, воскрешениях. Особенно примечательным становится то, что Гань Бао не пытается представить собственные сочинения литературными выдумками: напротив, он рассказывает о произошедшем, словно бы историк за написанием летописи. В предисловии он пишет: «...записанного и переданного... вполне достаточно для утверждения, что пути духов – вовсе не обман» [2, с. 29].

Современником Гань Бао был еще один известный деятель периода Шести династий – Гэ Хун (283-343 гг.). Он так же, как и Гань Бао, происходил из чиновничьей семьи и воспитывался на конфуцианских исторических сочинениях [6, с. 146]. Из-под его руки вышел крупнейший даосский трактат, содержащий информацию об алхимических рецептах бессмертия под названием «Баопу-цзы» («Мудрец, объемяющий Первозданную Простоту»). Десятая и двенадцатая главы этого трактата посвящены сравнению конфуцианства и даосизма. Рассуждая о двух учениях, автор приходит к выводу о том, что именно даосизм, в отличие от конфуцианства, затрагивает истинную суть всего мироздания. Он называет даосизм корнем конфуцианства, а конфуцианство – лишь верхушкой даосизма [3, с. 152]. Отныне даосизм, ранее принадлежавший к верованиям народным, соперничал с официальной государственной конфуцианской идеологией.

Верховенство конфуцианской этики отныне открыто оспаривалось. Сложившийся в эту эпоху стиль жизни и мышления, названный «фэн лю» («ветер и поток») означал кардинальный отход от привычных и строгих конфуцианских норм и правил. Отныне многие демонстративно бросали вызов устарелой конфуцианской этике, переставали выполнять официальный конфуцианский ритуал [5, с. 163]. Вместо этого, следуя метафизической философии буддизма и даосизма, стиль «фэн лю» единственно возможным социальным учи-

телем признавал саму природу, окружающий мир, Небо и Землю, ведь человек – ее порождение, потому такой же гибкий, переменчивый и «естественный».

Таким образом, во времена политической раздробленности происходит глубокий духовный перелом в традиционном мировоззрении китайского общества. Утвердившаяся в эпоху династии Хань официальная конфуцианская идеология теряет свои прочные позиции под гнетом соответствующих обстоятельств: ослабления государственной власти, вторжения варваров и смуты. Ее место занимают приобретающие широкое распространение буддистское и даосское учения, спиритуализм и идея о возможности спасения души и достижения нирваны.

Список литературы и источников

1. Васильев Л.С. Культы, религии, традиции в Китае. 2-е изд. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001.
2. Гань Бао. Записки о поисках духов (Соу шэнь цзи) / пер. с древне-кит. Л. Н. Меньшикова. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение» 1994.
3. Гэ Хун. Баопу-цзы / пер. с китайского. Е.А. Торчинова. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999.
4. Духовная культура Китая: энциклопедия в 5 т. Т. 2. Мифология. Религия / гл. ред. М.Л. Титаренко. М.: Вост. лит., 2006.
5. Меликсетов А.В. История Китая. М.: Изд-во МГУ, Изд-во «Высшая школа», 2002.
6. Торчинов Е.А. Даосизм. Опыт историко-религиоведческого описания. СПб.: «Андреев и сыновья», 1993.
7. Фэн Ю-лань. Краткая история китайской философии. СПб.: «Евразия», 1998.

Anastasia A. Bazhanova

Saratov National Research University

The spiritual life of Chinese society during the period of political fragmentation (III-VI centuries)

Abstract. The article studies the main characteristics of spiritual life of Chinese society in one of the critical periods. Comparative analysis is used to identify common and new in cultural life of China in the period of the Han Dynasty and subsequent era of political fragmentation.

Keywords: China, political fragmentation, spiritual life, Confucianism, Taoism, Buddhism.

ДВОРЯНСТВО ФРАНКОНИИ В ЭПОХУ РЕФОРМАЦИИ И КОНЦЕПЦИЯ «СПРАВЕДЛИВОЙ ВОЙНЫ». ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. Статья посвящена локальному конфликту между Францем фон Зиккингеном и архиепископом Трира, известному в историографии как рыцарское восстание 1522-1523 гг. Данная акция имела характер привычной для средневековья частной феодальной войны, однако её руководители ставили своей целью укрепление положения низшего дворянства в Империи. В связи с широтой поставленных задач, восстание трактовалось как должное предприятие «верных вассалов», направленное на противодействие формирующейся территориальной власти и укрепление авторитета императора – главы дворянского сословия. Формирование подобной программы требовало обращения к отличным от права феодалов на ведение частной войны концепциям, направленным на придание законности действиям восставших и адаптации этих концепций к политическим условиям Юго-Западной Германии в эпоху начинающейся Реформации.

Ключевые слова: справедливая война, Франкония, дворянство, Реформация, рыцарское восстание.

Период Позднего Средневековья в истории Германии сопровождался нарастанием глубокого социального кризиса. Рост экономической мощи городов, сопровождающийся развитием товарно-денежных отношений, централизация властных полномочий в руках отдельных территориальных властителей, усложнение общественных отношений различных социальных групп, развитие немецкого языка и национального самосознания знаменовали зарождение нового общественного уклада внутри средневековой системы. Приспособление к существованию в меняющемся мире вызывало к жизни различные модели социального поведения, переплетаясь с масштабными событиями социального взрыва эпохи Реформации.

Франкония в период Средневековья представляла собой совокупность небольших владений, управление которыми находилось в руках ряда светских и духовных князей, городов, монастырей [10, р. 77]. В подобных условиях длительное время сохранялись характерные для средневекового общества отношения и порядки. Наиболее ярко эта тенденция проявилась в дворянской среде, консервативной в отношении способов ведения хозяйства и тесно связанной с исполнением собственных военных функций. Уступая политические позиции, часть дворянства, пытаясь укрепить собственное положение в Империи, пользовалась традиционными для этого сословия методами – практикой военного грабежа и феодальных захватов. В условиях постепенного изменения характера светской власти подобное социальное поведение неуклонно вело к формированию конфликтной ситуации. Кульминационным эпизодом назревших противоречий стало рыцарское восстание во Франконии 1522-1523 гг.

В зарубежной историографии социально-правовое положение дворянства Юго-Запада Германии традиционно рассматривается в рамках политического пространства Швабского

союза. Таковы работы М. Брехта [7] и Ф. Пресса [12], сосредоточивших внимание на участии дворянства в Реформации. Основным исследованием по рыцарскому восстанию является монография У. Хичкока, затрагивающая также общественную оценку представленных событий современниками [11]. Автор приходит к выводу о невозможности вычленения восстания из общего хода социального движения Реформации, объяснения его причин исключительно частными интересами франконского дворянства. Отдельно следует отметить исследование Х. Зморы, посвящённое частной войне во Франконии [13].

В отечественной историографии дворянство Юго-Западной Германии затрагивалась лишь по мере его вовлечения в отдельные события Реформации, интересующие исследователей. Развитие эта проблематика получила на материале анализа произведений Ульриха фон Гуттена. Авторство работ, посвященных исследованию деятельности рыцаря-гуманиста, ставшего идеологом восстания, принадлежит В.М. Володарскому [1]. Несмотря на ряд важных замечаний в характеристике традиционных взглядов на общественное устройство, свойственных дворянству в целом, идеи Гуттена рассматривались односторонне, признавались реакционными, его цель сводилась к восстановлению рыцарской Империи [1, с. 61,78]. Существенная перемена в исследовании дворянства наступила в 80-ые годы прошлого столетия. В сферу интересов учёных включились проблемы экономического, социального и правового положения дворян, их отношения с княжеской властью, Швабским союзом. Был выдвинут важный тезис о дифференциации дворянского сословия на различных ступенях феодальной иерархии [3, с. 153], затронуты были различия в положении отдельных дворян, влияние развития процесса оноблирования на поведение традиционных кругов дворянства. Развитие изучения немецкого дворянства в отечественной науке связано с именами Т.Н. Таценко [3], Д.В. Шушарина [4, 5, 6].

Отдельно следует отметить значимость вопроса земского мира (Landfriede) для понимания правовой основы отношений, существующих на Юго-Западе Германии. Важным обобщающим трудом по данному вопросу является исследование Х. Хесслингера [10]. Согласно устоявшемуся в историографии мнению, в отношении Германии земский мир следует понимать не как аналогичный порядок, устанавливающийся в централизованных государствах и обеспечиваемый силой верховной власти, но как закрепление единовременного состояния, достигнутого согласием различных групп [6, с. 151-152]. Основу ландфрида составляет обоюдное соблюдение прав и привилегий сословий, обеспечиваемое представителями князей, дворянства и городов, организованных в Швабский союз.

Тем не менее, следует понимать, что действительная реализация тех или иных прав и привилегий во многом зависела от интересов наиболее могущественных групп – князей и руководства городов. На фоне политической борьбы этих сил внутри союза, наиболее шатким на территориях, где организация отвечала за соблюдение ландфрида, оказывалось положение части дворянства, занимающей нижние ступени феодальной иерархии – рыцарей и свободных господ. Не имея прямого доступа на рейхстаг, данная группа дворян опиралась на традиционные способы укрепления собственного положения в Империи. На материале, связанном с активностью франконского дворянства, можно обнаружить обращение к средневековой концепции «справедливой войны» (*bellum justum*). Оформление специфического понимания данного правового принципа было сопряжено с существующими политическими

условиями Юго-Западной Германии. Как проявление «справедливой войны» нами трактуется восстание франконских дворян 1522-1523 гг.

Обоснование подобной модели поведения по отношению к власти присутствует в произведениях Гуттена [2, с. 206-207, 210-212]. В его трактовке высшая степень повиновения – отказ повиноваться в случае, если действия власти противоречат государственному интересу. Суждение о том, что является для государства полезным, отводится в сферу воззрений подданного. Если власть не выполняет собственных обязательств, то подданные в рамках повиновения ей должны выступить против неё для обеспечения государственного интереса. Функцию социального контроля, применяемого к верховной власти, Гуттен отводит дворянству как корпорации. Таким образом, государственная власть императора ограничена волей дворянского сословия как целостной организации, единство которой обеспечивает понимание благородного статуса как атрибута равенства всех его обладателей.

Подобное восприятие института власти традиционно для рыцарского мировоззрения, поскольку восходит к межличностной связи, характерной для вассально-ленной системы. Гуттен не выделяет императора из феодальной иерархии, для него он — глава дворянского сословия [2, с. 173-174]. Основываясь на этом представлении, следует предположить, что отданный на контроль дворянской корпорации государственный интерес заключается в обеспечении прав и привилегий её представителей, которые они получают как вознаграждение за собственную службу. Власть императора с этой точки зрения рассматривается как власть сюзерена, ограниченная обязательствами по отношению к зависимым от него лицам. Исходя из этого, нарушение ландфрида означало одновременно и нарушение сеньориальных обязательств, против чего дворяне имели право выступить в рамках «справедливой войны».

Представление о власти, основанной на межличностных отношениях, применимо не только к фигуре императора, но также и ко всей феодальной иерархии. Причиной франконского восстания стало посягательство архиепископа Трира на права Хартмунда фон Кронберга – приближённого Франца фон Зиккингена. Нарушение этих прав противоречило ландфриду и оправдывало ведение «справедливой войны» для его восстановления. Учитывая рассмотренное выше понимание власти, акция Зиккингена была направлена на восстановление справедливости и имела конечной целью восстановление мира, таким образом, соответствуя критериями ведения справедливой войны.

Следует отметить, что провозглашённое Гуттенем единство дворянского сословия было номинальным. Критерием дифференциации могло служить также различие в моделях поведения. Так, известны материалы Швейнбургского съезда дворян, стремящихся к улучшению собственного положения путём обращения в рейхстаг, практика чего среди рыцарства последовательно складывалась в предшествующий описываемым событиям период [8, с. 695-726]. Сторонники Зиккингена в основном составляли часть дворянства, пренебрегающую обращениями в рейхстаг. Так представляется возможным трактовать восстание как широкую акцию традиционно настроенной части дворянства, наиболее активной из которой оказалась клиентела Зиккингена.

Тем не менее, общественные отношения, на которых основывалась модель поведения восставших дворян Франконии, уступали место новым формам: вассально-ленная система сменялась системой господства и подчинения. В дворянскую среду проникали денежные отношения, распространялась практика службы в императорском войске за жалование. Нако-

нец, менялся характер власти: она постепенно возвышала себя над феодальной иерархией, становясь властью территориальной, для которой поведение дворянина с позиции «мятежного вассала» было неприемлемо. Все эти аспекты свидетельствуют о переходе к Новому времени, угасании традиционных моделей поведения, исключении их пользователей из новых социальных отношений.

Таким образом, подавление традиционного социального поведения части франконского дворянства, выражением которого стала практика «справедливой войны», свидетельствует о кризисе средневековой системы в условиях перехода к Новому времени. «Справедливая война» как поведенческий принцип характерна для части франконского дворянства, не принимавшей письменного права и обращения в имперские структуры и не была императивом поведения дворянства в целом. В условиях стремления власти к абсолютизму в преддверии Нового времени практика «справедливой войны», характерная для межличностных отношений вассально-ленной системы становится неприемлемой в рамках территориального подданства и порождает конфликт между властью и социальной группой, реализующей данный поведенческий принцип.

Список литературы и источников

1. Володарский В.М. Социально-политические взгляды Ульриха фон Гуттена // Средние века. М.: Наука, 1964. Вып. 26.
2. Гуттен У. фон. Диалоги. Публицистика. Письма / Пер. С.П. Маркиша. М.: АН СССР, 1959.
3. Таценко Т.Н. Немецкое дворянство в XVI в. // Европейское дворянство XVI-XVII вв.: границы сословия / Отв. ред. В.А. Ведюшкин. М.: «Археографический центр», 1997.
4. Шушарин Д.В. К вопросу об имперском рыцарстве в Швабии на рубеже XV-XVI веков (Социально-правовой аспект) // Ежегодник германской истории. 1986. М.: Наука, 1987.
5. Шушарин Д.В. К вопросу о социальной структуре господствующего класса Германии в конце XV – начале XVI в. // Из истории социально-политической и культурной жизни античного мира и Средневековья / Отв. ред. Т.С. Осипова. М.: ИВИ АН СССР, 1985.
6. Шушарин Д.В. Рыцарское восстание 1522 г. во Франконии и нормы социального поведения дворянства. // Господствующий класс феодальной Европы / Отв. ред. А.А. Свинадзе. М.: ИВИ АН СССР, 1989.
7. Brecht M. Die deutsche Ritterschaft und die Reformation – Blätter für Pfälzische Kirchengeschichte und Religiöse Volkskunde, 1970-1971, vol. 37/38.
8. Deutsche Reichstagsakten. Jüngere Reihe. Bd 3. Gotha: Friedrich Andreas Perthes, 1901.
9. Flachenecker H. Regional History as a Decisive Indicator of Social Change: Franconia in the Middle Ages – Concilium medii aevi, 2021, Bd. 21.
10. Hesslinger H. Die Anfänge des Schwäbischen Bundes und seine verfassungspolitische Bedeutung. Tübingen: Fotodruck Präzis, 1969.
11. Hitchcock W.R. The Background of the Knight's Revolt 1522–1523. Los Angeles: University of California Press, 1958.
12. Press V. Adel, Reich und Reformation. In Stephanie Blankenhorn & Horst Carl (Eds.)// Das alte Reich: Ausgewählte Aufsätze. 2 ed. Berlin: Johannes Kunisch, 2000.

13. Zmora H. State and Nobility in Early Modern Germany: The Knightly Feud in Franconia 1440 - 1567. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.

Kirill .S.Osipov

Samara National Research University

Franconian nobility in the Age of Reformation and the «just war» concept.

Statement of the problem

Abstract. The article studies the local conflict between Franz von Sickingen and Archbishop of Trier, known as Knights' Revolt of 1522-1523. The conflict was a typical medieval feud, but its' leaders were intended to strengthen the position of the lower nobility in the Empire. Due to the breadth of their objectives, the rebellion was considered as a proper enterprise of «loyal vassals» aimed at resisting the emerging territorial authority and strengthening the authority of the Emperor – the head of nobility. Such program required to employ concepts different to that of the feudal rights to private war, the concepts focused on conferring legitimacy to the rebels' actions and adapting these concepts to political conditions in the South-West Germany in the period of early Reformation.

Keywords: just war, Franconia, nobility, Reformation, knight's revolt.

УДК: 94 (73)

Русланова А.В.

*Самарский государственный
социально-педагогический университет*

«ОБЕРЛИНСКИЙ КОЛЛЕДЖ В США: РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА»

Аннотация. В данной статье рассматривается созависимость таких явлений как: открытие Оберлинского колледжа и начало крупномасштабных изменений как в социальной сфере Соединённых Штатов, так и в сфере образования. Исследуются две социальных группы, на которых более всего повлияло открытие колледжа: женщины и чернокожее население. Рассматривается качественное изменение социальной жизни и роль женщины в образовании, также обращается внимание на активное вовлечение чернокожего населения в некоторые сферы жизнедеятельности человека.

Ключевые слова. Совместное образование США, религиозные учебные заведения, совместные вузы, оппозиция женского образования, чернокожее население, поддержка антирабовладения, миссионерское движение.

В начале – середине XIX века женское образование было почти редкостью. Женщинам предлагалось получение образования на специальных «женских курсах», где процесс обучения сводился лишь к усвоению ими «профессиональных» знаний, таких как обучение этике-

ту, письму, чтению, и всему тому, что поможет даме из высшего общества умело выполнять обязанности супруги. Реже давалось действительно квалифицированное образование.

Положение, в котором находились рабы, было сложнее, у них не было никаких прав и возможности получения образования. Они не часто освобождались из рабства и не могли себе позволить обучение. Рабовладельцы резко высказывались по вопросам сегрегации чернокожего и белого населения страны, они считали, что исторически всё складывалось верно – белое население гораздо умнее и именно поэтому агрегация столь разных групп в любой сфере жизни просто невозможна. В итоге именно эти две проблемы в жизни граждан США поднимало открытие Оберлинского колледжа, создав в обществе широкую дискуссию по вопросам обучения различных социальных групп.

План образования Оберлина возник в 1832 г., когда пастор пресвитерианской церкви Джон Шипхерд и бывший миссионер среди южных индейцев Филон Стюарт, познакомились и провели вместе лето, обнаружив взаимное разочарование в современном образовании. «План предусматривал создание школы для обоих полов, с подготовительными и богословским отделениями. Так же были открыты отделения по подготовке учителей» [4, р. 3].

В первом каталоге, опубликованном в ноябре 1834 г., говорилось, что главная цель – распространение полезных наук, здоровой морали и чистой религии среди растущего населения долины Миссисипи, а также среди обездоленных миллионов, рассеянных по всему миру через священников и благочестивых школьных учителей [2, р. 160]. А в первом циркуляре 1834 г. была обозначена первоочередная задача – тщательно подготовить христианских учителей как для кафедры, так и для школ, а также возвысить женский характер путем предоставления в распоряжение пренебрегаемого пола всех тех привилегий, которые до сих пор необоснованно отличали, ведущий пол от их [2, р. 161].

А в 1833 году мистер Шиферд заявил в колонках газеты «Бостон рекордер», что будет создано «женское отделение» [2, р. 161], «по плану ручного труда, включающего ведение домашнего хозяйства, производство шерсти, выращивание шелка, соответствующие части садоводства, особенно выращивание семян для рынка, изготовление одежды и т. д.» [9, р. 1].

Идея объединения полов в высшем учебном заведении была неслыханной для отцов и матерей того времени. Чарльз Элиот, ведущий реформатор образования, выступил с речью на инаугурации нового президента колледжа Уэллсли, в которой изложил свои взгляды на женские колледжи: «Женские колледжи должны сосредоточиться на образовании, которое не повредит телесным силам и функциям женщин. Действительно, было бы удивительно, если бы умственные способности женщин не были столь же непохожи на умственные способности мужчин, как и их телесные способности» [1, р. 18]. Доктор Эдвард Кларк, профессор Гарвардской Медицинской школы на пенсии, заметил, что «женщины считаются хрупкими... чрезмерная учеба наверняка вызвала бы у них мозговую лихорадку! И если им удастся выжить в колледже, их дети будут больны, если они вообще смогут иметь детей» [8, р. 112]. Именно эти два аргумента были наиболее распространенными среди противников совместного обучения.

Однако, в 70-х годах XIX века эксперимент Оберлина стал центром внимания светских педагогов, столкнувшихся с проблемами совместного обучения. Гражданская война привела больше женщин в сферу высшего образования, чтобы заполнить места, освобожденные мужчинами. Либеральные педагоги искали доказательства, чтобы обосновать для консерватив-

ных критиков прием женщин, А Оберлин стал ценным практическим источником информации о совместном обучении.

Педагоги, нуждающиеся в опровержении теории Кларка, неоднократно обращались к опыту Оберлина. В 1867 г. президент Фэйрчайлд сообщал группе президентов колледжей среднего Запада, что в его школе «ухудшение здоровья» у женщин происходило не чаще, чем среди молодых мужчин. В 1872 г. президент Эндрю Диксон Уайт из Корнуэлла призвал Фэйрчайлда поддержать совместное обучение с положительной оценкой, так же десятилетие спустя ЛеКонт Стивенсон, профессор института Пакарда в Бруклине, обратился к опыту Оберлина при проведении своего расследования о приеме женщин в колледжи [6, р. 86].

Таким образом, динамичное распространение идей совместного обучения и породил общественный резонанс. Позже было открыто ещё две школы совместного обучения – Хиллсдейл – центральный колледж штата Мичиган и университет Холлинза, созданный как семинария Уелли Юнион в Роаноке, штат Вирджиния. Со второй половины XIX века произошел резкий скачок в развитии именно женских учебных заведений.

Оберлин своим открытием поднял другой важный вопрос – обучение чернокожих студентов. Их обучение в высших учебных заведениях США в середине XIX века было практически невозможно. Но еще в 1844 г. в Оберлине получил степень бакалавра первый чернокожий студент – Джордж Б. Вашон. Стоит упомянуть, что элемент борьбы с рабством не был включен в первоначальный устав Оберлина, Фэйрчайлд писал: «Первые люди Оберлина, как и все хорошие люди на Севере, были противниками рабства, но они и не мечтали, что это будет одной из первых тем, которая нарушит их покой в пустыне» [3, р. 72].

Осенью 1835 года в колледже произошло событие, с которого и началась кампания против рабства. Незадолго до начала каникул Теодор Д. Уэлд, который был студентом Лейна, посетил Оберлин, чтобы прочитать курс лекций по антирабовладению, с целью снабдить студентов знаниями для кампании по отмене рабства, которая должна была продлиться, по крайней мере, всю последующую зиму [5, р. 4]. В течение 3 недель каждый вечер он аргументировано выступал против рабства перед переполненными аудиториями, а когда он закончил, «вся община навсегда закрепила в себе безмерную враждебность к рабству и желание вступить в войну, которая будет продолжаться до тех пор, пока последний раб не станет свободным» [5, р. 34].

Так же, чтобы «удовлетворить спрос на свободное Евангелие в стране и за рубежом», была организована Американская миссионерская ассоциация. Оберлин предоставил своего иностранного секретаря и большую часть своих миссионеров. Под ее покровительством студенты Оберлина перенесли войну в Африку, основали свободные церкви в рабовладельческих штатах и заложили основу для школ, открытых для всех» [7, р. 6].

Директор Оберлина – Джеймс Фэйрчайлд и профессор Дж. М. Эллиот говорили о том, что Оберлин принимал особое участие в освобождении рабов: их наставления были услышаны в Америке, а их выпускники и преподаватели активно участвовали в гражданской войне в США. Профессор Дж.М. Эллиот в своей работе «Оберлин и Американский конфликт» написал, что «принципы, сделавшие Оберлин ругательным словом, а мысли, которые проповедают там, становились объектом нападок и агрессии стали триумфально распространяться по всей стране» [7, р. 4].

Таким образом, Оберлин стал прорывом в общественной жизни как первое смешанное учебное заведение, которое принимало не только мужчин и женщин, но и лиц разных национальностей. Стоит отметить, что в Оберлине началось и формирование многоэтнического сообщества внутри университета. Так же стоит отметить вклад научной и студенческой среды в борьбу с рабством, спасение беглых рабов, укрывательство их в своих домах, а также оказания им помощи в побеге.

Список литературы и источников

1. Clarke E. H. Sex in education: or a fair chance for girls. - Boston: James R. Osgood and Company, 1875.
2. Delavan L. The story of Oberlin; the institution, the community, the idea, the movement. Boston: Pilgrim Press, 1898.
3. Fairchild J. H. Educational arrangements and college life at Oberlin: inaugural address of President J.H. Fairchild, delivered at the commencement of Oberlin college, August 22, 1866. N.-Y.: Printed by E.D. Jenkins, 1866.
4. Fairchild E. H. Historical sketch of Oberlin college. Springfield: Printed by Republic printing company, 1868.
5. Martineau H. The martyr age of the United States of America, with an appeal on behalf of the Oberlin institute in aid of the abolition of slavery. Newcastle upon Tyne, Finlay and Charlton, 1840. 68 p.
6. Miller S. B. The Oberlin model and its impact on other colleges / Lasser Carol // Educating men and women together: coeducation in a changing world - Urbana: Published by the University of Illinois Press in conjunction with Oberlin College, 1987.
7. Millott E. J. Oberlin and the American conflict. Oberlin: Ohio, Printed at the "News" office, 1865.
8. Newcomer M. A century of higher education for American women. N.- Y.: Harper, 1959.
9. Shipherd J. Christian Education // Boston Recorder, 1833. Jun 5.

Arina V. Ruslanova
*Samara State University
of Social Sciences and Education*

«Oberlin College in the United States: the development of social relations in the mid-nineteenth century»

Abstract. The article examines interdependence of establishment of the Oberlin College and the beginning of large-scale changes both in social and educational spheres. The author researches two social groups most affected by the college establishment: women and black community. The article considers qualitative changes in social life and the role of women in education and focuses on active involvement of black population to certain spheres of life.

Keywords: U.S. co-education, religious institutions, co-educational institutions, opposition to women's education, black population, support for anti-slavery, missionary movement.

БИТВА ПРИ ВУНДЕД-НИ И ДАЛЬНЕЙШАЯ БОРЬБА ИНДЕЙЦЕВ ЗА СВОИ ПРАВА

Аннотация. В статье рассмотрен длительный период борьбы коренного населения американского континента с колонизаторами. Чаще всего историки делят сопротивление индейцев на два периода: военный и правовой. Автор берет за отправную точку Битву при Вундед-Ни, как последнее военное столкновение в череде индейских войн. Далее в статье описываются наиболее значимые попытки коренного населения укрепить свое положение на родине.

Ключевые слова: индейцы, борьба за права, битва при Вундед-Ни, нарушение прав и свобод, ликвидация индейской границы, «Пляска духов», активисты, радикалы, НККИ.

Борьба индейцев в Северной Америке велась еще со времен прибытия первых поселенцев из Европы. В начале XIX века несмотря на договорной период отношений, американскому правительству ничего не мешало применять военную силу по отношению к племенам. Они навсегда выселяли их из родных земель, приурочили им статус «нации, зависимой от США», нарушали права автономии, вмешивались в межплеменные отношения. Несмотря на то, что в последние годы в правах индейцев произошел значительный прогресс, все же до равноправия и благосостояния нации еще далеко.

Американцы отнимали земли, уничтожали важнейший источник пропитания индейцев – бизонов. Кроме непосредственно военных действий использовались и другие «методы», такие как одеяла, зараженные черной оспой, а также водка [10, с. 43-46]. Окончательно поражение индейцев ознаменовала Бойня на ручье Вундед-Ни в 1890 году – после неё МВД США официально заявило о ликвидации индейской границы [10, с. 48]. Два года перед этой роковой битвой были тяжелыми и для американцев, и для индейцев, племена голодали, население страдало от неурожая. В резервациях нарастало напряжение.

Среди племён распространилась новость о пророке племени Пайютовпо имени Вовока, основавшем религию «Пляска духов» [11, с. 4-5]. Причины распространения религии и восстания было несколько: волнение в рядах консервативных элементов, вызванное упадком племенного уклада жизни, невыполнение правительством своих обязательств, голод [10, с. 54].

Правительство хотело, чтобы индейцы перешли на земледелие, но это было нереально за такие короткие сроки, учитывая особенности климата и почвы, которые не располагали к данному виду хозяйства. В 1888 году много скота погибло от болезней, а в 1889/1890 индейцев постиг неурожай. Правительство сокращает норму пайков. К тому же по племени прокатилась эпидемия кори и коклюша. Долгое время вопрос медицины в резервации не ставился,

а индейцы не могли справиться с «новыми» болезнями. Люди гибли [10, с. 58]. Согласно источникам, правительство задерживало выплату за земли и сокращало территорию резервации. Причины восстания накапливались на протяжении долгих лет [4, с. 55- 57]. Но справедливости ради необходимо отметить, что не все правительство было настроено на уничтожение индейцев [10, с. 55]. В 1879 г. министром внутренних дел Карлом Шурцем был утвержден план новой индейской политики, направленный на поддержку коренного населения и его интеграцию в жизнь белого общества. К сожалению, таких было меньшинство. Да и их методы были спорными, особенно в сфере образования [10, с. 55].

В результате совокупность этих причин вылилась в последнее серьезное столкновение между индейцами и белой армией под названием Вундед-Ни. 29 декабря 1890 г. солдаты 7-го Кавалерийского полка при поддержке 4 пушек начали процедуру разоружения индейцев в резервации Пайн-Ридж. В итоге в результате бойни погибло около 500 человек [11, с. 5]. Очевидцы сообщают, что один из народа лакота не желал отдавать ружье и во время борьбы с офицером оно выстрелило. С этой минуты началась страшная резня [5]. Трагическое событие 29 декабря 1890 года, унесшее десятки и сотни жизней народа лакота, ознаменовало окончательное прекращение вооруженного сопротивления со стороны индейцев [10, с. 63].

Период после 1890 г важен следующими факторами: с этих пор борьба приобретает другие формы – правовые и индейцы добиваются некоторых успехов, но по-прежнему находятся не на равных условиях с белыми американцами. После долгого периода «индейских войн» меняется, и стратегия правительства и действия коренных жителей. В 1924 году индейцы обретают статус полноправных граждан Америки. Но не все штаты исполняли этот закон. Индейцам приходилось обращаться в суд, чтобы добиться своих прав [2, с. 163].

В 1934 году конгресс провел Акт о реорганизации. Теперь индейцы могли принимать свою конституцию, выбирать представителей в племенные советы, снова они проводили свои традиционные церемонии: обряды, пляски, песни. Но все же притеснения продолжались. Следующим испытанием для индейцев стала Вторая мировая война. Индейцы выполняли свой долг, как все граждане Америки. Но к ним относились как к «второсортным» [2, с. 164]. В 1944 г. появляется первая индейская организация – НКАИ (Национальный конгресс американских индейцев). Они пытались добиться соблюдения ранее подписанных договоров [1, с. 215]. Ветераны войны вместе со своими сотоварищами, получившими образование стали добиваться прав на работу и образование. Они обратились к правительству штатов. Но кроме громких обещаний политики так ничего и не сделали [2, с. 165]. Члены Конгресса расширяли спектр обсуждаемых программ: образовательных, медицинских, экологических, культурные, экономические, социальных.

В 1960 г. индейцы оказались самой малообеспеченной этнической группой. И к следующему десятилетию в мирном движении коренных жителей континента снова проступил радикализм. После Чикагской конференции индейцев 1961 г. выделяется группа молодых энтузиастов, которые выпускают радикальные бюллетени [1, с. 215].

В 1968 создается важнейшая индейская организация – Движение американских индейцев. Организация провела ряд успешных судебных исков против федерального правитель-

ства в защиту прав коренного населения. Несмотря на относительно мирную борьбу за права, во второй половине XX века начинаются акции протеста, вызванные чаще всего нежеланием правительства менять курс в отношении индейского вопроса. В 1969 году индейцы захватили остров Алькатрас, к сожалению, вернуть его так и не удалось, но правительство закончило политику терминизма и обратило внимание на многие проблемы населения [1, с. 219].

Одной из крупных является акция «Тропа нарушенных договоров». Причина все та же: несоблюдение договоров и крайняя бедность индейцев. Активисты в 1972 году подготовили список требований, которые не стала рассматривать администрация президента. Документ включал 20 пунктов [8]. Вследствие этого протестующие захватили здание Бюро по делам индейцев и удерживали его неделю. Они были готовы в своей борьбе дойти и до войны [3]. В это же время представители президента Никсона вели переговоры с представителями индейцев Орегона, создавая видимость участия правительства в проблемах коренного населения. Программа поддержки исключала помощь индейцев, переселившихся в города по причине непригодных условий жизни в резервации. Когда президент ознакомился с требованиями коренных жителей Америки, он понял, что не готов к проведению политики по индейским вопросам и просто тянул время. После того, как оккупанты покинули здание, правительство пообещало не предъявлять обвинения, однако не сдержав слово, открыли судебные разбирательства [6, с. 225-227]. Но самой яркой точкой на мой взгляд стало событие 1973 года. Первый вооружённый захват за долгий период мирной борьбы, в печально известном местечке Вундед-Ни. Осада длилась 71 день. В 1975 году последовала перестрелка в резервации Пайн Ридж. Далее прошла мирная акция под названием Длиннейший переход. Президент Картер решил сделать вид, что не замечает шествие индейцев, которое длилось несколько месяцев [7]. Все эти агрессивные акты, мирные протесты назвали продолжением индейских войн, которые позволили коренным жителям стать равноправными гражданами Америки. В последнее время демографический уровень индейцев продолжает расти, многие племена возвращаются к соблюдению многовековых традиций. Они смогли добиться много, а главное доказать, что индейцы будут бороться за свои права до конца. К сожалению, на сегодняшний день нельзя сказать, что все проблемы индейцев решены. Многие статистические данные имеют удручающий характер. Рекордно высокий уровень безработицы, бедности. Индейцы чаще остальных подвергаются насилию. Злоупотреблению алкоголем и сигаретами подвержены огромные количества индейцев [9]. Несмотря на смену курса в «индейском вопросе», многие проблемы еще предстоит решить.

Список литературы и источников

1. Данчевская О.Е. Организации и движения американских индейцев во второй половине XX – начале XXI вв. // СОФИСТ: социолог, философ, историк: сборник научных трудов. Выпуск 1. – М.: МПГУ, 2005. – С. 215-220.
2. Джейн Б. Катц Дайте мне стать свободным человеком. Документальная история индейского сопротивления. – М.: Прогресс, 1984.

3. Коренные американцы возглавляют Бюро по делам индейцев: 1972 год. [электронный ресурс]. – URL:<https://washingtonareaspark.com/2013/03/26/native-americans-take-over-bureau-of-indian-affairs-1972/> (дата обращения 11.10.21).
4. Муни Д. Религия Пляски Духов и восстание сиу в 1890 году. – М.: ЗелО, 1996. – 222 с.
5. Нейтхард Д. Говорит черный лось. – С. 29. – URL: https://royallib.com/read/neyhardt_dgon/govorit_cherniy_los.html#0
6. Преймак А. Р. Тропой нарушенных договоров: оккупация коренными американцами здания Бюро по делам индейцев в 1972 году. – Рязань: Первопечатникъ, 2015. – С. 224-229.
7. Самая длинная прогулка. [электронный ресурс]. – URL:https://web.archive.org/web/20080830102954/http://www.longestwalk.org/index.php?option=com_content&task=view&id=142&Itemid=108 (дата обращения 11.10.21).
8. След нарушенных документов. 20 позиционных пунктов. [электронный ресурс]. – URL: <http://www.aimovement.org/archives/index.html> (дата обращения 12.07.21).
9. Судьба индейцев. Все о положении индейцев сегодня. 2007 г. – URL: <http://vybory.org/articles/743.html>
10. Экклз М.Э. Индейский вопрос в государственной политике США. – ВКР // Томск, 2018. – 82 с.
11. Ярыгин В. В. Бойня у ручья Вундед-Ни // Молодой ученый. – 2016. – № 17 (121). – С. 266-269. – URL: <https://moluch.ru/archive/121/33419/> (дата обращения: 12.07.2021).
12. Wounded – knee museum. [электронный ресурс]. – URL: <https://woundedkneemuseum.org/index.htm> (дата обращения 01.09.21).

Polina E. Baranova

*Samara State University
of Social Sciences and Education*

The Battle of Wounded Knee and the further struggle of the Indians for their rights

Abstract. The article studies the long struggle of the indigenous population of the Americas against colonizers. Most historians divide Indian resistance into two periods: military and legal. The author takes the battle of Wounded Knee as the last military confrontation in a series of Indian wars. Further, the author describes the most significant attempts of the indigenous population to consolidate their situation in their homeland.

Keywords: Indians, struggle for rights, battle of Wounded Knee, violation of rights and freedoms, liquidation of the Indian border, "Dance of Spirits", activists, radicals, NCAI.

ЖЕНСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В БОРЬБЕ ЗА СВОИ ПРАВА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Аннотация. В статье рассматривается политическая активность женского населения Российской империи в начале XX века. Уделяется внимание легальным формам борьбы за равноправие, которых придерживались участницы Всероссийского союза равноправия женщин. Сделан вывод о значимости опыта Всероссийского союза равноправия женщин для феминистских организаций периода революционного подъема 1917 г.

Ключевые слова: женское движение, феминизм, равноправие, Поволжье, политическая активность, революция.

Политический кризис и гибель монархии остаются в центре внимания исследователей самого широкого спектра. Вопросы политизации общественных масс в связке со сложными и многогранными событиями, определившими исход царского режима, требуют пристального исследования не только в ключевом городе империи, но и на её периферии. Реакция на эти неоднозначные события по всей стране вполне однотипна: они сопровождались ростом социально-политических движений, мобилизацией общественных сил. В периоды революционного подъема важной действующей силой становились женщины, всё чаще вливавшиеся в антиправительственные выступления и прочие акции неповиновения.

Дискриминационное положение, закрепленное на законодательном уровне, стало мощным ресурсом политизации женского населения наравне с социальными и экономическими причинами – тяжёлыми условиями труда, продовольственными проблемами, национальным вопросом и т.п. Религиозно-нравственные основы законодательных положений сводов «О правах и обязанностях семейных» и «О личных правах», свидетельствуют о глубоком консерватизме государственных институтов.

К началу XX века женщина по-прежнему находилась под опекой старшего мужчины семьи [6, с. 18]. Такое положение не подразумевало самостоятельного принятия решений по наиболее важным вопросам даже при достижении возраста совершеннолетия. Внутрисемейный контроль преследовал женщин на протяжении всей жизни: при поступлении в учебные заведения, при приёме на службу и даже при необходимости переезда в соседние губернии. Разрешение родителей требовали уставы учебных заведений империи, позволение мужей становилось условием приёма при трудоустройстве [6, с. 164], а паспортные условия ограничивали возможности самостоятельного перемещения по стране [3] до их пересмотра в 1914 г. Несправедливыми были и вопросы наследования. Дочери наследовали из «недвижимого имущества четырнадцатую часть, а из движимого – восьмую часть» [6, с. 105], в то время как сыновья претендовали на равные доли.

Обретение профессии и самореализация вне семьи не рассматривались как значительные достижения в жизни. Доступ к ряду профессий был ограничен. В частности, получив до-

ступ к юридическому образованию, женщины не могли вести дела в суде, а лишь ограничивались предоставлением консультаций. При этом и государственная служба не давала тех преимуществ, которые получали мужчины – рост и продвижение, возможность награждения за заслуги.

Возможность улучшения своего положения легитимным путём была исключена Положением о выборах в Государственную Думу в 1905 г. Фактически, женщина оказалась устранена из реального избирательного процесса [4, с. 7]. В совокупности с ростом революционного подъёма и несправедливым порядком избрания законосовещательного учреждения, началась консолидация сил женского движения.

В данной обстановке началось формирование Всероссийского союза равноправия женщин (ВСРЖ). Феминистское объединение видело свою основную цель в предоставлении равных политических прав без различия пола, но при этом не игнорировало масштабные социальные проблемы, с которыми сталкивались женщины.

Крупнейшие его отделения находились в конечно же в столицах – Москве и Петербурге. Однако отделения ВСРЖ имелись и в поволжских городах – Саратове, Самаре, Пензе, Казани и Бугульме. Наиболее активными были казанское и саратовское отделения. Из региональной прессы известно, что на заседаниях последнего присутствовало до 800 женщин [5]. Взаимодействие между столичными и региональными отделениями происходило на съездах. В Москве в мае 1905 г. поволжские отделения представляли А. Кальманович, А. Поляк, А. Чермак и А. Бостром.

В центре внимания феминистского движения стала деятельность Государственной думы. Прорабатывались всевозможные способы взаимодействия с партиями и депутатами. Вёлся сбор подписей с требованием избирательных прав для женщин. Именно избирательное право связывалось с улучшением общего правового статуса. Региональные отделения в свою очередь фокусировались на проблемах благотворительного характера – оказании помощи трудящимся женщинам, устройстве школ, библиотек; на проблемах масштабирования своей деятельности – привлечения новых участниц и участников, чтения лекций, популяризации идеи равноправия и пр.

Феминистское движение в провинции формировалось из среды городской интеллигенции, местного дворянства. На волне общей политизации представительницы рабочего и крестьянского населения обходили стороной деятельность «буржуазок», считая, что они отстаивают лишь интересы своего класса. Активность социалисток была направлена на отвлечение внимания крестьянок и рабочих от возможности совместной борьбы за свои права в русле либерального движения. В частности, в апреле 1905 г. первое собрание женщин Самары с целью создания отделения ВСРЖ благодаря такой активности было сорвано: часть аудитории была уже «подготовлена» социалистами [1, с. 37].

Однако борьбу за свои права женщины феминистского лагеря вели в исключительно мирной форме в рамках существующего режима, что позволяло их организациям функционировать легально. Социалистки, напротив, связывали достижение равенства с уничтожением действующего строя. Антиправительственная пропаганда подразумевала ведение работы зачастую на нелегальном положении.

Несмотря на высокий уровень активности женских и профеминистских организаций, наблюдать значительные изменения в положение женщин в обществе в течение 1905-1907 гг.

не пришлось. Решить широкий круг правовых и социальных проблем за короткий период революционного подъема было утопично. К концу первой русской революции Всероссийский союз равноправия женщин прекратил своё существование. Это произошло как из-за нарастающих разногласий между участницами союза и соперничества с радикалами, так и из-за особого отношения министерства внутренних дел к любой имеющей цели политического характера организации. Всё же данные процессы стали своеобразным индикатором социального прогресса в стране, способствовали развитию институтов прав и свобод человека.

Потеряв свои силы в период первой революции, феминистское движение вновь вернулось к активной борьбе уже к новому революционному подъёму, но в рамках новой организации – Российской лиги равноправия женщин. Ценный опыт ВСРЖ позволил пересмотреть тактику взаимодействия со всевозможными организациями, имеющими схожие взгляды. 40-тысячный митинг в марте 1917 перед резиденцией Временного правительства в Петербурге с требованием избирательного права не позволил власти проигнорировать такой призыв. В итоге российские женщины добились всеобщего избирательного права без различия пола.

Список источников и литературы

1. 1905 год в Самарском крае: материалы по истории РКП(б) и революционного движения / под ред. Н. Сперанского. Самара: изд-во Самарского Губкома РКП(б), 1925. 788 с.
2. Государственный архив Российской Федерации. Ф.516. Оп.1. Д.1-22.
3. Положение о видах на жительство. М.: Московская губернская типография, 1895. 142 с.
4. Положение о выборах в Государственную думу: (Свод законов, т. 1, ч. 2, изд. 1906 г.): с разъяснениями Правительствующего сената и Министерства внутренних дел, приложением циркуляров и инструкций министра внутренних дел и циркуляров министра юстиции. Санкт-Петербург: издание Министерства внутренних дел, 1907. 228 с.
5. Саратовский листок. 15 марта 1905 г. № 54.
6. Свод законов Российской империи. Т. 10 // Полный текст всех 16 томов, согласованный с последними продолжениями, постановлениями, изданными в порядке ст. 87 Зак. осн. и позднейшими узаконениями. Издание неофициальное: В 5 кн. / Под ред. и с примеч. И. Д. Мордухай-Болтовского; сост. Н. П. Балканов, С. С. Войт и В. Э. Герценберг. Кн. 4. Т. 11. Ч. I–XII. СПб.: Русское книжное товарищество «Деятель», 1912.

Yulia A. Zinovieva

Samara National Research University

Women of the Russian Empire in the struggle for their rights at the beginning of the 20th century

Abstract. The article researches political activism of women of the Russian Empire at the beginning of the 20th century. The legal forms of the struggle for equality, which were adhered to by the participants of the All-Russian Union for the Equality of Women are highlighted in the article. The author emphasizes the significance of the All-Russian Union for the Equality of Women experience for feminist organizations during the period of the revolutionary upsurge of 1917.

Keywords: women's movement, feminism, equality, Volga region, political activism, revolution.

**ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
В ЭПИСТОЛЯРНОМ НАСЛЕДИИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ**

Аннотация. Данная статья посвящена рассмотрению взглядов бывших царских дипломатов в эмиграции на международную организацию Лига наций. На основе анализа частной переписки членов Совета послов с председателем Совета В.А. Маклаковым в 1934 году дана оценка влияния Лиги наций как института международной безопасности в межвоенный период.

Ключевые слова: дипломатия, русская эмиграция, Совет послов, В.А. Маклаков, Лига наций.

Исследованию первой волны русской эмиграции, а именно деятельности бывших царских дипломатов в эмиграции в межвоенные годы уделено большое внимание в последние десятилетия [1; 2; 4]. Тем не менее остаются вопросы, которые нуждаются в специальном рассмотрении. Целью данной публикации является рассмотрение взглядов бывших царских дипломатов на Лигу наций как на элемент Версальской системы международных отношений в Европе в межвоенный период.

Данное исследование опирается на эпистолярные источники, представленные перепиской дипломатов Д.И. Абрикосова (Япония), Е.П. Демидова (Греция), С.Д. Боткина (Германия) и Е.В. Саблина (Великобритания) с председателем Совета послов В.А. Маклаковым (Франция) в 1934 году. Копии этих писем спустя время по оперативным каналам поступали советским спецслужбам и имели гриф «Совершенно секретно», затем хранились в архивах Службы внешней разведки и МИД РФ, и впервые опубликованы в 1998 году.

В первом же опубликованном письме от Абрикосова к Маклакову в феврале 1934 года представитель Совета послов в Японии фиксирует «переход от пассивной внешней политики к активной, выразившейся в образовании нового государства Маньчжоу-Го и в выходе из Лиги наций» [3, с. 15]. Изменения в политике Японии он связывает с усилением влияния на политику военной партии и создавшуюся, в связи с этим, гипертрофию в расходах на усиление армии и флота [3, с. 15].

Корреспондент из Берлина, С.Д. Боткин в письме В.А. Маклакову от 28 февраля 1934 года сообщает, что после выхода Германии из Лиги наций германское правительство предложило прекратить свою работу берлинскому представителю международного нансеновского бюро по беженцам. Из частного разговора с лицом из министерства иностранных дел он «узнал, что для германских властей представительство ЛН (Лиги наций) является уже «пустым местом» [3, с. 40].

Е.В. Саблин, бывший царский поверенный в делах в Лондоне письмом от 20 марта 1934 года пересказывает Маклакову вызвавшую интерес в политических и дипломатических кру-

гах статью британского публициста Малькольма Маггериджа «Германия, Россия и Япония», опубликованную в ежемесячнике «Девятнадцатое столетие». Во вступлении Маггеридж говорит о том, что «вошедшая в моду система коллективных перестрахований в международной политике не внушает доверия, что женеvское учреждение – Лига наций – служит лишь внешним прикрытием исконной эгоистической политики интересов отдельных стран, тогда как судьбы их направляются по-прежнему тайными переговорами и соглашениями в кулуарах...» [3, с. 47–48].

Также Маггеридж в статье предполагает вступление советского правительства в Лигу наций. По его мнению, «под давлением угроз со стороны Японии и Германии, вышедших из Лиги наций, советское правительство надеется найти какую-то поддержку со стороны этого учреждения, которое ныне само утратило всякий авторитет» [3, с. 52]. Автор пересказываемой статьи считал, что «Лига наций едва ли могла бы оказать реальное противодействие Германии, когда та будет вооружена, а это будет уже довольно скоро» [3, с. 53].

Е.П. Демидов в письме В.А. Маклакову из Афин 10 апреля 1934 года констатирует: «Недоверие между странами наряду с тяжкими ударами, нанесенными престижу Лиги наций, роковым образом приводят обратно к старым довоенным приемам, к образованию новых группировок и политических сочетаний под личиной экономического оздоровления, к заключению союзов, тайных договоров и военных конвенций» [3, с. 72]. Он мало сомневается в нарушении условий Версальского договора со стороны Германии и рекомендует Франции «пойти на мировую, пока не поздно, и на долгое время урегулировать взаимоотношения» [3, с. 72].

Маклаков 27 апреля 1934 года сообщает Саблину о возможном принятии большеvистского правительства в Лигу наций осенью того года. Маклаков обосновывает эту инициативу опасностью польско-германского союза против СССР: «большеvики хотят туда поступить не столько из-за желания взорвать Лигу наций, сколько ища помощи; они меньше боятся японской опасности, чем польско-германской» [3, с. 88]. При этом, «они понимают, что реальной помощи они ни от кого не получают...», но всё же рассчитывают, «что защиту себя против нападений они могут все-таки получить из Лиги наций и что Польша не решится бросить всем вызов, если бы даже ответом на это было одно моральное осуждение» [3, с. 88].

Саблин в ответном письме Маклакову 30 апреля 1934 года, говоря об отношении британских политических деятелей к Лиге наций, резюмирует: «В дееспособности Лиги наций здесь разочаровались» [3, с. 91]. По его утверждению, главным недостатком Лиги в Великобритании считали «состояние в ней на началах равноправия элементов слишком различных, неравноценных и неравносильных, которые часто являются совершенно безответственными и даже незаинтересованными в принимаемых ими решениях» [3, с. 89].

Рассмотрев вышеуказанные эпистолярные материалы, можно сделать вывод о том, что в данный конкретный период международная организация Лига наций имела низкий авторитет как в среде бывших царских дипломатов, так и в политических кругах указанных стран.

По мнению бывших царских дипломатов, Лига наций как институт коллективной безопасности, разоружения, урегулирования споров между странами путём дипломатических переговоров не подтвердила свою эффективность, лишь формально сохраняя свой статус.

Для получения полной свободы действий в проведении своей экспансионистской политики Япония, а затем и Германия прекратили своё членство в Лиге. Эти события и последующее за ними складывание военно-политического блока Великобритании и Франции в противовес союзу Германии и Италии (с присоединившейся потом Японией) можно считать началом крушения Версальской системы международных отношений. Обладающие богатым профессиональным опытом, дипломаты российской школы были одними из первых кто ощутил эти изменения в силу того, что внимательно следили за развитием ситуации в странах своего пребывания.

Список литературы и источников

1. Богатенко Р. В. Советская разведка о гитлеровских планах в отношении Польши и позиции Запада (весна 1939 г.) / Р. В. Богатенко, С. В. Фоменко // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. – 2014. – № 2(2). – С. 50-68.
2. Миронова Е. М. Создание Совета послов Русского Зарубежья. 1921 год / Е. М. Миронова // Новая и новейшая история. – 2016. – № 2. – С. 180-189.
3. Чему свидетели мы были... Переписка бывших царских дипломатов:1934–1940: Сборник документов в двух книгах. Книга первая: 1934–1937. – М.: Гея, 1998. – 562 с.
4. Чернов О. А. Мирные договоры и проблемы международной безопасности: концепция Н. В. Чарыкова / О. А. Чернов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. – 2018. – Т. 18. – № 3. – С. 290–294. – DOI 10.18500/1819-4907-2018-18-3-290-294P.

Nikita A. Murzakov

*Samara State University
of Social Sciences and Education*

Problems of international security in the epistolary heritage of the Russian emigration

Abstract. The article studies the views of former Tsarist diplomats in emigration to the international organization League of Nations. Based on the analysis of private correspondence of members of the Council of Ambassadors with the chair of the Council V.A. Maklakov in 1934, the author evaluates the influence of the League of Nations as an institution of international security during interwar period.

Key words: diplomacy, Russian emigration, Council of Ambassadors, V.A. Maklakov, the League of Nations.

ШКОЛА КАК ПЛОЩАДКА ДЛЯ ПРОПАГАНДЫ АТЕИЗМА И АНТИРЕЛИГИОЗНОЙ ПРОПАГАНДЫ В 1920-Е ГГ. (НА МАТЕРИАЛАХ САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Аннотация. Религиозный вопрос остро встал в СССР с самого начала установления советской власти. Государству было необходимо создать «нового», свободного от религиозных предрассудков человека и гражданина, привить ему новые идеалы и жизненные ориентиры. Система образования стала одной из площадок по распространению антирелигиозной пропаганды и атеизма среди самых юных членов советского общества. На школьников, чьи умы легко адаптировались к смене курса и не имели религиозного опыта в прошлом, власть делала большую ставку при разработке своего антирелигиозного курса. Данное исследование, посвященное изучению механизмов этой работы в школах, является крайне важной задачей при разработке проблемы взаимоотношения религии и власти в советской России на пути ее становления.

Ключевые слова: школа, религия, власть, антирелигиозная пропаганда, атеизм, Самара.

Система образования в начале становления советской власти претерпевало различные метаморфозы, однако главной целью образования и просвещения в начале 1920-х гг. было – не только бороться с неграмотностью и отсталостью, но также внедрить идеологию и новые ценности материализма в умы советской молодежи, избавить их от «религиозных предрассудков», традиций прошлой жизни. Школы стали одними из главных орудий культурной трансформации. В 1920-е гг. эта ступень образования еще не стала использоваться как площадка для пропаганды атеизма, оставаясь «неформальным каналом» создания негативного образа традиционных религиозных ценностей. Как писал Гуров: «Коммунистическое воспитание молодежи являлось составной частью всей идеологической работы, так как определяло по мнению партии, будущее развитие страны. Этот процесс был невозможен «без преодоления религиозных взглядов и утверждения атеистических воззрений на окружающий мир» [3, с. 36]. Пути антирелигиозной работы в школе советская власть в начале 1920-х видела в следующих аспектах. Во-первых, увязать основы антирелигиозного воспитания с предметами и школьной программой. Школьники должны были уяснять негативную роль религии практически на каждом из уроков. Во-вторых, развенчивать религиозные мифы и вместо этого увлекать учащихся естественными науками, давать ответы на простые вопросы. Это было особенно важным в деле воспитания молодого поколения, тем более в школе закладывались основы миропонимания. Так, как говорила Н.К. Крупская: «В деле разрешения всяких предрассудков, суеверий и религиозности в том числе ничто так радикально не действует, как

привычка добираться причины явлений. Если мы всерьез хотим вести антирелигиозную пропаганду, мы должны поставить на должную высоту преподавание естествознания» [2.с.36].

Далее, если продолжить говорить о необходимых аспектах, нужно выделить, что необходимым было воздействие на эмоциональную сферу школьников; стараться привлечь учащихся на борьбу с религией, сделать из них «активных борцов антирелигиозного фронта» [2, с. 29]; проводить работу с родителями и учителями; открывать антирелигиозных кружки. Программа этих кружков могла варьироваться, но основные темы закреплялись на общем уровне. Так, Н. Амонесов выделяет следующие возможные темы для обсуждений: «почему мы боремся религией?», «религия и наука», «как произошла вера в бога?», «христианство и его происхождение»; «религия на службе капитализма»; «религия и социалистическое строительство». Особо важное место в антирелигиозной работе среди школьников занимало создание уголка юного безбожника. Оформленный в общей стенгазете, он позволял «разоблачать деятельность местных религиозных организаций, освещать работу местного Союза Безбожников, ячеек СБ и антирелигиозного кружка, вскрывать религиозные факты из школьного быта в жизни» [2, с. 64]. Также выпускались специальные выпуски газет к религиозным праздникам. Наряду с этим, также, как и в организации антирелигиозной кампании у взрослого населения, со школьниками было необходимо организовывать доклады, беседы, вечера вопросов и ответов, безбожные лотереи и художественные вечера. Одной из самой употребительной формой организации данных мероприятий считались «...лекции с диапозитивами и вечера световых картин» [2, с. 64]. Отдельным шагом советской власти по внедрению антирелигиозной работы среди молодежи стал сбор информации и статистических данных, касающихся крестьянства. Директивные и инструктивные указания ЦК РКСМ, методические разработки, планы культурно-просветительской работы в деревне в 1924 г. показывают, что при обследовании культурного состояния различных районов, Народный комиссариат Просвещения в числе других вопросов, исследовал религиозную сторону дел. Так, при анализе педагогической работы в школах по Самарской губернии нужно было прояснять, в какой форме велась антирелигиозная работа, какое отношение к ней было крестьянства [1.Д.458.л.3.Об.].

Важным пунктом, который считался необходимым условием проведения антирелигиозной работы среди самого юного населения губернии, являлось создание малых и больших централизованных организаций, которые являлись бы прообразами основных ячеек. Так, выдвигались пожелания создать группу юных безбожников, в задачу которых входило бы проведение всей клубно-кружковой работы в рамках школы. Организовывать ее должна была комиссия, состоящая из «учителя безбожника, пионервожатого, представителя комсомола и самих учащихся. Группа юных безбожников получает все указания от местной организации Союза Безбожников и проводит их в жизнь» [2, с. 66]. Не менее важным в целях реализации централизованной работы среди школьников, было организовать форпост юных пионеров, звено которого будет равноценно ячейке Союза воинствующих безбожников. Наиболее сильно антирелигиозная работа в школах проводилась в 1923-1924 гг., однако к 1925 г. школы постепенно отказывались от нее. Причинами послужил и сокращение антирелигиозной

работы по линии комсомола, ввиду неудачных попыток проведения безбожных карнавалов в преддверии религиозных праздников, а также выпуска специального методического письма «О безрелигиозном воспитании в школе» [2, с. 24], которое было понято руководством школ как призыв к отходу от бурной антирелигиозной деятельности в стенах учебных заведений.

При оценке работы комсомольских организаций в рамках антирелигиозных кампаний по Самарской губернии, стоит выделить два предлагаемых способа действия: усиление культурной работы, заключающуюся в отвлечении молодежи от вступления в ряды религиозных кружков и организаций, путем их переманивания на свою сторону; воздействия на молодежь путем индивидуальной агитации и работы с каждым конкретным сомневающимся человеком [1.Д.1213.л.70]. По докладу товарища Петровского о состоянии и дальнейших перспективах антирелигиозной работы по первому району ВЛКСМ (1928 г.) в Самарской губернии были отмечены результаты антирелигиозной работы. Бюро Райкома, заслушав доклад Петровского, отмечал, что проводимая антирелигиозная работа в первом районе ВЛКСМ была «недостаточна и не системна» [1.Д.1245.л.37], что характеризовалось периодической работой части ячеек, а также отсутствием сил и времени для этой работы. Однако то же бюро Райкома отмечало повышенный интерес со стороны молодежи к Союзу воинствующих безбожников, к естественным наукам и организации антирелигиозных кампаний. Среди указаний к работе ячеек в этой области по докладу отмечалось следующее: должно быть улучшено качество культурно-массовой работы, так как проводить ее следовало по новым формам и методам, с выполнением реальных запросов рабочей молодежи; следовало проводить в клубах и секциях докладов и лекций, причем используя при этом «волшебный фонарь» на темы – «происхождение религии, Христа, Бога и т.п.» Все лекции должен был оплатить Райком ВЛКСМ. Важным пунктом программы считалось выявление при местных ячейках СВБ секций молодежи, и степень их участия в антирелигиозных мероприятиях, а затем через эти же секции вовлекать молодое поколение в СВБ. Всем ячейкам ВЛКСМ на основе этих практических указаний следовало заняться систематической антирелигиозной работой среди молодежи.

Таким образом, молодежь советской России активно участвовала в претворении в жизнь новых экспериментов по смене идеологического курса от религиозных традиций к коммунистическому воспитанию. На самой первой ступени образования в начале 1920-х гг. школьники должны были постепенно усваивать основы естественных наук, заменяя религиозное мировоззрение на безрелигиозное и даже атеистическое. Кроме этого, школа должна была внедрять антирелигиозные ценности в повседневные практики школьной жизни и обеспечить участие самых юных граждан СССР в антирелигиозной работе. Комсомол в свою очередь занимал главную позицию в организации антирелигиозных мероприятий и на него партия возлагала большие надежды. Самарская губерния находилась в общем со всей страной в русле безбожной работы среди молодежи и является показательным примером организации антирелигиозных мероприятий в крупной провинциальной центре Среднего Поволжья.

Список литературы и источников

1. Самарский государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф.53. Оп.1. Д.458; Д.1213; Д.1245.
2. Антирелигиозная пропаганда // Антирелигиозное воспитание в школе / под ред. А.Т. Лукачевского. Сборник №1. М.: Безбожник, 1929.
3. Гуров. Ю.С. От безразличия к убежденности. Актуальные проблемы атеистического воспитания молодежи. Чебоксары, Чувашское книжное издательство, 1982. 112 с.

Alina V. Protasova

Samara National Research University

The school as a platform for the promotion of atheism and anti-religious propaganda in the 1920s. (based on the materials of the Samara province)

Abstract. The religious issue became acute in the Soviet Union from the very beginning of the establishment of Soviet power. The government needed to create “new” people and citizens free from religious prejudice, to induce them new ideals and life orientations. Educational system was employed as a platform for spreading anti-religious propaganda and atheism among youngest members of the Soviet society. Developing anti-religious agenda, the government counted much on school children, whose minds easily adapted to the change of agenda and had no religious experience. The present article dedicated to research of mechanisms of such work at schools is important task in developing the issue of the relationship between religion and power in the Soviet Russia.

Keywords: school, religion, government, anti-religious propaganda, atheism, Samara.

УДК 94(47).084.6

Алексеев Е.В.

*Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева*

САМОПРЕЗЕНТАЦИЯ СОВЕТСКОСТИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНТАКТОВ В 1920-1930-Е ГГ.

Аннотация. В статье анализируются отношения СССР со странами Запада в 1920-1930-е гг., рассмотрена роль государственных и общественных организаций на пути установления международных контактов, а также выявлены особенности взаимодействия советских граждан с иностранцами и формы репрезентации «себя».

Ключевые слова: СССР, труд, командировка, идентичность, гражданин.

В 1920-1930-е гг. происходила одновременная персонализация и деперсонализация советской личности. Стирались границы между «я» и миром. Но при этом культивировалось четкое различие себя от «других». Возникают совершенно новые категории такие как – коммунист, гражданин СССР, рабочий. С помощью введенных в оборот категорий мы можем

проследить то, как человек репрезентует себя вовне, по каким характеристикам в качестве сознательного субъекта и через что он добивается признания. Формируя новые виды диалогических отношений с другими мы можем определить его основные характеристики и понять систему его ценностных ориентиров, а также пути формирования его идентичности [3].

В советской столице в первой половине 1920-х гг. были созданы новые учреждения, которые специально предназначались для организации зарубежных связей. Постановлением Президиума ВЦИКа 23 марта 1922 г. был создан Особый комитет по организации заграничных артистических турне и художественных выставок. Вскоре было принято решение о том, что визы на въезд иностранных художников и артистов в Советскую Страну так же, как и на выезд советских за рубеж, должны выдаваться только по решению Особого комитета. Этим самым были в значительной степени пресечены попытки сколачивать артистические группы, минуя советские государственные организации, а также посылать в СССР людей с реакционными взглядами [2].

В октябре 1923 г. в Москве была создана Комиссия заграничной помощи (КЗП) при ЦИК СССР, начав с объединения всех видов организаций иностранной помощи по ликвидации последствий голода, она в 1924 г. шире развернула работу по установлению международных культурных связей. Среди органов, состоявших при КЗП, были Объединенное информационное бюро (ОБИ), Бюро по книгообмену, Рус-фото. ОБИ имели свои представительства в 21 стране, установило контакт почти со всей Европой, а также США, Китаем, Ираном, Афганистаном.

После образования Советского Союза уже к 1925 г. был достигнут серьезный рост международных отношений. Было образовано Общество культурной связи с границей. К ВОКС перешел весь комплекс работы по научно-культурному обмену, который ранее вели другие организации, ликвидированные к этому времени [1]. ВОКС устраивало «вечера сближения» с отдельными странами при участии видных зарубежных гостей, обслуживало иностранцев. В составе ВОКС были сформированы отраслевые секции, каждая из которых отвечала за свой сектор научно-культурного обмена.

Академия наук командировала за рубеж своих ученых. В период с 1921 по 1925 г. было отправлено за границу 94 ученых и 36 академиков [2]. Наркомпрос РСФСР организовал в период с 1922 по 1923 гг. 225 зарубежных поездок научных работников, а в 1924 г. было организовано 83 зарубежных поездки. Возможность советских ученых, профессоров и академиков обмениваться научной мыслью с коллегами из зарубежных государств, вести исследовательскую работу не только в своей стране, но и за ее пределами была серьезным завоеванием СССР. Такое сотрудничество играло важную роль в развитии внешних связей Страны Советов, а также укрепляло ее мировые позиции.

При ВСНХ в 1920-е – 1930-е гг. работал научно-технический отдел, на который было возложено всестороннее ознакомление РСФСР с европейской и американской техникой и установление контактов и обмена научными ценностями между русскими и иностранными научными и техническими учреждениями и обществами, а также издание литературы, как в СССР, так и за границей, ее приобретение и распределение.

В 1920-е гг. СССР переживал бурный и сложный процесс творческого роста. Международный культурный обмен – важнейший процесс взаимодействия и взаимообогащения культур народов мира, способствующий прогрессу человеческой цивилизации на протяжении

многих веков [9]. В исследуемый период перед советскими научными деятелями, творческой элитой, командированными специалистами, рабочими в цехах, которые находились в непосредственном контакте с представителями капиталистического мира, первоочередной задачей стояла пропаганда положительного образа СССР среди самых разных зарубежных кругов. Помимо создания положительного имиджа Страны Советов, культурный обмен был нацелен на изучение и использование различных полученных знаний, как в области производства, так и в области культуры и науки. Инкарнированность человека во внешние события, в мир – он обнаруживает и открывает себя другим. Все его действия в таких обстоятельствах раскрывают его сущностные характеристики.

Однако кроме согласованного «свыше» и идеологически сконструированного взаимодействия советских граждан с границей, немаловажным представляется нам аспект самопрезентации советскости через производственные контакты с иностранцами.

Затрагивая данный аспект, необходимо отметить, что вопрос выезда за границу контролировался очень строго. А кандидаты для заграничных поездок отбирались очень тщательно. К примеру, под грифом секретно заведующий Орготдела ГК ВКП (б) сообщает о выборе партийца товарища Д.А. Климова, стаж в партии которого с 1917 г., общее образование он получил домашнее, а специальное – военная автомобильная школа, а также тракторная школа завода Форда в Америке (эту строку в учетной карточке получил, соответственно, уже после поездки) [5]. Накануне поездки за границу в 1925 г. занимал должность Самарского Отдела Госсельсклада Заместитель Заведующего Губернского Отдела, техническое руководство тракторного дела. Кандидатура Климова оказалась соответствующей требованиям командировки от Госсельсклада. Собрав полное досье и пройдя тщательную проверку личности, кандидат Климов был утвержден для поездки в США. А вот к примеру вопрос о заграничной командировке инженеров завода Масленникова И.Я. Елисеева и С.А. Фенстера решался пять лет (с 1929 по 1936 гг.) [6]. Только кандидаты, транслировавшие «правильный» образ советского человека, имели возможность познакомиться с «большим» миром и показать себя ему как гражданина Советского Союза.

Проблематика самопрезентации хорошо раскрывается при обращении к воспоминаниям иностранцев, столкнувшихся и познакомившихся с советским человеком в исследуемый период. В ежедневной газете «Рабочая Самара» от 2 сентября 1930 г. вышла статья с названием «За порядок, дисциплину, чистоту (Самара – глазами немецкого рабочего)». В ней описывается рабочий день советского человека глазами германских товарищей по труду, где отмечены положительные и отрицательные стороны советского рабочего. По воспоминаниям иностранцев мы можем определить и выделить следующие значимые черты Homo Sovieticus: несмотря на взятый официально правящей партией курс на режим строгой экономии, мы видим безхозяйственность в полной мере, несмотря на коллективизм и борьбу за максимально-большие показатели в пятилетках – простому рабочему, зачастую выходящему из деревни, не было дела до этой борьбы. Советского рабочего на своем рабочем месте не волнует вопрос «правильной» самопрезентации, он ориентирован на себя самого, на свои чувства и свои переживания, отодвигая переживания за общее дело на задний план. При этом жажда учиться берет свое начало в системе стимулирования работников, так как отправка рабочих в командировки, на курсы повышения квалификации или курсы изучения языков – все это было частью премий и поощрений трудящихся.

Таким образом, вопрос самопрезентации советскости находился под пристальным контролем государства. Только правильно «маркированный» образ строителя социализма мог быть представлен на всеобщее обозрение. Этот образ должен был соответствовать задачам, стоявшим перед государством, он должен был быть воодушевленно настроенным на свершения и подвиги, должен быть патриотом и переживающим за судьбу своего отечества, должен рефлексировать и откликаться на каждую «просьбу» и постановление государства. Быть не просто атомизированным безынициативным деятелем труда, а инициативным осознанным двигателем экономического прогресса, именно он своим трудом преобразовывал страну и самого себя, подгоняя «время вперед».

Список литературы и источников

1. Анатшева И.А. Роль всесоюзного общества культурной связи с границей в развитии международного сотрудничества СССР, 1925-1939 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1994.
2. Иоффе А.Е. Международные связи Советской науки. М., 1975.
3. Павлова О.Н. Идентичность: история формирования взглядов и ее структурные особенности // <http://pavolga.narod.ru/identity.html>.
4. Рикер П. Повествовательная идентичность. URL: <http://www.philosophy.ru/library/ric>.
5. СОГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 899. Л. 1, Л. 1 (об), Л. 3, Л. 4, Л. 5, Л. 6, Л. 7, Л. 8, Л. 9, Л. 10, Л. 10 (об), Л. 11, Л. 11 (об), Л. 12, Л. 13, Л. 14; Ф. 1. Оп. 6. Д. 257. Л. 28, Л. 28 (об).
6. СОГАСПИ. Ф. 714. Оп. 1. Д. 416. Л. 88 (об).
7. Трубина Е. Г. Рассказанное Я: Проблема персональной идентичности в философии современности. Екатеринбург, 1995.
8. Фицпатрик Ш. Срывайте маски!: Идентичность и самозванство в России XX века / Пер. с англ. Л. Ю. Пантиной. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011.
9. Фокин В. И. Международный культурный обмен и СССР в 20 - 30-е годы. СПб., 1999.
10. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб., 1994.
11. ЦГАСО. Ф. Р-171. Оп. 19. Д. 317. Л. 1, Л. 1 (об).

Elena V. Alekseenko

Samara National Research University

Self-presentation of Sovietness through the prism of international contacts in the 1920s-1930s.

Abstract. The article analyzes the relations of the USSR with western countries during 1920-1930 and the role of state and public organizations in establishing international contacts. The author reveals the features of the Soviet citizens' interaction with foreigners and forms of self-representation.

Key words: USSR, labour, business trip, identity, citizen.

**МУЖСКОЙ ОБРАЗ В ГОРОДСКОЙ МЕМОРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ
СЕВЕРНОЙ ИРЛАНДИИ (1969-1998 ГГ.)**

Аннотация. В статье рассматриваются особенности репрезентации мужчин и «мужского» в контексте сюжетов памятников, относящихся к городской мемориальной культуре Северной Ирландии (1969-1998 гг.). Автор изучает содержание мемориальных объектов, составляющих основу источниковой базы исследования и делает вывод о существовании прямой связи между транслируемыми радикальными организациями положениями и характером отображения гендерных ролей в рамках коммеморативных практик.

Ключевые слова: Ольстерский конфликт, мемориальная культура, городское пространство, маскулинность.

Ольстерский конфликт 1969-1998 годов характеризовался ситуацией всестороннего влияния идеологии, транслируемой радикальными юнионистскими и республиканскими группами, на жизнь и самоидентификацию населения Северной Ирландии – как католического, так и протестантского. Одним из способов трансляции положений этой идеологии являлась постоянная актуализация исторической памяти жителей шести графств Ольстера, к основным агентам формирования и сохранения которой можно отнести мемориальную культуру, и, как следствие, городские мемориальные объекты.

Городские памятники, посвященные событиям 1969-1998 гг., содержали тексты и сюжеты, прямо указывающие на вину той или иной стороны в конфликте или оправдывающие действия какой-либо из противоборствующих сил. В условиях городской среды подобные объекты являлись постоянной составляющей жизни человека и не могли не оказывать влияния на историческую память и самоопределение населения. В связи с этим представляется целесообразным рассмотреть гендерных норм североирландского общества, отображенных и одновременно создаваемых сюжетами данных памятников, как одного из наиболее малоизученных аспектов Ольстерского конфликта.

Многие муралы, памятные доски и мемориалы характеризуются явным милитаризованным триумфализмом и «обвинительным» характером по отношению к идеологическим противникам. По мнению большинства исследователей, в Северной Ирландии в ситуации конфликта происходило слияние националистических настроений с идеями милитаризованной маскулинности [1, с. 78; 2, р. 126; 4, р. 76]. Это закономерно нашло отражение в коммеморативных практиках, и, в частности, в сюжетах городских памятников.

Показательным является тот факт, что самым распространенным мужским образом в сюжетах объектов мемориальной культуры городов Северной Ирландии являлся мужчина-герой, патриот своей страны, защитник своей общины. В первую очередь к данной категории можно отнести памятники, посвященные участникам вооруженной борьбы. Они характери-

зовались использованием сюжетов, направленных на то, чтобы уравнивать борьбу против идеологических противников и защиту страны от внешней угрозы. Активное участие в конфликте оценивалось в рамках предлагаемой ценностной системы как действие, однозначно, героическое. Подчеркивалось главенство коллективного, идеологического над личным. Даже косвенная причастность мужчины к деятельности радикальных группировок оказывалась наиболее значимой вехой в его жизни, личностной характеристикой [3].

Определение массовым сознанием роли защитника как одной из наиболее предпочтительных форм самореализации для мужчины было связано с тем, что Северная Ирландия на протяжении всей второй половины XX века сталкивалась с последствиями нерешенности ирландского вопроса в целом. Страх протестантов-юнионистов перед республиканским движением и тесно связанной с ней католической общиной строился на предположениях о возможности включения шести графств Ольстера в состав Ирландской республики, а также на прямой угрозе насилия со стороны ИРА и иных условно прокатолических организаций [7, р. 10]. В это же время католическое население видело в качестве основной угрозы перспективу усиления существующей дискриминации со стороны протестантского большинства, а также вероятность антикатолических погромов, террористических актов [8, р. 341]. Цель мужчины-защитника, соответственно, определялась обществом как отстаивание интересов страны, народа и религиозной общности через вооруженную, политическую и иную форму борьбы с врагом, нарушающего эти интересы.

В то же время роль защитника наиболее предпочтительной для мужчины провозглашала пропаганда, осуществляемая организациями радикального толка. Для мобилизации населения юнионистские и республиканские группы использовали риторику, которая строилась на эксплуатации описанных выше массовых страхов, дополненных призывами к конкретным действиям, обращенным, прежде всего, к мужчинам. На уровне лексики и создаваемой символической системы происходило резкое сближение понятий «мужчина» и «патриот», нормативная мужественность в результате подобного воздействия на сознание населения срачивалась с идеологией национализма, идеями вооруженной борьбы [6, р. 338].

Противоположностью мужчине-защитнику являлся образ мужчины-врага, существовавший в двух формах. Некоторые памятники использовали образ врага, призванный внушать зрителям страх, все детали изображений указывали на силу, жестокость врага и прямую опасность, исходящую от него. Второй тип образа врага, используемого в сюжетах мемориальных объектов, характеризовался концентрацией в нем черт, которые можно отнести к категории «отвратительного». Это проявлялось, к примеру, в упоминании на памятных досках виновников конкретных убийств как «трусов», гротескном изображении идеологических противников [9]. Подобное представление врага было, вероятно, направлено на легитимизацию борьбы и насилия через дегуманизацию противника, в том числе с помощью постановки акцента на несоответствие собирательного образа идеологического врага положениям нормативной маскулинности: трусость, выбор заведомо более слабого, чем он сам противника – женщины.

Важно отметить, что ни один тип мужских образов, используемых в сюжетах памятников мемориального характера в период конфликта 1969-1998 годов не оказывался в категории пассивных участников конфликта. Каждый мужчина, вне зависимости от того, являлся ли он в действительности активным участником межобщинного противостояния, характери-

зовался как таковой. Подобные практики не только подкрепляли нормативность военизированной маскулинности, но и углубляли травму семей погибших гражданских лиц.

К отдельной группе мужских образов в мемориальной культуре Северной Ирландии можно отнести образы исторических деятелей, которые, ввиду героизации, выступали символическими моделями образа мысли, поведения для мужчин из соответствующих католических образов, во многом ввиду уже упомянутого ранее сращения нормативной мужественности и патриотизма. Подобная направленность характерна и для образов мифологических персонажей, встречающихся в сюжетах памятников мемориального характера. Фактически, герои ирландского эпоса представляли собой персонификацию тех мужских качеств, которые признавались наиболее положительными, соответствующими нормативной гендерной картине, испытывающей существенное влияние со стороны милитаристской пропаганды и действительных условий вооруженной межобщинной борьбы как таковой.

Таким образом, сюжеты объектов мемориальной культуры в Северной Ирландии представляли мужчину, прежде всего, активным участником конфликта – защитником своей родины, общины, семьи или врагом. Даже коммеморативные практики, связанные с поминовениями погибших в ходе конфликта мужчин из числа гражданского населения, были связаны с их героизацией, включением в категорию борцов за идеалы той или иной ценностной системы, политической доктрины. Патриотизм оказывался основным положительным качеством мужчины, фактически эти понятия становились синонимичными, что дополнялось превращением политических взглядов человека, участия в деятельности республиканских и юнионистских групп в основную часть его биографии, что ярко отражалось в содержании городских памятников мемориального характера. Сюжеты муралей, мемориальных комплексов, памятных досок не только демонстрировали существование тенденции к рассмотрению радикальными группами и широкими массами любого мужчины как потенциальной боевой единицы – «своей» или вражеской, но и ретранслировали эти настроения в общество, тем самым укрепляя положение милитаризованной маскулинности в сознании населения Северной Ирландии.

Список источников и литературы

1. Кокберн С. Пространство между нами. Обсуждение гендерных и национальных идентичностей в конфликтах. М.: Идея-Пресс, 2002.
2. Bairner A. Masculinity, Violence and the Irish Peace Process – Capital and Class, vol. 23, issue 3.
3. Carrick Hill Memorial Garden / CAIN Web Service - Conflict and Politics in Northern Ireland [Электронный ресурс] URL: <https://cain.ulster.ac.uk/cgi-bin/AHRC/monuments.pl?id=443> (дата обращения: 15.05.2021).
4. Edgerton L. Public protest, domestic acquiescence: Women in Northern Ireland// Caught up in conflict: Women's responses to political strife, ed. by R. Ridd & H. Callaway. London: Macmillan Education, 1986.
5. McCormick J. A Directory of Murals in Northern Ireland// CAIN Web Service - Conflict and Politics in Northern Ireland [Электронный ресурс] URL: <https://cain.ulster.ac.uk/mccormick/photos/no19.htm#photo> (Дата обращения: 26.02.2021).

6. McDowell S. Commemorating dead 'men': gendering the past and present in post-conflict Northern Ireland – *Gender, Place & Culture*, 2014, vol. 15(4).

7. Moore R., Sanders A. Formations of Culture: Nationalism and Conspiracy Ideology in Ulster Loyalism – *Anthropology Today*, 2002, vol. 18. No 6.

8. Todd J. Northern Ireland: a multi-phased history of conflict, a multi-levelled process of settlement — *Nationalism and Ethnic Politics*, 2009, no 15.

UVF Plaques and Mural (Ballysillan Road) // CAIN Web Service – Conflict and Politics in Northern Ireland [Электронный ресурс] URL: <https://cain.ulster.ac.uk/cgi-bin/AHRC/monuments.pl?id=675> (Дата обращения: 16.05.2021).

Daria A. Afanasyeva

Samara National Research University

Images of men in the Northern Ireland's memorial culture (1969 – 1998)

Abstract. The article analyzes representation features of men and male in the context of monuments of urban memorial culture of the Northern Ireland (1969-1998). The author researches the content of memorial objects underlying the source of the study and concludes that there is a direct link between concepts evinced by radical organizations and nature of the representation of gender roles in the context of commemorative practices.

Keywords: the troubles, memorial culture, urban space, masculinity.

УДК 94 (470)

Абрашкин С.Н.

*Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОЗИЦИЯ ГУБЕРНАТОРОВ ПОВОЛЖЬЯ В ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОМ И ФИНАНСОВОМ КРИЗИСЕ 1998 ГОДА В РОССИИ (НА МАТЕРИАЛАХ САМАРСКОЙ И САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТЕЙ)

Аннотация. В статье рассматривается роль и реакция губернатора Самарской области К.А. Титова и губернатора Саратовской области Д.Ф. Аяцкова на события правительственного и финансового кризиса 1998 года. Уделено внимание антикризисным мерам, которые были приняты губернаторами после дефолта в своих регионах.

Ключевые слова: губернатор; дефолт; премьер-министр; антикризисные меры; Б.Н. Ельцин; Д.Ф. Аяцков; К.А. Титов.

Экономическая ситуация в России в начале 1998 года оставалась тревожной. Влияние Азиатского финансового кризиса 1997 г., крайне низкая собираемость налогов и стремительное падение цен на нефть привела к катастрофической ситуации для бюджета страны. Осознавая необходимость перемен, президент Б.Н. Ельцин в марте 1998 года отправляет в

отставку правительство под руководством В.С. Черномырдина и назначает исполняющим обязанности председателя правительства С.В. Кириенко [1, л. 235]. 23 апреля 1998 г. он становится премьер-министром, и именно его кабинету необходимо было разрабатывать комплекс мер по борьбе с экономическим кризисом [9, с. 387-389].

Неожиданная отставка В.С. Черномырдина и назначение нового премьера нагнетали опасения участников рынка и инфляционные ожидания. Попытки получить заимствования на внешнем рынке западные инвесторы расценивали как признак приближающейся катастрофы, что приводило к оттоку капиталов [5, с. 497].

Были напряженными и взаимоотношения между Центром и регионами, так как они делили между собой одни и те же налоговые источники, что создавало постоянное напряжение во всей системе федеративных отношений.

К концу 1990-х гг. воссозданный институт губернаторства стал играть одну из важных ролей в политической жизни страны, а губернаторы регионов становились опорой, на которую Федеральный центр и президент страны могли рассчитывать при проведении курса демократических реформ [8, с. 315].

В данной статье мы рассмотрим, как отреагировали на правительственный и финансовый кризис губернатор Самарской области К.А. Титов и губернатор Саратовской области Д.Ф. Аяцков. Выбор данных политиков не случаен: в конце 1990-х гг. они являлись яркими и заметными фигурами в губернаторском корпусе России, и были приближены к президенту страны. Также мы выделим ряд антикризисных мер, которые были приняты губернаторами после дефолта в своих регионах.

Итак, 17 августа 1998 г. было объявлено о фактическом банкротстве страны. Центральный банк отказывался выполнять обязательства по государственным краткосрочным обязательствам. Торги по государственным ценным бумагам были остановлены. Были введены ограничения на осуществление валютных операций для отечественных инвесторов. 23 августа правительство С.В. Кириенко было отправлено в отставку [5, с. 499].

Б.Н. Ельцин вновь вернулся к назначению кандидатуры В.С. Черномырдина на пост премьера, однако Государственная Дума воспротивилась этому решению. Среди губернаторов К.А. Титов оказался тогда наиболее решительным противником возвращения В.С. Черномырдина на премьерское кресло: «Мое выступление против Виктора Черномырдина было неожиданным только для непосвященных. И раньше неоднократно выступал против того, что делал Виктор Степанович. Он насаждает маниловщину и застой, который будет еще хуже, чем в советские времена. Потому что в условиях рынка позиция «ни вперед, ни назад» очень опасна. Еще один момент-его сближение с Березовским. У Березовского одна идея-качать ресурсы, покупать, продавать. У него нет идеи возрождения России» [10, с. 41].

Не были гладкими и отношения Д.Ф. Аяцкова и В.С. Черномырдина: губернатор Саратовской области по многим позициям активно критиковал премьера, предложив на одном из заседаний партийного блока «Наш дом-Россия» избрать нового лидера вместо В.С. Черномырдина к выборам в Государственную Думу 1999 г. [6, с. 3].

В своём интервью одному из областных изданий К.А. Титов заявил, что на совещание по обсуждению кандидатуры Е.М. Примакова на пост премьер-министра из губернаторов были приглашены он и Д.Ф. Аяцков: «Было закрытое совещание у Б.Н. Ельцина, обсуждали,

что же делать с фигурой премьера. Я сидел молчал, потому что моя позиция уже была известна. Аяцков выступил и по сути сказал то же, что раньше сказал в Совете Федерации я. На совещании были руководители парламентских партий, и Примакова предложил Григорий Явлинский. И мы все с этим предложением согласились в принципе. Ельцин сделал перерыв на два часа, мы походили, погуляли по Кремлю. Собрались снова, Ельцин уже пригласил Примакова. Мы начали задавать ему вопросы и поняли, что предложили его правильно» [2].

Безусловно, что губернаторы активно готовились к выборам в Государственную Думу 1999 г. Губернатор Самарской области К. Титов вышел из рядов партии «Наш дом-Россия» и в начале 1999 г. объявил о намерении группы региональных лидеров, в которую входили двадцать губернаторов и председатели областных и краевых Законодательных собраний, создать собственный избирательный блок на выборах под названием «Голос России» [7]. Д. Аяцков в итоге смог договориться с В.С. Черномырдиным, и на выборах саратовский губернатор шел в первой тройке избирательного списка партии «Наш дом-Россия» [3, с. 559].

В условиях кризисного (после дефолта) состояния экономики губернатор Самарской области Константин Титов прежде всего уделял внимание проблемам экономической и социальной стабильности региона, созданию мощной производственной базы и увеличению привлекательности Самарской области для отечественных и иностранных инвесторов. В 1998 г. общий объем прямых иностранных инвестиций (включая рублевые) в экономику области составил 186 миллионов долларов США [4, с. 26-28].

Губернатор Саратовской области Дмитрий Аяцков еще 5 августа 1998 г. утвердил региональную антикризисную программу и меры по ее реализации. Документ включал в себя пять блоков мероприятий, которые предписывалось выполнить к окончанию года: это расширение и трансформация источников увеличения доходов бюджета; совершенствование фискальной политики; оптимизация расходной части бюджета; повышение эффективности в исполнении расходной части бюджета; упорядочение межбюджетных отношений. Контроль за исполнением намеченного глава исполнительной власти области возложил на себя. Экономика региона в обстановке всероссийского экономического хаоса смогла выстоять [11, с. 366].

Таким образом, финансовый и правительственный кризис 1998 г. имел для губернаторов серьезные политические и экономические последствия. Именно от решений глав исполнительной власти регионов, комплекса принятых мер в многом зависело дальнейшее экономическое положение рассматриваемых областей. Среди политических последствий следует назвать попытку К.А. Титова перейти к собственному партийному строительству с целью продолжить свою карьеру на федеральном уровне.

Список литературы и источников

1. Архив Ельцин центра.Ф.8.Оп.1. Д.8.
2. Гаврюшенко А. Константин Титов: «Президенту «напели», что Титов хочет стать нефтяным магнатом». [электронный ресурс] // Самарское обозрение. URL: <https://oboz.info/konstantin-titov3/> (Дата обращения 29.09.2021).

3. Иванов В. Глава субъекта российской федерации. Историческое, юридическое и политическое исследование (История губернаторов): В 2 т. Т. I. В 2 кн.: История: Кн. I. 2-е изд., испр. и перераб. М.: «Издание книг ком», 2020.
4. Инвестиционный магнетизм Константина Титова // Волга-бизнес. 1999. № 10.
5. Пихоя Р.Г. Москва. Кремль. Власть. Две истории одной страны. Россия на изломе тысячелетий. 1985-2005. Русь-Олимп, Астрель, АСТ, 2007.
6. Политсовет «НДР»: «Когда вожак болен, стая начинает искать другого» // Коммерсант. 1998. 17 ноября.
7. Прибыловский В.В. Избирательный блок «Голос России» // Центр «Панорама». [Электронный ресурс]. URL:<http://www.panorama.ru/works/vybory/party/golos.html>. (Дата обращения 29.09.2021).
8. Спиоров А.С. Эволюция института губернаторства в конце XX - первой половине XXI в. // Молодой ученый. 2012. № 11.
9. Человек перемен: Исследование политической биографии Б. Н. Ельцина / М. Р. Зезина, О. Г. Малышева, Ф. В. Малхозова, Р. Г. Пихоя; Президентский центр Б. Н. Ельцина. М.: Новый хронограф, 2011.
10. Шмаров А. Эскиз политического проекта. Самарский губернатор Константин Титов выступил с инициативой создания предвыборного блока региональных лидеров // Эксперт. 1999. № 5.
11. Энциклопедия Саратовского края: в очерках, событиях, именах/ [Редкол.: А. И. Аврус и др.]. Саратов: Приволж. кн. изд-во, 2002.

Sergey N. Abrashkin

Samara National Research University

**The political position of the Volga region governors
in governmental and financial crises of 1998 in Russia
(based on the materials of the Samara and Saratov regions)**

Abstract. The article examines the role and reaction of the Governor of Samara region Konstantin A. Titov and the Governor of Saratov region Dmitry F. Ayatskov to the events of the government and financial crisis of 1998. The anti-crisis measures taken by the governors after the default in their regions are analyzed.

Keywords: governor, default, prime minister, anti-crisis measures, Boris N. Yeltsin, Dmitry F. Ayatskov, Konstantin A. Titov.

КОНФЛИКТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕРРИТОРИИ: ОПЫТ АНАЛИЗА СИТУАЦИИ В ЮЖНОМ СУДАНЕ И ПРИЛЕГАЮЩИХ РЕГИОНАХ ПОСРЕДСТВОМ ГИС

Аннотация. Долгая история борьбы Южного Судана за независимость от Судана, берущая своё начало в 1950-ых и вылившаяся в две гражданские войны, в конечном итоге привела к появлению нового государства в 2011 году. Однако, почти сразу же вспыхнули противоречия в Южном Судане, которые вызвали гражданскую войну. И хотя основная фаза этой войны закончилась, причины для возобновления боевых действий сохраняются. Целью данного исследования является определение этих причин путём использования геоинформационных систем.

Ключевые слова: Судан, Южный Судан, война в Южном Судане, геоинформационная система, гражданская война в Судане, независимость Южного Судана.

Одними из наиболее продолжительных и кровопролитных конфликтов постколониальной Африки являются конфликты в Южном Судане. Конфликты в Южном Судане разные по своей природе, если первый (1955-2005 гг.) можно охарактеризовать, как борьбу нилотских народов и народов манде, исповедующих христианство и язычество, за независимость от Судана, где проживают арабские племена, исповедующие ислам, то второй конфликт (2013-2020 гг.) является вооружённой фазой борьбой за власть в Южном Судане. Оба данных конфликта мало известны общественности из-за специфики Африканского региона, когда переход любой страны к гражданской войне или начало межгосударственной войны без участия внерегиональных игроков зачастую приводят к превращению конфликтной территории в так называемую «серую зону», что означает отсутствие достаточно освещения в СМИ данного конфликта, которое приводит к практически полному отсутствию информации о происходящем в стране [1, 2].

История борьбы Южного Судана за независимость берёт своё начало ещё во время восстания махдистов в конце XIX века, когда арабские племена Судана попытались отвоевать независимость от Египта. В ходе данного конфликта восставшие также заняли и значительную часть Южного Судана, главным образом вдоль реки Нил, чему сопротивлялось местное население. В итоге восстание было подавлено войсками Великобритании. Впоследствии, после установления протектората Великобритании над Египтом, территория Судана не была разделена по этническому или религиозному признаку, хотя британская администрация всячески противилась усилению элит из северной части колонии в Южном Судане [3].

В августе 1955 года, ещё до предоставления независимости Судану, которое состоялось 1 января 1956 года, началось вооружённое противостояние в южных провинциях Судана.

Местное население опасалось ужесточения политики, которую проводила мусульманская администрация в отношении религиозных меньшинств, доминировавших на юге Судана. Эта гражданская война проходила в 2 фазы. Первый этап продлился с 1955 по 1972 годы, когда Южный Судан смог получить автономию в составе Судана. Однако война возобновилась в 1983 году, когда статус автономии был отменён, и продолжалась вплоть до 9 января 2005 года, когда было заключено мирное соглашение в Найроби. В 2011 году Южный Судан обрёл независимость по итогам референдума.

Получение независимости от Судана, который воспринимался населением Юга, как общий враг, обострило противоречия между различными группами внутри Южного Судана. Второй конфликт в Южном Судане начался в декабре 2013 года, когда президент Южного Судана Салва Киир (Salva Kiir), этнический представитель доминирующей нилотской народности динка, отстранил от службы премьер-министра Риека Мачара (Riek Machar), который является представителем другого нилотского народа нуэр. Премьер-министр отказался подчиняться президенту и возглавил антиправительственные силы. Конфликт продолжался вплоть до 22 февраля 2020 года, когда было заключено мирное соглашение между противоборствующими сторонами, которые сформировали коалиционное правительство. При этом некоторые малочисленные группировки продолжают своё сопротивление в отдельных районах вплоть до настоящего времени. По самым скромным оценкам в ходе борьбы за независимость Южного Судана погибло 2 миллиона человек, в то время как максимальное число жертв могло превысить показатель в три миллиона человек [4]. Значительная часть человеческих потерь приходится не только на боевые действия, но и на голод и болезни, которые обострились во время гражданской войны. Хотя жертв внутреннего конфликта в Южном Судане меньше (приблизительно 400 000 человек), всё же основная фаза данного конфликта длилась чуть больше 6 лет, что значительно меньше в сравнении с гражданскими войнами в едином Судане, которые продолжались на протяжении почти 40 лет [5].

Крайняя пестрота населения Южного Судана по многим показателям превращает страну в благоприятный регион для развития межрелигиозных, межэтнических и прочих конфликтов. Для понимания складывающейся ситуации необходимо выделить основные факторы, которые объясняют природу исследуемого конфликта и могут привести к появлению новых конфликтов, дальнейшей эскалации уже имеющихся. В связи с этим целью данного исследования является выделение подобных факторов и классификация с их помощью территорий Южного Судана по уровню конфликтного потенциала.

Для проведения данного исследования применялась технология геоинформационных систем, позволяющих оценить основные показатели в каждом из регионов государства, а значит и выделить основные факторы, которые способствуют развитию конфликтов [6]. Верификация полученных результатов может быть осуществлена при помощи отчётов международных организаций, которые фиксировали положение дел на фронтах гражданской войны [7, 8]. Наиболее важные факторы должны были лежать в основе гражданской войны, а также и более мелких конфликтов, возникших на данной почве.

Анализ полученных результатов позволит определить в каких регионах Южного Судана наиболее вероятны конфликты по причинам, отражающим один из факторов, так и по их совокупности. Для верификации полученных результатов может быть использован ещё один слой карты, который отражает территории, занимаемые различными группировками внутри Южного Судана. С помощью полученных результатов можно будет выделить основные причины гражданской войны и продолжающегося противостояния правительственных сил с отдельными формированиями.

Для поиска необходимой информации использовались данные статистики, отчёты международных организаций. Для оценки процесса мирного урегулирования и написания исторической справки применялись тексты различных соглашений, заключённых в ходе конфликтов, а также историографическая литература.

В ходе данного исследования изучались следующие факторы, систематизированные в несколько групп:

1) демографические (численность населения в штатах и округах на различных этапах конфликта; плотность населения в указанных типах административно-территориальных единиц; количество беженцев, размещённых в определённом регионе, и количество беженцев из данного региона, которые вернулись);

2) этно-религиозный состав;

3) внешние факторы (наличие пограничных конфликтов с соседними государствами и причины данных межгосударственных споров);

4) экономические показатели (индекс продовольственной безопасности, развитость сети инфраструктуры, подушевой ВВП);

Для построения геоинформационной системы были построены карты основы Южного Судана и окружающих его государств. Впоследствии были созданы слои отражающие административное деление, этно-религиозный состав населения, местоположение крупных населённых пунктов, плотность населения, относительное количество размещённых беженцев и беженцев из данного района, которые вернулись; уровень продовольственной безопасности, карту дорожной сети. Большинству факторов придавалось числовое значение, на основании которого слои карты показывали различную степень представленности данных факторов в различных административно-территориальных образованиях Южного Судана и окружающих его стран. Наличие приграничных конфликтов устанавливалось главным образом на основании наложения друг на друга карт административно-территориального деления Южного Судана и соседних ему государств.

Согласно отчётам международных организаций, в первую очередь ООН и её дочерних организаций, например, The Human Security Baseline Assessment. основными местами столкновений в ходе конфликта были в отдельных районах Джонглии, Верхнего Нила, Западного Бахр-эль-Газала и столичного региона Центральной Экватории. Основным населением данных районов являются представители народностей нилотской группы. Боевые действия велись на границах этнического распространения доминирующего народа динка и остальных этнических групп данной группы. В некоторых прифронтовых районах отмечает-

ся низкий уровень продовольственной безопасности населения. При этом внешние конфликты являются отдельными сюжетами независимыми от внутренней обстановки в Южном Судане. При этом количество беженцев, размещающихся на этих территориях невелико.

В итоге можно сказать, что основной причиной гражданской войны стал этнический конфликт внутри нилотской культурной группы между народностью Динка с одной стороны и народностями Нуэр, Луо, Шиллук и Бари. При этом народности Манде не проявили чёткой позиции и поддерживали как правительство президента Киира, так и силы восставшего премьер-министра Мачара, или даже создавали собственные вооружённые формирования. Арабское мусульманское население предпочитало сохранять лояльность правительству, но также создавало собственные группировки. Фактор продовольственной безопасности может как повышать конфликтный потенциал региона, так и быть следствием боевых действий или даже и то, и другое вместе. Поэтому данный фактор требует дальнейшего изучения. *Таким образом, применение геоинформационных систем для анализа пространственной локализации Южносуданского конфликта позволило выявить районы Южного Судана, наиболее подверженные риску возникновения новых очагов конфликта.*

Список источников и литературы

1. Alley S. War and Genocide in the Sudan [Electronic source]. URL: <http://web.archive.org/web/20051221045218/http://www.iabolish.com/today/features/sudan/overview1.htm> (access date 27.09.2021).
2. LeBrun E. Policing in South Sudan: transformation changes and priorities. [Electronic source] // HSBA Issue brief 26. March 2017. URL: <https://smallarmssurvey.org/sites/default/files/resources/HSBA-IB26-Policing-in-South-Sudan.pdf> (access date 29.09.2021).
3. Thyne C. Sudan Civil War [Electronic source]. p. 2- URL: <http://www.uky.edu/~clthyn2/Thyne-Sudan.pdf> (access date 18.09.2021).
4. Sudan: Nearly 2 million dead as a result of the world's longest running civil war U.S. Committee for Refugees, 2001. URL: <https://web.archive.org/web/20041210024759/http://www.refugees.org/news/crisis/sudan.htm> (access date 24.09.2021).
5. Specia M. 383,000: Estimated death toll in South Sudan's war [Electronic source] // New York Times. September 26, 2018 URL: <https://www.nytimes.com/2018/09/26/world/africa/south-sudan-civil-war-deaths.html> (access date 30.09.2021).
6. Berehovyi A. Here's how GIS tackles conflicts, crises, and fake news [Electronic source] // GeospatialWorld URL: <https://www.geospatialworld.net/blogs/heres-how-gis-tackles-conflicts-crises-and-fake-news/> (access date 22.09.2021).
7. War Crimes and Punishment: The Terrain Compound Attack and Military Accountability in South Sudan, 2016–18 [Electronic source] // HSBA August 2019. URL: <https://www.smallarmssurvey.org/sites/default/files/resources/HSBA-BP-Terrain.pdf> (access date 25.09.2021).
8. Annual brief on violence affecting civilians January – December 2020 [Electronic source] // Human Rights Division United Nations Mission in South Sudan. March 31, 2021. URL:

https://unmiss.unmissions.org/sites/default/files/unmiss_annual_brief_violence_against_civilians_2020_final_for_publication.pdf (access date 24.09.2021).

Mikhail S. Baklykov
Ural federal university

**Conflictogenic capacity of territory: analysis by GIS of the conflict
in Southern Sudan and neighboring regions**

Abstract. The long history of Southern Sudan's struggle for independence from Sudan that begun in 1950-s and led to two civil wars ended by establishment of the new state in 2011. However, tensions inside Southern Sudan grew up immediately and caused a civil war. Despite the fact that violent phase of the war has ended recently the causes for resuming the conflict still remain. The purpose of this study is therefore to determine these causes by use of geographic information systems.

Key words: Sudan, Southern Sudan, civil war in Southern Sudan, geographic information systems, civil war in Sudan, independence of Southern Sudan.

СЕКЦИЯ ФИЛОЛОГИИ

«Динамические процессы в языке, искусстве, коммуникации: системные и асистемные факторы»

УДК 81.111

Веденёва Ю.В.

*кандидат филологических наук, кафедра английской филологии,
Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева*

ЗАГЛАВИЯ СОВРЕМЕННОЙ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ ДИНАМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В ЯЗЫКЕ И ОБЩЕСТВЕ

Аннотация. Статья посвящена анализу динамических процессов в малоформатных текстах заглавий современных англоязычных художественных произведений. Для достижения объективных результатов исследование проведено на практическом материале, включающем заглавия поэтических и прозаических произведений. Рассматриваются основополагающие характеристики малоформатных текстов – ограниченный объем и семантическая наполненность. Автор приходит к выводу, что признаки, выявленные на структурном и содержательном уровнях текстовой организации заглавий, позволяют рассматривать их как часть лингвокультурной парадигмы современного общества.

Ключевые слова: малоформатный текст, заглавие, художественное произведение, лингвокультурный контекст.

Динамические процессы, происходящие в обществе на современном этапе его развития, тем или иным образом касаются всех сторон жизнедеятельности человека. Язык, который является основным средством осуществления коммуникации, не является исключением. Лингвистическая парадигма, принятая ранее исследователями-языковедами в качестве основополагающей, претерпевает заметные изменения. Одним из наиболее ярких примеров происходящих в языке метаморфоз является появление нового подхода к трактованию понятия Текст. Так, термин «текст», ранее применяемый лингвистами для описания произведений гораздо большего формата, чем, например, предложение и высказывание, сегодня используется в отношении языковых образований меньшего размера.

В современной лингвистической науке пристальное внимание приковано к феномену малоформатного текста. Термин «малоформатный текст» применяется исследователями в отношении текста любой жанровой принадлежности, при условии его соответствия главному формальному признаку – краткости. К малоформатным текстам принято относить различного рода рецензии и аннотации, инструкции, кулинарные рецепты, рекламные слоганы, заглавия художественных произведений. Тексты малого формата выделяются в определённый текстовый тип по критерию краткости. Ученые отмечают, что малоформатный текст может содержать информацию разного рода, но при этом призван выполнять определенную коммуникативную цель в условиях определенной коммуникативной ситуации. Содержание малоформатного текста является лаконичным и ёмким. Единицы текста располагаются так, чтобы

при наименьшем количестве быть наиболее содержательными. Как справедливо отмечает А.А. Габец в работе «Интердискурсивность как ингерентное свойство институционального дискурса (на примере образовательного дискурса)» для реализации основной прагматической цели малоформатных текстов выбираются языковые средства, обладающие высоким лингвопрагматическим потенциалом [1, с. 108]. В рамках данной работы мы рассматриваем заглавия современных англоязычных художественных произведений как вид малоформатного текста. Наличие таких параметров как прагматическая целостность, смысловая завершенность, адресованность и содержательность позволяет охарактеризовать отдельно взятое заглавие художественного произведения как «информационно самодостаточное речевое сообщение с ясно оформленным целеполаганием и ориентированное на своего адресата» [3, с.75].

Для получения максимально объективных данных проводимого исследования мы обратились к заглавиям поэтических и прозаических произведений современных англоязычных авторов. Материалом исследования послужил корпус заглавий работ К. Несбитта и Н. Геймана, отвечающих основному функциональному признаку малоформатного текста – краткости и обозримости.

Структурное оформление анализируемых заглавий характеризуется синтаксическим многообразием. Так, были обнаружены малоформатные тексты заглавий, представленные:

- единичными лексическими единицами: *Overslept (K.Nesbitt), Billy (K.Nesbitt), Locks (N.Gaiman), Sunbird (N.Gaiman), Changes (N.Gaiman)*;

- словосочетаниями: *Remarkable Sylvia Stein (K.Nesbitt), Winter Wonderland (K.Nesbitt), A Reindeer for Christmas (K.Nesbitt), The Daughter of Owls (N.Gaiman), Bitter Grounds (N.Gaiman), Cold Colors (N.Gaiman)*;

- предложениями, различных типов: *My Dog Likes to Disco (K.Nesbitt), My Puppy Ate my Earbuds (K.Nesbitt), I Think I'm in Love with my Smartphone (K.Nesbitt), The Day I Swapped My Dad for Two Goldfish (N.Gaiman)*.

Как видно из приведенных примеров, форма изучаемых заглавий лаконична, они являются компрессированными, метафорически напоминающими закрученную пружину [2, с. 133]. Таким образом, первой чертой, которая свидетельствует о том, что заглавие является текстом малого формата, является краткость, малый объём высказывания.

Заглавие любого художественного произведения выполняет информативную функцию, то есть отражает содержание и смысл называемого им текста в сжатом виде, называя главных героев, их ведущие характеристики, место действия. Малоформатные тексты заглавий произведений Нила Геймана и Кена Несбитта, хотя имеют ограниченную протяженность, демонстрируют большой информативный потенциал. Например, заглавие произведения Нила Геймана «*The Facts in the Case of the Departure of Miss Finch*» несмотря на малый объём доносит до читателя важные сведения о главной героине произведения, ее гендерной принадлежности и социальном статусе, основном событии произведения - ее исчезновении и фактах, сопровождающих расследование данного происшествия.

Заглавие стихотворного произведения Кена Несбитта «*I Let My Sister Cut My Hair*» (K. Nesbitt) обладает способностью донести до читателя информацию следующего характера: главный герой/героиня не единственный ребенок в семье; его/ее новая стрижка – дело рук сестры. Далее читатель задается вопросами – Что произошло? Что явилось основной

причиной произошедшего? Каков результат совершенного деяния? Последует ли наказание? – ответы на которые он ищет в тексте поэтического фрагмента.

Кроме того, малоформатные тексты заглавий отражают специфику лингвокультурной ситуации, к которой принадлежит автор и в которой они были созданы. В качестве примера можно привести заглавие рассказа Нила Геймана «*A Study in Emerald*», в котором прослеживается явная отсылка к повести Артура Конан Дойля о Шерлоке Холмсе «*A Study in Scarlet*». Название произведения (как и дальнейшее его содержание), предложенное Нилом Гейманом, говорит о большом культурном влиянии произведений о Шерлоке Холмсе на последующие поколения писателей. В данном примере прослеживается аллюзивная отсылка к лингвокультурной ситуации, которая определила появление текста и его названия, что является одной из характеристик текстов малого формата. Применение аллюзий в рамках малоформатных текстов заглавий художественных произведений позволяет автору в сжатой форме максимально передать нюансы содержания. Нередко через обращение к аллюзиям автор транслирует комический эффект, тем самым привлекая внимание потенциального реципиента и его мотивированию к прочтению основного текста литературного фрагмента. Например, малоформатный текст заглавия стихотворения *Rest in Peas* (K. Nesbitt) содержит явную отсылку к хорошо известной фразе «rest in peace» (покойся с миром), употребляемой для выражения скорби и соболезнований в связи с кончиной человека. Кен Несбитт помимо сообщения об уходе главного героя, уточняет, что причиной произошедшего явилась еда сомнительного качества из школьной столовой, которую он отважился попробовать.

Таким образом, мы полагаем, что в отношении заглавий англоязычных художественных произведений современных авторов правомерно использовать термин «малоформатные тексты». Нам удалось установить, что, во-первых, заглавия по своей протяженности соответствуют текстам малого формата и формально соотносятся с отдельным словом, словосочетанием или предложением. Во-вторых, несмотря на сжатость и лаконичную форму, малоформатные тексты заглавий вмещают большой объём информации, отражающей содержание основного текста литературного произведения. В-третьих, малоформатные тексты заглавий, составившие практическую выборку проводимого исследования, отражают определённый лингвокультурный контекст и основные динамические процессы в обществе на современном этапе его развития.

Список источников и литературы

1. Габец А.А. Интердискурсивность как ингерентное свойство институционального дискурса (на примере образовательного дискурса) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология, 2021. № 4.
2. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.
3. Кубрякова Е.С. О тексте и критериях его определения // Текст. Структура и семантика. Т.1. М., 2001.
4. Gaiman N. *Fragile Things: Short Fictions and Wonders* // New York, William Morrow and Company, 2006. 400 p.
5. Gaiman N. *Smoke and Mirrors: Short Fiction and Illusions* // New York, William Morrow and Company, 2005. 368 p.

6. Nesbitt K. Poems for children. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.poetry4kids.com> (дата обращения 18.01.2022).

Yulya V. Vedeneva

*Ph.D., the Department of English Philology,
Samara National Research University*

Titles of modern English-language literature as reflection of dynamic processes in language and society

Abstract. The article analyzes dynamic processes in small-format texts of the titles of modern English-language fiction works. The research is based on practical material including the titles of poetry and prosaic works to achieve objective results. The basic characteristics of small-format texts like limited volume and semantic satiation are considered. The author concludes that the features identified at the structural and substantive levels of the textual organization of the titles allow considering them as a part of the linguistic and cultural paradigm of modern society.

Keywords: small-format text, title, fiction work, linguistic and cultural context.

УДК 821.134.2.

Коржукова Е.С.

*кандидат филологических наук, доцент кафедры испанского языка
Московский государственный институт международных отношений (МГИМО)*

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЕ КРИЗИСЫ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ КОНФЛИКТЫ КАК СПУТНИКИ ЛИЧНЫХ ТРАГЕДИЙ: ПО МОТИВАМ СОВРЕМЕННОЙ ИСПАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Аннотация. В статье рассматриваются внутривполитические кризисы и международные конфликты в суженном контексте: во-первых, применительно к сюжетам и тематике современной испанской литературы (в основном на примере произведений Артуро Переса-Реверте), а во-вторых, в «человеческом» преломлении – как переживает Войну отдельно взятый Человек и какой след она неизменно оставляет. На основании рассматриваемых материалов делаются и некоторые обобщения: об универсальности «воздействия» на человека войн и внутренних конфликтов, о раскрытии истинного лица человека в ситуации переломного момента истории вне зависимости от эпохи и национальности.

Ключевые слова: личная трагедия, война, внутренний конфликт, патриотизм, переломный момент истории, жестокость, одиночество, активная жизненная позиция, история, испанская литература, Артуро Перес-Реверте.

Несмотря на стремительно меняющиеся времена и литературные течения, книги – по-прежнему верные спутники нашей жизни во всех её проявлениях: исторических событиях, человеческих судьбах и переживаниях. Не является исключением и современная испанская литература. В ней есть авторы, для которых внутривполитические кризисы в истории Испа-

нии, равно как и конфликты международного масштаба значат гораздо больше, чем просто исторические вехи в необратимом потоке времени. Человек как частица истории и одновременно её доминанта в нравственно-этических категориях занимает в их произведениях главенствующее место.

Самый яркий представитель современной испанской литературы – Артуро Перес-Реверте. Любого рода конфликты и войны, по мнению Реверте, – крайне болезненная, но неотъемлемая часть развития человечества, этап истории, который ни для кого не проходит бесследно. Каким бы важным ни был исход любого противостояния, на первом месте для автора всегда стоит Человек и конкретно его судьба в историческом преломлении.

Настоящий калейдоскоп характеров и судеб открывают собственно исторические произведения Реверте. В романе «День гнева» описан один день из истории Испании – 2 мая 1808 года: восстание жителей Мадрида против наполеоновских войск и страшная расплата за искренний патриотический порыв. Полотно Франсиско Гойи «Расстрел повстанцев в ночь на 3 мая 1808 года» наиболее точно передаёт ужас происходящего. В самом романе художник фигурирует как полноценный герой, который пророчески создаёт наброски будущей картины, выводя уверенным почерком: «Печальные предчувствия того, что случится» [4, с. 135]. Изображенное на эскизе может принадлежать кисти художника, воспринимающего происходящее как трагедию человека, сопричастного боли и страданиям соотечественников: «...человек в разодранных одеждах, раскинув руки по перекладине креста, стоит на коленях, окруженный какими-то тенями, призраками, персонажами кошмара» [4, с. 135].

Перес-Реверте не склонен уравнивать понятия героизма человека в переломные моменты истории страны и патриотизма в общепринятом понимании. Последнее – нечто официально-рамочное, не имеющее отношения к отдельно взятому человеку, то, что сильные мира сего порой искусственно и без надобности пытаются навязать людям, по-настоящему любящим свою Родину. В романе истинный героизм проявляется в стремлении связать свою судьбу с судьбой страны и, если нужно, отдать жизнь за её свободу. Героизм каждого персонажа «Дня гнева» (их, реально существовавших и имеющих в романе имена – около 350!) противопоставляется «ужасающей будничности жестокости, с которой сопряжено любое вооруженное противостояние» [1, с. 1003].

Для большинства жителей Мадрида это противостояние обернулось личной трагедией: теряя родной город, они теряли близких и отдавали за них собственную жизнь. Не стали исключением ни старики, ни женщины, ни дети: «Мануэль Нуньес Гаскон, 10 лет, швырявший в солдат камни и пытавшийся скрыться, был заколот штыком на глазах у обезумевшей от ужаса матери» [4, с. 113]; «Рядом умирает двенадцатилетний кадет испанских гвардейцев Фаусто Сапата-и-Сапата, так и не выпустивший из рук оружия – маленькой парадной шпажки и карманного пистолета» [4, с. 131]. «День гнева» – роман о Человеке в тисках вооруженного противостояния, раскрывающего разные стороны личности, и одновременно превращающего его трагическую судьбу в главный предмет художественного осмысления.

В личную трагедию может вылиться, по мнению Реверте, НЕ-участие в переломном моменте истории. Об этом – в другом его историческом романе – «Учитель фехтования». Персонажи погружены в атмосферу испанской буржуазной революции 1868 года, прозванной «La Gloriosa» («славная»): политические споры и слухи на улицах и в кафе, возведение баррикад, стычки, изгнание и бегство королевы... Казалось бы, идеальная атмосфера для

решительных действий: ведь речь идёт о внутринациональном конфликте, который влияет на жизнь всех и каждого в стране. Однако основная коллизия романа – в противоречии между сильной и волевой личностью главного героя и его неспособностью проявить эти качества в решающий исторический момент. Фактурный персонаж, учитель фехтования Хайме Астарлоа, превыше всего ставит честь и достоинство, но оказывается в своеобразном историческом вакууме, он как бы отторгнут из объединяющего его земляков исторического потока. Хайме Астарлоа абсолютно аполитичен и до мозга костей идеалист, живущий в своём мире, эдакий «Дон Кихот XIX века» [1, с. 1004]. Следует отметить, что Реверте не поддерживает отказ от участия в жизни своей страны. Парадоксально, но трагедия сопровождает как человека, не равнодушного к судьбе своей страны (роман «День гнева»), так и намеренно исключаящего себя из единого потока. Для Хайме Астарлоа уход от реальной жизни оборачивается реальными человеческими жертвами. Таким образом, трагический поворот его судьбы и в целом неоднозначная трактовка этого характера в произведении закономерны, по мысли автора, ставящего на один пьедестал активную жизненную позицию и понятие чести.

Повесть «Тень орла» 1993 года - одновременно «апофеоз сарказма» [1, с. 1005] по поводу создания образа «героев» истории и коллективный портрет сломанных судеб, подобно воссозданному в «Дне гнева». С одной стороны – Наполеон, пытающийся «героически» запечатлеть себя в анналах истории, с другой – испанские солдаты 326-го пехотного полка наполеоновской армии, которые тщетно пытаются перейти на сторону врага – русских – и оценивают ситуацию как абсурдную, а наполеоновские амбиции как необоснованные, и с горечью понимают свою неуместность в этой войне. Их трагедия в том, что, пустив на территорию Испании врага, они оказались заложниками обстоятельств и между расстрелом и позорным пленом и службой у Наполеона выбрали второе. Многие из них считают, что соотечественникам, погибшим от рук французов, повезло больше, даже Наполеон был поражён поведением несдающихся испанцев: «В России меня победили морозы, а в Испании – эти приземистые смуглые крестьяне, которые на расстреле плевали вам в лицо» [5, с. 54]. Оказавшись на чужой территории, они стали никому не нужны – для французов это пушечное мясо, для русских испанцы ничем не отличаются от французов, поэтому обречены: почти всех их ждёт смерть и только единицам удастся добраться до Родины, большими, опозоренными, с поломанными судьбами.

Если собственно исторические произведения Артуро-Переса Реверте часто напоминают батальные сцены с большим количеством действующих лиц и явными приметами времени, то его исторические детективы – жанр совсем иной. В нём не меньше описаний и аллюзий на внутривосточные и международные конфликты, но они более кинематографичны в плане частоты использования «близкого плана»: судьбы героев и их переживания раскрываются словно изнутри, что создаёт большой психологизм и больше располагает к рефлексии по поводу Человека в Истории, Человека и Войны в широком смысле слова. На наш взгляд, наиболее «плотным» в идейном и сюжетном плане является роман «Танго старой гвардии». В романе, на наш взгляд, больше представлена кривая становления личности Макса Косты (ловкого мошенника, первоклассного танцора танго и хитроумного дамского угодника) через любовную линию, но внутри- и внешнеполитические конфликты, оставляют глубокие шрамы в его душе, потому что всегда связаны с потерями – близких и не очень – и никогда не проходят бесследно.

Этот роман как никакой другой насыщен конфликтами – от Испании и Европы до мира в целом – через которые в той или иной степени проходит главный герой. Почти с самого начала из ночных кошмаров Макса мы узнаём об ужасах Рифской войны в Марокко в 1921 – 1926 гг. – там главный герой служил в Иностранном легионе. Натуралистичные воспоминания (запах горелого человеческого мяса), нанесли ему тяжелую психологическую травму и утвердили во мнении о ничтожности отдельно взятого человека в решении геополитических вопросов теми, кому важен только один результат – территории и сферы влияния.

Кровавым крылом задела Макса и Великая Октябрьская Революция. Он познакомился с русским аристократом, бежавшим от советской власти в Европу вместе с другими белогвардейцами. Борис Долгоруков-Багратион не выдержал жесточайшего в истории России разлома – попрания вековых основ, потери идеалов, в конце концов, Родины – и, по словам главного героя, пустил себе пулю в лоб. Потеряв в Борисе родственную душу, Макс окончательно отрубил себя от какой-либо политической принадлежности. Заметим, что в этом романе Перес-Реверте, всегда ратовавший за активную гражданскую позицию, занимает сдержанную позицию и не осуждает своего героя.

Гражданская война 1935-1939 гг. – незаживающая рана Испании. Конфликт между республиканцами и националистами во главе с Франсиско Франко был схож с русской революцией в том, что касается взаимного истребления людей одной национальности. Жертвой репрессий пали не только люди из ближнего круга Макса, например, муж её возлюбленной, неосмотрительно «друживший» с республиканцами, но и широко известные личности, например, испанский поэт Федерико Гарсия Лорка.

В этой связи немного отойдём от романа Реверте, чтобы упомянуть другую работу, также испанского писателя, Фернандо Мариаса, под названием «Волшебный свет». В ней он задаётся вопросом: действительно ли Лорка погиб в 1936 году? Сведения о смерти поэта разрозненны и противоречивы, а его останки до сих не найдены. Это подтолкнуло автора в художественном вымысле раскрыть возможную – кто знает? – другую жизнь испанского поэта, которая, к сожалению, совсем не представляется радужной. Чудом выжив после расстрела, Лорка был спасен равнодушным человеком, который годы спустя рассказывает эту историю появившемуся в городе репортеру. Выжившему поэту, навсегда потерявшему после тяжелого ранения способность говорить, выпало на долю скитаться, перебиваясь подаянками добрых людей, не узнавая никого и будучи не признанным никем, кроме своего давнего спасителя, с которым его снова сводит судьба. Болью художественно воссозданного Лорки стал постоянный страх и отсутствие веры в людей. Не случайно его спаситель, вспоминая болезненные моменты скитаний поэта, говорит: «Ему ведь тоже хотелось хоть кому-нибудь верить...» [3, с. 118]. В основу в общем-то нехитрого сюжета повести заложена генетическая травма нескольких поколений испанцев, перенесших слепую мясорубку Гражданской войны – внутреннего конфликта, расколовшего общество на два непримиримых и беспощадных друг к другу лагеря.

Возвращаясь к Максиму Косте, отметим, что последующий трагический поворот истории ко Второй Мировой войне также не обошёл его стороной: выбравшись из передраги с агентами разведки фашистской Италии и коммунистами-фанатиками, он в очередной раз становится свидетелем глобального раскола, предчувствие которого давно витало в воздухе. «Мир, в котором мы жили, обречён. Если вспыхнет новая война в Европе, она разрушит всё

до основания» [7, с. 346] (*здесь и далее перевод – мой, Е.К.*), – вторит недобрим предчувствиям Макса профессиональный взломщик Энрико Фоссатаро, а коммунист Мостаса пророчествует: «Этот ураган сметёт всё, а когда стихнет, уже ничто не будет таким, как прежде» [7, с. 381]. И очевидно в это «ничто» вкладывается не только новый расклад сил и передел сфер влияния в геополитике, но и миллионы жертв и сломанных судеб, каждая в отдельности со своей жизненной трагедией.

Отголоски масштабного катаклизма под названием Вторая Мировая война не покинут очевидцев и участников ещё долгие годы. В 1968 году Макс Коста, отойдя от криминальных дел, работает водителем доктора Хугентоблера, разбогатевшего за счёт оказания психиатрической помощи богатым евреям, пережившим ужасы Холокоста.

Последняя опасная авантюра, через которую приходится пройти и чуть не погибнуть уже немолодому мужчине ради любимой женщины и её (точнее, их) сына разворачивается на фоне холодной войны, не раз грозившей обернуться горячей. С последних страниц до нас доносятся кровавые отголоски шестидесятых, которые, помимо сексуальной революции и битлов, «прославились» ещё и войной во Вьетнаме.

Подобно герою «Учителя фехтования» Макс Коста так же решителен и бесстрашен, и несмотря на криминальный способ заработка, у него есть свой кодекс чести – кодекс тангеро [см. 4], сближает их и полная аполитичность, а в случае с Максом – откровенный пацифизм. Герой «Танго старой гвардии» навсегда запомнил ужасающий оскал войны в марроканской преисподней, раз и навсегда определив для себя отношение к любой военизированной политике: «Я живу сам по себе и никогда бы не стал работать на какое-то правительство, фашистское, национал-социалистическое, большевистское или правительство Фуманчу» [7, с. 239]. В ответ на слова агента итальянской разведки и его обвинения в грядущей войне всех подряд, включая евреев и коммунистов, Макс с сарказмом парирует: «Разумеется. Евреи и коммунисты. Слава богу, хоть Гитлер есть в Германии. И, конечно, ваш Муссолини» [7, с. 261].

В заключение отметим, что внутривитические кризисы и международные конфликты, безусловно, удел сильных личностей – лишь они могут пережить такие моменты в истории страны или мира с наименьшими для себя потерями, но верно и то, что каким бы сильным ни был человек, любая война или столкновение, как правило, меняет его навсегда, в лучшем случае психологически закаляя, в худшем – обрекая на смерть или оставляя психически надломленным на всю оставшуюся жизнь. Мы рассмотрели примеры из испанской литературы, однако очевидно, что последствия внутривитических кризисов и международных конфликтов схожи для людей всех национальностей.

Список источников и литературы

1. Коржукова Е.С. История в романах Артуро-Переса Реверте: Зачем? / Сборник статей IV международного форума «Россия и Ибероамерика в глобализирующемся мире: история и современность». СПб: Скифия Принт, 2020.
2. Коржукова Е.С. Стереотипная ролевая модель тангеро (tanguero) в романе Артуро-Переса Реверте «Танго старой гвардии» / Сборник статей «Риторика – Лингвистика», №13. Смоленск: СмолГу, 2018.
3. Мариас Ф. Волшебный свет. М.: Махаон, 2004.
4. Перес-Реверте А. День гнева. М.: Эксмо, 2009.

5. Перес-Реверте А. Тень орла. М.: Эксмо, 2003.
6. Pérez Reverte A. El maestro de esgrima. Barcelona: Debolsillo, 2017.
7. Pérez-Reverte A. El tango de la guardia vieja. Madrid: Santillana Ediciones Generales, S.L., 2012.

Elena S. Korzhukova

*Ph.D., the Department of Spanish Language,
Moscow State Institute of International Relations (MGIMO)*

**Internal political crises and international conflicts as companions of personal tragedies:
based on modern Spanish literature**

Abstract. The article studies internal political crises and international conflicts in a limited context: for the first, with the regard to the plots and themes of contemporary Spanish literature (mainly on the example of works by Arturo Pérez-Reverte), and for the second, through human interpretation - how an Individual survives a war and what trace it always leaves. Some generalizations are also made from the material under consideration: on the universality of the «human impact» of wars and internal conflicts, on revealing the true face of a person in a situation of a turning point in history, regardless of age and nationality.

Keywords: personal tragedy, war, internal conflict, patriotism, turning point in history, cruelty, loneliness, active life position, history, Spanish literature, Arturo Pérez-Reverte.

УДК 811.161.1+659.13

Гайнутдинова А.А.

*Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева*

ОСОБЕННОСТИ ОККАЗИОНАЛЬНОЙ МЕТОНИМИИ В РЕКЛАМНОМ ТЕКСТЕ

Аннотация. В статье рассматривается роль окказиональной (дискурсивной) метонимии в рекламе. Выявлено, что окказиональность метонимии обусловлена сдвигом фокуса внимания на неожиданные для потребителя аспекты ситуации и намеренным нарушением норм лексической сочетаемости. Анализ явления с позиций когнитивной лингвистики позволяет сделать вывод о наличии закономерностей, связанных с организацией знания о денотах (объекте, субъекте и адресате рекламы).

Ключевые слова: окказиональная (дискурсивная) метонимия, реклама, слоган, когнитивная лингвистика, сценарная метонимия.

Метонимия, традиционно понимаемая как перенос наименования по смежности, в современной лингвистике рассматривается как когнитивный механизм, играющий важнейшую роль в организации знаний человека о мире.

Язык представляет собой систему, упорядоченность которой проявляется на всех ее уровнях. Однако на всех уровнях существуют и многочисленные исключения, отклонения от норм, авторские новообразования и т.п. Так, кроме узуальной, регулярной метонимии, часто служащей средством лексической многозначности, исследователи выделяют окказиональную, дискурсивную метонимию, которая реализуется и интерпретируется только в рамках конкретного текста. Использование окказиональной метонимии может характеризоваться вовлечением большего лексического материала в традиционные модели, нарушением лексической сочетаемости, а также сдвигом фокуса внимания на неожиданный элемент концепта или ситуации [3]. М.В. Бондаренко отмечает, что провести границу между окказиональной и узуальной метонимией бывает достаточно сложно, поэтому можно говорить о ее сильной позиции в контексте, где не столько отражается устойчивая метонимическая связь, сколько реализуются определенные прагматические интенции [1, с. 49].

Прагматическая функция особенно важна для рекламного текста, в котором сосуществуют стандартные единицы и отклонение от норм языка. Главная задача рекламы – привлечь внимание потребителя, воздействовать на его поведение, чтобы он захотел приобрести тот или иной товар. Метонимия, на наш взгляд, является одним из главных средств, с помощью которого создатели рекламы могут добиться нужного эффекта. В связи с этим цель нашего доклада – рассмотреть окказиональную метонимию на материале рекламного дискурса, выявить ее особенности и функции. Кроме того, важно ответить на вопрос, существуют ли закономерности в образовании окказиональных метонимических переносов, на первый взгляд не укладывающихся в систему языка и мышления.

Рассмотрим несколько примеров.

Самой продуктивной для слогана является модель **качество товара** → **товар**, позволяющая высветить наиболее выгодные стороны рекламируемого товара или услуги, подчеркнуть отличие от подобных продуктов. Так, например, в слогане шоколадного батончика «Picnic» *Picnic King Size. 23 см удовольствия!* Этот пример можно интерпретировать как когнитивную метафору, которая заключается в осмыслении абстрактных сущностей с опорой на конкретно-предметные. Сравним: *бездна удовольствия, глубокое удовольствие* и т.п., где ощущение отождествляется с водоемом, в который погружается испытывающий его человек. Однако в слогане привычный образ несколько трансформируется: удовольствие оказывается возможным измерить с помощью линейки. Кроме того, лексема отсылает потребителя не только к состоянию человека, но и к продукту, вызывающему это состояние. Мы полагаем, что данные примеры основаны на метонимических отношениях *часть – целое*: в рекламе актуализируется информация не о товаре (услуге) в целом, а лишь аспект, важный с точки зрения продвижения продукта. Согласно замыслу создателей слогана, употребление рекламируемого батончика неразрывно связано с получением удовольствия, и знание об этом входит в знание потребителя о товаре в целом.

В слоганах *Вкус традиций* (сметана «Домик в деревне»); *Almette. Прикоснись к нежности* (творожный сыр Almette); *Попробуй качество на вкус* (семечки, орехи, сухарики «Поболтушки»), *Возьми с собой свежий вкус* (плавленый сыр Hohland), *Мы продаем адрена-*

лин (интернет-магазин товаров для пейнтбола Paintballshop), *Полный бак уверенности* (Сеть автозаправочных станций «Эталон») и т.д., отвлеченные понятия также становятся обозначением конкретных продуктов, который можно попробовать, взять с собой, измерить, взвесить и т.д. Эти слоганы можно рассматривать как результат эллиптического сокращения высказываний: *вкус традиций* = *вкус традиционных продуктов*, *возьми с собой свежий вкус* = *продукт (сыр) со свежим вкусом* и т.д., что очень важно для слогана, главной особенностью которого является лаконичная форма.

Вне контекста рекламы, если говорящий не ставит своей целью создание образности и выражение экспрессии, подобные выражения практически не используются, но в рекламе такое совмещение смыслов – обозначение качества или ощущения и одновременно конкретного продукта – особенно актуально. На наш взгляд, это связано с тем, что современная реклама не просто продвигает товар или услугу, но и «продает» эмоции, ценности, стиль жизни и т.д.

Примером использования метонимии в целях создания более яркого образа являются слоганы *Пейте овощи!* (соки «8 овощей») и *Пейте фрукты!* (соки «Чумак»), в которых используется перенос **ингредиент продукта** → **продукт** и который также можно рассматривать как эллиптическое сокращение: пейте сок из овощей/ фруктов. Эти слоганы можно интерпретировать следующим образом: главными (и скорее всего, единственными) ингредиентами рекламируемых соков являются овощи или фрукты, тем самым подчеркивается натуральность продукта, то есть выпить сок – это то же самое, что съесть какой-либо овощ или фрукт. С точки зрения норм лексической сочетаемости употребление словосочетания *пить овощи / фрукты* является нарушением, даже если мы понимаем, что речь идет о метонимическом переносе (ср., например, с узуальным переносом, являющимся «классическим» примером метонимии: *съел три тарелки* или с похожим *пить витамины*). Однако создатели приведенных слоганов намеренно допускают это нарушение в целях языковой игры и привлечения внимания потребителя.

Еще одной продуктивной моделью в рекламе является сценарная метонимия. Эта разновидность метонимии, выделенная и описанная Н.А. Илюхиной, основана на логике развертывания концепта-сценария и заключается в том, что название одного этапа события замещает обозначение всего события [2], например, выражение *пойти в магазин* называет весь комплекс действий – само перемещение в магазин, выбор необходимых товаров, их оплата. На первый план может выйти любой этап, но для слогана особенно актуальным является обращение к финальному этапу – результату использования товара – вместо названия главного для рекламодателя акта – покупки. При этом создатели рекламы зачастую отсылают не к конкретному результату, например, выздоровление после приема лекарства, а к неожиданным аспектам. Обратимся к примерам. В слогане *Проверь Магнат на шоколад* (мороженое «Магнат») адресат безошибочно угадывает имплицитный призыв приобрести рекламируемое мороженое. В рекламе продуктов питания частой является апелляция к получению удовольствия от употребления их в пищу, в приведенном же примере создатели рекламы подчеркивают, что, купив мороженое, потребитель сможет оценить, насколько много в нем шоколада, станет кем-то вроде проверяющего качество.

Слоган *Не дай пульту остыть!* (кабельное телевидение «Триколор-TV») отсылает к разговорному выражению *щелкать пультом*, также имеющему метонимическую природу и

означающему *бесцельно переключать каналы*. Однако в этой рекламе постоянное переключение каналов и нагревание пульта по этой причине оценивается положительно, так как подразумевает, что выбор телеканалов настолько большой, что потребителю услуг будет сложно остановиться на чем-то одном.

Интерес представляют следующие слоганы: *Поболтаем с аппетитом!* (семечки, сухарики, сушки «Поболтушки») и *Уютное место для вкусных разговоров* (Кофейни «Кофе-молка»). В данных примерах также наблюдается нарушение лексической сочетаемости: процесс общения характеризуется как процесс принятия пищи. Однако, как отмечает Н.А. Илюхина, об окказиональности фразы и несогласованности компонентов в подобных переносах можно говорить с точки зрения словоцентрического подхода. В рамках же когнитивного, концептоцентрического подхода, эти факты находят объяснение именно благодаря соотнесению со структурой концепта-сценария [2, с. 13-14]. Слоганы с использованием лексем *вкусный*, *с аппетитом* характеризуют всю ситуацию встречи с близкими, включающую и прием пищи, и общение. В рекламе продуктов питания или кафе, ресторанов такой сценарий используется часто: совместный прием пищи оказывается неотъемлемой частью встречи и залогом хорошего времяпрепровождения. Кроме того, в приведенных контекстах эти определения можно интерпретировать метафорически: *с аппетитом* – с удовольствием, охотно, *вкусный* – приятный, доставляющий удовольствие. Однако и в этом случае определения характеризуют всю ситуацию в целом.

В результате анализа метонимических переносов в слоганах можно сделать следующие выводы:

1. Образность и экспрессивность слоганов с использованием метонимического переноса может достигаться за счет взаимодействия с метафорой, сдвига фокуса внимания на неожиданные аспекты ситуации, связанной с товаром / услугой, а также намеренного нарушения норм сочетаемости.

2. Некоторые типы метонимических переносов, используемых в рекламе, менее характерны для других дискурсов (в частности, перенос **качество товара** → **товар**), высказывания на их основе могут рассматриваться как ненормативные. Однако для слоганов они наиболее продуктивны, так как, привлекая внимание потребителя, доносят концептуально важную информацию о товаре, услуге или компании.

3. Анализ материала подтвердил, что граница между узуальной и окказиональной метонимией во многих случаях является размытой. Кроме того, нестандартность, ненормативность метонимии находит выражение на лексическом уровне, но при рассмотрении явления с когнитивного ракурса обнаруживается, что тип переноса предопределен способом организации знания участников рекламной коммуникации о товаре, услуге или компании. И окказиональная на первый взгляд метонимия отражает регулярные, основополагающие в рамках рекламного дискурса связи предметов и явлений.

Список литературы и источников

1. Бондаренко М.В. Основные функционально-прагматические свойства метонимического переноса в дискурсе художественной прозы // Языковые процессы в дискурсе: Междунар. сб. науч. ст. Самара, 2013. С. 48-56.

2. Илюхина Н.А. Сценарная метонимия: механизм образования и некоторые разновидности // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2015. Т. 21. №11. С. 9-16.

3. Чернявская Н. А. Узуальная и окказиональная метонимия в детском дискурсе // Язык и социальная динамика. 2014. № 14-1. С. 79-84.

Alina A. Gaynutdinova

Samara National Research University

Features of occasional metonymy in the advertising text

Abstract. The article studies occasional (discursive) metonymy in advertising. The author reveals that occasionality of metonymy is determined by shifting the focus on unexpected aspects of a situation for consumer and intentionally violating lexical compatibility. The analysis of the phenomenon from positions of cognitive linguistics leads to the conclusion that there are regularities related to knowledge of denotations (object, subject and addressee of advertising texts).

Keywords: occasional (discursive) metonymy, advertising, slogan, cognitive linguistics, script metonymy.

УДК 81'44

Селезнева Ю.С.

*Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева*

ДИНАМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СИСТЕМЕ НОМИНАЦИИ КИНОФИЛЬМОВ ВЕЛИКОБРИТАНИИ И США

Аннотация. В работе рассматривается динамика структурно-синтаксических характеристик и семантических сдвигов англоязычных фильмонимов за последние 40 лет. Автор приходит к выводу об изменении качественно-количественного состава доминирующих структурных и семантических особенностей названий британских и американских кинолент в современном периоде по сравнению с последним двадцатилетием прошлого века.

Ключевые слова: фильмоним, малоформатный текст, семантическая трансформация, перевод, название кинофильма, синтаксис.

Специфика кинозаголовка состоит в том, что на первом этапе его интерпретации реализуется аттрактивная функция. Именно название способно привлечь потенциального зрителя к фильму или, наоборот, стать причиной отказа от его просмотра. Выбор англоязычных фильмонимов в качестве объекта исследования обусловлен значительной ролью киноиндустрии в массовой культуре и высокой долей присутствия британских и американских кинолент в российском прокате. Предметом исследования послужили структурно-семантические характеристики названий фильмов, динамика которых позволит понять логику их порождения, а следовательно, облегчит задачу их перевода.

Вопросы номинации фильмов на английском языке неперестанно находятся в фокусе внимания лингвистов. Одно из наиболее подробных исследований номинативной парадигмы американских художественных фильмов принадлежит Е. В. Скворцовой, которая отмечает тенденцию к самостоятельной организации данной «упорядоченной системы языковых единиц, составляющие которой выполняют как функции аттракторов, так и маркеров, с помощью которых обеспечивается системная реализация прагмалингвистических свойств названий фильмов» [6, с. 18]. Помимо общих для всех заголовочных текстов номинативной (именования и идентификации), коммуникативной, информативной и эстетической функций, названия кинофильмов, по мнению Е. В. Скворцовой «выполняют функцию антиципации – «предвкушения события» [7, с. 205].

В отечественной лингвистике заглавия художественных произведений и фильмов рассматриваются как малоформатный текст, обладающий такими важными характеристиками, как отдельность, формальная и семантическая самодостаточность, определенность и завершенность [3, с. 36]. Англоязычные фильмонимы обладают не только номинативной функцией, которая является необходимой составляющей любого заглавия, но и информативной и интегративной функциями. Названия кинофильмов имеют собственные структурно-семантические характеристики, у которых, очевидно, есть тенденция к эволюции.

В рамках данной работы нами было исследовано 500 англоязычных кинозаголовков, отобранных методом сплошной выборки. Корпус выборки разделен на временных периода: первый период включает 80-е и 90-е годы прошлого века, второй период представлен двумя десятилетиями XXI века. Для анализа в равных пропорциях были отобраны заголовки наиболее популярных фильмов в жанрах драма, комедия, мультфильм, боевик, ужасы. Структурно-синтаксический анализ англоязычных фильмонимов показал, что наиболее часто фильмонимы выражены словом, словосочетанием, предложением, парцелированной конструкцией или изолированным придаточным предложением. Анализ подтвердил, что во всех временных периодах преобладают беспредикатные названия, что объясняется важностью рекламной функции фильмонимов, которая требует краткости в названии. Самой многочисленной группой является группа словосочетаний. Преобладающим способом во всех временных периодах США и Великобритании остается номинативное словосочетание (*The Crying Game*; *Small Faces*; *The Last Days of Pompeii*). Количественный анализ данных в рамках двух периодов показал, что структурно-синтаксические характеристики менялись на протяжении времени.

Наиболее яркая динамика изменений структуры фильмонимов прослеживается в случае с парцелляцией (*Arn: Tempelriddaren*; *KingArthur: Legend of the Sword*; *Omen III: The Final Conflict*; *Zombie: The Chronicles of Pain*). Если в нашей выборке, относящейся к XX веку, был зафиксирован всего один британский фильмоним, построенный на основе парцелляции, то в XXI веке их стало 10 единиц. Достаточно яркая динамика прослеживается в случае с британскими фильмонимами-словосочетаниями. В XXI веке их количество выросло на 13%. Интересным представляется такой тип названий, как изолированное придаточное предложение (*Where hands touch*; *When the Wind Blows*), использование которого вслед за британскими названиями фильмов проникает и в американские кинозаголовки. Такое автономное исполь-

зование зависимой предикативной единицы становится доступным благодаря широким возможностям конверсии в английском языке. Отсутствующие у таких конструкций семантические связи с главным предложением актуализируются за счет экстралингвистических данных, за счет визуального ряда трейлера или киноафиши, а в дальнейшем при просмотре собственно фильма.

Итак, проведенный анализ фильмонимов в структурно-синтаксическом аспекте позволяет сделать вывод о доминирующей роли словосочетаний в номинативной парадигме британских фильмонимов, а также о поступательном развитии специфических способов структурно-синтаксического воплощения, таких как парцелляция и изолированное придаточное предложение. Приведем результаты количественного анализа в следующих диаграммах.

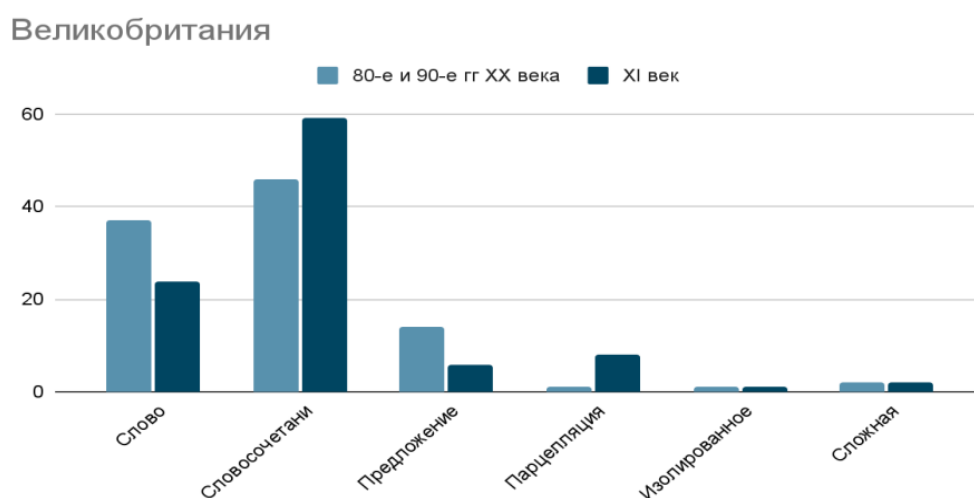

Диаграмма 1 – Динамика структурно-синтаксических характеристик британских фильмонимов

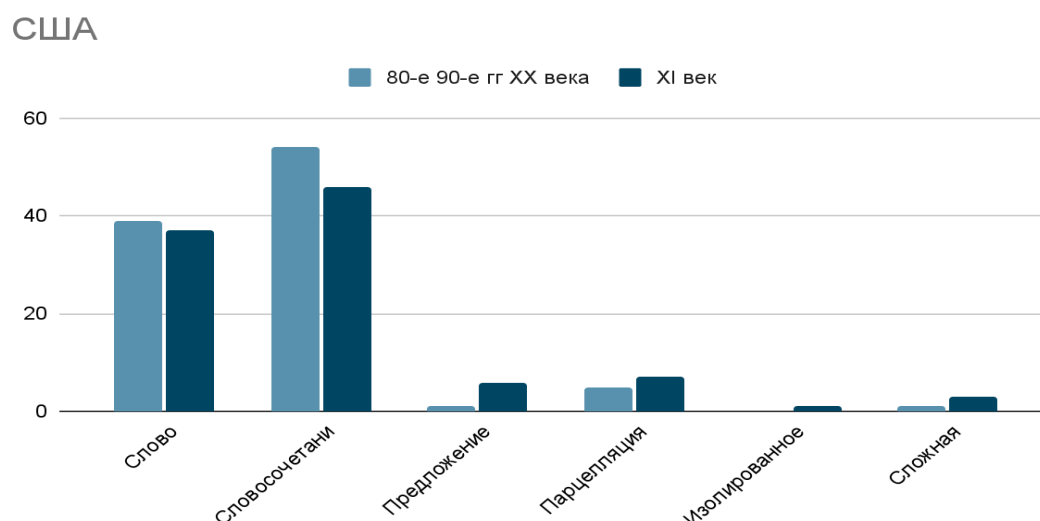

Диаграмма 2 – Динамика структурно-синтаксических характеристик американских фильмонимов

Исследуя семантические сдвиги в процессе перевода англоязычных названий на русский язык О. И. Александрова выделяет шесть групп, с общим смысловым центром, выделенным на основе когнитивно-тематического принципа: 1) названия, смысловым центром которых является «персонаж(и)», 2) названия, смысловым центром которых является «предмет», 3) названия, смысловым центром которых является «число», 4) названия, смысловым центром которых является «хронотоп», названия, 5) смысловым центром которых является «сюжетная линия», 6) названия, смысловым центром которых является «тема/идея» [2, с. 816]. Корректное отнесение кинозаголовка к определенной семантической группе обеспечивает адекватный перевод. Так, например название К-9 не просто относится к группе, смысловым центром которой является число, но в основу заложено созвучие со словом “canine”, так называется кинологический отдел полиции. При переводе на русский язык понадобилась актуализация данной информации, в результате чего появилась парцеллированная конструкция (К-9: Собачья работа). Наиболее распространенными группами среди американских фильмонимов были и остаются названия, включающие имена персонажей. В обоих периодах на их долю приходится почти половина всех случаев. Также распространена актуализация сюжетной линии в названии, на которую приходится около четверти выборки американских фильмонимов. Интересно, что в рамках группы, смысловым центром которой является сюжетная линия, в британских заголовках наблюдается идентичная ситуация. Однако в группе, в которой заголовок включает имя персонажа, наблюдается значительный скачок при сравнении двух периодов – с 30% до 48%, что, видимо, связано с копированием американской номинативной парадигмы фильмов.

Семантический анализ Великобритании

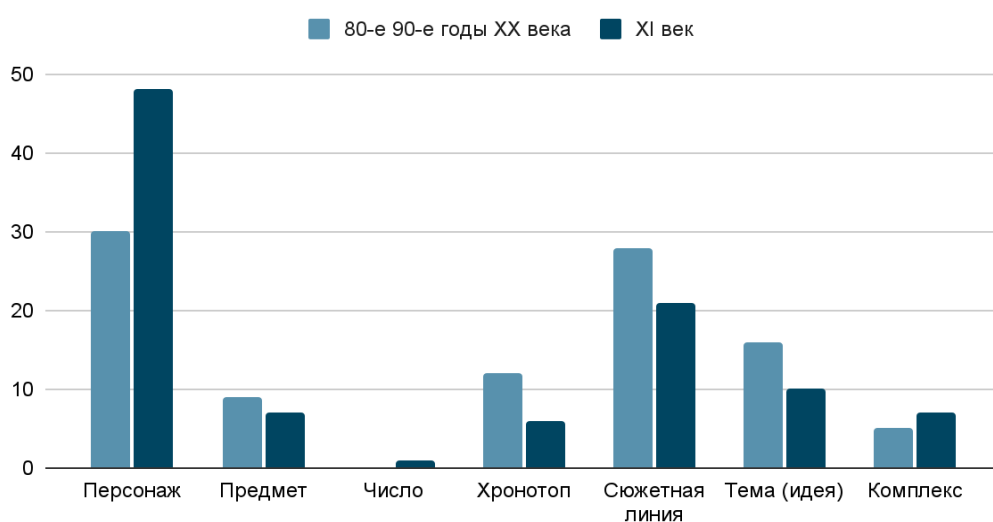

Диаграмма 3 – Динамика семантических характеристик британских фильмонимов

Семантический анализ США

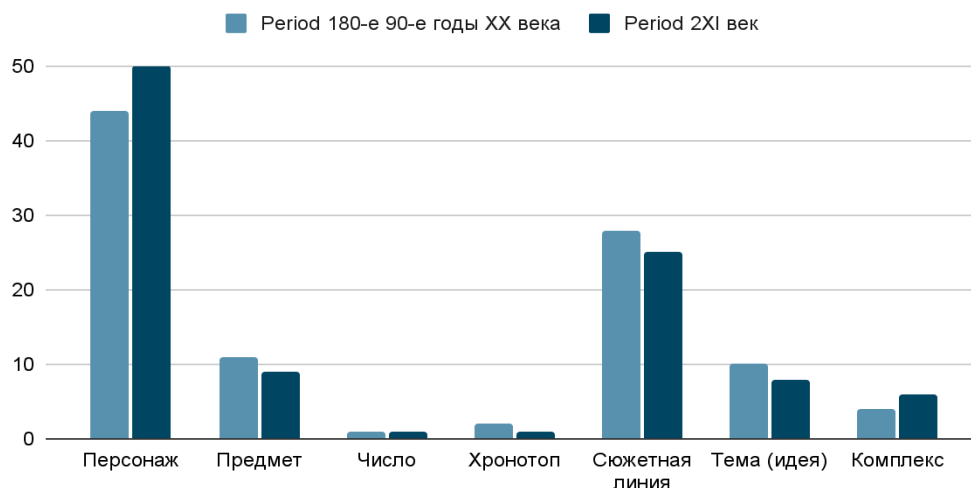

Диаграмма 4 – Динамика семантических характеристик американских фильмонимов

Приведенные выше диаграммы демонстрируют постепенное движение к двухчастной парцеллированной структуре, включающей два семантических компонента. Данное наблюдение является серьезным доводом в пользу взгляда на фильмоним как на малоформатный текст, поскольку здесь в рамках сжатой структуры уместается довольно значительный семантический объем, а также устанавливаются причинно-следственные связи между компонентами, актуализируются темпоральные и/или локальные характеристики событий.

Список литературы и источников

1. Александрова О. И. Семантическая трансформация названий кинофильмов, переведенных на русский язык // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2019. – С. 810-827.
2. Дудникова, М. С. Малоформатные тексты заглавий в современном англоязычном теледискурсе // Самар. нац. исслед. ун-т им. С. П. Королева (Самар. ун-т), Социал.-гуманитар. ин-т, Фак. филологии и журналистики. – 2019. – С. 32-46.
3. Скворцова Е. В. Динамика номинативной парадигмы американских художественных фильмов: автореф. дис. канд. филол. н. – Самара, 2011. – 23 с.
4. Скворцова Е. В. Прагмалингвистический потенциал малоформатных текстов названий американских кинофильмов // Научные ведомости БелГУ. Серия: Гуманитарные науки. – 2011. – по 6(101). – С. 203-208.

Yulia S.Selezneva

Samara National Research University

Dynamic processes in the nomination system of British and American films

Abstract. The article considers the dynamics of structural-syntactic characteristics and semantic shifts in English-language filmonyms for the last 40 years. The author deduces about changes of qualitative and quantitative composition of dominant structural and semantic features of British and American films' titles at present in comparison with last two decades of the 20th century.

Key words: filmonym, minitext, semantic transformation, translation, movie title, syntax.

ЗАГЛАВИЯ СОВРЕМЕННОЙ АНГЛИЙСКОЙ ФАНТАСТИКИ КАК ОТРАЖЕНИЕ ДИНАМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В ЯЗЫКЕ И ОБЩЕСТВЕ

Аннотация. Настоящее исследование ставит своей основной целью изучение динамических процессов в языке и обществе на материале заголовочных комплексов современных англоязычных произведений жанра фэнтези. Описываются основополагающие характеристики лингвистического феномена малоформатного текста. Исследователи приходят к выводу, что заглавия современных произведений жанра фэнтези обладают признаками малых текстовых образований на различных уровнях своей организации.

Ключевые слова: художественное произведение, жанр фэнтези, заглавие, тексты малых форм, лингвокультурный контекст.

Динамические процессы, происходящие в обществе на современном этапе его развития, касаются всех сторон жизнедеятельности человека. Язык, который является основным средством коммуникации, не является исключением. Лингвистическая парадигма, принятая ранее исследователями в качестве основополагающей, претерпевает заметные изменения. Так, термин «текст», применяемый лингвистами для описания произведений большого формата, сегодня используется в отношении лексических образований гораздо меньшего размера.

В современной лингвистической науке внимание исследователей приковано к феномену малоформатного текста. Малоформатным сегодня принято называть любой текст, который соответствует условию главного формального признака – краткости. Ученые отмечают, что малоформатный текст может относиться к любому жанру и содержать информацию разного рода. Как справедливо отмечают А.А. Харьковская, И.В. Пономаренко, А.В. Радюк в работе «Minitexts in Modern Educational Discourse: Functions and Trends», основное отличие феномена малоформатного текста от традиционного принятия текста заключается в параметре объёма: «a mini-format text, or minitext in fact differs from the generally accepted meaning of 'text' only because it contains a limited volume of words, otherwise bearing typical features of all the classical standards of textuality (cohesion, coherence, intentionality, acceptability, informativity, situationality, and intertextuality)» [Kharkovskaya, Ponomarenko, Radyuk, 2017: 70]. Тексты малого формата выделяются в определённый текстовый тип по критерию краткости. Содержание малоформатного текста является лаконичным и ёмким. Единицы текста располагаются так, чтобы при наименьшем количестве быть наиболее содержательными. В рамках данной работы мы рассматриваем заглавия фантастических произведений современного английского писателя-фантаста Н. Геймана как вид малоформатного текста.

Заглавия произведений жанра фэнтези Н.Геймана представляют собой небольшие словосочетания или предложения, а иногда могут состоять из одного слова. Форма изучаемых заглавий лаконична, они являются «компрессированными». Например, заглавия-слова

«Locks», «Sunbird», «Changes», а также заглавия-словосочетания «The Daughter of Owls», «Bitter Grounds», «Cold Colors». Таким образом, первой чертой, которая свидетельствует о том, что заглавие является текстом малого формата, является краткость, малый объём высказывания.

Заглавие любого художественного произведения выполняет информативную функцию, то есть отражает содержание и смысл как самого заглавия, так и называемого им текста; при этом заглавие представлено в сжатом виде. Малоформатные тексты заглавий произведений Нила Геймана, хотя имеют ограниченную протяженность, демонстрируют большой информативный потенциал. Например, заглавие произведения Нила Геймана «The Facts in the Case of the Departure of Miss Finch» несмотря на малый объём доносит до читателя важные сведения о главной героине произведения, ее исчезновении.

Кроме того, малоформатные тексты заглавий отражают специфику лингвокультурной ситуации, к которой принадлежит автор и в которой они были созданы. В качестве примера можно привести заглавие рассказа Нила Геймана «A Study in Emerald», в котором прослеживается явная отсылка к повести Артура Конан Дойля о Шерлоке Холмсе «A Study in Scarlet». Название произведения (как и дальнейшее его содержание), предложенное Нилом Гейманом, говорит о большом культурном влиянии произведений о Шерлоке Холмсе на последующие поколения писателей. В данном примере прослеживается аллюзивная отсылка к лингвокультурной ситуации, которая определила появление текста и его названия, что является одной из характеристик текстов малого формата.

Таким образом, мы полагаем, что в отношении заглавий художественных произведений жанра фэнтези правомерно использовать термин «малоформатные тексты». Во-первых, заглавие как текст малого формата является кратким и формально соотносится с отдельным словом, словосочетанием или предложением. Во-вторых, несмотря на сжатость и лаконичную форму, заглавие несёт большой объём информации, отражает содержание последующего текста. В-третьих, название произведения является единицей лингвокультуры, так как отражает определённый лингвокультурный контекст.

Список источников и литературы

1. Kharkovskaya, A.A., E.V. Ponomarenko, A.V. Radyuk Minitexts in modern educational discourse: functions and trends / A.A. Kharkovskaya, E.V. Ponomarenko, A.V. Radyuk. // *Training Language and Culture*. – 2017. – Vol. 1. – Pp. 66-83.

Yulya V. Vedeneva, Alina A. Fadeeva
Samara National Research University

Titles of modern fantasy literature as reflection of dynamic processes in language and society

Abstract. The present article researches dynamic processes in language and society based on the materials of titles of modern English-language works of fantasy genre. The fundamental characteristics of the linguistic phenomenon of small-format text are described. The researchers conclude that titles of modern fantasy literature have features of small textual formations at different levels of their organization.

Keywords: fiction work, fantasy genre, title, small-format text, linguistic and cultural context.

ВАРЬИРОВАНИЕ ОБРАЗА РЕБЁНКА В РЕЧИ КАК СРЕДСТВА ХАРАКТЕРИСТИКИ ДРУГОЙ РЕАЛИИ

Аннотация. В статье содержатся результаты анализа варьирования образа ребенка в процессе его функционирования в речи в трех разновидностях: лексическое варьирование образа, семантическое варьирование образа, варьирование его ассоциативных связей. Рассматривается его воспроизведение в составе сравнительной конструкции.

Ключевые слова: сравнение, варьирование, ассоциативные связи, образ ребенка, семантический потенциал, характеристики сравнения.

Образный способ характеристики объектов действительности используется во всех типах дискурса. Функционирование образной системы любого языка, на первый взгляд, производит впечатление отсутствия закономерностей, выглядит как проявления субъективного выбора говорящего, который подчинен его ситуативному настроению, индивидуальному восприятию характеризуемого объекта.

Однако образоцентрический подход, который означает анализ функционирования не отдельных слов, а образа, воплощаемого в разных лексических номинациях, позволяет выявить закономерности, которым подчиняется функционирование образа.

Целью данного доклада является рассмотрение варьирования образа ребёнка в речи в составе конструкций сравнения.

Сравнением в языкознании принято обозначать образную семантическую конструкцию, при употреблении которой необходимый для говорящего признак уподобляется другому по какому-то общему для них обоим свойству. При использовании данных конструкций в объекте сравнения актуализируются те или иные его свойства. Сравнение как средство характеристики и оценки в речи встречается довольно часто: в текстах, устойчивых выражениях, пословицах и поговорках и т. д. В лингвистике сравнение определяется как совокупность трех составляющих:

- 1) субъект сравнения (то, что сравнивается);
- 2) объект сравнения (с чем сравнивается);
- 3) характер (модуль) сравнения (общий признак сравниваемых реалий) [3, с. 225].

Вслед за Н. А. Илюхиной, мы рассматриваем варьирование образа в трех разновидностях: лексическое варьирование образа, семантическое варьирование образа (которое во многих случаях совпадает с лексическим варьированием) и варьирование его ассоциативных связей [2].

Кратко представим результаты анализа картины варьирования образа в трех названных разновидностях.

Лексическое варьирование образа ребенка выражается в использовании для его номинации слов *ребенок, дети, мальчик, девочка, малыш, младенец* и другие. Реже для его обозначения используются слова *пеленашка, баловник, безобразник, бесёнок, егоза, живчик, ка-*

призник, баловень, плакса, ревун, рёва, барбос, пузан, толстопуз, глупыш, несмышлениш, разумник, замарашка, пачкун, пачкунья, детдомовец, найдёныш, отказник и мн. др.

В процессе лексического и семантического варьирования чаще всего образ ребенка в составе сравнений воплощается словами следующих семантических групп, которые называют наиболее важные признаки ребенка, характерные для него действия и поведение: *маленький, глупый, плачет, смеется, беззащитный* и многие другие.

Образ ребенка в составе сравнительных конструкций *как ребёнок, как дети, как мальчик, как девочка* и т.д. в процессе семантического варьирования характеризует, как правило, взрослого человека или ребенка другого пола. Помимо значений 'внешний вид ребенка', 'неопытность' и 'наивность', лексемы реализуют целый ряд смыслов: 'искренность', 'доверчивость', 'эмоциональность', 'беспомощность', 'несамостоятельность', 'непрактичность', 'эгоистичность', 'обидчивость', 'потребность в любви', 'любопытность', 'увлеченность'.

Рассмотрим основные аспекты образа ребенка, которые воплощаются в процессе его семантического варьирования в составе сравнительных конструкций.

1. Внешние признаки ребенка, которые включают:

а) миниатюрное телосложение (маленькая масса тела, маленький рост, небольшие части тела, общая худоба, неполная физическая развитость), которые вызывают впечатление, будто перед нами не взрослый мужчина или женщина, а подросток, например: *Она была такая маленькая, как ребенок... всегда выглядела как ребенок, хотя ей было уже девятнадцать лет* (Г. Садулаев);

б) характерные черты лица (пухлые губы, щеки, небольшой лоб, зубы, маленький подбородок, яркие глаза, как правило, насыщенных оттенков – голубые, синие, зеленые, либо же насыщенно-темные, более округлая форма лица, характерный его цвет (розовый, румяный), например: *Потом подошел и сам Рубакин – румяный, как ребенок, в новом костюме, который делал его еще короче* (В. Каверин).

2. Инфантильное и незрелое поведение и поступки, присущие скорее детям:

а) интеллектуальная незрелость: *Возвращаясь домой, Володя вспомнил последние слова Соколовского и печально усмехнулся. Пожилой человек, а рассуждает, как ребенок* (И. Эренбург);

б) неспособность правильно анализировать ситуацию, например: *Он не мог понять, что перед этими людьми он был беззащитен, как ребенок, и что за эту отчаянную и незаконную попытку изменить существующий порядок вещей заплатит своей собственной жизнью* (Г. Газданов);

в) излишняя открытость в отношении с другими людьми, например: *Он как ребенок — открытый, искренний и в чем-то даже наивный* (Певица Валерия);

г) повышенная эмоциональная нестабильность, внешнее бурное проявление чувств, причем как положительных, так и отрицательных.

Если речь идет о положительных эмоциях, то, как правило, сравнение *как ребенок* уточняет семантику глаголов действия: *смеётся, хохочет, прыгает* (от счастья), *улыбается, хлопает в ладоши* (от радости) и т. д., например: *Когда наконец сквозь шорохи, завывания и треск в эфире в репродукторе зазвучал спокойный, размеренный голос Ермакова, Михаил Антонович возликовал, как ребенок* (А. и Б. Стругацкие).

Когда речь идет об отрицательных эмоциях, сравнение *как ребенок* уточняет значение глаголов *плачет, рыдает, грустит, понуро опустил голову, опечалился* и т.д., например: *По-*

чему-то казалось, что исчезли вещи – все ее вещи, и только после этого пропала она сама, так бесследно, как если бы ее даже не существовало; а он, оглохший и немой, бродил голым по своей квартире и что-то искал, пока не **разрыдался, как ребенок**... (О. Павлов).

3. Виды занятий, более типичные для детей, повышенная подвижность: *прыгает, скачет, бегают, обнимается, играет в игрушки*, например: *...пришла теперь Шурику в голову мысль принять магометанство. Как ребенок малый со спичками балуется. Зажжет, посмотрит, как спичка горит, но не поджигает* (А. Иличевский).

Представленная картина дает лишь схематическое представление о богатом семантическом потенциале данного образа, по каждому из образующих его смыслов происходит ассоциативное сближение данного образа с другими ассоциатами.

Таким образом, еще одной закономерностью функционирования образа ребенка в составе сравнительных конструкций является варьирование его ассоциативных связей. Проведенный анализ позволил установить, что образ ребенка имеет ассоциативные связи с человеком (взрослым или ребенком другого пола), натурфактами, артефактами, абстрактными понятиями.

Эти ассоциативные связи (в том числе их конкретную лексическую реализацию) можно дифференцировать по разным линиям. Можно выделить высокочастотные, регулярно воспроизводимые и редкие, «разовые»; характерные для языка в целом и относящиеся к поэтизмам; сохраняющие семантическую двупланность и представляющие собой стертые ассоциации, т.е. переставшие быть живыми для носителей языка.

Как показало проведенное нами исследование, наиболее частотным ассоциатом образа ребенка является человек, прежде всего взрослый. Приведенные выше примеры являются иллюстрациями именно этой, базовой для образа ребенка, ассоциативной связи. Однако наблюдения показывают, что ассоциативные связи данного образа не ограничиваются только человеком.

Помимо людей, мужчин и женщин, либо групп людей через сравнение с ребенком могут характеризоваться животные, а также предметы и абстрактные понятия. В этих случаях на первый план в процессе семантического варьирования образа выступает сходство в аспекте внешних атрибутов: например, покойника либо часть тела могут обернуть в ткань, и это производит впечатление сходства с пеленанием ребенка, например: *Теперь его нога туго, без единой морщинки была **спелёната, как ребёнок*** (В. Катаев).

Животное, домашнее или сельскохозяйственное, в маленьком или взрослом возрасте может проявлять стереотипные признаки незрелого существа, то есть соответствующим образом выглядеть либо вести себя, как ребенок (*скулить, шалить, баловаться*), совершать определенные физические действия (*бегать, прыгать, играть, питаться материнским молоком*), например: *Бык жмурился и, как ребенок во сне, поворачивал голову, будто вжимаясь в подушку* (А. Иличевский); *Поехал бы дальше, но мой конь заплакал, как ребенок, когда я хотел миновать эту гостиницу* (Е. Шварц).

Некоторые владельцы домашних животных относятся к своим домашним питомцам, как к собственным детям. Поэтому для них действия и игры питомца (например, кошки) воспринимаются по аналогии с ребенком: *кошка играет, как ребенок, бегают по дому, как ребенок* и т.д. Показательно, что животных, обитающих среди людей, нельзя считать самостоятельными: они зависят от людей и в этом плане у них действительно наблюдается сходство с беспомощными малолетними детьми, например: *Все очень радовались этому решению, но не знали, как лучше это сделать. – Котенок – как ребенок, – говорила мама. – Он будет членом нашей семьи. – Котенок – это ответственность, – добавлял папа* (М. Аромштам).

Что касается сравнений с неживыми и абстрактными объектами, то они не так часто отмечаются, как сравнения с живыми объектами, но все же фиксируются. Например, можно отметить факты олицетворения с использованием сравнительной конструкции: *небо плачет, как ребенок; солнце смеётся, как ребенок*. В данном случае наблюдается олицетворение с актуализацией эмоционального состояния или поведения. Примеры использования образа ребенка в составе сравнительных конструкций по отношению природным явлениям фиксируются в Национальном корпусе русского языка: *Ветер играет с тобой, как ребёнок с дремлющим львом...* (Е. Чижов).

Собранный нами материал показывает наличие разных средств выражения сравнения: наряду с рассмотренными сравнительными оборотами, в нашей картотеке содержатся прилагательные и наречия (в частности, *детский, девчачий, мальчишеский* и др.; *ребячески, (по-)детски, (по-)мальчишески, (по-)девчоночьи* и др. Эти средства, рассмотрение которых выходит за рамки данной статьи, расширяют представления о картине функционирования образа ребенка в качестве средства характеристики самых разных объектов. Подчеркнем и то, что данный образ широко представлен как общеязыковыми, так и художественными сравнениями, что свидетельствует о его большой значимости в сознании носителей языка.

В заключение подчеркнем, что категория варьирования, которая позволяет «измерить» параметры функционирования образа, доказывает, что это функционирование, производящее внешне впечатление асистемности, отсутствие упорядоченности, на самом деле подчиняется очевидным закономерностям и тенденциям.

Список литературы и источников

1. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка: В 3 т. М., 2006. URL: <http://enc-dic.com/efremova> (дата обращения 20.08.2018).
2. Илюхина Н.А. Метафорический образ в семасиологической интерпретации. М.: Флинта: Наука, 2010.
3. Крылова М. Н. Основные понятия категории сравнения в современном российском языкознании // EUROPEAN RESEARCH сборник статей победителей VIII международной научно-практической конференции. Пенза: «Наука и Просвещение» (ИП Гуляев Г. Ю.), 2017.
4. Национальный корпус русского языка – URL: <http://ruscorpora.ru>

Sarah K. Alfalke

Samara National Research University

Variation of the child's image in speech

Abstract. The article presents the results of variation analysis of the image of a child in the process of its operation in speech in three variants: lexical variation, semantic variation and variation of its associative links. The author considers reproduction of the image in a comparative construction.

Keywords: comparison, associative links, the image of a child, semantic potential, comparison characteristics.

**ОБРАЗНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЗРЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ:
ТРАДИЦИОННЫЕ И НЕСТАНДАРТНЫЕ МЕТАФОРЫ**

Аннотация. В статье анализируется образный компонент концепта «зрение». Выявлены основные метафорические модели, участвующие в образной репрезентации концепта. В рамках каждой модели описываются как общеязыковые метафоры, так и индивидуально-авторские. Отдельное внимание уделяется выявлению семантических признаков, позволяющих метафорически сближать ту или иную сферу со зрением.

Ключевые слова: концепт, образ, репрезентация зрения, метафорическая модель, стёртые метафоры.

Концепт как базовое понятие когнитивной лингвистики обладает сложной многомерной структурой. Наряду с предметно-логическим уровнем концепт имеет образную составляющую, которая, на наш взгляд, наиболее полно отражает концептуальное осмысление действительности. Новизна нашей работы заключается в том, что нами впервые предпринимается попытка систематизировать способы образного моделирования зрения в русской языковой картине мира. В научной литературе представлены исследования в данном аспекте концептов «глаза», «взгляд». Специальных работ, посвящённых изучению образной составляющей концепта «зрение» нами не обнаружено.

В современной справочной литературе дано следующее толкование лексемы *зрение*: «Одно из пяти внешних чувств, органом которого является глаз; способность видеть» [1]. О двух компонентах семантики данной лексемы – «способность» и «орган» – лингвисты писали неоднократно. Так, Е.В. Урысон, рассуждая о втором компоненте значения, отмечает, что по сравнению с лексемой *глаза*, лексема *зрение* в данном случае обозначает нематериальный, невидимый объект, который «обеспечивает функционирование реального органа» [3, с. 5]. Осмысление абстрактного понятия зрения через конкретные явления приводит к возникновению когнитивной метафоры как к одному из способов представления знаний о мире в языке.

Предмет нашего исследования – метафоры, компонентом которых выступает лексема *зрение*. Общее количество собранных примеров – 2200 текстовых фрагментов. Материалом для анализа послужили фрагменты текстов, отобранные при помощи Национального корпуса русского языка.

Проведённое нами исследование позволило выявить продуктивные метафорические модели, репрезентирующие зрение в русском языке:

1. Антропоморфная модель характеризуется образным разнообразием: широко представлены образы здоровья / болезни; усталости; смерти; возраста; обмана, измены; отношений недоверия; ухода и возвращения; оказания помощи; отношений субординации; профессиональной деятельности; военного человека. В данную группу были отнесены метафоры: *здоровое зрение, зрение ослабло, зрение страдает, зрение устало, утомить зрение, погубить*

зрение, тревожить зрение, веселить зрение, возвращается зрение, помощь зрению, тренировать зрение, атака на зрение и многие другие.

2. В рамках предметной модели были выделены образы обладания предметом; использования предмета; получения / отчуждения предмета; разрушения предмета, а также образы механизма, оружия, зеркала. В эту группу вошли следующие метафоры: *иметь зрение, утратить зрение, вернуть зрение, одарён зрением, терять зрение, лишиться зрения, отнять зрение, портить зрение, повредить, разрушать зрение, включить зрение, настроить зрение, фотографическое зрение, осколочное зрение* и другие.

3. Для натурмофной модели оказались характерны образы темноты и света, меньшим числом метафорических единиц характеризуется репрезентация зрения через образы воды, животных и птиц. Приведём примеры: *ясное зрение, потемнело зрение, померкло зрение, погасло зрение, потухло зрение, затуманилось зрение; птичье зрение, орлиное зрение, ястребиное зрение, кошачье зрение, свиное зрение* и другие.

4. Среди метафор пространственной модели доминируют номинации с образом формы (туннель, труба; угол; край; ось; линия; объём; сфера, круг; фасетка), расположения (близь / даль, центр / периферия), параметров (высота / низ, ширина / узость), перемещения, менее частотны образы вместимого и вместилища: *трубное зрение, фасеточное зрение, круговое зрение, ближнее зрение, центральное зрение, боковое зрение, высокое зрение, низкое зрение, зрение ушло, зрение уползло, зрение село, поле зрения* и другие.

5. В рамках перцептивной метафорической модели при репрезентации зрения используются только осязательные (тактильные) и зрительные метафоры: *острое зрение, пронзительное зрение, вонзить зрение, зрение притупляется, цветное зрение, чёрно-белое зрение, контрастное зрение* и другие.

6. Количественная модель представлена образами недостаточного / достаточного количества; малого / большого количества; уменьшения / увеличения количества; ресурса: *не хватает зрения, недостаточное зрение, тратить зрение, расходовать зрение, остаточное зрение, уменьшается зрение, резервы зрения* и другие.

В рамках каждой метафорической модели были проанализированы как общеязыковые, стёртые метафоры, так и индивидуально-авторские.

Образная репрезентация зрения характеризуется большим количеством стёртых метафор.

Многие из выражений имеют в русском языке статус медицинских терминов. Наиболее часто в научной литературе встречаются выражения: *острота зрения, поле зрения*. Такие метафоры активно используются не только в научной сфере, но и в бытовой речи благодаря своей прозрачной, интуитивно понятной внутренней форме. Интересно, что очень часто в основе метафор-терминов лежит пространственный образ: *центральное зрение, боковое зрение, периферийное зрение, дальнее зрение, снижение зрения* и другие.

Неяркой образностью обладают метафоры, которые в русском языке уже воспринимаются как устойчивые сочетания. Многие из таких выражений зафиксированы в словарях (*обман зрения, острое зрение, терять зрение, иметь зрение, лишиться зрения, вернуть зрение*).

Преимущественно стёртыми метафорами являются выражения, характерные для разговорной речи. Так, метафорами *сажать зрение, упало зрение* описывается ухудшение зри-

тельной функции: *За последний год у нее упало зрение с единицы до минус (Ионова // Комсомольская правда, 2007.05.16).*

Активно используются общеязыковые метафоры, описывающие в русском языке функционирование не только зрения, но и других органов и способностей человека. Так, например, нарушение в той или иной области организма отражено в метафорах: *зрение изменяет – память изменяет; зрение подводит – печень подводит; зрение страдает – мозг страдает; нервы шалят – зрение шалит* и т.д. Универсальность этих метафор делает выражения привычными в употреблении.

Вместе с тем довольно часто при репрезентации зрения встречаются нетрадиционные метафоры. Их отличает яркая образность.

В основе многих ярких метафорических номинаций лежит результат действия метонимического механизма. Нередко на зрение переносятся характеристики глаз, закреплённые в языке в устойчивых выражениях: *радует зрение, невооружённым зрением, краем зрения, закрыть зрение, смежить зрение, выпучить зрение*. Приведём контексты с данными метафорическими выражениями: ... **краем зрения он видел испуганно взмывших с асфальта голубей, нервно дернувшегося офицера...** (Прилепин); ... **свет защекотал мальчику закрытое зрение, и он проснулся** (Платонов).

Привычные для носителей языке признаки взгляда также продуктивно используются для моделирования образного описания зрения: *ревнивое зрение, влюблённое зрение, остановилось зрение, поверхностное зрение, сосредоточить зрение, устремить зрение, приковывать зрение*.

Нетипичная лексическая сочетаемость характеристик глаз и взгляда со словом *зрение* делает фразы более выразительными и экспрессивными.

Отдельно стоит отметить большое количество индивидуально-авторских метафор, которые очень часто представляют собой переосмысление общеязыковых метафор зрения (*слабое зрение – неможное, хилое, вялое, калека; испортить зрение – ломать, курочить, разрушить, раздавить, доконать; обман зрения – зрение лжёт, врёт; зрение изменяет – предаёт; зрение работает – бездействует, отказывалось служить, не бездельничало; приняло обязанность, дело зрения; лишиться зрения – погубить, убить, что-то отняло зрение, болезнь забрала зрение / зрение ушло, уползло, утекло* и т.д.) Авторская интерпретация стёртых метафор обновляет привычные выражения, усиливая прежнюю образность.

Рассмотрим некоторые примеры метафор, в основе которых переосмысления образа работы зрения. Процесс нарушения зрительных функций осмысляется как отказ зрения от выполнения своих обязанностей: *Климент надел очки, велел подать свечей, но не мог увидеть ничего: зрение уже отказывалось служить* (Дживелегов). Повышение качества зрения из-за ослабления какой-либо из систем организма осмысляется через образ смены обязанностей: ***Зрение тотчас приняло на себя обязанность утраченного слуха*** (Катаев). Таким образом, можно сделать вывод о богатстве и многообразии метафор, репрезентирующих зрение. Лексема *зрение* обозначает нематериальный, невидимый объект. Стремление осмыслить абстрактное понятие зрения через конкретные явления приводит к возникновению большого количества когнитивных метафор как одного из способов представления знаний о мире в языке.

Список литературы и источников

1. Большой толковый словарь русского языка. Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1536 с.
2. Национальный корпус русского языка // [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (Дата обращения 15.05.2021).
3. Урысон Е.В. Языковая картина мира vs. обиходные представления (модель восприятия в русском языке) // Вопросы языкознания. 1998. № 2. С. 3–21.

Anna S. Samovarnova

Samara National Research University

Figurative representation of vision sense in the Russian language: traditional and nonstandard metaphors

Abstract. The article analyzes the figurative component of the concept "vision". The main metaphorical models involved in the figurative representation of the concept are revealed. Within the framework of each model, both general language metaphors and individual author's metaphors are described. Special attention is paid to the identification of semantic features that allow metaphorically to bring this or that sphere closer to vision.

Keywords: concept, image, representation of vision, metaphorical model, erased metaphors.

УДК 070

Рыжкова О.А.

*Новгородский государственный университет
имени Ярослава Мудрого*

МУЗЕЙНЫЙ МЕДИАДИСКУРС: ТЕКСТ VS КОММЕНТАРИЙ

Аннотация. В статье рассматривается музейный медиадискурс, который, помимо эстетического наполнения, является инструментом трансляции общественно-значимых посылов. Присутствие культурного кода в социальной, политической и экономической повестке исследовалось на примере текстов музейного ряда ИД «Коммерсантъ» за период 2020-2021 гг.

Ключевые слова: дискурс, культура, музей, оценочность, комментарий.

Музейный медиадискурс – сфера, отражающая динамику, непостоянство и появление новых тенденций, характерных для области искусства в целом. Актуальность дискурсологической музейной составляющей трудно переоценить – знакомство аудитории с экспозиционными событиями, формирование эстетических предпочтений и собственного видения осуществляется, в том числе, и благодаря рецензиям, обзорам, критическим статьям. Данная тенденция по-новому проявила себя в период локдауна, закрытые галереи и границы между государствами способствовали усилению экспертной, аксиологической роли рецензента наряду с активизацией комментаторского потока. Рассмотрение текстов во взаимодействии с интенциональными и диктумными характеристиками соотносится с понятием дискурса как

связного текста в совокупности с экстралингвистическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте [1, с.136]. Подчеркнем, что актуализация понятия «дискурс» связана с коммуникативной и когнитивной речевыми функциями, а различие понятий дискурс-текст в процессуальной проявленности – статичный и материально проявленный текст и динамично представленный дискурс.

Совершая отбор из множества событий, медиа опираются на деонтические фильтры, определяющие, какой новостной материал выйдет в свет и как он будет интерпретирован. Общественный резонанс и фокус внимания аудитории, социальная значимость изложенного и её актуальность зависят от взаимосвязи двух составляющих – социальной позиции СМИ и характера целевой аудитории. Таким образом, медиадискурс представляет собой социально-обусловленный процесс, посредством которого производятся и транслируются общественно-значимые послы, являющиеся частью коллективного сознания. Музейный дискурс воплощает вербальное сообщение, наполненное эстетической, образной, эмоциональной и оценочной информацией, при этом он связан с восприятием аудитории, и не полон без этого восприятия. Ошибочно считать музейный дискурс социально и политически-нейтральным средоточием интересов узкой группы людей, увлечённых искусством. Рассмотрение текстов музейного ряда на примере публикаций ИД «Коммерсантъ» за период 2020-2021 гг. показало, что музейный дискурс включает в себя политическую, экономическую и социальную повестки. Таким образом, тексты и комментарии, составляющее поле коммуникативного взаимодействия, затрагивают не самые очевидные для культуры сферы. Причинами сверхождаемого общественного резонанса могут стать скандальный контент выставки, субъективное мнение журналиста, идущее вразрез с общепринятым или читательский комментарий, действующий согласно сценариям возмущения. Рассмотрим эти причины подробнее.

Исследователи, в частности, Джордж Миниссэйл [2], отмечают, что современное искусство затрагивает табуированные ранее темы, нарушает эстетические установки и шокирует. То, что видит посетитель экспозиционных залов, может не соответствовать принятым стереотипам, быть бессмысленным и «некрасивым», затрагивать болезненные и неоднозначные для общества темы войны, социального неравенства, культурной памяти, религиозных ритуалов и т. д. Контент, находящийся для аудитории вне зоны комфорта, проявляет себя в журналистском тексте, часто становясь поводом для неприятия и жестких оценочных суждений. Тон комментария метонимически переходит на рецензию (рецензента), кураторов выставки или музейное руководство, которые назначаются ответственными за «неправильное» искусство. Примеры резонансных экспозиций – «Сальвадор Дали. Магическое искусство» (Манеж, 2020), «Ненавсегда. 1968–1985» (Третьяковская галерея на Крымском Валу, 2020), «Немосква не за горами» (Манеж, 2020), презентация произведений австрийского художника Германа Нитча (Третьяковская галерея на Крымском Валу, 2020), «Мир тела» (ВДНХ, 2021) и другие.

Рецензия является жанром, где ведущее значение приобретает авторская позиция. Именно личностные факторы, эмоциональность и богатство внутреннего мира обладают силой воздействия на читателя. Рецензия является аргументированным рассуждением, но рецензент не свободен от общественных устоев и норм, соответственно, в анализе реализуются объективные и субъективные факторы. Оценочность, предполагающая аргументацию своего видения может быть воспринята аудиторией, не согласной с предлагаемой оценкой, как про-

явление субъективности. Вот примеры достаточно пристрастных попыток охарактеризовать экспозиционную конъюнктуру: «Выставка названа «Александр III (1845–1894). Император и коллекционер», но первого тут явно больше, чем второго, а сама экспозиция выглядит тезисами к заданию, спущенному из кабинета бывшего министра культуры, умелого государственника и консерватора» (По правилам хорошего трона. «Александр III. Император и коллекционер» в Русском музее. Газета "Коммерсантъ" №35 от 27.02.2020, стр. 11, Кира Долинина) или промахи кураторов-экспозиционеров: «...при построении столь многосоставных сборных выставок всегда есть опасность, что в итоге экспозиция превратится в поток речи. Или, наоборот, распадется на не согласованные между собой части» (Голос не за горами. Выставка регионального современного искусства в Санкт-Петербурге. Газета "Коммерсантъ" №141 от 10.08.2020, стр. 8, Кира Долинина).

Сарказма хватает и на долю европейских экспозиций: «Тоже музей, но странный, как сон на 8 марта прапорщика, начитавшегося «Малой истории искусства» (Город одной женщины. Синди Шерман в Fondation Louis Vuitton. Газета "Коммерсантъ" №176 от 26.09.2020, стр. 4, Алексей Тарханов).

Одним из самых провокативных является поле взаимодействия культуры и политической ситуации. На политическом противостоянии может быть завязан как сам инфоповод, так и сопровождающая его рецензия, изобилующая политической лексикой и подчёркивающая дихотомию «мы – они». В данной цитате больше политики, чем культуры, используемая лексика создаёт ощущение напряжённости и борьбы: «Социализм и капитализм сошлись на берегах Дуная лицом к лицу, чтобы доказать свои преимущества. В Вене показывают выставку о борьбе архитектур социализма и капитализма. <...> После победы в 1945 году союзники разделили Австрию по принципу Германии — четыре оккупационные зоны в стране и четыре зоны внутри столицы» (Между Кремлем и Манхэттенем. «Холодная война и архитектура» в Архитектурном центре Вены. Газета "Коммерсантъ" №21 от 06.02.2020, стр. 11, Алексей Мокроусов).

Культура не всегда является способом подчеркнуть политическое противостояние, она может стать одним из видов дипломатии, что прекрасно осознают обе стороны: «Так что мы расцениваем эту культурную акцию как дань уважения российского музея по отношению к Риму. Этот жест очень важен в плане культурного обмена между Россией и Италией» («Побывать в Эрмитаже — мечта моей жизни». Беседа с основательницей культурного фонда Alda Fendi — *Esperimenti*. Журнал "Огонёк" №3 от 27.01.2020, стр. 37, Елена Пушкарская).

Автор публикации может подразумевать под своей целевой аудиторией людей с разной степенью компетентности в вопросах культуры, в зависимости от этого он может использовать термины и профессионализмы: «Вся его живопись только подтверждала этот тезис: сложно найти менее нарративное искусство, чем искусство Матисса. Здесь нет слов, все — цвет, линия, чистота безъязыкости» (Память, ножницы, бумага. Выставка к 150-летию Анри Матисса в Эрмитаже. Газета "Коммерсантъ" №9 от 21.01.2020, стр. 11, Кира Долинина) или пытаться завлечь «широкую публику», используя современный жаргон и пикантные подробности «Дали к тому времени уже давно был знаменит, в мастерстве «троллинга» ему и раньше не было равных, он мог позволить себе любые провокационные заявления, в том числе и о том, что художникам стоит больше тренироваться в рисунке и обязательно обнаженными, «чтобы ощущать абрис собственного тела и собственное величие, когда вы стоите босиком

на полу» (Сюрреализм, до и после. Выставка Сальвадора Дали в Манеже. Газета "Коммерсантъ" №15 от 29.01.2020, стр. 11, Игорь Гребельников). Как видно из примеров, рецензенты балансируют между погружением в культурологическую риторику и популяризацией культуры для всех.

Актуальность музейной повестки проявляет себя в увеличении доли читательского комментария. На активность аудитории также повлияли известные события 2020 года: сократилось число инфоповодов и объем публикаций по числу знаков, но возрос энтузиазм аудитории комментировать публикации, связанный с изоляцией и желанием таким образом организовать свой досуг. Мы не будем касаться комментариев, удаленных модератором или содержащих благодарность – «Спасибо большое, интересно». Значимые комментарии выражают специфические представления аудитории о политике, идентичности и роли культурных институций в обществе, выходя за парадигму собственно музейного дискурса: «кодовые трансформации, протекающие при восприятии текста и его (вос)производстве, можно выявить, сопоставляя два текста – первичный и вторичный (вторичные)» [3, с.35]. Большинство из них, как уже говорилось, вызваны критичным отношением к самой экспозиции или личности художника: «Дали сильно переоценен» (Сюрреализм, до и после. Выставка Сальвадора Дали в Манеже. Газета "Коммерсантъ" №15 от 29.01.2020, стр. 11, Игорь Гребельников). Часто за неприятием творчества стоит отношение к политическому строю: «Выставка - отражение состояния западного общества. У честных, думающих и чувствующих авторов, нет оснований для высокомерия», «Социопатии, безысходность RAF, вырождение - прикрытые помпезностью, окрашенных демагогией, сопровождающих текстов» (Третьяковка приняла дар на себя. Герман Нитч преподнес музею три картины. Газета "Коммерсантъ" №148 от 19.08.2020, стр. 8, Кира Долинина). Политизированность в комментариях проявляется даже на таком нейтральном поле, как выставка регионального искусства: «Турки у ворот Константинополя, а монахи все спорят о каких-то своих никому не интересных тонкостях. Куча вторичного шлака и очередной способ попилить бабл» (Голос не за горами. Выставка регионального современного искусства в Санкт-Петербурге. Газета "Коммерсантъ" №141 от 10.08.2020, стр. 8, Кира Долинина). Полемика с авторами публикаций также имеет социально-политическую окраску: «Складывается интуитивное ощущение, что г-жа Толстова в предыдущие десятилетия из всех сил пыталась, с "Арихипелагом ГУЛАГ" наперевес, сбросить советскую не-андерграундную культуру и советское не-комар&меламидное искусство с парохода рукопожатной современности, а потом, чувствуя свое полное бессилие в отваживании народа от этого "фу", махнула рукой, и лишь лениво раскидывает иронично-саркастический бисер по таким вот рецензиям» (Это было всегда и не кончилось. Анна Толстова о московском взгляде на застой. Журнал "Коммерсантъ Weekend" №21 от 03.07.2020, стр. 5). Кроме этого, можно выделить группу комментариев в адрес кураторов выставок, экономической и бытовой составляющей музейной деятельности. Вторичность текстов-комментариев сочетается с высокой степенью их диалогичности [4, с. 840]. Как мы видим, комментарии, чаще всего негативно эмоционально окрашенные, ассимилируют музейную деятельность относительно общекультурного, социального и политического контекстов. Субъективное восприятие основывается на компонентах культурного кода, знакомых сценариях и общепринятых моделях, то есть имеет некий объективный базис. Саркастическая ин-

тонация, направленная на рецензента, куратора или автора работ имплицитно демонстрирует недовольство властью, кризис идентичности или личностных предпочтений.

Проведенное исследование подтверждает, что современный этап изучения дискурса выходит за рамки лингвистики, занимая позиции в таких областях, как философия, социология, психология и антропология. Визуальные виды искусства, которые составляют музейный контент, являются ранней стадией коммуникации, насыщенной семантическими значениями. Это придаёт музейному полю характеристики многопланового исследовательского объекта и подразумевает субъективность оценки. Выход экспозиционных событий за пределы музейного дискурса является признаком того, что музеи осознают социальную повестку и актуальные тенденции, становясь значимым социальным институтом. Данное исследовательское поле, безусловно, выходит за рамки представленной работы и требует дальнейшего детального изучения.

Список литературы и источников

1. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Большой энциклопедический словарь: Языкознание / В.Н. Ярцева. М.: Большая энциклопедия, 1998. 682 с.
2. Minissale G. *The Psychology of Contemporary Art*. UK, Cambridge: CUP, 2015. 372 p.
3. Мельник Н. В. Деривация русского текста: лингвистические и персонологические аспекты. М.: Ленанд, 2014. 280 с.
4. Савельева И. В. Интернет-комментарий как вторичный текст: семиотическая модель текстоорождения / И. В. Савельева // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 3(79).

Olga A. Ryzhkova

Novgorod State University

Museum media discourse: text vs commentary

Abstract. The article examines museum media discourse, which, in addition to aesthetic content, is a tool for broadcasting socially significant messages. The presence of the cultural code in the social, political and economic agenda was studied using the example of the texts of the museum series of the publishing house "Kommersant" for the period 2020-2021.

Key words: discourse, culture, museum, evaluativeness.

СЕКЦИЯ ПСИХОЛОГИИ
«Психология многомерной реальности: мир и время
как пространство для творчества и освоения»

УДК 316.6

Зорина С.В., Шигаева Н.В.

*Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королёва*

**СОЦИАЛЬНАЯ ПЕРЦЕПЦИЯ ГРУППЫ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ КОЛИЧЕСТВА
И ВАЛЕНТНОСТИ ЭКСПРЕССИВНЫХ ЛИЦ**

Аннотация. Испытуемым предъявлялись три массива фотографий, содержащих по два, четыре или шесть лиц, выражающих гнев и радость среди нейтральных лиц. Результаты показали, что позитивнее оценивалась группа из четырех (в сравнении с двумя) и негативнее группа из шести (в сравнении с четырьмя) выразительных лиц. Социальная перцепция групп не линейно связана с количеством и валентностью экспрессивных лиц.

Ключевые слова: восприятие группы, восприятие лиц, восприятие ансамблей.

При восприятии группы людей, человек видит множество лиц, которые могут выразить различные эмоциональные состояния. Извлечение статистической информации (среднего, дисперсии) из массива лиц может быть полезной способностью для быстрого определения преобладающего настроения общности, а значит ее намерений и готовности действовать. Оценка сводных статистических показателей ряда объектов изучается в области восприятия ансамблей [2], традиционно использующей лица для определения закономерностей оценки статичных и динамичных параметров группы, таких как движение, среднее эмоциональное выражение, пол, сходство, направление взглядов [9]. Сводные статистики применяются для быстрого и возможно слабо осознаваемого формирования оценок, например, привлекательности [8], что доказывает использование механизмов усреднения в когнитивных процессах, выходящих за рамки восприятия.

Современные исследования показали, что в процессе извлечения статистической сводной информации вес разных элементов (их вклад в результат оценки) может различаться [5]. Однако неясно, как определяются эти значимые элементы. В рамках психофизического подхода к оценке количества эффективно интегрируемых элементов, показано, что элементы могут отбираться случайным образом [5] или с учетом их значимости, то есть большей заметности, зависящей от физических особенностей стимулов (контраст, размер, цвет и так далее), то есть низкоуровневых процессов. Восприятие социальных стимулов определяется также и высокоуровневыми процессами, детерминированными установками, ценностями, опытом, чувствами воспринимающего человека. Выражение лица является важнейшим сигналом состояний и намерений людей, свидетельствующих об опасности или миролюбии социального окружения. Поэтому лицевая экспрессия закономерно включает стимул в число значимых элементов, которые должны использоваться для извлечения средних значений группы объектов.

При наличии нескольких людей, выражающих эмоции противоположной валентности наблюдатель может извлекать среднее из всех экспрессий или преимущественно из какой-то группы лицевых выражений. В последнем случае преимущество в обработке получают значимые сигналы, исходя из низкоуровневых и высокоуровневых характеристик. Исследование ориентировано на определение эмоции, выражение которой вносит больший вклад в восприятие качеств группы. В соответствии с эволюционными аргументами о значении отрицательных аффектов для достижения безопасности, обеспечивающим им преимущественное внимание, мы ожидаем, что с ростом количества гневных лиц, независимо от роста количества радостных лиц, усиливается негативная оценка воспринимаемой группы.

В исследовании приняли участие 50 участников (36 женщин; средний возраст 33 года, стандартное отклонение 8,79).

Стимульный материал состоял из трех массивов, включавших: 10 нейтральных лиц, 1 счастливое лицо, 1 гневное лицо; 8 нейтральных лиц, 2 счастливых лица, 2 гневных лица; 6 нейтральных лиц, 3 счастливых лица, 3 гневных лица. Фотографии были отобраны из стандартизированного набора (Warsaw set of emotional facial expression pictures) [6] и размещены на сером фоне по четыре изображения в каждом из трех рядов. Экспрессивные лица мужчин и женщин располагались случайным образом на разных позициях.

Участникам предъявляли в случайной последовательности три массива фотографий с разным количеством эмоциональных лиц. После просмотра каждого набора испытуемые оценивали следующие качества по биполярной шкале от -3 до 3: эмоции группы: очень отрицательные / очень положительные, активность (возбуждение), опасность, доброжелательность, доминирование (уверенность), насколько группа радостная и гневная.

Использование критерия знаковых рангов Уилкоксона позволило обнаружить статистически значимые различия в оценках эмоций групп ($Me_2=0$, $Me_4=1$; $p=0,01$), их активности ($Me_2=-1$, $Me_4=1$; $p\leq 0,001$), доброжелательности ($Me_2=-1$, $Me_4=0$; $p=0,04$), выражаемой радости ($Me_2=-1$, $Me_4=1$; $p\leq 0,001$) с двумя и четырьмя экспрессивными лицами. Массивы с четырьмя и шестью эмоциональными лицами отличаются по следующим приписываемых характеристикам: активность ($Me_4=1$, $Me_6=2$; $p\leq 0,001$), опасность ($Me_4=-2$, $Me_6=-1$; $0,01$), выражаемый гнев ($Me_4=-1$, $Me_6=-0,5$; $0,02$). Группы, включающие две и шесть фотографий эмоциональных лиц, оцениваются различным образом по шкалам: активность ($Me_2=0$, $Me_6=1$; $p\leq 0,001$), опасность ($Me_2=0$, $Me_6=1$; $0,01$), доброжелательность ($Me_2=-1$, $Me_6=1$; $p\leq 0,001$), доминирование ($Me_2=0$, $Me_6=1$; $0,03$), выражение радости ($Me_2=-1$, $Me_6=1$; $p\leq 0,001$).

Группа с четырьмя экспрессивными лицами в сопоставлении с группой с двумя воспринимается более позитивно, вероятно, потому что испытуемые обращают внимание преимущественно на людей, демонстрирующих радость, несмотря на то, что в наборе увеличивается и количество людей с гневной мимикой. Результат может быть обусловлен визуальной заметностью улыбки, усиливающейся в случае обнажения переднего ряда зубов, увеличивающих контрастность изображения. Исследования точности идентификации базовых мимических схем показали максимальную узнаваемость выражения радости [1]. Легкость распознавания улыбки при малом количестве лиц, выражающих гнев, определяет рост приписывания позитивных качеств группе.

Массив с шестью экспрессивными лицами по сравнению с четырьмя воспринимается негативнее, что определяется преимущественным вниманием к трем людям, выражающим гнев, несмотря на то, что в наборе присутствуют и три улыбающихся человека. По мере роста лиц, выражающих гнев, именно эта группа становится доминирующим ансамблем. Пре-

имущественное внимание к негативным явлениям – это хорошо задокументированный феномен негативного смещения, характеризуемый выраженным негативным градиентом, то есть более интенсивным изменением реакции на нарастающую отрицательную стимуляцию, чем на положительную [7]. В этом случае появление дополнительных отрицательных единиц (лиц людей) оказывает большее воздействие, чем положительных, усиливая негативное восприятие качеств группы.

В психологии хорошо известен эффект «превосходства гнева» («лицо в толпе») в соответствии с которым гневные лица, сигнализирующие об угрозе, обнаруживаются быстрее и точнее, чем радостные лица в группе нейтральных лиц с использованием задачи визуального поиска [4]. Однако существуют исследования, показывающие более эффективное распознавание радостных лиц [3] при предъявлении задачи категоризации единственного стимула. Различия инструкций и стимульного материала в исследованиях оценки качеств группы, обнаружения или распознавания стимулов не позволяет прямо сопоставлять выявленные закономерности. Однако, вместе данные показывают, что и радостные и гневные лица могут использоваться для вынесения социальных суждений в зависимости от множества дополнительных условий восприятия групп (количества эмоциональных лиц, их расположения и окружения/контекста).

Исследование позволило обнаружить нелинейную связь оценки параметров группы с количеством экспрессивных лиц. Причем вклад в социальные суждения вносит преимущественно выражение эмоций одной валентности: при малом количестве эмоциональных лиц доминирует обработка радостных выражений, при их увеличении начинает преобладать кодирование гневных выражений.

Список источников и литературы

1. Зорина С. В. Точность распознавания смешанных лицевых экспрессий // Эволюционная и сравнительная психология в России: Теория и практика исследований. – М.: Московский институт психоанализа, 2017. – С. 302-311.
2. Яковлев А. Ю. Зрительное восприятие ансамблей: обзор исследований / А.Ю. Яковлев, Н.А. Тюрина, И.С. Уточкин // Российский журнал когнитивной науки. – 2020. – Т. 7. – №. 3. – С. 4-24.
3. Becker D. V. et al. The face in the crowd effect unconfounded: happy faces, not angry faces, are more efficiently detected in single-and multiple-target visual search tasks // Journal of Experimental Psychology: General. – 2011. – Т. 140. – №. 4. – С. 637-659.
4. Hansen C. H., Hansen R. D. Finding the face in the crowd: an anger superiority effect // Journal of personality and social psychology. – 1988. – Т. 54. – №. 6. – С. 917-940.
5. Im H. Y., Halberda J. The effects of sampling and internal noise on the representation of ensemble average size // Attention, Perception, & Psychophysics. – 2013. – Т. 75. – №. 2. – С. 278-286.
6. Olszanowski, M., Pochwatko, G., Kukliński, K., Ścibor-Rylski, M., Lewinski, P., Ohme, R. Warsaw set of emotional facial expression pictures: a validation study of facial display photographs. // Frontiers in Psychology. – 2015. – Т. 5 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2014.01516/full> (дата обращения: 18.01.2022).
7. Rozin P., Royzman E. B. Negativity bias, negativity dominance, and contagion // Personality and social psychology review. – 2001. – Т. 5. – №. 4. – С. 296-320.
8. Walker D., Vul E. Hierarchical encoding makes individuals in a group seem more attractive // Psychological Science. – 2014. – Т. 25. – №. 1. – С. 230-235.

9. Whitney D., Yamanashi Leib A. Ensemble perception //Annual review of psychology. – 2018. – Т. 69. – С. 105-129.

Svetlana V. Zorina, Natalia .V Shigaeva,
Samara National Research University

Group social perception depending on the number and valence of expressive faces

Abstract. The subjects were presented with three arrays of photographs containing two, four or six faces expressing anger and joy among neutral faces. The results showed that the group of four (in comparison with two) expressive faces were rated more positively and the group of six (in comparison with four) expressive faces were rated more negative. The social perception of groups is not linearly related to the number and valence of expressive faces.

Keywords: group perception, face perception, ensemble perception.

УДК 159.9.072.432

Бадаева А.М.
*Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева*

ВЛИЯНИЕ ЭМОЦИЙ НА ДОВЕРИЕ К ПАРТНЁРАМ

Аннотация. Феномен доверия всё чаще вызывает значительный интерес. Имеются данные, свидетельствующие о том, что эмоциональное состояние человека может повлиять на его суждение о доверии. Как было показано в проведённых ранее исследованиях, эмоции влияют на различные процессы принятия решений, и сложные решения, такие как решение о том, доверять ли незнакомцу, политику или потенциальному конкуренту, с большой вероятностью зависят от эмоционального состояния человека.

Ключевые слова: доверие, эмоции, отношения, взаимодействие, влияние, личность.

За последние два десятилетия тема доверия вызвала значительный интерес со стороны академических кругов и бизнеса. Для этого есть много причин, поскольку было замечено, что доверие связано со многими позитивными процессами и результатами. Существует множество социальных процессов, на которые могут оказать влияние аффекты, например, формирование отношения к таким вопросам, как иммиграция и терроризм. Эмоциональные состояния воздействуют на альтруизм, отношение к риску, оценку вероятности будущих событий. Эмоции влияют на процессы принятия решений, такие как решение о том, следует ли доверять незнакомцу, политику или потенциальному конкуренту. В современной литературе тема влияния аффективных состояний на доверие раскрыта частично и не последовательно. В статье представлен обзор современных зарубежных исследований с целью определения общих закономерностей формирования доверия под воздействием различных эмоций.

В статье «Чувства и вера: влияние эмоций на доверие» исследуется влияние эмоций на доверие [1]. Исследование подготовили и провели Дженнифер Р. Данн, Джон М. Хантсмен

Холл и Моррис Э. Швейцер из Университета Пенсильвании. Основное внимание в экспериментах сосредоточено на двух измерениях эмоций: валентности (положительной или отрицательной) и степени контроля со стороны другого человека (высокая или низкая). Авторы проверили три гипотезы. В соответствии с моделью «чувства как информация» ожидалось, что случайные эмоции будут влиять на доверие. В частности, положительные эмоции (например, благодарность) будут способствовать росту доверия, а отрицательные (например, гнев) - уменьшению доверия. Во-вторых, измерение контроля со стороны других людей будет играть решающую роль в том, как эмоции влияют на доверие. Решения о доверии по своей сути включают суждения о будущих действиях другого человека. В результате эмоции с высокими оценками контроля со стороны других людей (например, гнев, благодарность) будут влиять на доверие больше, чем эмоции с низкими оценками контроля со стороны других лиц (например, грусть, гордость). В-третьих, связь между эмоциями и доверием будет наиболее сильной, когда лица, принимающие решения, не имеют информации о партнере.

В результате проведённых исследований обнаружилась прочная связь между несущественными с нормативной точки зрения случайными эмоциями и доверием. В частности, когда человек незнаком, случайная благодарность и счастье увеличивают доверие, а случайный гнев снижает доверие. Результаты согласуются с моделью чувств как информации Шварца и Клора (1983). Влияние эмоциональных состояний особенно сильно при оценках незнакомых коллег и малознакомых людей, но значительно слабее при восприятии хорошо знакомых людей. Эти результаты предполагают, что участники исследования используют сигналы эмоционального состояния для оценки доверия только тогда, когда им не хватает соответствующей информации. Результаты также согласуются с теорией оценочных измерений Смита и Эллсуорта (1985). На суждения влияют такие эмоции, как благодарность и гнев, которые характеризуются высокой оценкой контроля со стороны других людей, но они не подвержены влиянию таких эмоций, как грусть и гордость, которые характеризуются низкой оценкой контроля со стороны других лиц.

В статье «Влияние эмоций на доверие» Дэна Майерса и Дастина Тингли из Принстонского университета исследуется аффективная основа доверия [2]. В исследовании использовалась поведенческая мера доверия. Игра на доверие – это простой экономический сценарий, который могут легко разыграть неопытные испытуемые. Поэтому она часто используется как мера готовности доверять незнакомцам. В этом исследовании изучается влияние определенных эмоций на доверие, при этом также оценивается степень уверенности и уровень контроля, которые аффекты вызывают у субъектов. В работе также осуществляется оценка общего метода манипулирования эмоциями, автобиографической задачи эмоциональной памяти (АЕМТ), чтобы понять, насколько хорошо она способна воздействовать на определённые эмоции.

В процессе исследования обнаружено, что эмоции влияют на доверие к партнёрам. Только одна негативная эмоция – тревога снижает уровень доверия, в то время как другие, включая гнев и чувство вины, не оказывают существенного влияния. Эти результаты показывают, что наиболее важным фактором, опосредующим влияние аффекта на доверие, является уровень уверенности, которую чувствуют люди при переживании эмоций. Результаты показывают, что отрицательные эмоции могут снизить доверие, но только если они способ-

ствуют снижению уверенности. Тревога, снижающая уверенность, отрицательно влияет на доверие, в то время как гнев и вина, которые различаются по уровню контроля, но вызывают одинаковой уровень уверенности, по-видимому, не оказывают явного влияния на поведение. Было обнаружено, что АЕМТ неэффективен при положительных эмоциях.

В статье «Влияние эмоций на доверие в пережитых ситуациях предательства» Вин Шинг Ли и Маркуса Селарт из Норвежской школы экономики исследуется влияние различных эмоций на решения о доверии с учётом опыта предательства [3]. В исследовании проверялись следующие гипотезы: опыт предательства ассоциируется с негативными эмоциями; опыт предательства снижает доверие человека к незнакомцу; люди, которые лучше справляются с эмоциями или менее уязвимы для негативных эмоций, с большей вероятностью, чем другие, будут сохранять свой уровень доверия к незнакомцам; люди с высоким уровнем невротизма, будут преувеличивать влияние пережитого предательства. Результаты проведённых исследований показали, что люди, пережившие предательство, испытывали более сильные отрицательные эмоции, чем участники контрольной группы. Более того, участники экспериментальной группы значительно снизили доверие к незнакомцу. Также, результаты показали, что чувство стыда, связанное с пережитым предательством, способствовало снижению уровня доверия. С другой стороны, обнаружилось доказательства того, что эмоциональный интеллект (использование эмоций) ослабляет связь между пережитым предательством и последующим доверием, тогда как невротизм усиливает эту связь.

Результаты изучения публикаций по теме позволили сделать следующие выводы:

- 1) На доверие к партнёру оказывает влияние валентность эмоций.
- 2) Важным измерением эмоций является состояние уверенности, которое инициируется или усиливается текущим аффективным состоянием. При это переживание контроля не оказывает существенного влияния на доверие.
- 3) На доверие влияют не сами критические жизненные обстоятельства (например, опыт предательства), а то как человек их воспринимает и переживает.
- 4) Фактор знакомства опосредует воздействие эмоций на доверие к другому человеку.

Следует отметить, что современные научные знания по теме не позволяют составить целостную непротиворечивую картину влияния разных эмоций на доверие к партнёрам в зависимости от степени их знакомства. Поскольку готовность людей доверять друг другу имеет фундаментальное значение для экономической, политической и социальной жизни, необходимо продолжать исследования в данной области.

Список литературы и источников

1. Dunn Jennifer R. Filling and believing: the influence of emotion on trust. [Электронный ресурс] / Jennifer R. Dunn. // Academy of Management Best Conference Paper. – 2003. – URL: <https://psycnet.apa.org/record/2005-04675-002> (дата обращения: 21.03.2021).
2. Myers, D., Tingley, D. The Influence of Emotion on Trust. [Электронный ресурс] / Research support from the Princeton Laboratory for Experimental Social Science made this research possible // Cambridge University Press. – 2017. – Vol. 24, No. 4. 2016. – 492-500 p. – URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/political-analysis/article/abs/influence-of-emotion-on-trust/2A90FCCAA46B8EF2B41308C7C80E876B> (дата обращения: 21.03.2021).

3. Wing-Shing Lee and Marcus Selart. The impact of emotions on trust decisions. [Электронный ресурс] / Wing-Shing Lee and Marcus Selart. // Norwegian School of Economics and Business Administration. – 2011. – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2154278 (дата обращения: 20.08.2021).

Alsu M. Badaeva
Samara National Research University

The influence of emotions on trust in partners

Abstract. The phenomenon of trust increasingly arouses of considerable interest. There is evidence that emotional state of a person can influence his or her judgment on trust. The previous researches show that emotions influence various decision-making processes. Complex decisions such as whether to trust a stranger, a politician or a potential competitor more likely depend on a person's emotional state.

Keywords: trust, emotions, relationships, interaction, influence, personality.

УДК 159.9

Гудзовская А.А., Добрынина Е.И.
*Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева*

ВЛИЯНИЕ ПРАЙМИНГА НА СОЦИАЛЬНУЮ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Аннотация. В статье рассмотрено понятие социальная идентичность, а также феномен её становления через процессы идентификации и отчуждения. Было изучено влияние прайминга на социальную идентичность посредством воздействия на экспериментальные группы, одна из которых подверглась праймингу, способствующему идентификации, а другая – отвержению. С помощью преобразованной методики М.Куна – Т. Макпартленда «Кто я?» и методики изучения социальной идентичности было установлено, что прайминг-идентификация незначительно повышала выраженность социальной идентичности по сравнению с понижающим её праймингом-отчуждением.

Ключевые слова: идентификация, отчуждение, прайминг, социальная идентичность, социальное взаимодействие.

В ходе нашего предыдущего исследования было выявлено, что копинг-стратегия «Поиск социальной поддержки» оказывает положительное влияние на самочувствие, активность и настроение испытуемых [1]. Эта стратегия неразрывно связана с такой психологической категорией, как социальная идентичность человека. Социальная идентичность – это образ самого себя в группе, он формируется человеком через общение, взаимодействие с другими и через опыт социальной жизни, в него входит отношение к себе, к другим, к миру в целом.

Становление социальной идентичности происходит через процессы идентификации-отчуждения.

Нам было интересно, можно ли воздействовать на этот набор характеристик себя и своей жизни в социальной среде с помощью эффекта прайминга: если давать испытуемым непо-

средственно перед установлением уровня выраженности их социальной идентичности задание, которое бы способствовало нахождению общего между ними и какой-либо группой людей, поощряло бы это их социальную идентификацию? И наоборот – если перед тестированием на социальную идентичность заставить участника исследования думать о различиях между ним и группой – приведёт ли это к эффекту социального отчуждения?

Цель работы: проанализировать, как на социальную идентичность испытуемых влияет прайминг.

Объект исследования: социальная идентичность как осознание своей принадлежности к социальной страте и определенному социальному сообществу.

Предмет исследования: изменение социальной идентичности посредством прайминга.

Гипотеза: большую выраженность социальной идентичности будут демонстрировать испытуемые, подвергнутые социально-групповому праймингу, по сравнению с испытуемыми, на которых оказывалось воздействие социально-индивидуалистского прайминга.

В исследовании приняли участие 20 студентов-добровольцев 4 курса психологического факультета.

На первом этапе исследования испытуемые были разделены на две группы по 10 человек. Затем, в качестве прайминга, мы использовали преобразованную методику М. Куна – Т. Макпартленда «Кто я?» [2]. На протяжении 5 минут одна группа писала множество продолжений фразы «Мы с группой похожи...», другая – продолжение фразы «Мы с группой отличаемся...».

Затем испытуемым предлагалось пройти методику изучения социальной идентичности (МИСИ) [1].

Далее полученные данные были проанализированы с помощью методов математической статистики - двухвыборочного t-теста с различными дисперсиями.

В ходе исследования был обнаружен незначительный эффект, подтверждающий гипотезу: в группе испытуемых, подвергавшихся праймингу, ориентированному на общность с группой, социальная идентичность равнялась 67,73%, а в группе участников, которую прайминг ориентировал на выявление различий между ними и группой, этот показатель был равен 64,32%.

Статистическая неподтвержденность этого эффекта объясняется тем, что в исследовании было задействовано слишком малое количество испытуемых (по 10 в каждой группе), так что дальнейшие перспективы состоят в увеличении количества участников для проведения полноценного статистического анализа.

Также сглаженность показателей может объясняться тем, что испытуемыми были студенты психологического факультета – изначально более социально-ориентированные люди.

После получения таких многообещающих результатов мы планируем провести полномасштабное исследование, которое будет включать в себя большее количество испытуемых, взятых из различных социальных общностей.

Список литературы и источников

1. Добрынина Е.И., Лисецкий К.С. Исследование результативности копинг-стратегий во время пандемии COVID-19.
2. Козлова Т.З. Самоидентификация некоторых социальных групп по тесту "Кто Я?"// Социальная идентификация личности/Под ред. В.А Ядова. – М., 1993. С.133-155.

3. Шнейдер Л. Б., Хрусталева В. В. Ассоциативный тест как основа конструирования методики изучения социальной идентичности // Вестник РМАТ. 2014. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/assotsiativnyy-test-kak-osnova-konstruirovaniya-metodiki-izucheniya-sotsialnoy-identichnosti> (дата обращения: 01.10.2021).

Gudzovskaya A.A., Dobrynina E.I.
Samara National Research University

The impact of priming effect on social identity

Abstract. The article considers the concept of social identity and the phenomenon of its development through identification and exclusion processes. The impact of priming on social identity was studied by influencing two experimental groups, one group primed to facilitate identification and another one – exclusion. Applying transformed “Methodology of self-esteem of identity “Who am I?” of M. Kuhn and T. McPartland and methods of studying social identity the author discovered that primal identification slightly increased the expression of social identity compared to primal exclusion that decreased social identity expression.

Keywords: identification, estrangement, priming, social identity, social interaction.

УДК 159.9

Горбачева А.В.
*Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева*

ПРОБЛЕМЫ ПРОФИЛАКТИКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ И СПЕЦИАЛИСТОВ ПОМОГАЮЩИХ ПРОФЕССИЙ

Аннотация. В статье поднимаются вопросы причин и факторов профессионального выгорания специалистов помогающих профессий, к которым относятся и преподаватели высшей школы. Среди тех трудностей, которые встречаются в любой социальной профессии, есть еще макрофакторы, связанные с экономикой, с возможностью полноценно отдохнуть, восстанавливаться, сокращать объем трудовой нагрузки до уровня, соответствующего состоянию. В статье рассматривается один из возможных способов снятия эмоционального напряжения, связанного с профессией – балинтовские группы. Балинтовские группы основаны на супервизионной технике, в которой рассматривается не профессиональная позиция участника, а его эмоциональное состояние, возникшее в результате профессионального взаимодействия. Получение внимания к собственным чувствам, рефлексия ранее неосознанных собственных эмоциональных реакций, способствуют высвобождению энергии и восстановлению рабочего состояния специалиста.

Ключевые слова: балинтовские группы, супервизия, профессиональное выгорание, синдром эмоционального выгорания, дезадаптационный феномен.

Проблематика исследований профессионального выгорания является актуальной, потому что проявления и следствия выгорания сказываются как на здоровье человека, так и на эффективности деятельности организации, в которой он работает.

Эмоциональное выгорание – это состояние физического, эмоционального и умственного истощения. Это состояние еще называют "психологическое выгорание", "профессиональное выгорание" или "синдром эмоционального выгорания". «Выгорание» характеризуется понижением стрессоустойчивости, деморализацией, не проходящей усталостью, потерей интереса к работе, к людям, с которыми происходит взаимодействие, развитием черствости, цинизма и безразличия, редукцией профессиональной деятельности, психосоматическим заболеваниями (О.И. Каяшева, Г.А. Виноградова, О. Ю. Копылова, А. М. Молокостова, М.В. Кудрявцева, Е.В. Ситникова, Е.Н. Ткач, О.Б. Капичникова, Е.А. Падалка, А.А.Гудзовская и др.).

Особому эмоциональному напряжению подвергаются работники в профессиях «человек-человек». К ним относятся все специальности, в которых происходит тесное взаимодействие с людьми. Это воспитатели, учителя, преподаватели вузов и училищ, социальные работники, психологи, спасатели, работники полиции, медицинские работники, специалисты МФЦ, банков и др. Ситуация в настоящее время достаточно напряженная, так как в каждой профессии увеличивается документооборот, возросло количество отчетов, форм планирования, обучающих программ, других заполняемых документов. Так же возросли многозадачность и требования к скорости выполнения функциональных обязанностей. Все это увеличивает социальные риски профессий, приводит к напряжению, психосоматическим расстройствам и эмоциональному выгоранию.

По мнению специалистов-исследователей, профессиональное выгорание может быть обусловлено и дополнительными причинами, лежащими вне непосредственного содержания ежедневных действий работника. Например, рутинность в работе, или нерешенные проблемы в коллективе, отсутствие поддержки руководства, неоправданно завышенные требования к выполнению обязанностей, проблемы в семье, личностные особенности и т.д. Например, О.И. Кияшевой обнаружено провоцирующее влияние перфекционизма, то есть стремления к достижению совершенства, преподавателей высшей школы на развитие у них синдрома эмоционального выгорания (Каяшева, 2018). Значимым фактором эмоционального благополучия преподавателей вуза является возможность самоактуализации в процессе трудовой деятельности (Копылова, 2018)

Изменения, связанные с нововведениями, с вынужденным дистантным образованием, особенностями современных студентов, также являются дополнительными факторами развития симптомов эмоционального выгорания. В сентябре 2021 года опубликован доклад Министерства науки и высшего образования РФ, в котором обсуждаются результаты опроса 36 тысяч студентов и 24 тысячи преподавателей ведущих вузов России. Около 75% опрошенных студентов находили у себя признаки психологического и эмоционального неблагополучия, у 20% студентов выявлены симптомы, говорящие об умеренных или выраженных депрессивных состояниях. Чаще эти проблемы встречались у первокурсников, что свидетельствует о сложностях их адаптации к обучению в вузе (Большинство, 2021). Таким образом, распространение эмоционального и психологического здоровья в студенческой среде является

ся дополнительным фактором, способствующим развитию профессионального выгорания преподавателей.

В исследовании Н.С. Кистеневой, выполненном по проекту «КПД преподавателей профессионального образования: профилактика эмоционального выгорания» при поддержке Фонда Президентских грантов в феврале 2021 года, выявлено, что среди преподавателей вузов все 90 обследованных человек имеют признаки эмоционального выгорания различной степени выраженности. Возраст участников составил от 31 до 50 лет, стаж работы в вузе – более 10 лет (81%). Оценка эмоционального выгорания проведена по методике НИПНИ им. Бехтерева. Наиболее распространенными симптомами являются эмоциональное выгорание» и «деперсонализация».

Общепрофессиональный дезадаптационный феномен (психическое выгорание) – снижает продуктивность их деятельности. Какие меры профилактики, психологической поддержки доступны современному преподавателю? В уже упомянутых исследованиях преподавателей Н.С. Кистеневой выявлено, что опыт регулярного психологического консультирования и коррекции имеют 30,4% опрошенных, еще 17,4% получали разовые психологические консультации. Около трети опрошенных (33,7%) говорят о потребности в индивидуальных психологических консультациях.

Вместе с тем, в мировой психологической и психотерапевтической практике помощи специалистам, работающим в сфере «человек-человек», в том числе преподающим в вузе, существуют постоянно функционирующие балинтовские супервизионные группы (Bautista-Biddle, 2020; Silva, 2021; Vijaya Anaradha, 2020).

В нашей стране балинтовские группы также получили распространение, особенно в последние десятилетия (А.Н. Еркаев, С.В. Елакова, Н.К. Кобельков, В.Г. Рюмин, И. Якиманская, С. Балашова). Ведущим и признанным специалистом и пропагандистом балинтовской супервизии как способе профилактики эмоционального выгорания в России является В.А.Винокур (Винокур, 2021).

Балинтовская супервизия является одним из видов групповой работы, обладающих специфическими особенностями. Балинтовская группа - эффективный метод повышения профессиональных коммуникативных навыков, снижения профессионального стресса и эмоционального выгорания (Якимнская, 2018). Эффективность функционирования балинтовских групп основана на выверенном и отработанным Майклом Балинтом технологическом процессе (Balint, 1957).

Главным в работе группе является тот факт, что акцент делается не на особенностях участника группы, а на тех проблемах, которые у него возникли в профессиональной коммуникации. Рассказ о случае, вызвавшем негативное эмоциональное состояние (кейс), сам по себе является началом терапевтической работы, потому что далеко не всегда специалист может поговорить о тех трудностях, с которыми он столкнулся. Следующим этапом работы группы является активность участников в понимании тех чувств, которые вызывает кейс. Такая работа в группе способствует, с одной стороны, возникновению у рассказчика чувства, что он понят, услышан, принят. С другой стороны, высказывание чувств участниками группы позволяет рассказчику обнаружить и те из них, которые им были вытеснены, как наиболее травмирующие.

Опыт участия в таких группах, отзывы участников говорят о гармонизирующем влиянии супервизионных групп на самочувствие и эмоциональное состояние (Кобельков, 2011), (Пятницкая, 2012).

В зарубежной практике подготовки психологов обучение их супервизионным технологиям является необходимым элементом, который чаще всего внесен в их стажировку. Супервизия признана важнейшим компонентом предварительной подготовки по психологии здравоохранения (HSP) в Европе (Guiney, 2021), в США (Bailey, 2017), в Латинской Америке (Silva, 2021).

Возможно одним из решений проблем эмоционального выгорания преподавателей может быть создание психологической службы в вузах, где бы функционировали балинтовские супервизионные группы для преподавателей и студентов, где студенты-психологи могли бы получать свой необходимый опыт участия и ведения балинтовских групп – как эффективного средства профилактики.

Список литературы и источников

1. Большинство российских студентов «психологически неблагополучные». URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/258858133> – Дата обращения 10.09.2021.
2. Винокур В. А., Болучевская В. В. Психологические аспекты развития проблемно-ориентированного подхода как новой технологии в медицинском образовании //Вестник Волгоградского государственного медицинского университета. – 2021. – №. 2 (78). – С. 9-17.
3. Гудзовская А.А., Санин А.А. Социальный интерес А.Адлера и соматическое здоровье детей// Вестник СамГТУ. Серия «Психолого-педагогические науки». 2015 № 4. С.30-41.
4. Еркаев А. Н. Балинтовская группа, как вид супервизии для врачей психиатров и психотерапевтов //Психиатрия и психоанализ: клинические диалоги. – 2019. – С. 92-100.
5. Капичникова О. Б., Падалка Е. А. Проблемы профессионального выгорания преподавателей современного вуза // Мир педагогики и психологии. – 2017. – №. 11. – С. 142-148.
6. Каяшева О. И Перфекционизм как фактор развития синдрома эмоционального выгорания преподавателей высшей школы //Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. – 2018. – №. 4. – С. 64-70.
7. Каяшева О. И., Виноградова Г. А. Факторы психического выгорания преподавателей высшей школы //Практическая психология в России и за рубежом. – 2018. – С. 43-49.
8. Кобельков Н. К. Балинтовские группы и супервизия в профессиональном усовершенствовании педагогов-психологов ОУ г. Перми //XXVI Мерлинские чтения: Психологические инновации в образовании. – 2011. – С. 278-279.
9. Копылова О. Ю., Молокостова А. М. Профессиональное выгорание преподавателей высшей школы и самореализация //Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2018. – Т. 7. – №. 3 (24).
10. Кудрявцева М. В. Профессиональное выгорание преподавателей высшей школы //Вестник современных исследований. – 2019. – №. 3.16. – С. 51-53.
11. Пятницкая Е. В., Струговщикова О. В., Чикирева Э. Ю. Опыт проведения групповой супервизии с применением интернет-технологий // Психологическая помощь социально

незащищенным лицам с использованием дистанционных технологий (интернет-консультирование и дистанционное обучение). – 2012. – С. 116-122.

12. Рюмин В. Г. Супервизия и балинтовская группа //Будущее клинической психологии-2014. – 2014. – С. 97-100.

13. Ситникова Е. В., Ткач Е. Н. Факторы и симптоматика синдрома эмоционального выгорания преподавателей высшей школы //Проблемы высшего образования. – 2017. – №. 2. – С. 202-204.

14. Якиманская И., Балашова С. Психологическая супервизия. – Litres, 2018.

15. Bailey S. F., Barber L. K., Nelson V. L. Undergraduate internship supervision in psychology departments: Use of experiential learning best practices //Psychology Learning & Teaching. – 2017. – Т. 16. – №. 1. – С. 74-83.

16. Balint M. The Doctor, his Patient and the Illness. – London, 1957.

17. Bautista-Biddle M. M., Pereira L. M., Williams S. N. The fallacy of “good training experiences”: The need to protect psychology trainees from harassment and the imperative of multiculturally competent supervision //Training and Education in Professional Psychology. – 2020.

18. Guiney M. C., Newman D. S. A Grounded Theory of Model School Psychology Internship Supervision //School Psychology Review. – 2021. – С. 1-15.

19. Silva N. O., Laurendon C. E. M., Pinheiro M. A. Contributions of the Concept of Zone of Proximal Development to the Intersubjective Understanding of Internship Supervision in Clinical Psychology //Latin American Advances in Subjectivity and Development. – Springer, Cham, 2021. – С. 25-42.

20. Vijaya Anaradha R. et al. Personal & Professional Efficiency of University Teachers in Relation to their Professional Burnout //International Journal of Innovative Science And Research Technology. – 2020. – Т. 5. – №. 9. – С. 378-388.

Anita V. Gorbacheva

Samara National Research University

Problems of prevention of professional burnout in teachers and helping professionals

Abstract. The article discusses issues of the causes and factors of professional burnout among specialists of helping professions including lecturers in higher education. Except difficulties of any social profession, there are also macrofactors connected with the economy, opportunities to fully rest, to recover and to reduce the workload to the level appropriate to a condition. The article examines one of the possible ways of relieving emotional stress associated with the profession – Balint groups. Balint groups are based on a supervisory technique that does not consider participants' professional position, but their emotional state resulted from the professional interaction. Paying attention to one's own feelings, reflection of previously unconscious emotional reactions contribute to energy releasing and restoring the specialist's working condition.

Keywords: Balint groups, supervision, professional burnout, emotional burnout syndrome, disadaptation phenomenon.

СВЯЗЬ ИДЕНТИЧНОСТИ С КРЕАТИВНЫМИ СПОСОБНОСТЯМИ

Аннотация. В статье рассмотрено понятие идентичности, ее виды, а также связь идентичности с креативными способностями. Было выдвинуто предположение, что креативные способности могут быть связаны с идентичностью таким образом: чем больше личностных и социальных качеств человек интегрирует в свою личность, чем к большему количеству социальных групп он себя причисляет, тем больше имеют возможность проявляться в нем креативные способности. С помощью методики М. Куна – Т. Макпартленда «Кто я?» и теста идей Э.П. Торренса было установлено, что прямая зависимость идентичности и креативных способностей не подтверждается.

Ключевые слова: идентичность, креативность, индивидуальная идентичность, социальная идентичность.

Идентичность является одним из наиболее притягательных объектов научного исследования. Согласно Э. Эриксону, основоположнику теории идентичности, идентичность (идентичность Я) – чувство самостождественности, собственной истинности, полноценности, сопричастности миру и другим людям [5, с. 24]. Идентичность – это отнесение человеком себя к какой-то группе или какому-то человеку. Индивид воспринимает себя как такого же, как кто-то. Он выражает это не только на внутреннем уровне, но и на уровне внешнем, поведенческом [6].

Оригинальную теорию идентичности разработал основатель гуманистического психоанализа Эрих Фромм, которую он изложил в работе «Здоровое общество», изданной в 1955 году. Феномен идентичности он рассматривал в рамках теории экзистенциальных потребностей. Её основные положения проявляются в том, что психически здорового человека от душевнобольного отличает присутствие в его психике экзистенциальных потребностей. Фромм выделяет пять видов потребностей: потребность в общении, потребность в творчестве, потребность в укоренённости, потребность в познании, потребность в идентичности. Когда личность четко и ясно осознает свою индивидуальность, то она чувствует контроль над своей жизнью, чувствует опору. В том случае, когда идентичность является ложной, это выражается в зависимости от обстоятельств или от другого человека [5, с. 75].

В поле научного внимания находятся как содержательные, так и структурные аспекты идентичности. Эрик Эриксон представляет структуру идентичности как многоуровневое, сложное личностное образование. В структуре идентичности Эриксон выделяет индивидуальную (персональная, личностная или эго-идентичность) и социальную (групповая) идентичность. Индивидуальная идентичность понимается как способ субъективной организации событий, как внутренняя динамическая структура, интегрирующая отдельные стороны личности, связанные с осознанием и переживанием себя как представителя определенного пола, группы и т.д. в единое целое без потери своеобразия. Признается, что идентичность – позна-

вательный инструмент, гипотетическая структура, позволяющая упорядочить представления о личности и ее образе жизни [5].

Социальная идентичность имеет такие составные части, как гражданская, профессиональная, политическая, гендерная идентичность, она формируется в процессе социализации человека.

Тема идентичности разрабатывалась в отечественной психологии, прежде всего в русле формирования личности. Значительный вклад в разработку теории идентичности также внесли Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев и другие исследователи. Важно отметить, что в отечественной психологии и философии практически не использовался термин «идентичность». В работах ученых преобладает понятие «идентификация», раскрывающее себя как уподобление человека обществу. В социологии наиболее разработанными попытками развития темы формирования идентичности в обществе являются работы В.А Ядова и его школы [7]. Содержательно они полностью согласовываются с теми направлениями исследований, которые представлены в социальной психологии. Популяризатором исследований различных аспектов идентичности является И.С. Кон. Его интерес к изучению идентичности обусловлен стремлением схватить человеческое «Я» в его единстве [4].

Одними из направлений исследования идентичности в современной отечественной психологии являются проблематика российской идентичности (национальные аспекты), теории индивидуальной идентичности (В.Г. Федотова, А.С. Мамбеева, Н.В. Антонова, И.В. Романов и др.). Исследуются в основном структура и формы идентичности, ее роль в формировании субъектов общества [1, 2]. Например, В.Н. Келасьев и И.Л. Первова дают следующую типологию форм самореализации, самоутверждения личности, которую можно рассматривать как репрезентацию ее идентичности: статусное самоутверждение, поисковое и престижное самоутверждение, самоутверждение как самоцель на базе накопительства через расширение границ и возможностей собственного сознания, совершенствование духовности. По его мнению, «в настоящий момент мы сталкиваемся с разнообразием различных форм самореализации и самоутверждения» [3, с. 45].

Очевидно, что на формирование идентичности оказывают влияние многочисленные факторы, одним из которых являются способности человека. Мы предположили, что чем более развиты у человека креативные способности, тем более дифференцирована и разнообразна его идентичность; чем больше личностных и социальных качеств человек интегрирует в свою личность, чем к большему количеству социальных групп он себя причисляет, тем больше имеют возможность проявляться в нем креативные способности.

Публикации на эту тему практически отсутствуют, что определило цель исследования: изучение понятия идентичности, описание структуры идентичности и выявление связи идентичности с креативными способностями. Объект исследования: идентичность. Предмет исследования: связь идентичности с креативными способностями. Гипотеза исследования: существует взаимосвязь между идентичностью и креативными способностями.

Методы и методики исследования: теоретический анализ, сравнительный анализ, тестирование, методы статистики с использованием коэффициента корреляции Спирмена, тест Айзенка, тест «Кто Я?» М. Куна и Т. Макпартленда в модификации Т.В. Румянцевой, специально сконструированный тест идей, стимулирующий проявление креативности. Исследова-

ние проводилось в онлайн-формате с использованием приложений Viber, WhatsApp и ВКонтакте.

В исследовании приняли участие 31 респондент от 20 до 46 лет. Все респонденты русскоговорящие, являются обучающимися различных учебных заведений. Тестирование проходило в мае 2021 года.

Респондентам было предложено пройти по ссылкам, прочитать инструкцию к методикам и вписать ответы в специальные формы. Результаты исследования аккумулировались в единую базу данных, обеспечивающую конфиденциальность.

Анализ результатов проходил в направлении выявления корреляций между средними по выборке показателями компонентов индивидуальной идентичности (личные качества, индивидуальные характеристики), социальной идентичности (социальные характеристики и социальные роли) и средними показателями результатов шкал «Беглость» и «Оригинальность».

Всего выявлена 21 корреляция: 20 положительных, 1 отрицательная. В рамках проверки гипотезы мы анализировали только сильные связи. В положительных связях выявлены 12 средних по силе корреляций (0,31-0,50), 9 сильных (0,51-0,99) связей. Выявлена 1 средняя по силе отрицательная связь.

Сильные связи получены между шкалами:

- личные качества и общее количество ответов на тест «Кто Я?»;
- индивидуальные характеристики и общее количество ответов на тест «Кто Я?»;
- личные качества и индивидуальные характеристики;
- оригинальность и беглость;
- правильные ответы (тест Айзенка) и IQ;
- социальные характеристики и социальные роли.

Полученные данные свидетельствуют о внутренней согласованности содержательных компонентов идентичности, показателей интеллекта и правильных ответов на интеллектуальный тест, показателей оригинальности и беглости, полученные при выполнении теста идей. Это полностью отвечает имеющимся в многочисленных эмпирических исследованиях данным о структурах идентичности, креативности и непротиворечивости полученных результатов по интеллектуальному тесту с показателями интеллекта. В нашем исследовании нам не удалось выявить связи между показателями креативных способностей и компонентами идентичности. Сконструированная гипотеза исследования не подтвердилась. Однако проблематика взаимосвязи данных феноменов остается актуальной и определяет перспективное продолжение начатого исследования, с привлечением более широкой выборки респондентов.

Список литературы и источников

1. Андреева, Г.М. Психология социального познания: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению и специальностям психологии / Г. М. Андреева. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2005.
2. Асмолов, А.Г. Культурно-историческая психология и конструирование миров / Акад. пед. и соц. наук, Моск. психол.-соц. ин-т. – М.: Издательство «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996.

3. Келасьев, В.Н., Первова, И.Л. Социальная компетентность: уровни, структура, стратегии формирования: монография / В.Н. Келасьев, И.Л. Первова. – СПб.: Астерион, 2019. – 122 с.
4. Кон, И.С. Социологическая психология. – М.: Московский психолого-социальный институт. – Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 1999. – 560 с.
5. Эриксон, Э. Идентичность: юность и кризис/ Пер. с англ., общ. ред. и предисл. Толстых А.В. – М.: «Прогресс», 1996. – 350 с.
6. Эриксон, Э. Детство и общество. – СПб.: Речь, 2000. – 416 с.
7. Социальная идентификация личности / Под ред. В.А. Ядова. – М: Изд-во Института социологии РАН, 1994. – 397 с.

Elza V. Vyatskova

Samara National Research University

Connection of identity with creative abilities

Abstract. The article considers the concept “identity”, types of identity and it’s connection with creativity. The author suggests that creative abilities may be related to identity as follows: the more personal and social qualities a person integrates into his personality and the more social groups to which he belongs, the more he is able to express creative abilities. Applying Kuhn and McPartland “Who am I?” method and P. Torrance tests of creative thinking direct dependence of identity and creative abilities was not confirmed.

Keywords: identity, creativity, individual identity, social identity.

УДК 159.9

Плотникова А.Л.

*Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева*

СВЯЗЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СУВЕРЕННОСТИ СО СТИЛЕМ ВОЖДЕНИЯ

Аннотация. В статье характеризуются различные стили вождения, описываются психологические и ситуационные характеристики, определяющие поведение водителя на дороге. Рассматривается понятие о психологической суверенности и ее структура. Анализируются научные публикации, посвященные изучению влияния на стиль вождения психологической суверенности и антропоморфизма личного автомобиля.

Ключевые слова: стиль вождения, психологическая суверенность, антропоморфизм автомобиля.

Автомобиль является наиболее распространенным способом передвижения для большинства людей на Земле. Автокатастрофы занимают первое место среди всех техногенных катастроф (на втором месте – авиакатастрофы), создавая зону риска жизни и здоровью не только водителям, но и пассажирам, и пешеходам. Для предупреждения дорожно-

транспортных происшествий значение имеет не только опыт вождения, но и особенности дорожного поведения, стиль вождения.

Стиль вождения можно определить как совокупность устоявшихся способов действий водителя на дороге во время движения, обусловленных рядом ситуационных и личностных факторов, определяющих уровень безопасности (аварийности) на дороге [1]. Стиль поведения ярко представлен в дорожном поведении, потому что водитель, находясь за рулем, не только полностью проявляет свою индивидуальность, но поддается влиянию социальных групповых феноменов (например, конформизм).

Стиль вождения исследуется в рамках разных направлений «Traffic Psychology», одним из которых является выявление индивидуально-психологических особенностей личности как предикторов, определяющих поведение водителя в различных на дороге, позволяющих прогнозировать риск ДТП и уровень безопасности вождения. На сегодняшний день доказана связь стиля вождения с различными личностными характеристиками, например, среди компонентов «Большой пятерки», нейротизм способствует избеганию опасных ситуаций на дороге, а экстраверсия, наоборот, их повышает [3]. Такое качество как агрессивность оказывает сильное влияние на дорожное поведение водителя. В traffic psychology достаточно подробно изучен феномен «дорожной ярости» («road rage») или агрессивного поведения на дороге.

Агрессивное поведение на дороге представляет проблему для сотрудников полиции и других водителей во всех странах, потому что способствует ДТП. Исследования показали, что агрессивное вождение опосредовано субъективной значимостью образа «мачо» для водителя и мощностью двигателя его автомобиля. Причем эта связь особенно сильна у молодых водителей. Вероятно, они идентифицируют собственную маскулинность с мощностью двигателя (предмета-заместителя). Более взрослые и опытные водители, по-видимому, рассматривают автомобиль всего лишь как средство передвижения, не идентифицируясь с ним [6]. Эти данные позволяют предположить, что если автомобиль воспринимается как часть личностного психологического пространства (или происходит идентификация с машиной), то это отражается в стиле вождения. Став частью личностного пространства, автомобиль наделяется психологическими функциями и начинает выступать как средство самопрезентации, поддержания личной и социальной идентичности, ресурс самоподдержки и стихийной психотерапии, маркер личной территории [6].

Наделение неодушевленного предмета личностными качествами называется антропоморфизм. Уровень антропоморфизма выше у тех водителей, кто испытывает удовольствие от вождения; наделяет автомобиль именем или ласковым прозвищем. Надделение своего автомобиля личностными характеристиками позволяет водителю на него «обижаться», «злиться», «благодарить» [5].

Состояние личностных границ, которые очерчивают психологическое пространство, отражается в психологической суверенности. Поэтому мы предположили, что стиль вождения коррелирует с психологической суверенностью личности и уровнем антропоморфизма автомобиля.

С.К. Нартова-Бочавер разработала теорию психологической суверенности, в которой рассматриваются сущность и характеристики данного феномена. По мнению автора, психологическая суверенность – это: 1) качество личности, ответственное за достижение независимости и автономии, необходимых для поддержания психологического благополучия человека; 2) способность устанавливать и оберегать границы собственной личности, как баланс между собственными потребностями и потребностями окружающих людей. Границы пони-

маются как набор имплицитных или эксплицитных правил, регулирующих взаимодействие человека с другими людьми, разделяющих их на своих и чужих [6].

Границы личности очерчивают психологическое пространство личности, которое включает комплекс физических, социальных и психологических явлений, с которыми человек себя отождествляет. В психологическое пространство личности включены 6 сфер: 1) собственное тело и связанные с ним потребности; 2) недвижимое имущество, территория; 3) личные вещи, движимое имущество (автомобиль), финансовые активы; 4) временная организация жизни; 5) социальные связи; 6) ценности. Границы могут быть суверенными (целостными, поддерживающими личную автономию) или депривированными (нарушенными). Нарушенные психологические границы часто встречаются при психопатологии.

Психологическая суверенность или суверенность психологического пространства развивается посредством механизмов, условно названных «приватизация» и «персонализация». Сначала человек заявляет свои права на некоторую часть психологического пространства («приватизация»), затем он начинает «обживать» это пространство и наделять его своими качествами («персонализация»). То, что находится внутри психологического пространства человек воспринимает как управляемое, контролируемое («Это мое и я могу этим управлять»). Психологическая суверенность проявляется в стремлении человека установить личный контроль над ситуацией, активном преобразовании внешних обстоятельств. Психологическая суверенность – важное качество человека, которое проявляется в его активности, деятельности, поведении в конкретной ситуации, в т.ч. водительском поведении [6].

Анализ научных публикаций показал, что психологическая суверенность коррелирует с темпераментом (сильный тип нервной системы), стремлением к доминированию, ассертивностью (способностью человека уверенно и с достоинством отстаивать свои права, не попирая при этом прав других), субъективным благополучием, нарциссизмом, эмпатией, чувством личной безопасности, психологическими защитами и копинг-стратегиями, восприятием психологического времени (прошлое, настоящее, будущее), конфликтностью, удовлетворенностью браком, психологической готовностью к материнству, этническими и половозрастными характеристиками, отношениями между родителями в детстве, верованиями, конформностью.

Депривированная суверенность связана с низкими адаптивными способностями, интроверсией, нейротизмом, эмоциональной чувствительностью и выраженностью акцентуаций, виктимностью, деструктивными личностными установками, агрессивностью, зависимостью от психоактивных веществ, профессиональной деформацией личности учителя, соматическими заболеваниями и инвалидностью, психопатологией, депрессией, ночными кошмарами, интернальным локусом контроля (у подростков).

Исследования в области психологии дорожного движения показывают, что стиль вождения влияет на количество ДТП. Водители, виновные в ДТП при отсутствии психопатологии, характеризуются преобладанием тревожного стиля вождения, особенностями которого являются повышенное чувство настороженности и напряженности во время вождения.

В психологии дорожного движения распространена классификация стилей вождения, предложенная О. Taubman-Ben-Ari, М. Mikulincer и О. Gillath, в которой выделены 8 стилей: диссоциативный; высокоскоростной; тревожный; опасный; агрессивный; безаварийный; терпеливый; осторожный. Диссоциативный и высокоскоростной стили вождения характеризуются преднамеренным нарушением правил дорожного движения, поиском острых ощущений. Они свойственны людям, которые ездят на высоких скоростях, обгоняют автомобили

там, где это запрещено, ездят в состоянии алкогольного опьянения, тем самым подвергая опасности себя и других. Тревожный и безаварийный стили вождения определяются повышенным чувством настороженности и напряженности. Агрессивный и опасный стили вождения проявляются в открытом выражении раздражения, гнева и враждебного отношения к другим участникам дорожного движения. Водитель, руководствующийся терпеливым и осторожным стилями вождения, хорошо приспосабливается к любой ситуации на дороге. Для этих стилей характерно тщательное планирование маршрута, внимание, терпение, вежливость и спокойствие, соблюдение правил дорожного движения [7].

Стиль вождения, по мнению О. Таубман-Бен-Ару проявляется в предпочитаемом способе вождения, режиме движения, включая такие детали как выбор скорости, маневрирование, обгоны и др. Также стиль вождения проявляется во внимательности, степени уверенности в себе, системе ценностей (например, отношение к правилам дорожного движения) [7].

Согласно исследованиям, имеют более высокий риск попадания в ДТП водители с высокими показателями таких характеристик как: готовность к риску, физическая агрессия, быстрота реакции, скорость переработки зрительной информации, избирательность и концентрация внимания, раздражительность и импульсивность, экстраверсия, ориентация на получение награды, утомляемость; и низкими показателями таких характеристик как: саморегуляция, планирование и оценка результатов собственной деятельности, критичность мышления, тревожность, встраиваемость в задание, доверия к окружающему миру [2]. Риск агрессивного вождения увеличивается у молодых водителей с нарциссическими чертами личности, высокой и нестабильной самооценкой.

Несмотря на то, что многие индивидуально-психологические предикторы стиля вождения изучены в психологии дорожного движения, мы не обнаружили сведений о связи стилевых характеристик вождения и суверенности психологического пространства личности или целостности границ. В то же время, автомобиль может восприниматься человеком как часть личностного пространства, и тогда психологические характеристики, относящиеся к психологическому пространству, будут распространяться на него и проявляться в поведении водителя на дороге, усиливать или уменьшать риск попадания или провокации дорожно-транспортных происшествий. Это определяет необходимость найти ответ на вопрос о связи психологической суверенности и стиля вождения в ходе эмпирического исследования.

Список источников и литературы

1. Астрейко Н. С. Стиль вождения автомобиля: ситуационные и личностные (психологические) факторы // Научная конференция студентов и аспирантов: сб. работ. Часть 3 / отв. за выпуск С.Г. Берлинская. Минск: БГУ, 2017. С. 119-122.
2. Васильченко А. С. Универсальные и специфические индивидуально-психологические факторы риска попадания в дорожно-транспортное происшествие у психически здоровых и лиц с психическими расстройствами // Психология и право. 2019. Том 9. №2. С. 168-195.
3. Кочетова Т. В. «Traffic Psychology»: от фрагментарных исследований к комплексным решениям прикладных задач транспортных проблем // Социальная психология и общество. 2011. Том 2. № 2. С. 89-99.
4. Лобанова И. Ю. Вождение как деятельность, поведение и стилевая характеристика // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2014. Том 5. № 4. С. 97-107.

5. Мдивани М. О. Антропоморфные тенденции в восприятии личного автомобиля // Вестник Самарской гуманитарной академии. 2019. № 1 (25). С. 74-81.

6. Нартова-Бочавер С. К. Психология суверенности: десять лет спустя. М.: Смысл, 2017. 200 с.

7. Фурманов И. А. Астрейко Н. С. Адаптация многофакторного опросника стиля вождения // Философия и социальные науки. 2016. № 2. С. 88-93.

Anna L. Plotnikova

Samara National Research University

Connection between psychological sovereignty and driving style

Abstract. The article outlines various driving styles, describes psychological and situational characteristics determining the road behaviour of a driver. Psychological sovereignty and its structure are considered. Scientific publications dedicated to research of influence of psychological sovereignty and anthropomorphism of a car on driving style are analyzed.

Key words: driving style, psychological sovereignty, anthropomorphism of a car.

УДК 159.9.072

Голикова Ю.С.

*Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева*

СВЯЗЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТРЕССА И ВОВЛЕЧЕННОСТИ У ТОРГОВЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ

Аннотация. Высококвалифицированный специалист в своей области, является наиболее важным активом организации. Помимо знаний, подобный специалист должен быть вовлечен в работу, иначе он не сможет раскрыть свои знания в полной мере. Однако вовлеченность должна сопровождаться и мотивацией. Организация может предоставлять конкурентоспособные условия, отличную зарплату, хороший офис, ДМС, но достаточно ли этого, если специалист испытывает психологические трудности на рабочем месте. Важными факторами является стресс на работе и то, насколько эффективно специалист с ним справляется. Таким образом, чтобы сотрудник был вовлечен в работу, ему нужно минимизировать стресс на рабочем месте или же, у него должны присутствовать личные качества, которые помогают ему противостоять стрессу. В данной работе, рассматривается, существующая отрицательная связь между вовлеченностью и уровнем профессионального стресса у торговых представителей.

Ключевые слова: вовлеченность, мотивация, стресс, стрессоустойчивость.

Работа играет важную роль в жизни человека. Она обеспечивает благополучие работника и его иждивенцев, поскольку позволяет удовлетворять их потребности, включая финансовые и психосоциальные. Подчеркивая важность труда и его вклад в благосостояние, важно

признать и негативное воздействие рабочей среды на здоровье и удовлетворенность людей. Это происходит потому, что профессиональная деятельность постоянно изменяется, требуя гибкой адаптации из-за глобализации и распространения новых технологий. Современная трудовая активность предлагает повышенную ответственность и компетентность работников. Быстро изменяющееся рабочее место, постоянное обновление технологий вызывает значительный стресс у сотрудников, предъявляют более высокие требования к способностям специалистов и эффективности компаний.

Стресс в организации – это несоответствие между навыками и способностями человека и требованиями работы. Это любая характеристика рабочей среды, которая нарушает психологический или физиологический гомеостаз. В последние десятилетия доминировали две основные модели стресса на работе: модель требований, контроля и поддержки на работе (job demand-control-support model), предложенная Karasek и Theorell [2] и модель дисбаланса усилий и вознаграждения (effort-reward imbalance, ERI), разработанная Siegrist [3].

В соответствии с теорией Karasek и Theorell контроль за работой включает в себя полномочия по принятию решений, разнообразие профессиональных задач и возможность использования трудовых навыки. Из модели следует, что, если специалисты выполняют очень сложную работу, но имеют достаточный контроль над своей деятельностью и свободу использования имеющихся навыков, это позволяет им испытывать средний уровень психологического напряжения. Поддержка со стороны руководителей и коллег смягчает последствия чрезмерных требований и недостаточного контроля [2].

В модели ERI Siegrist показано влияние соотношения условий и результата работы. Согласно теории социального обмена, работники вкладывают усилия и ожидают вознаграждения. Если в обмене существует дисбаланс, мешающий работникам получать вознаграждение, то возникает психологический дистресс, сопровождающийся физиологическим возбуждением [3]. Таким образом, одним из факторов риска является сочетание существенных затрат и недостаточного вознаграждения с точки зрения заработной платы, продвижения по службе или признания заслуг.

В современных организациях развивается новый подход к управлению, который основан на идее, что сотрудники должны иметь возможности контролировать работу и участвовать в делах организации. Вовлеченность работников можно определить, как непосредственное участие персонала в реализации миссии организации и достижении ее целей путем активного использования собственных идей, опыта и усилий при решении проблем и принятии решений [1].

Вовлеченность персонала включает четыре ключевых принципа: развитие навыков и знаний, обмен информацией, перераспределение власти и вознаграждение за результативность. Сотрудникам предлагается участвовать в деятельности организации, они должны иметь информацию о ее стратегии, процессах, отзывах клиентов, событиях и полученных результатах. Более того, они должны обладать навыками и знаниями для понимания и использования этой информации и полномочия принимать решения в их области знаний.

Предоставление возможностей для активного участия выгодно как отдельным людям, так и целым организациям. Исследователи выявили множество положительных результатов роста вовлеченности сотрудников: улучшение отношения к работе, увеличение удовлетворенности работников, усиление лояльности, повышение производительности труда. Практика корпораций показывает, что существуют эффективные инструменты управления вовле-

ченностью. Например, сотрудникам необходимо предоставить право участвовать в принятии решений. Кроме того, они должны пройти обучение или иметь опыт принятия решений. Также в организациях могут быть созданы самоуправляемые группы, группы по решению проблем и межфункциональные рабочие команды [4].

Расширение вовлеченности особенно важно в условиях напряженного труда. Можно предположить, что вовлеченность в работу выступает буфером от профессионального стресса, поскольку позволяет контролировать факторы дистресса, выделенные в модели требований, контроля и поддержки на работе, а также в концепции дисбаланса усилий и вознаграждения. Поэтому, мы ожидаем, что вовлеченность будет отрицательно связана с профессиональным стрессом.

Для проверки гипотезы было проведено эмпирическое исследование. В качестве испытуемых выступали торговые представители Самарского отделения табачной компании. Их профессиональная деятельность неразрывно связана с высокой стрессовой нагрузкой. Выборка составила 16 человек, все мужского пола.

Для определения уровня стресса обследуемых использовалась методика ДОРС (дифференцированная оценка состояний сниженной работоспособности) А. Леонова, С. Величковой. Методика является модифицированной версией немецкого теста BMSII Пласа и Рихтера, используемого для оценки степени тяжести труда в разных видах профессиональной деятельности. Для определения уровня вовлеченности испытуемых использовался опросник Gallup Q12. Gallup Q12 – это шкала, состоящая из 12 вопросов, которые измеряют наиболее важные элементы вовлеченности сотрудников.

Исследование показало, что наибольшее количество сотрудников испытывают умеренный стресс (50%), одинаковое количество – низкий и выраженный (по 25% работников). 50% сотрудников оказались не вовлеченными в работу, активно вовлечены – 12,5%, совершенно не вовлеченными оказались 37,5% работников.

Для проверки гипотезы использовался коэффициент ранговой корреляции Спирмена. Исследование показало, что между уровнем вовлеченности и показателями профессионального стресса существует значимая взаимосвязь ($r = -0,615$, $p < 0,05$). Это свидетельствует о том, что чем ниже уровень стресса, тем выше вовлеченность. Таким образом, гипотеза исследования была подтверждена. Вовлеченность в работу оказывается фактором, который способствует уменьшению уровня стресса.

Люди являются самым ценным активом для каждой организации. Глобальная неопределенность в экономике; бизнес, основанный на знаниях; конкуренция за таланты являются важными тенденциями, которые предъявляют новые требования к корпорациям. Вовлеченность является важным фактором развития здоровой организационной среды, противостоящей давлению стресса.

Список литературы и источников

1. Grawitch M. J., Gottschalk M., Munz D. C. The path to a healthy workplace: A critical review linking healthy workplace practices, employee well-being, and organizational improvements // Consulting Psychology Journal: Practice and Research. – 2006. – Т. 58. – №. 3. – С. 69-82.
2. Karasek R., Theorell T. Healthy work: stress, productivity and the reconstruction of the working life. – New York: Basic Books, 1990.

3. Siegrist J. Adverse health effects of high-effort/low-reward conditions // Journal of occupational health psychology. – 1996. – Т. 1. – №. 1. – С. 27-43

4. Wilkinson A., Dundon T., Marchington M. Employee involvement and voice // Managing human resources. – 2013. – С. 268-88.

Yulia S.Golikova

Samara National Research University

Relationship of professional resource and engagement of sales representatives

Abstract. Highly qualified specialist is the most important asset of an organization. Which specialist is considered as highly qualified? Except knowledge and expertise, such specialist should be involved in the work, otherwise he won't be able to implement his knowledge. The involvement should come along with motivation. An organization can provide competitive conditions, high salary, comfortable office, voluntary health insurance. Nevertheless, these conditions may be not sufficient for a specialist if he has psychological difficulties in a workplace. One of the main negative factors are stress and absence of stress resistance. Thus, in order for an employee to be involved in the work, he needs to minimize stress in a workplace and or be resilient in the face of stress. The present article considers negative relationship between involvement level and professional stress of sales representatives.

Keywords: involvement, motivation, stress, stress resistance.

УДК 159.9.07 316.6

Иванова М.И.

*Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева*

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА И СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА У ШКОЛЬНИКОВ ПОДРОСТКОВОГО ВОЗРАСТА

Аннотация: в статье описаны результаты исследования взаимосвязи уровня развития эмоционального интеллекта и социального статуса в группах учащихся старшего подросткового возраста. Проанализированы особенности психологического развития в старшем подростковом периоде, основные задачи и сложности данного периода. Обозначена важность приобретения подростками социального опыта в среде сверстников и роль эмоционального интеллекта в механизме адаптации подростка в группе.

Ключевые слова: старший подростковый возраст, эмоциональный интеллект, социальный статус, подростковые группы, адаптация.

Переход человека от детства к взрослости – это подростковый период. На этом этапе развития биологическая зрелость часто опережает социальную, поэтому именно подростковый период считается наиболее сложным этапом в формировании личности. Анализируя

подростковый и юношеский этап Г. Крайг, выделил следующие особенности старших подростков [2].

- физическое развитие (физический рост и морфофункциональные изменения, изменения внешности и адаптация к ним, развитие половой идентичности и сексуальное поведение);

- умственное развитие (когнитивные изменения, развитие памяти и абстрактного мышления, интерес к исследованиям, нигилизм, юмор);

- психосоциальное развитие (стремление казаться взрослым и принадлежать к группе, независимость, использование социального сравнения, желание дружбы и близких отношений, ценность проведения времени в компаниях и стремление к уединению, переоценка ценностей, обучение принятию решений, подверженность чужому влиянию, вероятность стресса и депрессии;

- эмоциональное развитие (перепады настроения, чувство непонятости, обострѐнность переживаний, застреваемость, уязвимость).

Сложность старшего подросткового периода заключается в том, что общество готово предъявить подростку ряд требований:

- он должен владеть определёнными знаниями, умениями и навыками, полученными ранее;

- может применять эти знания;

- готов к реализации себя как личности в деятельности;

- готов к конструктивному взаимодействию внутри групп и сообществ.

Важной для подростка частью взросления является социальный опыт. Феномен успешности человека в обществе интересовал многих психологов. При попытке детально проанализировать какие именно качества и способности человека могут объяснить его успешность, была выдвинута гипотеза о том, что общий интеллект имеет в своей структуре другие составляющие, поскольку традиционный тест IQ оказался неспособен предсказывать успех человека в личной, общественной жизни и карьере. Люди, обладающие высоким уровнем IQ не обязательно достигают своих целей, с другой стороны, есть множество примеров, когда люди с низкими значениями IQ достигали невероятных высот.

В психологии с начала 20 века велись поиски способностей, связанных с эмоционально-социальной сферой психики. В 1988 году Рувен Бар предложил термин «эмоциональный интеллект», EQ по аналогии с IQ. Первую модель EQ предложили Дж. Мейер и П. Сэловей [6]. В 1995 году Дэниель Гоулман изменил и популяризировал первую модель [5]. Современная модель EQ включает в себя: осознанность своих эмоций и состояний, саморегуляцию, эмпатию, навыки отношений, управление эмоциональным взаимодействием.

Проблема исследования EQ у подростков остаётся недостаточно изучена. В рамках отечественной психологии изучением эмоционального интеллекта в подростковом возрасте занимаются: Г. Гарскова, И. Андреева, Д. Люсин, М. Манойлова и другие учёные. Однако, связь между EQ и социальными отношениями на данном возрастном этапе остаётся недостаточно изученной. При анализе существенности влияния и установлении причинно-следственной связи между уровнем EQ и положением в малой группе можно использовать методику социометрии, предложенную Дж. Морено, американским психиатром и социальным психологом [2]. Эта методика позволяет объективно оценить социальный статус чело-

века в малой группе. Мы предполагаем, что чем выше уровень EQ, тем выше статус подростка в группе.

В исследовании приняли участие 42 учащихся двух девярых классов в возрасте 15–16 лет. Школьники проходят обучение по стандартной образовательной программе.

Были использованы следующие методики. Тест-опросник эмоционального интеллекта Д. Люсина [3]. Опросник основан на представлениях об эмоциональном интеллекте как способности к пониманию эмоций (как своих собственных, так и других людей) а также управлению эмоциями. Методика была неоднократно апробирована на российской выборке и имеет высокие показатели надежности и валидности. Опросник включает в себя ряд шкал: понимание своих эмоций, понимание чужих эмоций, управление своими эмоциями, управление чужими эмоциями.

Метод социометрии Дж. Морено предназначен для выявления структуры предпочтения-отвержения в группе. В процессе социометрической процедуры участникам группы предлагается перечислить в порядке предпочтения трех участников группы, с которыми они хотели бы общаться, сотрудничать, проводить досуг, трех участников группы которым доверяют и могут попросить о помощи, трех участников группы, общение с которыми наименее приятно. При обработке данных выделяют: звёзд (более 5 выборов), предпочитаемых (3 – 4 выбора), принятых (1 – 2 выбора), изолированных (0 выборов).

Для проверки гипотезу использовался корреляционный анализа предложенный К. Спирменом. Были получены следующие результаты оценки взаимосвязи между шкалами: понимание эмоций и социометрический статус ($R = 0,2200$ $p = 0,162$), управление эмоциями и социометрический статус ($R = 0,0535$, $p = 0,737$), понимание эмоций других и социометрический статус ($R = 0,0096$ $p = 0,952$), управление эмоциями других ($R = 0,044$, $p = 0,780$). Все корреляционные связи не значимы. Это означает, что гипотеза опровергнута. В подростковом возрасте отсутствует связь между эмоциональным интеллектом и социальным статусом.

В течение 21 века исследователи изучали связь между ЭИ и жизненными результатами, включая поддержание психического и физического здоровья, академический и профессиональный успех [4]. Результаты показали, что эти связи не достигают первоначального размера и силы, выявленного ранними сторонниками эмоционального интеллекта. Таким образом, несмотря на то что ЭИ имеет определённую адаптивную ценность, его ценность возможно была преувеличена.

Список литературы и источников

1. Золотовицкий, Р. А. Социометрия ЯЛ Морено / Р.А. Золотовицкий //Методология и история психологии. – 2007. – Т. 2. – №. 2. – С. 107-121.
2. Крайг, Г. Психология развития / Г. Крайг. – СПб.: Питер, 2000. – 992 с.
3. Люсин, Д.В. Новая методика для измерения эмоционального интеллекта: опросник ЭМИн / Д.В. Люсин// Психологическая диагностика. – 2006. – № 4. – С. 3-22
4. Davis, S. K., Nichols R. Does emotional intelligence have a «dark» side? A review of the literature // *Frontiers in psychology*. – 2016. – Т. 7. – <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2016.01316> (Дата доступа: 12.03.2021).
5. Goleman D. Emotional intelligence. – New York: Bantam Books, 1995.

6. Mayer, J. D., Salovey, P., Caruso, D. R. Models of Emotional Intelligence // Handbook of Intelligence / Ed. by R. Stenberg. – Cambridge University Press, 2000. P. 396-420.

Ivanova M.I.

Samara National Research University

The relationship between emotional intelligence and social status of adolescent schoolchildren

Abstract. The article presents the results of research of the relationship between the level of emotional intelligence development and social status in groups of adolescent schoolchildren. The features of psychological development in the middle of adolescence, the main objectives and difficulties of this period are analyzed. The author emphasizes the importance of adolescents' gaining social experience among school peers and the role of emotional intelligence in the mechanism of a teenager's adaptation in a group.

Key words: adolescent schoolchildren, emotional intelligence, social status, teen groups, adaptation.

УДК 159.942

Кулакова М.А.

*Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева*

ВЛИЯНИЕ УЛЫБКИ ДЮШЕНА НА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ И МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Аннотация. Статья знакомит с исследованиями в области восприятия улыбки Дюшена и его влияния на эмоциональное и психофизиологическое состояние человека. Улыбка была исследована многими учеными с психологической и с физиологической точки зрения. Феномен улыбки рассматривался как инструмент терапии и анализа здоровья человека.

Ключевые слова: улыбка Дюшена, социальная улыбка, эмоциональный интеллект, влияние на здоровье, дифференциация типов улыбки.

Среди многообразия невербальных средств общения улыбка занимает особое место. Улыбка – уникальный и многофункциональный психологический инструмент, помогающий людям в разных жизненных ситуациях. Она активно исследуется российскими и зарубежными учеными. В этой области существуют надежно задокументированные закономерности и мало изученные вопросы. Целью обзора является определение актуальных направлений в сфере исследований психологических аспектов восприятия, интерпретации и использования улыбки.

В 1862 году очень подробно улыбку изучил французский врач Гийом Дюшенн де Булонь. В специальной литературе нередко можно встретить термин «улыбка Дюшенна» как

синоним искренней, открытой улыбки, связанной с переживанием счастливого момента в жизни [3, с. 112]. В формировании искренней, радостной улыбки, участвует круговая мышца глаза. При ее сокращении приподнимаются щеки, что сопровождается формированием «гусиных лапок». Исследования, проведенные с использованием электромиографии, подтвердили активацию большой скуловой мышцы (*m. zygomaticus major*) при проявлении радостных эмоций. Вынужденная улыбка, особенно связанная с негативными переживаниями, не предполагает вовлечение круговой мышцы глаза.

Открытие Б. Дюшена остается актуальным и в наши дни. Единственное уточнение, сделанное Полом Экманом с сотрудниками, касается необходимости дифференцировать сокращение наружной и внутренней частей окологлазничной мышцы [5, с. 34]. Большинство людей способны контролировать сокращение внутренней части этой мышцы. Таким образом, при искренней улыбке удовольствия у человека неизменно должна сокращаться наружная часть окологлазной мышцы.

Таким образом, улыбку можно разделить на два вида: искреннюю, то есть улыбку «Дюшена» и социальную. Было проведено множество исследований, связанных с пониманием и восприятием этих улыбок. В исследовании, проведенном Робертом Суссиньяном изучается влияние улыбки на субъективный и вегетативный компоненты эмоций [10, с. 63]. В данном эксперименте, участников просили держать карандаш во рту, чтобы облегчить или подавить улыбку во время просмотра видеоклипов, вызывающих положительный или отрицательный аффект. Участники, демонстрировавшие улыбки Дюшена, сообщали о более позитивном опыте, когда были представлены приятные сцены и юмористические карикатуры. Кроме того, при просмотре позитивных сцен они демонстрировали различные паттерны вегетативного возбуждения. Эти результаты подтверждают гипотезу лицевой обратной связи и предполагают, что лицевая обратная связь имеет более мощные эффекты, когда конфигурации лица представляют собой достоверные аналоги базовых эмоциональных выражений.

Д. Келтнер и Л.А. Харкер проводили эксперимент, где изучали фотографии старшеклассниц Миллз колледж в школьных альбомах за 1960-й год [8, с. 19]. Они отметили, что большинство девушек на фотографиях в ежегоднике улыбались, причем половина делала это естественно. Спустя много лет среди девушек, запечатленных на фотографиях, был проведен опрос о том, как сложилась их жизнь в возрасте 27, 43 и 52 лет. Исследователи хотели выяснить, можно ли строить предположения о будущем человека по юношеской фотографии. Ученые выявили, что школьницы, естественно улыбающиеся на фотографии, в среднем легче находили партнера для брака, дольше были замужем и чувствовали себя счастливее в течение последующих 30 лет. Характерно, что внешность не имела особенного значения, в отличие от естественной улыбки. Результатом исследования стал общий вывод: выражение положительных эмоций увеличивает шансы иметь счастливую семейную жизнь и жить дольше.

Исследование «улыбки Дюшена» коснулось и виртуальной коммуникации. Й. Подело провёл междисциплинарный, сопоставительный анализ, в котором сначала излагались важнейшие характеристики смеха и улыбки, имеющие место в реальной коммуникации и установленные в психологии, социологии и нейробиологии [4, с. 80]. Затем учёный провёл наблюдения над использованием смайликов в интернет-коммуникации и выявил сходства и различия между реальными и виртуальными (графическими) сигналами эмоций. Было отмечено, что смайлик, как и смех, часто используется автором внутри собственного высказыва-

ния. Но комментатор, находясь в открытом, публичном пространстве ожидает реакцию других потенциальных коммуникантов и тем самым считает себя принадлежащим к определенному кругу общения. Таким образом, смайлик может быть использован так же, как смех и улыбка, в целях позитивной самопрезентации, протекающей в соответствии с социальными нормами.

Келтнер и Бонанно из Католического университета измерили выражение лица людей, которые обсуждают недавно умершего супруга [9, с. 42]. В 1997 году в журнале *Journal of Personality and Social Psychology* исследователи сообщили о более низких уровнях дистресса у тех, кто демонстрировал подлинную улыбку Дюшенна во время обсуждения, по сравнению с теми, кто этого не делал. Преимущества улыбки в ситуации горя, по-видимому, определяются биологическим уровнем. Исследователи наблюдали за выражением лиц 72 человек, наблюдавших за похоронной сценой из фильма [7, с. 501]. Как сообщили авторы, те, кто хотя бы раз улыбнулся во время эксперимента быстрее восстановили свой базовый сердечно-сосудистый уровень, чем те, кто не смог улыбнуться.

Гипотеза о врожденной улыбке тоже рассматривалась среди ученых. Так, несколько десятилетий назад ученый Д. Кон наблюдал, как 3-месячные дети реагируют на изменения в выражении лица матери [2]. Когда матери показывали печаль, младенцы в отчаянии вскидывали свои крошечные кулачки, и после всего 3 минут взаимодействия без улыбки они становились замкнутыми.

Мужчины и женщины способны вызывать улыбку Дюшенна в равной степени. Однако, мужчины улыбаются меньше, чем женщины. Гендерные различия восприятия улыбки были изучены несколько лет назад исследовательской группой, которая провела масштабный метаанализ исследований улыбки, проанализировав данные 162 исследований и более чем 100 000 участников в целом, и выделила три переменные, влияющие на различия между полом и улыбкой: гендерная норма (когда люди знают, что на них смотрят); ситуативное ограничение; эмоциональный климат. Ученые пришли к выводу, что «улыбка является социальным выражением, очень зависимым от ситуации» [1, с. 246].

Было отмечено, что частично восприятие вариативности улыбки зависит и от культурного опыта наблюдателя и этнической принадлежности. В исследовании особое внимание уделяет различным способам, которыми американцы и японцы определяют улыбки [11, с. 303]. Рассматривая смайлики, американцы определяли улыбку по выражению рта, различая счастливую и грустную улыбку, в то время как японцы смотрели на выражения глаз, отмечая их как радостные или печальные. Такие различия отражают американскую тенденцию выражать эмоции и японскую тенденцию подавлять их; в конце концов, как и предполагал Дюшенн, мышцами рта управлять легче, чем мышцами глаз.

Гипотеза о том, что улыбки Дюшенна и не-Дюшенна вызывают разные реакции у людей, была проверена в эксперименте по восприятию лица [6, с. 114]. Людей просили оценить нейтральные и улыбающиеся лица по десяти характеристикам: привлекательность, щедрость, надежность, конкурентоспособность, здоровье, покладистость, добросовестность, экстраверсия, невротизм и открытость. Результаты показали, что тип улыбки сильнее повлиял на оценки щедрости и экстраверсии. Разница между оценками нейтрального выражения и улыбкой была больше, когда на лицах изображалась улыбка Дюшенна, чем не-Дюшенна. Та-

ким образом, маркер Дюшена показывает некоторую специфичность в суждениях об альтруизме и общительности.

Также был проведен метаанализ улыбок Дюшена и не-Дюшена, в котором Сара Д. Ганнери и Молли Рубен доказали, что в целом улыбки Дюшенна и люди, вызывающие улыбки Дюшенна, оцениваются более положительно (то есть как искренние, настоящие, привлекательные, заслуживающие доверия), чем люди, использующие другой тип улыбки. Разница между улыбками Дюшена и не-Дюшенна была больше, когда в качестве стимулов использовались видеофрагменты, чем фотографии [7, с. 504].

Проведенный обзор исследований позволил выделить три основных направления в изучении улыбки: ее роль в сохранении психологического здоровья, вклад улыбки в развитие межличностных отношений и социально-групповые аспекты выражения и восприятия улыбки.

В соответствии с первым фокусом исследований показано, что улыбка Дюшена как искреннее выражение радости при помощи механизма лицевой обратной связи способствует более полному переживанию положительных эмоций. Это оказывает позитивное влияние на рост удовлетворенности жизнью в долгосрочной перспективе. Даже в ситуации переживания печали проявление улыбки Дюшена предсказывает снижение уровня дистресса. В дальнейшем исследователи могут сосредоточиться на изучении места улыбки в регулировании различных эмоциональных состояний.

Хорошо изучена позитивная роль мимики радости в формировании и развитии межличностных отношений. Люди, использующие улыбку Дюшена воспринимаются как более настоящие, привлекательные и заслуживающие доверие. Маркер искренности оказывает влияние на суждения об альтруизме и общительности. Представляется важным продолжить определение специфичных социальных атрибуций, связанных с мимикой радости.

Существует культурные и гендерные особенности восприятия улыбки. Однако, крайне малоизвестно о возрастных закономерностях восприятия и интерпретации разных типов улыбки.

Таким образом, обзор показал, что, несмотря на широкий интерес к теме, каждое актуальное в данный момент направление исследований имеет свой потенциал развития, реализация которых поможет точно описать индивидуальные и социальные механизмы влияния улыбки.

Список литературы и источников

1. Барабанщиков В. А. Восприятие выражений лица. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. – 448 с.
2. Комкова Е. И. Эмоциональный интеллект и восприятие детьми старшего дошкольного возраста семейных отношений [Электронный ресурс] Вестник ВятГУ. – 2010. – №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/emotsionalnyy-intellekt-i-voSPIriatie-detmi-starshego-doshkolnogo-vozrasta-semeinyh-otnosheniy-1> (дата обращения: 20.09.2021).
3. Мартынова Е. М. Метакоммуникативное описание улыбок и выражений губ в аномальной коммуникации – Филологические науки. Вопросы теории и практики. - Тамбов: Грамота. – 2014. – Том 42. – № 12. – С. 112-114.

4. Подело Й. Смайлики, улыбка и смех как социальный сигнал и индикатор эмоционального состояния в процессе коммуникации (сопоставительный анализ) – Вестник Новосибирского государственного университета. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2016. – Том 14. – № 2. – С.80-90.

5. Ekman P., Davidson R.J., Friesen W.V. The Duchenne Smile: Emotional Expression and Brain Physiology II – Journal of Personality and Social Psychology. – 1990. – Vol.4. – no.8. – P. 31-47.

6. Gunnery S. D., Hall J. A. The expression and perception of the Duchenne smile - The social psychology of nonverbal communication. [Электронный ресурс] URL:https://www.researchgate.net/publication/303423149_The_Expression_and_Perception_of_the_Duchenne_Smile (дата обращения: 18.05.2021).

7. Gunnery S. D., Ruben M. A. Perceptions of Duchenne and non-Duchenne smiles: A meta-analysis — Cognition and Emotion. URL:<https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/02699931.2015.1018817?journalCode=psem20> (дата обращения: 13.05.2021).

8. Harker L.A., Keltner D. Expressions of positive emotion in women's college yearbook pictures and their relationship to personality and life outcomes across adulthood - Journal of Personality and Social Psychology. – 2001. – № 13. – P. 18-23.

9. Keltner D., Bonanno G. A Study of Laughter and Dissociation: Distinct Correlates of Laughter and Smiling During Bereavement. - Journal of Personality and Social Psychology. – 1997. – № 6. – P. 40-49.

10. Soussignan R. Duchenne Smile, Emotional Experience, and Autonomic Reactivity. A Test of the Facial Feedback Hypothesis [Электронный ресурс] Emotion. URL:https://www.researchgate.net/publication/10630044_Duchenne_Smile_Emotional_Experience_and_Autonomic_Reactivity_A_Test_of_the_Facial_Feedback_Hypothesis (дата обращения: 27.05.2021).

11. Yuki M., Maddux W. W., Masuda T. Are the windows to the soul the same in the East and West? Cultural differences in using the eyes and mouth as cues to recognize emotions in Japan and the United States - Journal of Experimental Social Psychology. – 2007. – Т. 43. – №. 2. – С. 303-311.

Kulakova M.A.

Samara National Research University

The influence of Duchene's smile on psychological health and interpersonal relationships

Abstract. The article outlines the researches dedicated to perception of the Duchenne's smile and its influence on the emotional and psychophysiological state. Many psychologists studied the Duchenne's smile from psychological and physiological points of view. The phenomenon was considered as the therapy and health analysis instrument.

Key words: Duchenne's smile, social smile, emotional intelligence, health effects, differentiation of smile's types.

ФЕНОМЕН ИНТОКСИКАЦИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКИМИ ЗНАНИЯМИ

Аннотация. В настоящее время психологические знания являются доступными и широко используются субъектами без специального психологического образования. Использование несистематизированных и обрывочных психологических знаний с целью изменить другого человека в соответствии с собственными представлениями о «правильности» можно определить как эффект «интоксикации» психологическими знаниями. В предлагаемом исследовании с помощью онлайн-анкетирования изучалось применение психологических знаний в повседневной жизни. Участники исследования заполняли опросник для диагностики уровня принятия других и степени реализации потребностей в саморазвитии для дальнейшего поиска линейной взаимосвязи между указанными показателями и выявленной жизненной стратегией в части использования знаний психологии. Полученные результаты продемонстрировали стремление участников исследования применять психологические знания в повседневной жизни по отношению к другим людям, несмотря на достаточно высокие показатели реализации потребностей в саморазвитии и принятия других.

Ключевые слова: особенности психологических знаний, использование психологических знаний, интоксикация психологическими знаниями, эффект Даннинга-Крюгера, принятие других, потребность в саморазвитии.

В современном мире всё более актуальными становятся психологические знания. Практическая и консультативная психология становятся существенным фактором сохранения психического и эмоционального благополучия людей, заметно влияя на социальное и экономическое развитие страны [3]. Доказано, что психология облегчает жизнь человека, делая её более счастливой, насыщенной, яркой. Психологические знания позволяют человеку лучше понимать себя и свои возможности, реализовывать свой потенциал, улучшать свои коммуникативные навыки, эффективнее решать профессиональные и межличностные вопросы [4]. Развитие информационных технологий способствует более активному проникновению психологических знаний в жизнь общества и увеличивает доступность знаний по психологии. Принимая во внимание данные тенденции, важно исследовать особенности психологических знаний и их прикладное использование субъектами, не имеющими специального психологического образования.

Результаты ранее проведенных исследований продемонстрировали высокий интерес людей к психологии и психологическим знаниям [1, 5, 7, 8]. Вместе с тем обнаружены некоторые особенности психологических знаний, требующие дальнейших исследований. В работе С. В. Березина и О. В. Шапатиной [5] анализируются «неинструментальность» и «токсичность» психологических знаний. Феномен «неинструментальности психологических знаний» проявляется в практической бесполезности знаний психологии для их обладателей в повседневной жизни, так как владение этими знаниями не повышает ресурсность их носителей. Другая особенность психологических знаний проявляется в эффекте «интоксикации психо-

логическими знаниями». Данный эффект выражается в токсичном использовании обрывочных и бессистемных психологических знаний во вред другим [5].

Обнаруженный С. В. Березиным и О. В. Шапатиной эффект «интоксикации психологическими знаниями» имеет некоторые сходства с эффектом Даннинга-Крюгера, который заключается в том, что люди с низким уровнем квалификации и компетенций склонны переоценивать свои способности, принимать ошибочные решения и делать недостоверные выводы. Именно отсутствие должного уровня компетенции не позволяет им осознать неточность и ошибочность принимаемых решений и, как следствие, совершаемых на их основе действий. При этом высококомпетентные люди склонны недооценивать своё мастерство, ошибочно полагая, что другие люди обладают таким же уровнем способностей и компетенций (эффект ложного консенсуса) [6, 10, 11]. Действительно, человек может обладать некоторым количеством психологических знаний, однако эти знания могут быть настолько несистематизированы и обрывочны, что их носителю не хватает компетенции, чтобы оценить их фрагментарность и неупорядоченность. Отсутствие систематизированных знаний приводит к неспособности критически оценивать имеющуюся информацию и принимаемые на её основе решения. Однако стоит отметить, что при эффекте Даннинга-Крюгера «страдает» сам субъект, обладающий недостаточным количеством знаний и компетенций, в то время как «токсичные» психологические знания обращены на другого человека [5]. Доступность информации в современном обществе лишь масштабирует вышеописанные особенности психологических знаний. В связи с этим возрастает актуальность исследования данных феноменов.

В данном исследовании было выдвинуто общее предположение о том, что владение психологическими знаниями приводит к стремлению их носителя применять имеющиеся знания к другим людям.

Также было сформулировано две рабочие гипотезы:

1. Низкий или средний показатель принятия других с тенденцией к низкому показателю способствует стремлению человека к применению психологических знаний по отношению к другим людям. Иными словами, при низком уровне принятия других у человека может возникать ощущение, что жизненные проблемы и трудности вызваны несовершенством окружения, поэтому для улучшения ситуации необходимо «переделать», изменить других людей, а не себя самого.

2. Стремление использовать психологические знания для «переделывания» окружающих связано с фрустрацией потребности в саморазвитии. Данное предположение основано на том, что в случае активной реализации потребностей в саморазвитии человек склонен использовать имеющиеся психологические знания для самосовершенствования, в то время как низкий уровень реализации потребностей в саморазвитии способствует стремлению использовать имеющиеся знания в отношении других людей.

Для проверки выдвинутых гипотез было организовано эмпирическое исследование. Сбор первичных данных осуществлялся с помощью онлайн-анкетирования. Онлайн-опросник был создан с помощью Google Forms. Опросник включал 14 вопросов, в том числе 5 кейсов для изучения использования психологических знаний в повседневной жизни, а также опросную форму для диагностики потребностей в саморазвитии и опросную форму для диагностики принятия других (по шкале Фейя).

Исследование проводилось на невероятностной выборке, т.е. отбор участников опроса осуществлялся не случайным образом, как в вероятностных выборках, а по субъективному критерию доступности. Ссылка на прохождение онлайн-опросника была направлена в груп-

повые чаты популярных мессенджеров Telegram и Viber, участником которых являлся сам автор исследования. Таким образом, невероятностная выборка являлась стихийной. При стихийном отборе зачастую возникает проблема пропущенных значений, когда респондент пропускает вопрос, так как не желает на него отвечать или не помнит какие-либо существенные для исследования факты. Данная проблема была исключена посредством того, что все вопросы в онлайн-опроснике были отмечены как обязательные для прохождения, поэтому участник не мог завершить опрос, не ответив на все предложенные вопросы. Поскольку выборка являлась невероятностной и стихийной, в рамках данного исследования возникли сложности с определением генеральной совокупности. Таким образом, в рамках данного исследования выборка являлась нерепрезентативной [2].

В онлайн-опросе приняли участие 84 человека в возрасте 18-56 лет (средний возраст – 34 года, мода – 27 лет). Среди респондентов было 76,2% женщин (64 человека) и 23,8% мужчин (20 человек). 76% респондентов (64 человека) не имеют психологического образования. 11% участников опроса (9 человек) имеют психологическое образование, полученное в результате профессиональной переподготовки/переквалификации, 10% участников опроса (8 человек) имеют высшее профессиональное образование, по 1% респондентов – среднее профессиональное образование, неполное высшее профессиональное образование, а также неполное высшее профессиональное образование в сочетании с профессиональной переподготовкой. Таким образом, можно говорить о низком уровне профессиональной компетенции данной выборки в сфере психологии.

За последний год 83,3% респондентов не посещали психолога и 16,7% – посещали.

83% участников исследования продемонстрировали интерес к знаниям по психологии. В качестве основных источников получения психологических знаний респонденты отметили: интернет (81% опрошенных), собственный жизненный опыт (69%), популярную психологическую литературу (54%), специалистов в области психологии (40%).

Респондентам было предложено оценить степень их согласия со следующим утверждением: «Я применяю свои знания по психологии к своему окружению (семья, родные, друзья, знакомые, коллеги), стремясь изменить их поведение в соответствии со своими представлениями о том, что было бы лучше для них самих». 52% респондентов согласились с тем, что они применяют свои психологические знания к другим людям.

Результаты, полученные при диагностике потребности в саморазвитии и диагностике принятия других (по шкале Фейя), были обработаны с учётом инструкции по обработке и интерпретации результатов [9]. Результаты опроса дают основание полагать, что лишь у 1% респондентов потребность в саморазвитии на данный момент фрустрирована. Данные 22 человек (26% респондентов), свидетельствуют о том, что у них отсутствует сложившаяся система саморазвития. Большая часть респондентов (61 человек, или 73% респондентов) активно реализует свои потребности в саморазвитии, при этом среднее значение баллов и мода составляют 59. Диагностика принятия других (по шкале Фейя) выявила следующие результаты: 4 респондента (5%) продемонстрировали средний показатель принятия других с тенденцией к низкому, 46 человек (55%) – средний показатель принятия других с тенденцией к высокому, 34 человека (40%) – высокий показатель принятия других.

Каждый из пяти кейсов для изучения использования психологических знаний в повседневной жизни предполагал четыре варианта ответа, в том числе ответ «Другое» с возможностью указать свой вариант. Участники опроса должны были прочитать ситуацию и выбрать вариант ответа, который в большей степени соответствует их жизненной страте-

гии. При обработке результатов все варианты ответов были разделены на три группы и закодированы:

1) ответам, которые демонстрировали стремление респондента применять знания по отношению к другим, было присвоено значение «-1». Данная категория ответов включала рекомендации, советы, которые предполагали изменение поведения другого человека и вмешательство в чужие отношения;

2) ответам, которые выявили стремление респондента принять ситуацию, было присвоено значение «0». Данная категория ответов включала такие варианты, как «принять ситуацию», «не вмешиваться», «ничего не предпринимать»;

3) ответам, которые отражали стремление респондента применять свои знания по отношению к себе, было присвоено значение «1». Данная категория включала ответы, которые предполагают изменение поведения самого респондента без видимой попытки изменить другого.

Анализ ответов респондентов на кейсы продемонстрировал, что 74% респондентов склонны применять психологические знания к другим людям, что проявляется в стремлении давать советы и рекомендации, вмешиваться в чужие отношения, корректировать поведение другого человека в соответствии с собственными представлениями о «правильности». В данную категорию относились такие ответы, как «записать другого к психологу», «найти другому девушку», «посоветовать разорвать с кем-либо отношения».

Для поиска связи между такими показателями, как реализация потребностей в саморазвитии, принятие других и жизненная стратегия респондентов был проведен простой регрессионный анализ с помощью надстройки Microsoft Excel Пакет анализа (уровень надежности 95%). В качестве входного интервала Y была использована сумма баллов по полю «жизненная стратегия респондентов». В качестве входного интервала X сначала выступила сумма баллов по показателю «реализация потребностей в саморазвитии», а затем сумма баллов по показателю «принятие других». Было выявлено, что стратегия поведения респондентов линейно зависит от уровня реализации потребностей в саморазвитии и уровня принятия других менее чем на 2%, линейная связь между переменными отсутствует. Таким образом, выдвинутые ранее предположения о взаимосвязи вышеуказанных показателей не нашли своего подтверждения. В то же время можно говорить о том, что общая гипотеза исследования подтвердилась, т. к. результаты опроса продемонстрировали, что владение психологическими знаниями приводит к стремлению их носителя применять имеющиеся знания к другим людям.

В связи с тем, что феномен «интоксикации психологическими знаниями» недостаточно изучен, тема «токсичности» психологических знаний может быть предметом последующих исследований. В дальнейшем исследование можно было бы провести на вероятностной выборке, чтобы иметь возможность распространить собранные по выборке данные на генеральную совокупность. Кроме того, в исследовании может быть использован другой метод сбора данных, например, анализ клиентских кейсов и другой способ формирования выборки. При исследовании можно комбинировать несколько способов получения первичных данных. Если исследователь решит использовать тот же метод сбора данных, можно улучшить дизайн опросника. Исследователь может использовать открытые вопросы или придумать дополнительные ситуации в части кейсовых заданий. Кроме того, можно изучить взаимосвязь предпочитаемого поведения с другими переменными, например, со стремлением к власти.

Список литературы и источников

1. Апреликова, Н.Р., Китова, Д.А. Структура потребностей студенческой молодёжи в знаниях по психологии / Н. Р. Апреликова, Д. А. Китова // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология – 2018. – Т. 4. – № 2(14). – С. 110-133.
2. Баврина, А.П. Основные понятия статистики / А. П. Баврина // Медицинский альманах. – 2020. – № 3(64). – С. 101-111.
3. Березин, С.В., Исаев, Д.С. Ландшафтная аналитика: опыт трансдисциплинарной психотерапии. Самара: Изд-во «Универс-групп», 2009. – С. 158.
4. Березин, С.В., Иванова, Л.В. Кино в психотерапии и психокоррекции / С.В. Березин, Л.В. Иванова // Альманах современной науки и образования. – 2017. – №7. – С. 16-21.
5. Березин, С.В., Шапатина, О.В. Психологические знания: между бесполезностью и токсичностью / С.В. Березин, О.В. Шапатина // Сборник работ Международной научно-практической конференции, посвященной 60-летию полета в космос Ю. А. Гагарина «Человек в информационном обществе». Самара, 2021.
6. Боброва, Л. А. Когнитивные искажения / Л. А. Боброва // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 3: Философия. Реферативный журнал. – 2021. – № 2. – С. 69-79.
8. Китова, Д.А. Отношение пользователей социальных сетей к знаниям по психологии / Д. А. Китова, Н. Р. Апреликова // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. – 2019. – Т. 4. – № 2(14). – С. 99-128.
9. Китова, Д.А. Потребности в знаниях по психологии как фактор профессиональной подготовки кадров / Д. А. Китова, Н. Р. Апреликова // Прикладная юридическая психология. – 2019. – № 4(49). – С. 9–22.
10. Фетискин, Н.П., Козлов, В.В., Мануйлов, Г.М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп / Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.В. – М. Изд-во Института Психотерапии. – 2002. – С. 339.
11. Bunay, Roman & Siguenza, Wilson & Flores, Karla & Serpa, Luis. Impact of the Dunning Kruger Effect on Psychology Students at the University of Cuenca / R. Bunay, W. Siguenza, K. Flores, L. Serpa // *Advances in Intelligent Systems and Computing*. – July 2018. – pp. 383-391.
12. Kruger, J., Dunning, D. Unskilled and Unaware of It: How Difficulties in Recognizing One's Own Incompetence Lead to Inflated Self-Assessments / J. Kruger, D. Dunning // *Journal of Personality and Social Psychology*. – Vol. 77. – No.6. – 1999. – pp. 1121–1134.

Moiseeva E.N.

Samara National Research University

The phenomenon of intoxication by psychological knowledge

Abstract. Psychological knowledge is accessible and widely used by people without special psychological education. The use of unsystematic and fragmentary psychological knowledges in order to change another person according to own ideas about «correctness» may be considered as “intoxication” by psychological knowledge. The present article studies application of psychological knowledge in everyday life using online questionnaire. Survey participants completed a questionnaire to diagnose their level of acceptance of others and the degree of realization of the needs for self-development for further search of linear relationship between the noted characteristics and life

strategy in the use of psychological knowledge. Obtained results show that study participants desire to apply psychological knowledge in everyday life toward other people despite high indicators of self-development needs' realization and acceptance of other.

Keywords: features of psychological knowledge, use of psychological knowledge, intoxication by psychological knowledge, Dunning-Kruger effect, acceptance of others, need for self-development.

УДК 159.955.1

Муртазина Д.Р.

*Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева*

КЛАССИФИКАЦИЯ ОБРАЗОВ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ПРИ ФАНТАЗИРОВАНИИ С ОПОРОЙ НА ТЕКСТ

Аннотация. В статье приводятся результаты исследования повседневного фантазирования с опорой на текст. Продуктом процесса фантазирования является мысленное представление и мысленное проживание интересующих субъекта ситуаций, в процессе которого он способен к интеллектуальной и эмоциональной проработки этого материала в соответствии с актуальными личностными задачами. В процессе исследования была разработана типология образов представления при фантазировании с опорой на текст, основанная на частоте встречаемости образов в ответах респондентов. В формировании проекции текста важную роль играют проекции психики личности, ее перцептивный и эмоциональный опыт. Поскольку фантазийное пространство служит личности для удовлетворения эго-потребностей и мысленного проживания интересующих субъекта ситуаций, было рассмотрено влияние актуального психического состояния на фантазийные образы.

Ключевые слова: представление, воображение, повседневное фантазирование, фантазирование с опорой на текст, актуальное психологическое состояние.

Психический процесс отображения предметов или явлений, которые в данный момент не воспринимаются, но воссоздаются на основе нашего предыдущего опыта, называется представлением [1, с. 72-73]. Творческое оперирование образами представлений понимается как воображение [2, с. 25-27]. Соответственно, фантазирование можно рассматривать, как один из видов работы воображения. Частной формой способности к созданию фантазий является повседневное фантазирование [2, с. 25-27]. В ходе исследования ими было обнаружено четыре вида повседневного фантазирования: с опорой на объект, с опорой на текст, с опорой на ситуацию и с опорой на внутреннюю задачу [3, с. 23-24].

В своем исследовании М. В. Осорина и А. А. Чечик повседневное фантазирование определяет, как процесс творческого оперирования образами представлений воображения, направленный на удовлетворение эго-потребностных целей внутреннего мира личности [2, с. 25-27].

Повседневное фантазирование может иметь место в различных ситуациях и при выполнении различных видов когнитивной деятельности. В частности, фантазирование является неотъемлемым атрибутом в восприятии текста, если последний понимать в самом широком смысле слова. Другими словами, под текстом может пониматься не только художественное произведение, но и любое явление, которое субъект интерпретирует. Далее такой вид фантазирования будем называть фантазированием с опорой на текст (ФОТ). Нами было проведено настоящее исследование, целью которого является: 1) разработать типологию образов представления при фантазировании с опорой на текст; 2) изучить влияние актуального психологического состояния на содержание образов представления.

В исследовании приняли участие респонденты обоих полов в возрастном диапазоне от 16 до 55 лет ($M=31$), в количестве 42 человек. Исследование проводилось в онлайн формате. Процедура проходила в несколько этапов. В качестве стимульного материала использовались отрывки из романа И. С. Тургенева «Отцы и дети». Первый художественный отрывок представлял собой красочное описание сельской местности. Перед предъявлением стимульного материала давалась инструкция, как можно лучше представить все образы в процессе чтения. После того, как испытуемые ознакомились с текстом, они должны как можно более подробно описать все образы, которые представились во время прочтения (Не менее 10 образов). Во втором отрывке из романа описывался образ жизни некой княгини, но не уточнялись характеристики ее внешности. Инструкция перед демонстрацией стимульного материала была аналогична первой. После ознакомления с фрагментом испытуемым было необходимо на основании прочитанного текста продолжить описание внешности княгини Р. (Не менее 10 черт). Образы при фантазировании на основе стимульного материала выделялись и классифицировались на основании частоты встречаемости. Критерии, на основе которых можно дифференцировать образы, базируются на существующих классификациях образов представления. На втором этапе испытуемые выполняли задание по стандартной методике Люшера для диагностики актуального психологического состояния [4, с. 38-94].

В качестве критериев для дифференциации образов, которые возникали у респондентов, были выделены следующие: «пространство (детализированное/обобщенное)», «степень динамичности: (статичные/ динамичные)», «наличие эмоционального окрашивания (описательные/ с отношением)», «степень выраженности качественных признаков (отсутствуют/неподробные/ подробные)», «тип образа (предмет/ пространство/ форма/ действие/ признак/ отношение/ запах)».

Первым критерием для классификации было выбрано описание пространства. Пространственные образы, встречающиеся в ответах респондентов, в свою очередь делятся на обобщенные, фон (поля, свинцовое небо, пруды цветут и тд.) и детализированные, конкретные объекты (жемчужные бусы, каменная церковь, женщина пытается набрать воды и тд.). У одних и тех же испытуемых встречаются образы как обобщенные, так и частные. Обобщенные образы более распространены среди испытуемых, они встречаются в 88% случаев, в то время как частные образы встречаются у 60% испытуемых.

Вторым критерием была выбрана динамика, присутствующая в ассоциативных образах, и непосредственные действия, производимые объектами представления. По степени динамики образы дифференцировались на динамичные (женщина пытается набрать воды, поднимается столб пыли и т.д.) и статичные, зачастую просто описательные образы (огромные по-

ля, надломанные ветви, застывшие мужики и т.д.). Количественный анализ показывает, что статичные образы присутствовали у 100% испытуемых, динамичные представлены у 24%.

В процессе обработки результатов наблюдалось, что некоторые образы испытуемые описывают через призму эмоционального состояния, транслируя через них свое отношение к происходящему. Исходя из этого наблюдения, был определен критерий, основанный на присутствии эмоционального отношения испытуемого к тем образам, которые у него возникают. Основываясь на данном критерии, все образы можно разделить на описательные, эмоционально безоценочные (весеннее пасмурное небо, старенькие грязные лошадки, полуразрушенные деревеньки) и эмоционально окрашенные, с наличием отношения (он очень печален, унылая зима, «уставшие» деревья, пугающая безысходность). Количественный анализ образов выявил 86% описательных образов и 62% с наличием отношения к образу.

Следующая классификация строилась на степени присутствия качественных признаков. Перечисление предметов и состояний оценивалось как отсутствие качественных признаков, наличие 1-2 качественных признаков при описании образа оценивалось как «неподробное», более двух качественных признаков, а также всевозможные средства выразительности оценивались как «подробно». Отсутствие качественных характеристик в образах было отмечено у 29% испытуемых, у 45% ассоциативные образы описаны непоздно, 26% испытуемых подробно описали образы на основании прочитанного стимульного материала.

Классификация по типу описываемого образа строилась на основании частоты встречаемости. Таким образом, были выделены следующие типы и соответствующий количественный анализ частоты встречаемости: а) отдельный объект (64%); б) пространство/фон (71%); в) форма (60%); г) действие (26%); д) признак (74%); е) оценка (71%); ж) запах (3%).

Так как фантазийное пространство направлено на удовлетворение эго-потребностей личности и позволяет проживать социально неприемлемые ситуации, прослеживается связь между формированием образов фантазирования и актуальным состоянием психики.

По результатам исследования на основании показателя тревожности испытуемые были разделены на четыре группы: 1) «отсутствует» – 13 человек (31%); 2) незначительный – 20 человек (48%); 3) напряженность 5 человек (12%); 4) дезадаптация – 3 человека (7%), 5) отсутствуют данные – 1 человек (2%).

На основании результатов двух опросников была проведена корреляция частоты встречаемости образов определенного типа и показателя тревожности. Исходя из результатов, можно выделить определенные тенденции доминирующих образов среди группы. Однако, сделать вывод о том, что для определенного показателя тревожности характерны одни и те же образы нельзя. Результаты проведенной корреляции доминирующих образов с их актуальным состоянием, а в частности показателем тревожности, не демонстрируют предполагаемой зависимости. Показатель тревожности не влияет на предпочтение образов представления при фантазировании.

В результате проведенного исследования были выделены критерии для классификации образов представления ФОР. Основываясь на полученные в ходе исследования данные, можно сделать вывод, что в целом испытуемые склонны к статичным и обобщенным образам, которые умеренно наделены качественными признаками.

В результате проведенной корреляции доминирующих образов с их актуальным состоянием, а в частности показателем тревожности, не выявлено зависимости. Исходя из этого факта, можно предположить, что то, какими образами оперируют люди в своих фантазиях, зависит в большей степени от их перцептивного и эмоционального опыта. Фантазийное пространство образуется не стихийно, а последовательно, в течение всей жизни накапливает материал, которым в последствие оперирует. Фантазийный мир невозможно принудить строиться определенным образом в одночасье, он всегда будет индивидуальным, доступным лишь своему обладателю. Практическая значимость исследования состоит в более детальном изучении повседневного фантазирования, а в частности фантазирования с опорой на текст. Перспективой дальнейшей работы в данном направлении является исследования взаимосвязи вторичных образов фантазирования и предшествующего эмоционального и перцептивного опыта.

Список литературы и источников

1. Веккер Л.М. Психика и реальность: единая теория психических процессов. – М.: Смысл, 1998.
2. Осорина М.В., Чечик А.А. Исследование повседневного фантазирования взрослых. Часть I: Подход и методы. // Вестн. С. – Петерб. ун-та. Сер. 16. 2013. Вып. 3.
3. Осорина М.В., Чечик А.А. Исследование повседневного фантазирования взрослых. Часть II: результаты апробации методов сбора и обработки Эмпирического материала // Вестн. С. – Петерб. ун-та. – Сер. 16. – 2013. – Вып. 4.
4. Люшер М. Цветовой тест Люшера. Изд-во Эксмо-пресс, 2002.

Murtazina D.R.

Samara National Research University

Classification of representation images in fantasizing based on text

Abstract. The article presents the results of research of everyday fantasizing based on text. The product of the fantasy process is mental representation and mental experiencing of situations of a subject's interest, during which the subject is able to intellectual and emotional processing of the presented material according to his/her personal goals. The author worked out the typology of representation images during fantasizing based on text founded on frequency in respondents' responses. In the formation of the text's projection, the projections of psyche, perceptual and emotional experience of a person play an important role. The researcher examines the influence of actual actual psychological state on fantasy images, because fantasy space enables a person to satisfy ego-needs and mental experiencing of situations of a subject's interest.

Keywords: representation, imagination, everyday fantasizing, fantasizing based on the text, actual psychological state.

СИСТЕМНЫЙ СЕМЕЙНЫЙ ТЕСТ ГЕРИНГА

Аннотация. В статье рассматриваются разработка и перспективы совместного применения системного семейного теста Геринга для супружеских пар. Дается описание авторской модификации теста FAST. Приведены результаты эмпирической части исследования, проводившейся на супружеских парах.

Ключевые слова: тест Геринга FAST, супружеская пара, методы исследования супружеских пар, авторская модификация теста, совместное применение.

Актуальность данного исследования состоит в разработке совместного применения теста Геринга (FAST). Целью является изучение возможности выявления уровней согласованности репрезентаций и определение их взаимосвязи с удовлетворенностью браком. Предполагается, что чем выше согласованность репрезентаций супругов в парном тесте Геринга, тем выше удовлетворенность браком.

Так как тест Геринга представляет собой методику, основанную на структурном системном семейном подходе, в теоретической части мы рассмотрели 2 аспекта изучения семьи – жизненный цикл и исторический контекст. Жизненный цикл – это некая последовательность смены событий и стадий, которые проходит любая семья. Исторический контекст – череда событий, происходящих с семьей, посредством которых с течением времени складывается структура и функционирование семьи.

Индивидуальное применение системного семейного теста Геринга позволяет выявить иерархию, сплоченность, эмоциональную близость семейной системы и гибкость семейной структуры. Материал теста включает в себя: доску, разделенную на 81 квадрат (9 X 9); женские и мужские фигурки, на каждой из которых условно изображены глаза; цилиндрические блоки высотой 1,5; 3 и 4,5 см. Имеется три репрезентации теста. Первая отражает типичную структуру в семейной системе, таким образом тестируемые осуществляют расстановку фигур в соответствии с обыденной жизнью семьи. Вторая отражает конфликтную ситуацию и третья – идеальную структуру. Проведение системного семейного теста Геринга состоит из 4 этапов: 1) краткий сбор сведений о семье; 2) фиксация 3 репрезентаций; 3) фиксация поведения; 4) интервью после каждой репрезентации.

В исследовании приняло участие 14 человек (7 супружеских пар). Возраст испытуемых был от 20 до 53 лет. Паре предлагалось одновременно на разных досках сделать расстановку 3 репрезентаций. Результаты были занесены в бланк с ответами. После завершения теста с испытуемыми проводилось интервью об удовлетворенности семейной жизнью.

На основании полученных эмпирическим путем данных были выявлены супружеские пары с низким, средним и высоким уровнями согласованности репрезентаций. Уровень согласованности выявлялся на основе количества совпадающих репрезентаций: 0 совпадений – низкий уровень; 1-2 совпадения – средний; 3 совпадения – высокий. Стоит отметить, что согласованностью репрезентаций считается совпадение общего рисунка. После соотнесения уровней

согласованности репрезентаций с результатами интервью были выявлены результаты: у 5 из 7 семей уровень согласованности сходится с уровнем удовлетворенности семейным браком.

Выводы:

1. Совместное применение системного семейного теста Геринга позволяет выявить уровень согласованности репрезентаций между супругами.

2. Уровень согласованности репрезентаций определяется количеством совпадающих репрезентаций.

3. Чем выше согласованность репрезентаций супругов в парном тесте FAST, тем выше удовлетворенность браком. Следует также отметить, что в научной литературе нет описания коэффициентов, которые могли бы количественно отражать уровень сплоченности, иерархии, эмоциональной близости и гибкости семейной структуры. Что намечает ход дальнейших исследований системного семейного теста Геринга.

Список литературы и источников

1. Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология: учебник для вузов. – М.: ЮНИТИ, 2000. – 551 с.

2. Бебчук М. А., Рихмаер Е. А. Практическая психодиагностика семьи. – М., Изд-во Бионика, 2012. – 148 с.

3. Варга А. Я., Драбкина Т. С. Системная семейная психотерапия. – СПб.: Речь, 2001. – 144 с.

4. Витакер К. Танцы с семьей. – М.: «Класс», 1999.

5. Коржевич И.Л. Тест Т. Геринга FAST как комплексный метод исследования малых групп https://lib.herzen.spb.ru/media/magazines/contents/1/178/korzhevich_178_189_195.pdf

6. Малёнова А.Ю., Белогур Е.В. Половозрастные особенности отношений детей к старшим и младшим сиблингам. Вестник Омского университета. Серия «Психология». – 2008. – №1. – С. 48-58.

7. Махлин Е.В. Что скрывается за семейным проклятием и венцом безбрачия? https://familyland.ru/library/publicarticle/publicarticle_60.html

8. Системная семейная психотерапия / Под ред. Э. Г. Эйдемиллера. – СПб.: Питер, 2002. – 368 с.: ил. – (Серия «Практикум по психотерапии»).

9. Теория семейных систем Мюррея Боуэна: Основные понятия, методы и клиническая практика. М.: «Когито-центр», 2005.

10. Франке-Брайсон У. Когда я закрываю глаза, я вижу тебя. – ИКСР, 2017. – 192с.

11. Хьелл П., Зиглер Д. Теории личности. – 3-е изд. – СПб.: Питер, 2008. – 607 с.

12. Черников А.В. Системная семейная терапия: Интегративная модель диагностики. – Изд. 3-е, испр. и доп. – М.: Независимая фирма “Класс”, 2001. – 208 с.

Nishchuk K.O.

Samara National Research University

Gehring's systemic family test

Abstract. The author considers developments and prospects of joint application of Gehring's test FAST for married couples. The article presents author's modification of the test and empirical research results.

Key words: Gehring's test FAST, married couple, research methods for married couples, author's modification of the test, joint application.

МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ КРОСС-КУЛЬТУРНОГО ПОТЕНЦИАЛА СТУДЕНТА

Аннотация. В статье рассматриваются основные компоненты кросс-культурного потенциала студентов, а также методика его исследования, для чего используются методы, позволяющие получить представления как об экзистенциальных, смысложизненных и ценностных ориентациях студентов, их самоактуализации, так и методики диагностики рефлексивности и самосознания, направленные на изучение духовных способностей студентов. При этом особое внимание уделяется рефлексивности, так как одной из важнейших ее функций является структурирование осознаваемых субъектом психических свойств и возможность их коррекции.

Ключевые слова: кросс-культурный потенциал, культура, ценности, ценностные ориентации, способности, понимание.

1. Кросс-культурный потенциал студента может быть представлен в виде результатов его смысловой (культурной, кросс-культурной) деятельности, предполагающей освоение различных вариантов, способов осмысления, смыслообразования и смыслополагания, построения смысловых связей и конфигураций. Кросс-культурный потенциал студента подвержен изменениям, он не дан человеку от рождения, а формируется и развивается в процессе его культуры. В основе потенциала лежат, прежде всего, внутренние ресурсы студента, его свойства, способности, ценности и т.д.

Кросс-культурный потенциал студента включает в себя следующие компоненты: 1) результат (опыт) его смысловой (культурной, кросс-культурной) деятельности, 2) его способности осуществлять и развивать кросс-культурную деятельность (способности понимать (осмыслять, выявлять и реконструировать уже известные смыслы и порождать свои собственные), а также связанные со смыслообразованием рефлексивные и креативные способности), 3) ценностно-ориентационный компонент его смысловой деятельности, который наряду с опытом и способностями студента находит выражение в построении им различных отношений в процессе жизнедеятельности [11].

Опыт кросс-культурной деятельности студента лежит в основе и проявляется в процессе его творческой деятельности по изменению, развитию культуры и общества. Отсюда формирование опыта культурной и кросс-культурной деятельности предполагает освоение определенных принципов, способов, механизмов культурной деятельности студента как субъекта, направленных как на воспроизводство, так и на расширение культурного пространства (поля смыслов), в том числе через творческую деятельность субъекта культуры. Вместе с тем, жизнедеятельность субъекта, его рефлексия над ней соединяются в переживании, кото-

рое невозможно без ценностного аспекта, организующего его опыт в соответствии со смысловыми установками. Приобретаемый в ходе жизни опыт позволяет субъекту определить, что значимо, имеет для него смысл.

Кроме опыта смысловой деятельности кросс-культурный потенциал студента как субъекта включает его духовные способности, выступающие в качестве механизма реализации деятельности и составляющие ее базовые элементы, операциональный фундамент. Речь идет о способности креативности, рефлексивности и, прежде всего, понимания (осмысления, смыслообразования, смыслополагания). Развитие способности к пониманию через смыслообразование, смыслополагание как основную характеристику культуры непосредственным образом связана с развитием кросс-культурного потенциала и шире - культурного потенциала субъекта, что становится основанием для развития самой культуры. Смысловая и творческая деятельность субъекта, направленная на развитие культуры, преодоление переходного периода в жизни общества, формирование нового типа отношений, предполагают развитие у субъекта не только креативных и смыслообразующих способностей, но и рефлексивных, призванных обеспечивать процессы творчества и смыслообразования.

Еще одной составляющей кросс-культурного потенциала студента является ценностно-ориентационный компонент смысловой деятельности. Именно в культурной деятельности закрепляются культурные нормы, т.е. правила, выражающие представления о желаемом результате или идеале. Ценности и нормы образуют единые комплексы - нормативно-ценностные системы, в которых и аккумулируется опыт.

2. Чтобы получить представление о результатах своей педагогической деятельности по формированию кросс-культурного потенциала студентов, преподаватель вуза должен иметь представление об имеющемся у них опыте смысловой (кросс-культурной) деятельности, необходимых для ее осуществления способностях и ценностных ориентациях. Решение данной задачи требует отобрать такие методы научно-педагогических исследований, с помощью которых становится возможным определить субъектность, смысложизненные и ценностные ориентации студента, его отношение как к своей, национальной культуре, так и к иной культуре (например, культуре народа изучаемого языка), имеющийся смысловой опыт и составляющие его знания, причем знания студента изучаются опосредованно, через смысложизненные и ценностные ориентации (т.к. знания являются их неотъемлемой частью).

Важным моментом в проведении исследования является изучение студента с точки зрения динамических процессов его формирования и развития как существующего. «Существующего, как подчеркивает В.В. Знаков, - значит, человека, обладающего активной субъектной сущностью», который делает жизненно важные экзистенциальные выборы и принимает на себя ответственность за них, основанную на его представлениях о должном [1, с. 290]. Экзистенциальный выбор субъекта, основанный на осознанном долженствовании, невозможен без актуализации его глубинных ценностно-смысловых образований.

В этой связи при проведении научно-педагогического исследования по изучению кросс-культурного потенциала студентов необходимо использовать методики, позволяющие получить представления как об экзистенциальных, смысложизненных и ценностных ориентациях студентов, их самоактуализации, так и методики диагностики рефлексивности и самосознания, направленные на изучение духовных способностей студентов. При этом особое внимание должно уделяться рефлексивности, так как одной из важнейших ее функций явля-

ется структурирование осознаваемых субъектом психических свойств и возможность их коррекции. Рефлексивность, по А.В. Карпову, «раскрывается как такое качество субъекта, суть которого состоит в его способности к экспликации, выявлению, «распознании», а - в известной мере - и в формировании других свойств и качеств, к их осознанию и репрезентации как своих и образующих его «самость», то есть субъектность как таковую» [4, с. 55].

3. Выбор методов исследования обусловлен теоретическими положениями о сущности и содержании кросс-культурного потенциала студента как субъекта культуры. Их совокупность должна давать целостное представление об уровне кросс-культурного потенциала студентов, обеспечивать взаимосвязь эмпирического и теоретического знания. Среди методик, которые могут быть использованы в ходе исследования, необходимо отметить следующие: «Тест смысложизненных ориентаций» (СЖО) Д.А.Леонтьева [6], применяемый для изучения личностного потенциала, «Тест на диагностику творческого потенциала и креативности» (Е.И. Рогов) [10], «Методика диагностики рефлексивности» А.В. Карпова [3] и «Дифференциальный тест рефлексии» (ДТР) Д.А. Леонтьева и Е.Н. Осина [9], чьи показатели взаимосвязаны и отражают развитие у субъекта системной рефлексии, связанной с рефлексией актуальной деятельности, а также методика В.А. Ядова «Ценностные ориентации» [12], по аналогии с которой студентам может быть предложен для ранжирования список универсальных ценностей, выделенных С. Шварцем в ходе кросс-культурных исследований в двадцати культурах [13].

«Тест смысложизненных ориентаций» (СЖО) является адаптированной Д.А. Леонтьевым версией теста «Цель в жизни» Дж. Крамбо и Л. Махолика. Методика была разработана авторами на основе теории стремления к смыслу В. Франкла. В процессе факторного анализа полученных результатов использования оригинальной методики Д.А. Леонтьевым было выделено 6 факторов:

«цели в жизни», т.е. наличие жизненных целей, призвания, намерений в жизни,

«верность ложному пути» (ответственность за выполнение возложенных обязанностей даже при наличии внутреннего протеста),

«интерес и эмоциональная насыщенность жизни»,

«удовлетворенность самореализацией» (выражает ощущение успешности осуществления самого себя в жизни и повседневной деятельности),

«Я - хозяин жизни» (выражает ощущение человеком его способности влиять на ход собственной жизни),

«управляемость жизни» (выражает уверенность в принципиальной возможности самостоятельного осуществления жизненного выбора).

Полученные факторы (за исключением второго) рассматриваются как составляющие смысла жизни человека. При этом они разбиваются на две группы. В первую входят собственно смысложизненные ориентации: цели в жизни, насыщенность жизни и удовлетворенность самореализацией. Эти три категории соотносятся с целью (будущим), процессом (настоящим) и результатом (прошлым). Два оставшихся фактора характеризуют внутренний локус контроля, с которым осмысленность жизни тесно связана, причем один из них характеризует общее мировоззренческое убеждение в том, что контроль возможен, а второй отражает веру в собственную способность осуществлять такой контроль (образ Я) [5, с. 301-316]. Результаты факторного анализа позволили преобразовать методику в многомерный тест

смыслоразнозначных ориентаций, включающий, наряду с общим показателем осмысленности жизни, также пять субшкал, отражающих три конкретных смыслоразнозначных ориентации и два аспекта локуса контроля [6, с. 14-15].

Для исследования кросс-культурного потенциала студентов, наряду с выявлением их смыслоразнозначных ориентаций, важное значение имеет определение их ценностных ориентаций, которое осуществлялось с помощью методики «Ценностные ориентации» В.А. Ядова [12, с. 208-209]. Использование данной методики основано на выборе студентами по субъективной для них значимости ценностей родной культуры и культуры народа изучаемого языка и последующего их ранжирования. При этом студентам предлагается список из 10 универсальных ценностей, выделенных С. Шварцем в ходе кросс-культурных исследований в двадцати культурах. Другими словами, использование методики В.А. Ядова связано с ее сутью, а не содержанием, которое в методике ученого составляют ценности-цели и ценности-средства.

В результате масштабных исследований С. Шварц определил, что содержание ценностной системы относительно независимо от культурных влияний и на индивидуальном уровне включает в себя 10 основных ценностных категорий:

самостоятельность (свобода, творчество, смелость, независимость, выбор собственных целей),

стимуляция (разнообразие жизни, отвага, яркость впечатлений),

гедонизм (наслаждение, удовольствие),

достижение (амбиции, успех, способности, влияние),

власть (авторитет, социальная значимость, влияние, благосостояние),

безопасность (социальный порядок, семейная безопасность, национальная безопасность, чувство принадлежности, здоровье),

конформизм (долг, самодисциплина, вежливость, гордость родителями и старшими),

традиции (уважение традиций, скромность, принятие своего места в жизни, благочестие, смирение),

щедрость (помощь, лояльность, прощение, честность, ответственность, истинная дружба, зрелая любовь),

универсализм (широта мышления, равенство, поклонение природе и прекрасному, мудрость, защита окружающей среды).

Исследование рефлексивных способностей студентов может быть проведено на основе «Методики диагностики рефлексивности» А.В. Карпова, который рассматривает рефлексию «как важнейшую регулятивную составляющую личности, позволяющую ей сознательно выстраивать свою жизнедеятельность» [3, с. 77]. Как подчеркивает ученый, «параметр рефлексивности в целом является не просто очень важным в плане обеспечения деятельности и поведения, а часто – основным и наиболее специфическим. Именно он придает сложность, многогранность, противоречивость и в конечном счете – уникальность тому, что обычно обозначается понятием «осознанная, произвольная регуляция деятельности» [3, с. 120]. Рефлексивность лежит в основании субъектности человека, позволяет ему оказывать влияние на собственную деятельность, регулировать ее.

Еще одной методикой исследования рефлексивности, взаимосвязанной с методикой А.В. Карпова, является «Дифференциальный тест рефлексии» (ДТР), разработанный

Д.А. Леонтьевым и Е.Н. Осиним. Под рефлексией авторы понимают способность человека произвольно обращать сознание на самого себя. Это понятие содержит в себе два момента: механизм произвольного манипулирования идеальными содержаниями в умственном плане и направленность этого процесса на самого себя как на объект рефлексии. Именно единство этих двух аспектов образует полноценное рефлексивное отношение в узком смысле слова, с которым связывается переход на уровень самодетерминации [9, с. 114].

При апробации опросника ДТР было показано существование нескольких качественно специфических видов рефлексии, различающихся по характеру направленности сознания. Полному отсутствию самоконтроля, сосредоточенности лишь на внешнем интенциональном объекте («арефлексия») противопоставляется: 1) интроспекция (самокопание), связанная с сосредоточенностью на собственном состоянии, собственных переживаниях; 2) системная рефлексия, связанная с отстранением, самодистанцированием и взглядом на себя со стороны, позволяющая охватить одновременно полюс субъекта и полюс объекта; 3) квазирефлексия, направленная на сторонний объект, не имеющий отношения к актуальной жизненной ситуации и приводящая к уходу из актуальной ситуации бытия в мире [8, с. 347].

Несмотря на то, что все три вида рефлексии взаимосвязаны, системная рефлексия наиболее тесно связана с рефлексивностью и самодетерминацией субъекта, тогда как интроспекция и квазирефлексия обнаружили связи с негативным самоотношением и низкой осмысленностью жизни [7]. В этой связи именно показатель системной рефлексии может быть использован для определения уровня кросс-культурного потенциала студента.

Кроме изучения рефлексивных способностей студентов необходимо исследование их креативных способностей, например, с использованием Теста на диагностику творческого потенциала и креативности Е.И. Рогова. В работе Е.П. Ильина креативность определяется как системное (многоуровневое, многомерное) психическое образование, которое не только включает интеллектуальный потенциал, но и связано с мотивацией, эмоциями, уровнем эстетического развития, экзистенциальными, коммуникативными параметрами и т.д. [2, с. 159]. Креативность можно рассматривать как динамическое свойство субъекта, позволяющее ему эффективно использовать имеющийся опыт для успешного взаимодействия с представителями других культур, понимания их за счет активизации и развития творческого потенциала. Данное свойство субъекта проявляется в его гибкости, быстрой адаптации к инокультурной среде, умении мобилизоваться в неожиданных ситуациях, оригинально решать возникающие проблемы и ориентации на ценностное отношение в кросс-культурном взаимодействии.

Используемая литература и источники

1. Знаков, В.В. Психология понимания: Проблемы и перспективы / В.В. Знаков. – М.: Институт психологии РАН, 2005. – 448 с.
2. Ильин, Е.П. Психология творчества, креативности, одаренности / Е.П. Ильин. – СПб., 2009. – 444 с.
3. Карпов, А.В. Психология рефлексивных механизмов деятельности / А.В. Карпов. – М.: Институт психологии РАН, 2004. – 424 с.
4. Карпов, А.В. Рефлексивность как психическое свойство и методика ее диагностики / А.В. Карпов // Психологический журнал. – 2003. – Т. 24. – № 5. – С. 45-57.

5. Леонтьев, Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности / Д.А. Леонтьев. – М.: Смысл, 2003. – 487 с.
6. Леонтьев, Д.А. Тест смысло-жизненных ориентаций (СЖО) / Д.А. Леонтьев. – М.: Смысл, 2000. – 18 с.
7. Леонтьев, Д. А. Разработка методики дифференциальной диагностики рефлексивности / Д. А. Леонтьев, Е. М. Лаптева, Е. Н. Осин, А. Ж. Салихова // Рефлексивные процессы и управление: сборник материалов VII Международного симпозиума / под ред. В. Е. Лепского. – М.: Когито–Центр, 2009. – С. 145-150.
8. Леонтьев, Д.А. Методологические и методические вопросы эмпирического изучения и диагностики личностного потенциала / Д.А. Леонтьев, Е.Н. Осин // Личностный потенциал. Структура и диагностика. – М.: НПФ «Смысл», 2011. – С. 338-390.
9. Леонтьев, Д.А. Рефлексия «хорошая» и «дурная»: от объяснительной модели к дифференциальной диагностике / Д.А. Леонтьев, Е.Н. Осин // Психология. Журнал Высшей школы экономики. - 2014. – Т. 11. – №4. – С. 110-135.
10. Рогов, Е.И. Настольная книга практического психолога: Учеб. пособие: В 2 кн. Кн. 2: Работа психолога со взрослыми. Коррекционные приемы и упражнения / Е.И. Рогов. – М.: ВЛАДОС, 1999. – 480 с.
11. Рощупкин, В.Г. Содержание кросс-культурного потенциала студента как субъекта культуры / В.Г. Рощупкин // Мир науки. Педагогика и психология, 2020. – №3. – <https://mir-nauki.com/PDF/80PDMN320.pdf> (доступ свободный).
12. Ядов, В.А. Социологическое исследование: Методология, программа, методы / В.А. Ядов. – Самара: СамГПУ, 1995. – 332 с.
13. Schwartz S.H. Universals in the content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries // *Advances in Experimental Social Psychology*. – N.Y., 1992. – Vol. 25. – P. 11-66.

Vitaliy G. Roshchupkin

*Ph.D., associate professor, Department of General History,
International Relations and Documentation Management
Samara National Research University*

Methods for studying the cross-cultural potential of a student

Abstract. The article discusses the main components of the cross-cultural potential of students, as well as the methodology for its study. Methods are used to get ideas about both the existential, life-meaning and value orientations of students, their self-actualization, as well as methods for diagnosing reflexivity and self-awareness, aimed at studying the spiritual abilities of students. At the same time, special attention is paid to reflexivity, since one of its most important functions is the structuring of mental properties perceived by the subject and the possibility of their correction.

Keywords: cross-cultural potential, culture, value, value orientations, abilities, understanding.